Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЁНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

ISSN 1726-5223

РОССИЙСКАЯ• АКАДЕМИЯ• НАУК
RUSSIAN • ACADEMY • OF • SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(65)

В НОМЕРЕ:

In This Issue:

Кризис и повседневная жизнь в России
The Crisis and Everyday Life in Russia

Сакрализация верховной власти в России
Sacralization of Supreme Authority in Russia

Коррупция в России
Corruption in Russia

Наркотизация населения России
Narcotization of Russia's Population

Инновационное развитие: Проблемы и стратегии
Innovation Development: Problems and Strategies

МОСКВА
2009

© ИНИОН РАН

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М.К. Горшков
Российская повседневность в условиях кризиса: Социологическое измерение. (Десять тезисов) **5**

И.И. Глебова
Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен **23**

В.Н. Бабенко
Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? **44**

А.Г. Осипов
Этническая дискриминация: Профили и практика (пример Ставропольского края) **62**

А.А. Нелюбин
Наркотизация населения России – угроза ее национальной безопасности **77**

Д.Б. Дондурей
Кризис и ТВ как фабрика смыслов **89**

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

А.А. Зыков, М.Ю. Шинковский
Россия в системе трансграничного сотрудничества АТР: Поиск пути **98**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

M.K. Gorshkov
Russian Everyday Life in the Crisis Conditions: A Sociological Aspect. (Ten Theses) **5**

I.I. Glebova
Sacralization of Supreme Authority in Russia as a Cultural and Historical Phenomenon **23**

V.N. Babenko
Corruption in Russia: From Traditions and Customs to a Mode of Life? **44**

A.G. Osipov
Ethnic Discrimination: Profiles and Practices (case study of Stavropol Territory) **62**

A.A. Nelyubin
Narcotization of Russia's Population – A Threat to National Security **77**

D.B. Dondurey
The Crisis and TV as a Factory of Notions **89**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

A.A. Zykov, M.Yu. Shinkovsky
Russia in the System of Transborder Collaboration in the Asian Pacific: In Search of Its Own Way **98**

ВЫЗОВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Е.Б. Ленчук
Россия в условиях глобальных технологических вызовов **111**

В.П. Шуйский
Экспортный потенциал интеллектуальных секторов российской экономики **127**

А.Б. Чикалов
Инновационное развитие России, стран «большой семерки» и Китая **147**

Е.П. Смирнов
Инновации: На пути к стратегической политике **157**

А.В. Алексеев
Инновационный процесс и налоговая система России: Кто кого? **169**

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

С.В. Беспалов
П.Б. Струве о капиталистическом развитии России на рубеже XIX–XX веков **179**

Л.И. Розенберг
Принцип национального амоопределения и образование независимых государств Прибалтике (Эстония и Латвия, 1918–1920 гг.) **192**

Д.Г. Шкаев
Менталитет молодежи и проблемы социальной траектории в условиях рынка труда **205**

Ю.А. Харламова **217**

CHALLENGES OF INNOVATION DEVELOPMENT

Ye.B. Lenchuk
Russia in the Conditions of Global Technological Challenges **111**

V.P. Shuisky
Export Potential of the Russian Economy's Intellectual Sectors **127**

A.B. Chikalov
The Innovation Development of Russia, «Big Seven» and China **147**

Ye.P. Smirnov
Innovations: On the Way to a Strategic Policy **157**

A.V. Alexeev
The Innovation Process and the Russian Tax System: Whose Upper Hand? **169**

COMMUNICATIONS, REFLECTIONS, NOTES

S.V. Bespalov
P.B. Struve on the Capitalist Path of Russia's Development on the Threshold of the 20th Century **179**

L.I. Rosenberg
The Principle of Self-Determination and the Formation of Independent States in the Baltic Region (Estonia and Latvia, 1918–1920) **192**

D.G. Shkaev
The Mentality of Youth and the Problems of Social Trajectories in the Labor Market Conditions **205**

Yu.A. Kharlamova **217**

Российский железнодорожный комплекс: Геостратегическое измерение
Н.Е. Болтенкова
Новые виды лизинга в российской экономике

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Р. Герра
Несостоявшийся диалог. (Французская интеллигенция и русские писатели-эмигранты)

А.В. Попов
Библиотеки православной церкви в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и США

У. Миллер
«Русские корни» израильских библиотек

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Р.Н. Клейменова
Музей В.И. Даля

В.В. Леонидов
Возвращение Библиотеки им. А.П. Будберга

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Алтман Р.С.
Великий кризис, 2008: Геополитический регресс для Запада

Ламбсдорф Й., Бек Л.
Коррупция как тормоз роста

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

The Russian Railway Complex: A Geostrategic Aspect **226**
N.Ye. Boltenkova
New Types of Leasing in the Russian Economy

FACTS. EVENTS. PEOPLE

232 *R. Guerra*
The Dialogue that Never Came True

240 *A.V. Popov*
Libraries of the Orthodox Church in the Asian Pacific Countries and the United States

254 *U. Miller*
The «Russian Roots» of the Israeli Libraries

266 **SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE**

R.N. Kleymenova
The V.I. Dahl Museum

271 *V.V. Leonidov*
The Return of the A.P. Budberg Library

SURVEYS. DIGESTS

274 *Altman R.S.*
The Great Crash, 2008: A geopolitical Setback for the West

277 *Lambsdorf J., Beck L.*
Korruption als Wachstumsbremse **281**

ANNOTATIONS OF ARTICLES IN THE CURRENT ISSUE

CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2009 г.

WORLD» FOR 2009

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М.К. Горшков

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. (ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ)

Горшков Михаил Константинович – член-корреспондент РАН, директор Института социологии РАН.

Что такое повседневность? Существует огромное количество и чисто обыденных, и сугубо философских, социологических объяснений данного понятия. В контексте житейской трактовки повседневность – это привычные, повторяющиеся формы жизнедеятельности человека, при которых происходит реализация его насущных потребностей. С позиции наиболее распространенной научной интерпретации, повседневность понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который развертывается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. При этом для более четкого водораздела между повседневностью и всем тем, что лежит за ее границами, повседневность противопоставляется: как будни – празднику; как общедоступные формы деятельности – высоким специализированным ее формам; как жизненная рутина – мгновениям острого психологического напряжения;
как действительность – идеалу[1].

В условиях многолетней сложившейся повседневности, когда она еще и сопровождается стабильным социально-экономическим развитием общества, бóльшую часть населения мало чем можно отвлечь от привычной жизненной рутины. Когда рушатся сложившиеся типологические каноны повседневной реальности, хотя бы отчасти или в отдельных сферах жизни, то возникают вопросы: что же происходит с людьми и обществом в целом? Как все то, что стало ранее предметом «оповседневливания», начинает сочетаться и взаимодействовать с качественно новыми, стремительно привнесенными реалиями жизни? Скажем, с такими, которые связаны с глобальным

1. См.: Социологическая энциклопедия. – М., 2003. – Т. 2. – С. 200.

финансово-экономическим кризисом? Как различные слои населения начинают (и начинают ли?) адаптироваться к кризисному порядку повседневности? И меняется ли мотивация их поведения в различных сферах жизнедеятельности, да и вообще – воздействует ли «кризисный тип» повседневности на смену жизненных стратегий людей?

Чтобы попытаться ответить на эти и подобные вопросы одних абстрактно-теоретических умозаключений явно недостаточно. Необходимо наличие практического, эмпирического материала, который можно получить только при осуществлении масштабного комплексного социологического исследования, причем охватывающего различные сферы жизнедеятельности людей. Именно такое исследование и было проведено в феврале 2009 г. Институтом социологии Российской академии наук (ИС РАН) в сотрудничестве с Представительством фонда им. Ф. Эберта в РФ.

Исследование проведено по общероссийской квотной выборке, охватившей 1750 респондентов от 18 лет и старше в 12 территориально-экономических районах РФ (согласно районированию Росстата), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Соблюдались общероссийские параметры квот по полу, возрасту, социально-профессиональной принадлежности и типу поселения. В соответствии с имеющимися статистическими данными и задачами исследования опрос проводился среди следующих социально-профессиональных групп населения: рабочих предприятий, шахт и строек, инженерно-технической интеллигенции, гуманитарной и творческой интеллигенции, служащих, работников сферы бытовых и интеллектуальных услуг, военнослужащих, предпринимателей малого и среднего бизнеса, студентов вузов, пенсионеров, работников села.

Проведенное исследование в целом показало: российская повседневность как устоявшаяся действительность, несмотря на влияние глобального финансово-экономического кризиса, мало в чем претерпела существенные изменения сравнительно с докризисным периодом. Хотя значительная доля населения ощутила на себе (на момент исследования) горечь потерь, тем не менее привычные способы и условия жизнедеятельности для основной массы россиян остались прежними. Какой же предстала российская повседневность в ее различных сферах в контексте кризиса осени 2008 – зимы 2009 г.? Полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. ***Предметная среда повседневной жизни россиян и до кризиса, и в условиях кризиса была и остается достаточно скромной.*** Это касается и тех жилищных условий, в которых они проживают, и того набора товаров

длительного пользования, который составляет основу их повседневного быта, и их возможностей нормально питаться и одеваться.

Жилища, в которых обитает сегодня средний россиянин, в последние годы стали обеспечивать ему чуть больше простора. Увеличение числа квадратных метров общей площади жилищ, приходящихся на среднего россиянина, обусловлено тем, что каждый пятый житель нашей страны улучшил за период 2003–2009 гг. свои жилищные условия, причем половина сделала это за свой счет, а вторая половина сумела это сделать за счет внерыночных механизмов. Тем не менее и при этой динамике медианным показателем в России является показатель в 17 м^2 на человека. Ситуация же когда на человека приходится 24 и более м^2 общей площади жилища, относится лишь к четверти населения страны, при этом более четверти остального населения имеют менее 12 м^2 общей площади на человека. По-прежнему остается проблемой необходимая благоустроенность этих жилищ и их тип. В отличие от количества квадратных метров, приходящихся на человека, распределение россиян по типам жилищ за последние шесть лет не улучшилось, как и оснащенность их жилищ коммунальными удобствами. В итоге, в условиях, когда на человека одновременно приходится не менее 18 м^2 общей площади и у него есть свое собственное отдельное жилье, имеющее все коммунальные удобства, проживают всего 30% россиян.

2. ***Имущество россиян, составляющее предметную среду их повседневной жизни, меняется довольно быстро и в целом нарастает.*** Наиболее активно за последние шесть лет приобретались мобильные телефоны, компьютеры, мелкая кухонная бытовая техника, цифровые видеокамеры и фотоаппараты (см. табл. 1).

Активно входили в этот период в повседневный быт россиян такие, ранее полностью отсутствовавшие в нем компоненты предметной среды обитания, как спутниковое телевидение, домашние кинотеатры, кондиционеры и т.д. Причем, если кондиционеры приобретает только наиболее обеспеченное население, то спутниковое телевидение и домашние кинотеатры начинают появляться и в массовых социальных слоях (напомним, 5-8 страты – средние слои населения) – уже начиная с 6-й страты, такие предметы пользования имеются не менее чем у каждого десятого их представителя. Таким образом, предметная среда обитания россиян за последние годы изменилась, и изменилась довольно значительно, прежде всего за счет появления в их домах новых высокотехнологичных товаров длительного пользования, ранее для них недоступных.

Наряду с отмеченными позитивными изменениями в оснащенности россиян домашним имуществом прослеживаются и негативные тенденции. Продолжается активная деградация имущественной составляющей жизни двух низших страт, живущих за чертой и у черты бедности (17%). Устарело

имущество еще примерно трети населения, не имеющего возможности для своевременного обновления предметов домашнего обихода даже ценой экономии на текущих расходах – питании и одежде, хотя с последними двумя в предкризисные годы ситуация улучшилась.

Таблица 1

НАЛИЧИЕ ТОВАРОВ ДЛИТЕЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (ТДП)
У РОССИЯН, 2003±2009 гг., %[2]
(проранжировано по наличию соответствующих ТДП в 2009 г.)

Предметы обихода	***2003***	***2009***
1-я группа ТДП (присутствует более чем у 2/3 россиян)		
Холодильник	99	99
Телевизор цветной	95	97
Ковер, палас	93	89
Пылесос	84	89
Стиральная машина (в том числе полуавтомат)	85	87
Мебельный гарнитур (стенка, мягкая мебель или кухонный гарнитур)	82	88
Мобильный телефон	***21***	***83***
Микроволновка, кухонный комбайн, гриль и др. кухонная техника	***39***	***67***
2-я группа ТДП (присутствует более чем у трети россиян)		
Электродрель, электро- или бензопила, другой инструмент	***46***	***55***
Видеомагнитофон	51	49
Компьютер	**19**	**46**
Музыкальный центр	30	42
Отечественный автомобиль	29	34
3-я группа ТДП (присутствует менее чем у трети россиян)		
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	**8**	**28**
Автомобиль-иномарка	**7**	**15**
Морозильная камера	11	13
Мотоцикл, мотороллер	12	11
Антенна спутникового телевидения	**2**	**11**
Домашний кинотеатр	**1**	**9**
Кондиционер	**2**	**6**
Посудомоечная машина	2	4
Импортные тренажеры	2	3

2. Жирным шрифтом выделены ТДП, обеспеченность которыми за последние шесть лет экономического роста выросла более чем вдвое, а жирным курсивом – те, которые отсутствовали в 2003 г. в товарном списке большинства россиян.

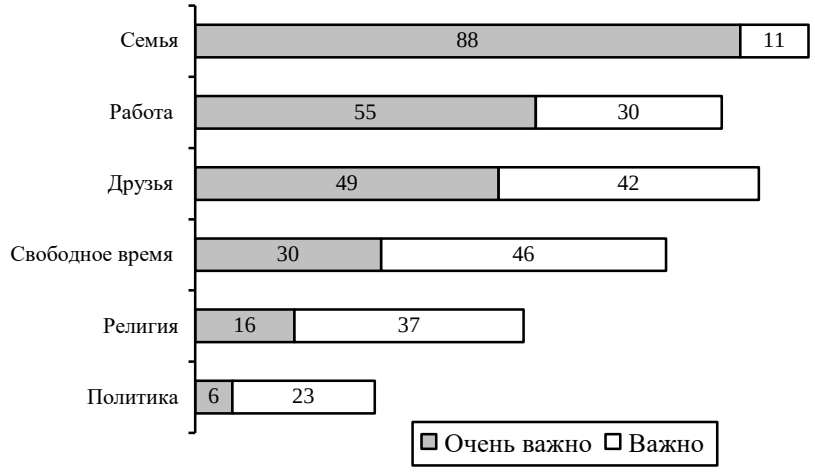
4-я группа ТДП (исчезающие из жизни россиян)		
Телевизор черно-белый	24	11

Примечательные тенденции наблюдаются в последние годы и в плане формирования стандартов предметной среды, составляющей рамочные условия повседневной жизни различных социальных слоев. Практически полностью оказались вытеснены из потребления в верхних двух стратах (9-10 страты) отечественные автомобили. Тем не менее они приобретались, и достаточно активно, менее благополучными слоями населения, и впервые за всю историю доля домохозяйств – владельцев российских автомобилей составила более трети населения. Компьютеры стали нормой жизни практически для всех домохозяйств, имеющих для этого материальные возможности. Активно развивается стилевое потребление, связанное с появлением у значительной части домохозяйств свободных средств. Причем стилевое потребление, как и удовлетворение базовых потребностей в оснащенности домашнего быта, в России характеризуется существенно иными приоритетами, чем, например, в странах Западной Европы.

3. ***Для подавляющего большинства россиян желаемая (идеальная) модель жизни включает хорошую семью, друзей, любимую работу и наличие свободного времени.*** При этом политика как сфера общественной жизни чаще оказывается для россиян скорее несущественной. Наименьшую важность эта сфера жизни имеет для представителей старших возрастных когорт, особенно пенсионеров, проживающих в небольших городах и имеющих средние или ниже средних доходы (см. рис. 1).

Рисунок 1

ДОЛЯ РОССИЯН, СЧИТАЮЩИХ ПРИВЕДЕННЫЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ОЧЕНЬ ВАЖНЫМИ ИЛИ ВАЖНЫМИ, %
(отранжировано по доле ответов «очень важно»)

Интересно сравнить, как соотносятся жизненные приоритеты жителей России с приоритетами, характерными для жителей Западной Европы (на примере Польши) и стран Востока (на примере Китая) (см. табл. 2).

Таблица 2

ДОЛЯ СЧИТАЮЩИХ ПРИВЕДЕННЫЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ОЧЕНЬ ВАЖНЫМИ ДЛЯ СЕБЯ, % ОТ РЕСПОНДЕНТОВ В КАЖДОЙ СТРАНЕ (отранжировано по важности сфер жизни для россиян)

Сферы жизни	***Страна***			
	Россия (2009 г.)	***Германия (2006 г.)***	***Польша (2005 г.)***	***Китай (2007 г.)***
Семья	88	81	94	78
Работа	55	50	62	45
Друзья	49	52	36	29
Свободное время	30	29	30	12
Религия	16	11	48	7
Политика	6	10	6	15

Сопоставительный анализ показывает, что *ближе всего общая модель идеальной жизни у россиян к модели, характерной для жителей Германии.* При этом на первом месте для жителей всех рассматриваемых стран стоит семья. Эту сферу жизни считают важной или очень важной 96–99% населения всех рассматриваемых стран, а очень важной – 78–94%. При этом как очень важную эту сферу жизни отмечают 88% россиян, что ниже, чем в Польше (94%), но выше, чем в Германии и Китае.

На втором месте по доле оценок «очень важно» для жителей Польши и Китая, как и для жителей России, находится работа, по оценкам относительной важности которой Россия оказывается, впрочем, ниже, чем Польша, но выше, чем Китай и Германия. Однако в абсолютных величинах разрыв оказывается наименьшим (всего 5%) между россиянами и жителями Германии.

Далее следуют друзья – по этой позиции Россия оказывается очень близка к Германии (49 и 52% населения в них называют эту сферу жизни очень важной для себя).

По важности свободного времени Россия оказывается близка к обеим рассматриваемым европейским странам – Польше и Германии (29–30% считающих свободное время очень важным), в то время как в Китае эта доля более чем в 2 раза ниже и составляет лишь 12%.

По важности для населения страны религии Россия оказывается в одной группе с Китаем и Германией и противостоит Польше (где религия особо значима).

Наконец, по вопросу о роли политики в их жизни россияне находятся на уровне Польши и близки к жителям Германии; в Китае же роль политики для населения оказывается заметно выше.

Интересно, что о важности для них пять или шесть из перечисленных сфер заявляли более половины (69%) населения Польши, в то время как в остальных странах аналогичная доля оказалась намного ниже – 44% в России, 39 – в Германии (в чем опять прослеживается их близость) и лишь 26% в Китае, для жителей которого характерен суженный спектр жизненных интересов.

Если речь вести о наиболее значимых и жизненно важных для большинства населения устремлений, то они также связаны с семьей, друзьями, с желанием прожить свою жизнь честно и быть не хуже других, с получением хорошего образования и возможностью посетить разные страны мира. Именно эти ценности, судя по данным исследования, являются типичными для россиян и входят в жизненные планы более чем 75% всего населения.

Можно выделить три наиболее представительные модели запроса наших сограждан к жизни. Первую из них представляют молодые и образованные россияне. Они ставят перед собой широкий спектр жизненных целей и верят, что в их силах осуществить хотя бы часть из них. Противоположная модель, характерная для пожилых и менее образованных людей, отличается наличием в жизненных планах очень ограниченного количества приоритетов. К третьей наиболее типичной модели относится большинство россиян всех возрастов и уровней образования, ориентированных на семью, друзей, интересную и любимую работу, хорошее образование, досуг и соблюдение базовых этических норм. Для них также характерно отсутствие таких целей как создание собственного бизнеса, доступ к власти, попадание в определенный круг людей, карьера, т.е. отсутствие так называемых достижительных установок.

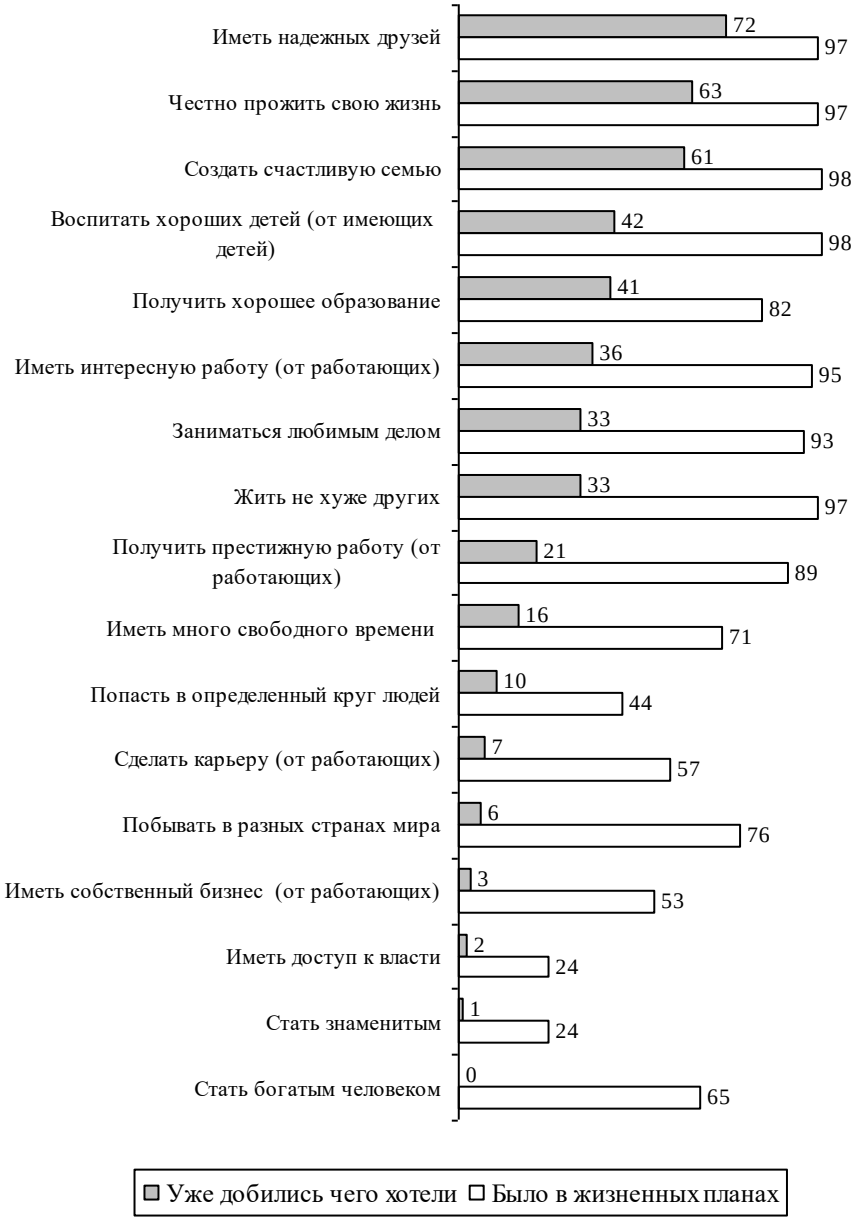
Примечательно, что такие важные жизненные цели как стремление иметь хороших друзей, честно прожить свою жизнь, создать счастливую семью, воспитать хороших детей, уже реализовали более половины россиян. Однако в других, достаточно распространенных жизненных планах уровень реальных достижений россиян оказывается ниже. Так, имеют интересную работу и занимаются любимым делом лишь около трети россиян – при том, что в свои жизненные планы эти цели включают более 90% населения. Жить не хуже других удается лишь трети всех тех, кто хотел бы этого добиться. Получить

хорошее образование смогли только половина из тех, кто включает это в свои жизненные приоритеты (см. рис. 2).

Рисунок 2

УРОВЕНЬ ДОСТИЖЕНИЙ РОССИЯН В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ, %
(отранжировано по доле добившихся того, чего они хотели)

4. ***Самой значимой сферой жизни для всех россиян является семья.***

При этом, чем бóльших успехов россияне достигают в выстраивании семейной жизни, тем более значимой она для них становится.

Успех в создании счастливой семьи сопряжен не только с хорошими отношениями внутри нее, но и с внешними по отношению к ней факторами. Конфликты, которые являются непосредственным препятствием для создания счастливой семьи, связаны в основном с материальными сложностями. Благополучная материальная ситуация благотворно влияет на отношения внутри семьи, становясь тем основным рычагом, который обеспечивает наиболее короткий путь к счастливой семейной жизни для основной части россиян.

И хотя материальными проблемами причины конфликтов в российских семьях не ограничиваются, большинство других типов конфликтов не так разрушительны по своим последствиям для российских семей. В то же время конфликты из-за алкоголизма и наркомании, а также из-за реальных и мнимых измен сказываются на отношениях в семьях россиян еще тяжелее, чем материальные проблемы, хотя и встречаются относительно реже.

Исследование выявило рассогласованность представлений мужчин и женщин на распределение гендерных ролей в семье: мужская половина чаще всего говорит о том, что главой семьи должен быть мужчина, а женщины склонны считать, что решения в семье должны приниматься совместно, или, по крайней мере, тем, кто лучше ориентируется в ситуации. Наименьшая рассогласованность в этих вопросах наблюдается в среде наиболее благополучных слоев населения. При этом растет запрос молодых девушек из благополучных слоев населения на утилитаристскую модель семьи, главой которой является основной кормилец, но такая модель слабо поддерживается молодыми мужчинами.

Лучше всего на практике реализуется консенсусная модель семьи: именно у сторонников этой модели распоряжение семейными деньгами чаще всего происходит в соответствии с их взглядами. В остальных же семьях вне зависимости от запроса на тип семьи ключевую роль в управлении ее финансами играет женщина.

Рождение и воспитание детей остается для наших сограждан в их повседневной жизни очень значимой, но непростой проблемой. Остается она непростой проблемой и для общества в целом. До сих пор в России сохраняется высокий уровень детской бедности. Тревожит и отсутствие у молодежи индивидуальной культуры планирования собственной жизни в части рождения детей с учетом положения семьи.

5. ***Работа выступает весьма неоднозначной сферой повседневной жизни россиян, хотя и занимает в ней второе место по значимости после семьи***. Она является в современной России важнейшей основой и полем дифференциации жизненных шансов. Главной функцией работы для

большинства населения является получение средств для удовлетворения своих потребностей. При этом россияне, которые говорят, что работают ради денег, в трети случаев подразумевают не наличие жизненной потребности собственно в деньгах, а наличие возможности удовлетворения определенных запросов, связанных со спецификой привычных для них, как представителей различных слоев, стандартов потребления. Реальные же проблемы с оплатой труда испытывают работники средней и низкой квалификации, причем как физического, так и нефизического труда. По разным показателям, связанным с работой, именно эта часть россиян оказывается наименее защищенной от влияния внешнеэкономических факторов. Слабость их позиций на рынке труда стала чрезвычайно наглядной во время нынешнего кризиса.

Автономность в принятии различных решений на работе отражает неравенство между представителями физического и нефизического труда. Группа россиян, относительно независимых в принятии решений по вопросам содержания своей работы, включает предпринимателей и самозанятых, руководителей всех уровней и специалистов. В то же время жесткая регламентация работы характерна в основном для рабочих (вне зависимости от их квалификации). Однако учитывая, что независимость в принятии решений не относится к приоритетным потребностям работающего населения нашей страны, ее трудно рассматривать как значимый признак неравенства между физическим и умственным трудом.

Автономность труда тесно связана и с наличием у работника определенного ресурса влияния у себя на работе. Из рисунка 3 видно, что Россия – страна «маленьких людей». Так, 61% работающих россиян отмечают, что от их мнения на работе практически ничего не зависит, причем, судя по всему, это не просто российская, а постсоветская специфика, что видно из сопоставления картины по Украине и России, с одной стороны, и Германии и Великобритании – с другой (см. рис. 3).

Воздействие кризиса внутри российского общества неравномерно. Для работников средней и низкой квалификации, преимущественно физического труда, оно проявляется прежде всего в виде потери или угрозы потери работы, а для квалифицированных работников – в виде повышенной нагрузки. Однако не стоит переоценивать роль кризиса в негативных процессах в производственной сфере, затрагивающих многих россиян. Как показали результаты исследования, для квалифицированных работников, в отличие от рабочих, к весне 2009 г. кризис обернулся лишь обострением тех тенденций, которые начали ощущаться задолго до него. Ситуация на работе для них ухудшалась по крайней мере с 2003–2005 гг., что связано, главным образом, с отсутствием структурных изменений на рынке труда даже в условиях продолжительного экономического роста, а также с дальнейшим

ухудшением ситуации уже в условиях кризиса и сокращением рабочих мест во многих сегментах рынка труда.

Рисунок 3

РЕСУРС ВЛИЯНИЯ РАБОТНИКОВ ПО СТРАНАМ, % ОТ РАБОТАЮЩИХ[3]

6. ***Свободное время в глазах современного россиянина не имеет безусловной ценности и оттесняется на второй план другими сферами его повседневной жизни, прежде всего работой.*** В связи с финансово-экономическим кризисом можно ожидать дальнейшей девальвации свободного времени в массовом сознании. Одновременно с ростом безработицы
и социальной напряженности будет возрастать реальная значимость досуга как способа поддержания физического и психологического здоровья, а также как альтернативного канала для самореализации и развития человека.

Осознаваемые потребности людей в свободном времени удовлетворяются пока явно недостаточно. Однако и в этих условиях досуг многих наших сограждан носит достаточно насыщенный, разнообразный характер, его основу составляют различные внедомашние формы досуговой активности,
направленные на общение, развлечения, саморазвитие. В то же время в последние годы наблюдается тенденция «одомашнивания» досуга, которая проявляется в уменьшении активной внедомашней деятельности и постепенном расширении простого домашнего досуга (см. рис. 4). Данная тенденция с большой долей вероятности усилится в ходе кризиса, в условиях

3. Данные по другим странам взяты из Европейского социального опроса за 2006–2007 гг. (ESS, Round 3), которые приведены в соответствие с данными настоящего исследования (в ESS используется 10-балльная оценка степени влияния в организации).

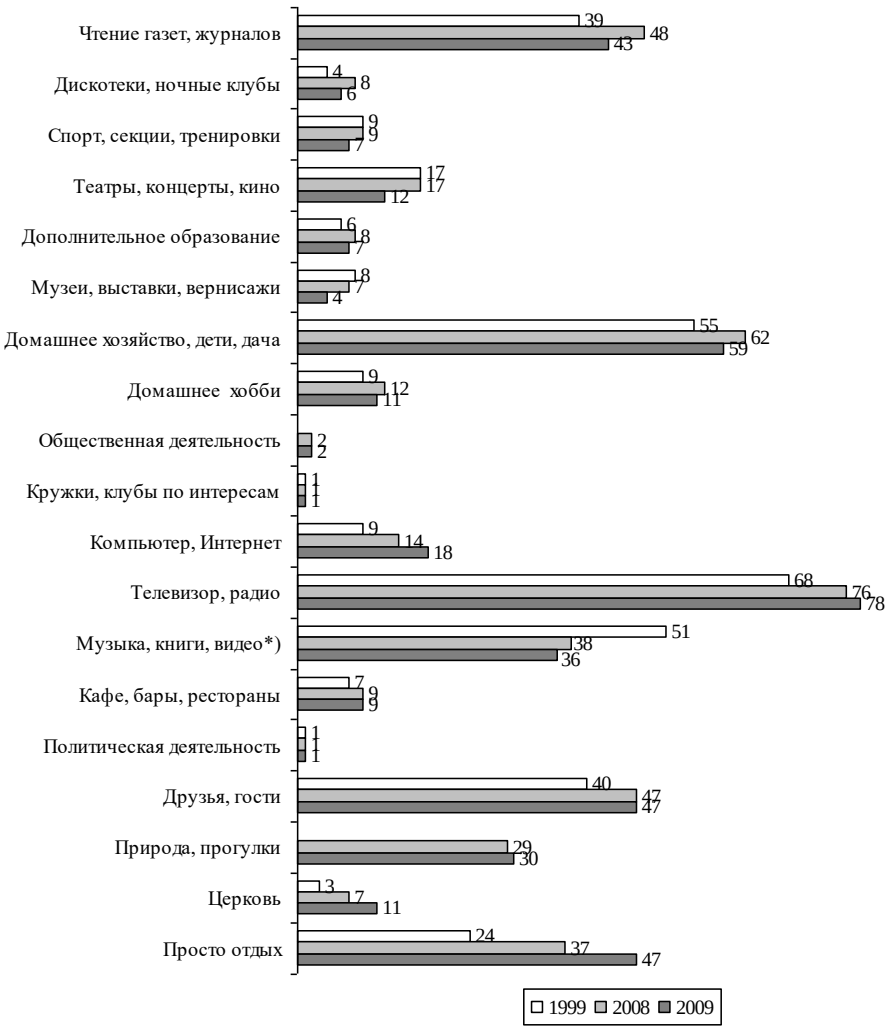
которого сокращаются финансовые возможности для внедомашней рекреации, отдыха и развлечений.

Рисунок 4

ДИНАМИКА ЗАНЯТИЙ РОССИЯН В ИХ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, %[4]

4. В 1999 г. вместо варианта ответа «слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео» был вариант «читаю книги», однако доля выбравших его была намного больше, чем во второй половине 2000-х годов.

Основными факторами, определяющими качество досуга, а с ним и

качество жизни в целом, являются уровень доходов и место проживания. Люди с относительно высоким уровнем дохода и жители мегаполисов проявляют выраженный интерес к своему свободному времени и насыщают его разнообразными формами активного досуга, ориентированными на культуру и саморазвитие, на развлечения и спорт. Низкие же доходы и проживание в малых поселениях, особенно в селах, снижают интерес людей к досугу и в целом обедняют и опрощают его.

7. ***Данные исследования показывают противоречивый, не цельный характер отношения россиян к религии.*** Воззрения как верующих, так и неверующих отличаются во многом размытостью, отсутствием однозначного содержания, сосуществованием несовместимого. Это проявляется в неопределенности и неструктурированности их как религиозного, так и нерелигиозного сознания, где одномоментно и в симбиозе присутствуют взаимоисключающие духовные элементы (см. табл. 3).

Таблица 3

ВО ЧТО СЕГОДНЯ ВЕРЯТ РОССИЯНЕ, %

«Верите ли Вы?»	*Февраль 2000 г.*	*Февраль 2009 г.*			
			Религиозно-мировоззренческие группы		
	Россияне в целом	*Россияне в целом*	*Последователи православия*	*Верят в некую высшую силу, но к какой-либо конфессии не принадлежат*	*Атеисты*
В Бога	47	58	72	18	1
В черта	3	2	2	4	1
В приметы	22	19	20	17	11
В некую сверхъестественную силу	16	13	11	34	5
В НЛО	7	5	5	7	2
В загробную жизнь	9	7	9	2	–
В колдовство, магию	9	5	6	6	2
В переселение душ	5	2	2	4	1
В судьбу	51	33	36	30	20
В прогресс	16	11	8	19	18
В самого себя	52	57	51	69	86

Полиаспектность проблемы религиозности в России проявляется и в особой роли религиозного самоопределения как социокультурной характеристики. Соотнесение россиянами себя с каким-либо религиозным течением выступает скорее следствием идентификации с определенной культурно-цивилизационной традицией, чем с набором догматических постулатов, составляющих основу той или иной религии. Таким образом, институционализированные российские конфессии распространяют в определенной мере свое влияние на неверующую часть населения, а граница между верующими и неверующими не является незыблемой.

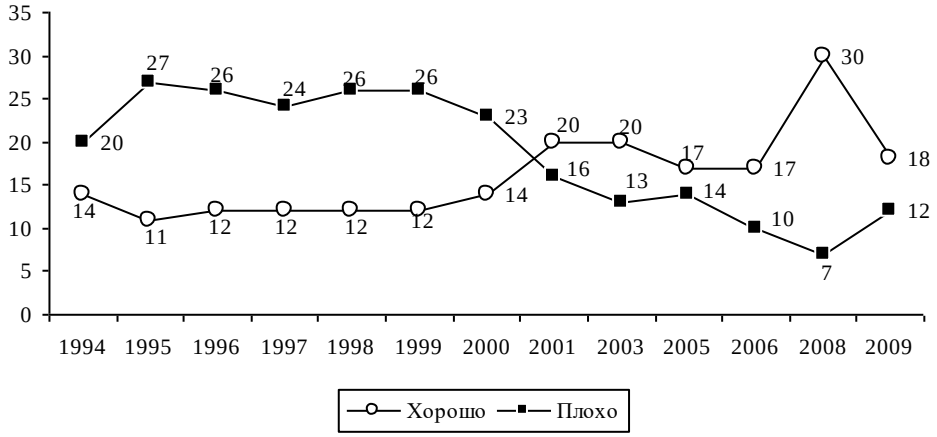
Данные исследования позволяют отметить неоднозначность и наличие разнонаправленных тенденций в религиозности российского общества: с одной стороны, повышение популярности религии, увеличение числа

причисляющих себя к православной конфессии, с другой – усиление процессов секуляризации, когда в качестве приоритетных в поведении и повседневной жизни людей утверждаются нерелигиозные ориентиры и ценности, а значимость церковной жизни вытесняется на периферию повседневности. Одновременно налицо видоизменение социального портрета верующего, демонстрирующего и видоизменение проявлений религиозного фактора в жизни общества.

8. ***Несмотря на кризис, позитивные оценки россиянами своей жизни к весне 2009 г. преобладали над негативными.*** Однако наиболее распространена оценка «удовлетворительно». По сравнению с 2008 г., когда оценки своей жизни россиянами были наиболее позитивными за последние 15 лет, оценки февраля 2009 г. заметно ухудшились (см. рис. 5). При этом они значительно дифференцируются в зависимости от уровня жизни, дохода, возраста и типа поселения. Наибольшая дифференциация наблюдается в зависимости от уровня дохода.

Рисунок 5

КАК, ПО САМООЦЕНКАМ РОССИЯН,
В ЦЕЛОМ СКЛАДЫВАЕТСЯ ИХ ЖИЗНЬ, %[5]

Подавляющее большинство россиян оценивают ситуацию, сложившуюся в настоящее время в стране, как кризисную или даже катастрофическую. Новый, 2009 год был встречен ими с тревогой. Поэтому говорить о хорошем социальном самочувствии россиян в данный период не приходится. Только 4% наших сограждан практически никогда не испытывали за время кризиса ни чувства своей беспомощности, невозможности повлиять на

5. В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

складывающуюся в их жизни ситуацию, ни ощущения несправедливости всего происходящего, ни чувства, что «дальше так жить нельзя». Доля же тех россиян, кто часто испытывал в первой половине года все три подобные негативные эмоции, более чем в 5 раз выше и составляет около четверти населения страны. Эти чувства больше распространены среди россиян молодого возраста и среди семей без пенсионеров и детей.

Проблема здоровья для россиян – одна из важнейших сторон их повседневной жизни, причем сторон достаточно тяжелых. Хорошим считают свое здоровье менее четверти населения (23%). При этом наиболее пессимистичные оценки высказывают те, кому свыше 65 лет. Реальная угроза для россиян – невозможность получить необходимую медицинскую помощь из-за нехватки денег – за последний год среди тех, кто нуждался в такой помощи, 41% не смогли получить ее только из-за недостатка средств. Наиболее незащищенными при этом оказываются пожилые люди, т.е. те, кто и в более благополучные времена испытывают проблемы со здоровьем.

Жизнь в России сегодня сопровождается различными страхами. Лишь 12% россиян живут сегодня без чувства страха за себя и своих близких при 36% живущих в этом состоянии постоянно. Наиболее высокий уровень тревожности, как и наихудшее социальное самочувствие, свойственны прежде всего пожилым людям, а наиболее распространенные причины страхов россиян – опасение за будущее детей, опасение остаться без средств к существованию и опасение остаться без работы.

9. ***Реакцию населения на кризис в целом можно назвать замедленной, что отражает специфику протекания нынешнего кризиса по сравнению с кризисом-дефолтом 1998 г.*** В итоге, несмотря на значительное ухудшение условий существования, которое успели прочувствовать на себе все группы населения, четкими ориентирами экономического поведения в сложившихся условиях отличается меньшая доля населения.

Для многих россиян в последние годы наиболее характерной оказалась потребительская ориентация. В итоге в период экономического подъема они использовали рост своих реальных доходов для покупки ранее недоступных потребительских благ, а не для формирования сбережений. Причем в зависимости от типа поселения эти блага были разными: для жителей мегаполисов значимыми оказались, прежде всего, поездки за рубеж, а для селян, например, – покупка мобильного телефона. Тем не менее и в том, и в другом случаях речь идет об отказе от долгосрочных инвестиций или сбережений в пользу текущего потребления.

Подобная стратегия поведения не позволила большинству населения сформировать хоть какой-то «запас прочности» и сделала россиян заложниками начавшегося кризиса. Можно сказать так: резкое сокращение

реальных доходов наряду с удорожанием жизни наложилось в ходе кризиса на отсутствие какой-либо «подушки безопасности» у большинства населения в виде накопленных сбережений. Более того, для значительной части населения ситуация осложняется наличием разного рода долговых обязательств, прежде всего потребительских кредитов. Все это ведет к необходимости более активного поиска россиянами путей улучшения своего экономического положения. Однако объективно складывающаяся в стране ситуация пока предоставляет им меньше возможностей в выборе конструктивных форм улучшения своего положения, чем это было характерно для первых лет после кризиса 1998 г.

10. ***По уровню остроты своего восприятия, нынешний кризис существенно отстает от кризиса десятилетней давности,*** хотя он и перешел уже из виртуального, генерируемого СМИ, в реально ощущаемый россиянами в их повседневной жизни. Подавляющее большинство людей в той или иной степени испытывает на себе его негативные последствия. Образовалась и своего рода «группа риска», составляющая более 14% российского населения, потери которой от кризиса носят очень существенный, порой катастрофический характер.

Среди групп, понесших наибольший ущерб от кризиса, – граждане старших возрастных когорт, среди которых выделяются не только пенсионеры, но и лица предпенсионных возрастов, а также те группы, которые и до кризиса жили бедно. В тяжелом положении оказались также многие жители средних городов (от 100 до 500 тыс. человек), где рынок труда значительно более ограничен, чем в крупных городах. Меньше всего пострадали от кризиса государственные служащие, военнослужащие, работники правоохранительных органов, получающие гарантированную заработную плату.

Лишь около четверти россиян возлагают ответственность за кризис на правительство, другие властные структуры страны. По их мнению, главная причина кризиса лежит в экономической политике ведущих стран Запада, в первую очередь США. Что же касается действий собственного правительства, то оно подвергается критике в достаточно мягкой форме, ему в целом продолжают доверять. Это существенно отличает нынешний кризис от кризиса 1998 г., причиной которого, по мнению россиян, послужила ошибочная политика тогдашнего руководства страны (см. табл. 4).

Таблица 4

ПРИЧИНЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В 1998 И В 2009 гг. В ОЦЕНКАХ РОССИЯН, %
(допускалось до трех вариантов ответа)

1998	*%*	*2009*	*%*
Неудачная экономическая политика прошлого правительства во главе с В. Черномырдиным	56	Неудачная экономическая политика прошлого правительства	22
Неудачная экономическая политика прошлого правительства во главе с С. Кириенко	15	Неудачная экономическая политика нынешнего правительства	28
Неудачная деятельность российской финансовой олигархии (банкиров)	25	Неудачная деятельность российской финансовой олигархии (банкиров)	28
Подрывная политика Запада	27	Подрывная политика Запада	24
Деятельность сионистских (еврейских) организаций	5	Деятельность сионистских (еврейских) организаций	2
Наследство прошлой социалистической системы	14	Наследство прошлой социалистической системы	5
Политика, проводимая коммунистами в Думе	8	Политика, проводимая оппозиционными партиями	3
В том, что население страны не научилось работать в условиях рынка	21	В том, что население страны не научилось работать в условиях рынка	13
В непродуманной финансовой политике Центробанка	28	В непродуманной финансовой политике Центробанка	18
Это следствие международного финансового кризиса	7	Это следствие международного финансового кризиса	46
Другое	10	Другое	2
Затруднились ответить	8	Затруднились ответить	13

Российские граждане в целом не ожидают от кризиса серьезных политических потрясений, революций, даже существенных перемен во власти. По их мнению, достаточно вероятны массовые акции социального протеста с требованиями корректировки экономического курса. Однако в этих акциях протеста готовы принять участие лишь около 5% населения, что мало отличается от докризисного периода.

Бóльшая часть россиян полагает, что кризис продлится достаточно долго, возможно, до трех лет. Однако радикально менять свою жизнь в связи с этим, осваивать новые профессии, менять место жительства они пока не готовы. Даже сильно пострадавшие от кризиса слои населения пока предпочитают выжидать, ограничивая свои расходы и стараясь найти дополнительные приработки, в расчете на то, что кризис все-таки рано или поздно кончится. Десять лет назад, в 1998–1999 гг., «свет в конце туннеля», в отличие от современной ситуации, прослеживался гораздо слабее.

В результате финансово-экономического кризиса рейтинги первых лиц в государстве стали снижаться, особенно если за точку отсчета брать самый благоприятный период весны-лета 2008 г. Однако снижение рейтинга российских руководителей происходит не драматически, медленно и очень

равномерно практически во всех социальных и возрастных группах. Пока в обществе не сложилось ощущения неэффективности «властного дуумвирата».

В политическом отношении главный удар кризиса приняла на себя региональная и местная власти. Совокупный рейтинг глав областей и республик в составе РФ «просел» до уровня 35–36%, а в некоторых регионах значительно ниже. Как показали прошедшие в марте 2009 г. в ряде регионов России выборы местной власти, в стране открыто проявилось недовольство некоторыми действующими главами муниципальных образований, а сами выборы прошли в более острой конкурентной борьбе, чем обычно в последнее время. Однако кризис никак не сказался пока на повышении уровня доверия к политическим партиям, в том числе оппозиционным. Партийная система в стране остается управляемой, а избиратели не воспринимают партии как проводников собственных интересов. А это означает, что трансформация политической системы будет скорее всего связана с политической реанимацией других институтов, возможно профсоюзов или муниципалитетов.

И.И. Глебова

САКРАЛИЗАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Десакрализация самодержавия и революции 1917 г.: Проблема взаимосвязи

Как известно, главным вопросом русских революций 1917 г. был вопрос о власти. В Феврале политические лидеры субкультуры «верхов» (интеллигентской, европеизированной, «продвинутой» во всех отношениях) вырвали власть из рук ослабевшего самодержавия. В Октябре большевики, оседлавшие массовую революционно-анархическую волну, сбросили уже февральскую власть. До сих пор специалисты теряются в догадках, пытаясь объяснить эту стремительную трансформацию – смену властных персонификаторов, институциональной среды, образов правления.

Представляется, что важную роль в деле реорганизации власти сыграли символические инструменты: ведь вопрос о власти – вопрос не только политики, но и культуры. Кроме того, в «век масс» он не может ограничиться элитарной средой, но зависит от массовых реакций, настроений, комплексов и фобий. И, наконец, это вопрос не только системы, учреждений, ресурсов, но социальной антропологии: качества, потенциала, устойчивости социальной среды. Поэтому изучение власти невозможно вне анализа ее социально-исторического и антропологического контекста.

Очевидно, что преобразование власти в 1917 г. было следствием не только (и даже не столько) политических, сколько важнейших социокультурных изменений. Не случайно именно в культурной, ментальной сфере многие современные исследователи ищут объяснения событий начала

1917 г.[1] И здесь есть о чем размышлять и спорить. По распространенному мнению, «главной причиной Февральской революции стала десакрализация существующей власти, обусловленная внутренними противоречиями и социальными тяготами» (4, с. 12)[2]. Во многих работах, посвященных Февралю, утверждается: распространявшиеся в окопах и тылу слухи о предательстве и распутстве императрицы, безволии и никчемности царя вызвали падение престижа монархии во всех слоях населения (см.: 11, с. 274, 275 и др.)[3]. Эта точка зрения закреплена в учебниках истории, превратилась в исторический стереотип. Адресуясь к нему и толкуют судьбу российской монархии.

Здесь возникают, как минимум, два вопроса: действительно ли десакрализация самодержавия (или, как еще говорят, кризис веры во власть, ее духовное банкротство) обусловила его падение; произошла ли с десакрализацией самодержавия десакрализация русской власти вообще, т.е. лишилась ли она (прежде всего в восприятии подвластных) какого-то высшего обоснования, состоялась ли ее секуляризация? Я бы дала отрицательные ответы на оба вопроса. Обоснованию ответов и посвящена эта статья.

Что касается тезиса о десакрализации самодержавия как причине (ментальной, психологической и культурной) Февральской революции, то при внимательном рассмотрении оказывается: в данном случае мы имеем дело с расхожим сюжетом еще дореволюционной пропаганды революционеров-февралистов, одним из образов, закрепленных в нашем

1. В 1990-е годы в американской русистике сформировалось влиятельное направление «новая политическая история», разрабатывающее эту тематику и активно использующее культурологические и антропологические методы исследования. Это пространство взаимодействия историков, политологов, экономистов и др. «Культурный» поворот изменил не только исследовательскую повестку дня, но и сам привычный облик такого исторического события, как русская революция.

2. Приведено типичное высказывание, в концентрированном виде отражающее наиболее влиятельную в историографии точку зрения. Оно, однако, остается только мнением – эта проблематика практически не освоена отечественной исторической и политической мыслью.

3. «Презрение» к царю, отсутствие доверия к слабой власти значительная часть современных исследователей считает едва ли не главным фактором революционного кризиса начала XX в. (см., например: 1, с. 41–42, 50, 58, 119). В то же время внутреннюю политику начала 1900-х годов многие называют «военно-полицейской» и подчеркивают последовательность Николая II в отстаивании самодержавной идеи (1, с. 86–87). Парадоксальным образом слабая власть критикуется за демонстрацию силы. Показательно, что исследователи не видят противоречия в критике деспотизма и принципиальности «слабого» монарха.

историческом сознании официальным советским дискурсом. Я полагаю: *демонтаж власти, предполагавший ее десакрализацию, был содержанием и итогом, а вовсе не причиной Февраля*. Причем взрывная (по типу бунта) десакрализация павшей монархии не привела к ментальной революции, изменившей традиционное восприятие власти. Вскоре новый, советский, мир увенчает себя сакрализованной «верховной» властью, возведет ее на невиданную (по сравнению с позднесамодержавными временами) высоту. «Надклассовая монархия», «монархия трудящихся» станет его ответом старому, «романовскому» миропорядку.

Новый приступ сакрализации компенсировал десакрализационные процессы – не в первый и не в последний раз в нашей истории. Русский социум как бы балансирует между двумя состояниями – безвластия, вольноанархической самореализации и подчинения власти, имеющей сакральный статус. Наделение власти высшим, священным смыслом как бы оправдывает народное смирение. Видимо, *в случае русской власти мы имеем особый тип господства – подчинения, изначально предполагающий (точнее: требующий) сакрализацию*. Сакральность – обязательный элемент как властных самоощущений, придающий ей самодостаточность, так и восприятия власти, позволяющий в нее (просто) верить. Процедуры сакрализации / десакрализации имеют встречный характер: «сверху», от власти, и «снизу», из массы народа. Они накладываются друг на друга, создавая эффект резонанса. Усиление власти (т.е. движение к исторически выработанной ею моносубъектной, самодержавной норме) предполагает процедуры по ее сакрализации. Они вносят в восприятие власти долю иррационализма, эмоциональности, придавая отношениям с ней характер личностный (вплоть до интимности). Сакрализующая подпитка «сверху» оказывалась (и оказывается до сих пор) действенной, так как попадает на благодатную почву – глубоко традиционные представления социального большинства об идеальной власти.

Убийство самодержавия: Ликвидация образа власти и ее носителей

С падением самодержавия запустились и приобрели тотальный характер встречные (из субкультуры «верхов» и массы народонаселения) процессы его десакрализации. Русские ставили исторический эксперимент по ликвидации власти, создавшей их историю. Вытравливание из себя комплекса «властепоклонничества», избавление от особого понимания власти – важнейшие измерения революций 1917 г. Особенно важно, как осуществило операцию по десакрализации царской власти традиционное (т.е. властецентричное) сознание. Для его носителей – прежде всего, крестьянства

в деревне и на фронте – сигналом к ее началу стало падение монархии: отстранение персонификатора и отсутствие заменяющей его фигуры воспринимались как безвластие[4]. Оно открывало перед народом такие социальные перспективы, от которых просто невозможно было отказаться: мир – солдатам, земля – крестьянам, фабрики – рабочим, война – дворцам. Во имя нового, своего мира народ разорвал символическую связь (даже единство – в рамках традиционной общности «мы») с самодержавием, столетиями бывшем основой его миропонимания[5]. Символическое двуединство – православно-державное властенародие – в народном сознании было перекодировано в непримиримо-антагонистические отношения. Павшую власть связали с «верхами» – «начальством», «буржуями», «мародерами», всеми «врагами» трудового народа. «Низы» перенесли на нее весь запас исторической ненависти и социального недовольства. *Бывший самодержец явился персонификатором народной ненависти к «верхам», главным «буржуем», а потому и первым «врагом народа»*.

Реакцией на падение монархии стала десакрализация самодержавия и самодержцев, предполагавшая уничтожение символов власти, всех атрибутов монархии (см. об этом: 7). Так начиналась «почвенная» революция. Речь шла *о важнейшем процессе осознания народом небытия власти*, внешне принявшем символические формы[6]. Так расковывалась, снимая с себя всякие (внешние и внутренние) ограничения, народная стихия. Без этого невозможно было бы дальнейшее преобразование народа в революции – сдирание с себя всех культурных покровов и выход на поверхность того инстинктивного, темного, низменного, что под ними скрывалось. В

4. С этого момента крестьяне перестали интересоваться, кто «ими теперь на верхах управляет». Свобода и демократия понимались ими как «воля», т.е. свобода от государства, от каких-либо обязательств перед кем-либо (см. об этом: 1, с. 126). За волю, землю, мир, контроль над производством и против «господ» (старых и новых) крестьяне, солдаты, рабочие подняли собственную революцию, лишь отчасти пересекавшуюся с Февральской – интеллигентской и Октябрьской – большевистской.

5. В рамках традиционной идеальной коммуникации царь предстает как воплощенное преодоление вечного русского противостояния «мира»-народа и государственной власти. Здесь царь и народ, царь и «мир» суть общее «мы». Сакрализация «мы» осуществляется через пространственно-державное и верховно-властное, а сакрализация власти – через народное. Одно «работает» на усиление другого, создавая эффект резонанса (см. об этом: 8, с. 206, 213, 266, 326, 350).

6. Обращаясь к теме символического, я исхожу из положений, сформировавшихся в рамках «культурного» подхода в современной исторической науке: символические репрезентации не просто отражают политическую реальность, но придают смысл событиям (порождают смыслы) и формируют политические альтернативы. Тем самым приобретают социальное значение. Вне символических структур невозможны изучение и понимание реальности.

результате такого преображения «тихие», «власте- (и бого-)боязненные» русские люди и смогли учинить Смуту, своей внешней бессмысленностью, мракобесием и кровавостью напоминавшую средневековые бунты.

«Верхи» пошли по тому же пути – оскорбления и разрушения образа самодержавия, справедливо полагая его системообразующим элементом старого социального и символического порядка. Для этого был использован весь набор информационно-символических инструментов, позволявших воздействовать на массовое сознание. Февраль снабдил дореволюционные слухи, фантазии, домыслы, порочившие верховную власть, «документальной базой». Тем самым им придавался оттенок подлинности, как бы присваивался статус исторического факта.

В соответствии с ними в массовом сознании перестраивалась реальность, переозначивалось прошлое. Антимановские репрезентации (массово тиражировавшиеся тексты, визуальные образы, революционные инсценировки и др.) оправдывали свершившуюся революцию, обеспечивая «фактами», «документальными свидетельствами» ее основные тезисы, которые затвердила вся страна: «Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями… Революция в силу этого была неизбежна»; «Старый, насквозь сгнивший режим рухнул без возврата… Народ пламенным, стихийным порывом опрокинул – и навсегда – сгнивший трон Романовых…» (цит. по: 6, с. 117, 130).

Разоблачение монархии превратилось в требование времени – и то, как оно происходило, больше говорит об эпохе и о людях, в ней живших и действовавших, чем о самой монархии. С «николаевским самодержавием», царской четой расправились – сначала, правда, информационно-символическими средствами, но с предельной жестокостью. В русской истории нет настолько опороченного монарха, как Николай II. Что стоит за негативным образом старой власти, созданным Февралем? Представления (и общества, и народа) о властном антиидеале. Под него и «подвели» павшую власть.

Всеобщее осуждение последнего монарха означало не просто сброс на него вины (всех исторических «вин» романовского самодержавия, привилегированных слоев) и ответственности (за гибель старой России, крах европеизированной культуры «верхов»), но сброс памяти русской монархии и

о русской монархии. Она не «сошлась», не совпала с массовым обществом в России. Точнее, *масса народонаселения, совершив прыжок из «общества избранных» в «общество всех», отринула монархию за ненадобностью – как знак социальной и культурной неоднородности*. Ее уникальный образ растворился, канул в небытие: исчезли не только внешние атрибуты (вся

ритуально-декоративная часть), но был пересмотрен традиционный алгоритм властво-
вания.

Пожалуй, наиболее показательно то, как трансформировались в постмонархической власти начала европейское (имперско-петербургское, «антипочвенное») и «иконическое» («старомосковское»), воплощавшее характерный для русской культуры параллелизм Царя и Бога[7]. Из этих начал ушел тот смысл, который был определяющим для образа монархии. Потом, конечно, эти черты проявятся в образах советской и постсоветской власти, но совсем в ином виде. Так, «почвенное» начало надолго вытеснит европейское, а европеизм позднесоветской власти, которым она станет прикрывать свое естество, окажется целиком импортированным, т.е. в значительной мере искусственным. Трансцендентное же начало совершенно преобразуется – в направлении дехристианизации (но не десакрализации), нарастания магического, сверхъестественного и идеологического[8]. Показательно, что обращение современной власти к христианской традиции имеет, скорее, имитационный, нигилистический (отрицающий прежнее) и компенсаторный характер.

В то же время революции 1917 г. потребуют чрезвычайного усиления в образе постсамодержавной власти черт народности (в смысле: «вышли мы все из народа» и публичной демонстрации этого факта), социальной справедливости (от власти ожидали, что она возьмет на себя миссию справедливого социального «поравнения» по принципу «черного передела», – и она должна была отвечать этим ожиданиям), а также военно-

7. Б.А. Успенский отмечал: «Специфика отношения к царю определяется прежде всего восприятием царской власти как власти сакральной, обладающей божественной природой». «Параллелизм царя и Бога, как бы исходно заданный христианскому религиозному сознанию» проявлялся в том, что царь уподоблялся Христу и воспринимался как «образ Бога, живая икона» (15, с. 150–152, 155). Соединяя пространства земного и небесного, образ царя обретал высший, священный смысл.

8. Как писал Э. Морен, «высшее назначение на верхушку Аппарата обязывает быть не только руководителем, который в Советском Союзе принял образ и Цезаря, и царя, но также Магом и Папой: культ Генсека, конечно, не был порожден творящим собственный культ Аппаратом, но, безусловно, был им стимулирован… Этот культ охватывает всю партию, растет и усиливается по мере подъема по ступеням аппаратной пирамиды, достигая апогея в идолопоклонническом культе и обожествлении личности Генерального секретаря (9, с. 81, 83). Культ персонификатора Советской власти вырос на фоне коммунизма, который, по словам Э. Морена, представал «то как Истина экономическая, то как Истина политическая, то как Истина религиозная, то как Истина историческая, то одновременно как все они вместе взятые, как само Спасение» (9, с. 196).

полицейского, насильственного, даже репрессивно-деспотического начала (чтобы усмирять, сдерживать народ, который в Смуту себя же научился бояться и надолго испугал власть). Сверхвысокая концентрация этих характеристик в новом властном образе как бы компенсировала, возмещала утраченное.

* * *

Что же касается персонификатора образа, то его судьба глубоко символична. По существу, о нем забыли – такова судьба низвергнутой власти в России. Покинув магическое властное пространство, лишившись какой-то волшебной (в понимании русских) силы, которую давала власть, он превратился в ничто. После Февраля Николая Романова уничтожали как властный символ, определяющий знак старой России. Бывший император Николай Александрович как человек никому не был интересен. Более того, как бывшая власть он был презираем.

Показательно, что никто не предпринял хотя бы попытки (всерьез – какими-то силами, планомерно) освободить царскую семью. Их возили по всей России как обременительный и опасный груз, который пока не нужен, но может пригодиться. Когда подошло время, от груза избавились. Только с этого момента новая (теперь уже большевистская) власть переставала быть временной. В слепом ужасе, которым сопровождалось убийство венценосцев, проглядывает та же примитивно-животная логика, что отличала действия разинцев, пугачевцев и др. в отношении помещиков и их семей: «побить… всех до смерти», «самосуды с убийством всей семьи.., включая детей» (см.: 3, с. 142–143, 202–203). Тем самым исключалась сама возможность возвращения старого, прежние связи обнулялись, прерывались наследственные, преемственные с прошлым линии. Новые же связи завязывались на крови, всех и повязавшей (новый мир был заквашен на кровавой круговой поруке, которую питала новая («свежая») кровь).

Просматривается в этом акте и другой, предельно высокий смысл: так была поставлена точка в процессе десакрализации монархии. Царская история закончилась убийством не помазанника даже, но – Христа, Творца системы (речь, заметьте, идет не о конкретном человеке, а о центральном смыслообразе власти, обеспечивавшем ее воспроизводство). Дальше была предпринята попытка, говоря высокопарным языком, устроиться без Христа на земле. И тут в дело вступал народ со своими «властноуполномоченными»: десакрализация власти компенсировалась его сакрализацией. Революция, получившая предельно высокую легитимность с убийством традиционной

власти, превращала народ в единственный сакральный объект. Теперь новая революционная власть в поисках сакрализующей подпитки должна была обращаться к нему: высшая санкция власти – в ее «народности», соответствии народным идеалам и защите народных интересов. Сам же народ присту-

пил к Страшному суду на земле, искореняя своих врагов[9]. Сначала – сам, потом – руками посредника, народной власти. Тем самым перебросил на нее всю ответственность, оставшись хоть и бессубъектным, зато безгрешным.

Убийство самодержца как главный символ отречения от прошлого стало почвой для формирования социального оптимизма. Потом оно вообще забылось; т.е. то, что оно было, помнили, но никто – ни власть, ни народ (за незначительным исключением) – не придавал ему никакого значения. Это своего рода социально деморализующее забвение – отречение от преступного в себе. В таком контексте снос Ипатьевского дома выглядит как попытка обойти тему исторической ответственности, причем совершенно по-советски: стиранием памяти о событии, уничтожением связанного с ней материального объекта – так, как будто ничего не было.

Социальная память о позднем самодержавии: Николай кровавый как символ слабой власти (антиидеал)

Кажется, эта тенденция победила в сегодняшнем отношении к Николаю II (и всей царской семье), точнее, к памяти о позднесамодержавной власти. Эта память базируется на явно антиисторической установке: давайте

9. Это вовсе не метафора. Речь идет о своеобразном, псевдорелигиозном понимании (и воплощении) христианской формулы. Революция воспринималась народом не только как светлый праздник Воскресения, построение рая на земле, о чем много пишут. Революция реализовалась и как мистерия Страшного суда над царем, помещиками, буржуями, «барами»-угнетателями – всеми врагами трудового народа. Суд продолжался, пока в основном не удалось добиться социальной однородности. Тогда и социализм победил «в основном». А все, что было до этого (1917 – конец 1930-х годов) – это перманентная «почвенно»-большевистско-сталинская (а вообщем – народная) революция. После нее наступил относительный социальный мир (насколько возможно для той системы). Нечто подобное было во Французской революции, но не приобрело таких масштабов. Кроме того, во Франции в качестве «посреднических структур» (своего рода чистилища) выступали революционные суды. В России расправа вершилась без псевдоправового посредничества, самочинно и без промедления. И это объяснимо: в нашей религиозной культуре роль чистилища незначительна; основную смысловую нагрузку несет сам процесс судилища.

допустим, что ничего не было. С нее, как это ни покажется парадоксальным, начинается народноцерковная память: моления о венценосных страстотерпцах лишь опосредованно связаны с фактом убийства конкретных людей. Новообращенное общество с легкостью приняло искупительное решение церкви, утверждая тем самым свою новизну (заявляя, что оно – уже не советское). В то же время память о почитаемых церковью властных мучениках[10] совершенно отделена от памяти о последних Романовых, нагруженной в основном негативными смыслами. В ней по-прежнему нет того, что должно ее определять – тем преступления и наказания, палача и жертвы. Постсоветская Россия выбрала память, предохраняющую от действительности, защищающую от нее.

С установки «как бы ничего не было» начинается и память о монархии как социальном явлении. В ней по-прежнему доминирует стремление преступностью (глупостью, неадекватностью, несамостоятельностью, бессилием) самодержавия объяснить события начала XX в. Содержательно в нашей памяти революция определяется крахом государственности, а не аннигиляцией личностного начала, трагедией человека, разрушением культуры, последовательно преемственных исторических связей. Поэтому Николая II и обвиняют в преступной слабости, предопределившей распад самодержавной системы. Он – лишь системный элемент; с системных позиций рассматривается и факт его убийства. «Человеческое» (гуманное и гуманизирующее) измерение в нашей памяти отсутствует – и это явное наследие советского. Как и абсолютное равнодушие, нечувствительность к трагедии, восприятие ее как чего-то постороннего, с нами лично не связанного. Это память, дезориентирующая в моральном отношении. В ней совершенно нейтрализовано критическое начало.

Не возбуждая потребности в социальной самокритике, память о последнем самодержце выполняет другую (важнейшую для нашей культуры) функцию – критики власти. Она выводит на тему, все еще остающуюся для нашего общества одной из центральных, – тему сильной / слабой власти. В ней (в отличие от памяти народа о себе) явно присутствует нравственное измерение. В представлениях социального большинства моральна (и исторически оправдана) сильная власть. Видимо, только через нее возможна наиболее полная (в смысле соответствия идеальным представлениям о себе) самореализация народа.

Русский народ постоянно (и до сих пор) проверяет свою власть на силу / слабость, т.е. на соответствие собственным идеальным о ней представлениям

10. Кстати, сам образ царя-мученика плохо согласуется с традиционными представлениями об идеальной власти. Он вызывает ассоциации с проигравшей властью, а наша власть – в идеале – не может быть неудачником.

(о функциях идеальных образов власти в российской политической культуре

и их содержательном наполнении) (см., например: 10, с. 9–28, 34–59 и др.)[11]. В переломные моменты, требующие сверхвысокого социального напряжения (а такой была Первая мировая война), сравнение с идеалом становится определяющим механизмом оценки власти. И здесь выявляется следующая закономерность. Именно слабая (не грозная, не насильническая, не карающая) власть подвергается десакрализации, унижается и опорочивается. Так она наказывается, расплачивается за свою слабость. И это, по народным понятиям, справедливо. *Быть слабой – самый страшный грех Русской Власти. По греху – и расплата*.

Ощущение слабости (т.е. не всесилия, ограниченности) верховной власти ставило (и ставит) под сомнение традиционное народное убеждение в ее сверхъестественных возможностях, тотальности. В понимании подвластных, это главное основание для развенчания, десакрализации, символическом понижении традиционного статуса власти как источника и гаранта социального порядка. Властная слабость рассматривается как нарушение нормы и угроза традиционным отношениям «власть–народ» (точнее: выполнению обязанностей идеальной власти в отношении народа как объекта ее забот). Слабая власть не способна дать «укорот» своему народу, сдержать его от грехопадения или покарать за него – справедливым наказанием как бы снять вину. Она не может и воздать «врагам народа», нарушающим естественное течение его жизни. Такая власть не в силах выполнять функцию правдосудия, которой ее наделило традиционное сознание – быть земным

11. «Сила» (понятие, общее в лексиконе современной власти и социального большинства) – глубинная архетипическая черта образа власти, а потому важная политико-культурная категория. Глубинные, берущие начало в «коллективном бессознательном» образы определяют коридор возможностей властной имиджевой активности (т.е. процесса «производства» массовых репрезентаций) и восприятия массовым сознанием реальной власти. Они могут быть как ресурсом власти, так и орудием борьбы против нее. В современной России «опорные» образы власти в большинстве своем имеют традиционный, а то и вовсе архаичный характер. Высокая степень их сохранности (непроработанности современностью) есть одновременно показатель и причина странной, на европейский взгляд, несовременности нашей власти и массовых представлений о ней. Понятно, насколько архаичными были представления о власти социального большинства (массы крестьянства, прежде всего) в начале XX в. Весь «исторический контекст», «социальный ландшафт» столетия работал на закрепление комплекса «сильной» власти, рождая, однако, в ком-

пенсаторном порядке и «перестроечные» реакции. Главная из них – установка на ослабление репрессивного максимализма власти как социальный ответ на сталинизм.

судией народа (карать за жизнь «не по правде» и миловать, наставлять на праведный путь), защищать его от любых угроз, соблазнов и искушений. Для реализации обязанности «правдосудия» нужна не обычная (управляющая: бюрократ, менеджер), но наделенная Божественной харизмой власть.

Именно на соответствии этой функции держалась внутренняя связь самодержавия с народом – и традиционный («правильный») социальный порядок, в котором власть отвечала за все (и за сам народ), а народ оценивал, какой она ответчик и оправдана ли покорность ей. В рамках этой символической коммуникации идеальная общность – народ, обрекая себя на бес-
субъектность (но обретая полную безответственность или, иначе, безгрешность), делегировала власти место моносубъекта русской социальности.

А моносубъект является лишь в сакральном ореоле.

Народное влияние на властные отношения в России заключалось (и заключается теперь) в том, чтобы подчинить власть своим о ней представлениям – заставить ее если не быть, то хотя бы казаться такой, какой ее хотели видеть. *«Низы», исключенные из реальной политики, желали присутствовать в ней на уровне ментальном, культурном*. То была плата власти за их бессубъектность. Демонстрация монархией своей самостоятельности, независимости – от народного контроля на соответствие идеалу – расценивалась как нарушение традиционных обязательств. В этом случае и народ отказывался от своих – верить во власть. Вследствие этого померк сакральный ореол самодержавия.

Падение монархии в ходе революции «верхов» расчистило пространство для «низовой» активности. Восставшие массы попытались подчинить весь мир своим представлениям о нем, заставить всё и вся жить по «своим понятиям»[12]. «По-свойски» «разобрались» и с властью, которую уже ничто не мешало признать «антинародной». За неспособностью справиться с обязанностью «правдосудия» уже народ осудил власть (призвал ее к ответу) – и покарал «по всей строгости». При этом поменялся субъект «правдосудия»: народ захватил право быть этаким Высшим Судией, лишив власть моносубъектности. В конечном счете, народная расправа над властью – ответ на ее неспособность расправиться с народом (т.е. быть вечным народным

12. А.С. Азиезер писал о «разрушительных силах общества, стихии культурного низа», который «решил не ограничиваться карнавалом, погромом, но сформировать общество по своему образу и подобию» (3, с. 323). Известен тезис Р. Уэйда: общинная революция «носила не просто экономический характер», но имела «моральное и культурное измерение, ибо крестьяне вознамерились полностью изменить порядок вещей, сфокусировавшись на собственных интересах» (17, p. 168).

судией). Уже поэтому расправа справедлива. Правда, осудить по высшей мере удалось единственный раз в русской истории – *в 1917–1918 гг. Это высшая точка торжества русского народа над своей супервластью*. Но приканчивая – не символически (всеобщим недоверием и осуждением) только, а физически – «неправедную» власть, народ разрушил сложившийся (динамичный и внутренне конфликтный), но все-таки порядок. Уничтожение самодержавия (т.е. установление безвластия) раскрутило пружину народного бунта, безответственного и самоубийственного по своей природе.

Парадоксальная вещь: в оценках качества позднего самодержавия мы (простой обыватель и большой исследователь) следуем простонародной логике[13]. А ведь она примитивна и уже потому принципиально порочна. И то, что она реализовалась на практике – не в рамках одной деревни, а в масштабах всей страны – ее порочности не отменяет. События начала XX в. демонстрируют: качество власти и перспективы ее отношений с обществом определяются не идеальными представлениями, народными комплексами и фобиями, неустойчивыми ситуативными оценками. Несоответствие власти «почвенному» идеалу не дает оснований характеризовать ее как социально неэффективную. Если освободиться от навязчивого давления простонародной логики, становится очевидным: происходившее с властью, скорее, открывало новые социальные перспективы, чем предвещало крах.

Ослабление самодержавия, так очевидное в эпоху Николая II, означало его уход от моносубъектности, избавление от насильнического (деспотического, тиранического) комплекса[14], а также изменение

13. Процитирую В.П. Булдакова: «…социальное согласие в России могло исходить только от внутренне уверенной в себе и сильной власти. Этого уже не было»; Николая II «…попросту перестали бояться и уважать; он перестал воплощать идею властвования»; последний император – в разных случаях и по различным поводам – жертвовал «сакральностью образа самодержца». В результате самодержавие «предстало вконец омаразмевшим», а самого Николая «стали презирать» (5, с. 48, 49, 51, 53).

14. В.М. Сергеев указывает на этимологию греческого слова «kratos»: прежде всего оно означало «силу» (не физическую, а способность одолеть в борьбе), а позднее приобрело значение «власти» и «управления» (13, с. 12). На властную эволюцию в пореформенный период можно посмотреть и с такой точки зрения: «на авторитарные структуры власти по мере их старения и естественного ослабления» «неизбежно нарастают» демократические практики» (13, с. 22). И здесь возникает вопрос: не является ли ослабление (в режиме обрастания демократическими практиками) либерализацией? Мне кажется, ответ на него достаточно очевиден. Открытым остается другой вопрос: ведет ли такая эволюция к умиранию (как естественному следствию «старения») или перерождению, обретению властью нового качества, которое позволяет ей сохраниться (приспособиться,

традиционного алгоритма властвования, где власть сращена с лицом. Разведение же персонификатора с властью предполагало заполнение властного пространства правовыми процедурами. Происходила революция во власти, в ходе которой она преобразовывалась по европейскому образцу (см. об этом: 12, с. 118–131). Николай II персонифицировал и символизировал эту революцию (причем, даже внешне – раздражая своей неопределенностью, обычностью, «не-грозностью»). Видимо, властная перестройка была неизбежна: для самодержавия пришло время стать более современным, по форме и по существу.

Последний монарх (не по своей воле, даже внутренне сопротивляясь) эту тенденцию воплотил.

Слабость (по русским меркам) николаевской власти не означала неизбежность гибели самодержавной системы. Напротив, в ней заложен шанс на ее преобразование (прежде всего, на развитие – в гражданском отношении – русского общества). Революция против власти этот шанс похоронила, уничтожив и монархию, и само общество – в том виде, в котором оно сложилось к февралю 1917 г. Конструирование новой власти происходило под жесточайшим давлением архаичных народных представлений, т.е. в направлении от николаевской.

Большевики победили именно потому, что больше других политических сил поддались этому давлению – сначала по форме, а затем и по существу привели свою утопию власти в соответствие с народной. И это вовсе не показатель их внутренней силы и «народности», а свидетельство высокой адаптивности (по принципу понижения), пластичности и цинизма, а также степени властецентричности (нацеленности на власть, завороженности ее магией, готовности ради нее – им казалось на время – стать чем угодно). А вся советская история – это рассказ о том, с какой властью лучше жить человеку: по-николаевски слабой или по-ленински–сталински сильной.

Сакрализация / десакрализация как инструмент
социального признания / отрицания власти

соответствовать) в современном мире? Богатый материал для такого анализа дают две модели монархии: российская и английская (точнее, североевропейская). Представляется, что решающим фактором при решении судьбы власти в новейшее время становится общество: цивилизовалось ли оно настолько, чтобы найти в себе силы не убить ослабевшую власть, оценить социальные последствия такого убийства.

В конечном счете, главным для нашей темы является вопрос: происходила ли десакрализация (т.е. секуляризация, ведущая к рационализации власти и ее отношений с обществом) самодержавия еще до 1917 г.? Да, но совсем не под влиянием военных неудач, экономических трудностей, как считает большинство исследователей, и она вовсе не стала тотальным социальным фактом до Февраля, обусловив его. *Процесс десакрализации – как проявление кризиса важнейшего традиционного института в модернизировавшемся обществе – явственен в «верхней», европеизированной субкультуре*. Причем, он неотделим от общеевропейского процесса десакрализации монархии и поиска ею новых обоснований, иных технологий продвижения и легитимации.

Для образованных, европейски ориентированных слоев, составлявших российское общество, самодержавие к началу XX в. во многом уже лишилось своего сакрального ореола. Один (Царь, Самодержец) переставал быть всем в социальной системе. Ментальная революция еще не свершилась, но активно шла в течение всего XIX в. Общество выросло из той системы отношений, которую (когда-то) создало самодержавие. Но из нее выросла и власть. Она растратила свое креативно-репрессивное и сакрализованное естество, перестала быть моносубъектом. Не желая смириться с этим фактом (и страдая комплексом моносубъектности), монархия тем не менее действовала в соответствии с ним. Это придавало некоторую искусственность сражению власти и общества. Его острота объяснялась и тем, что они (помимо прочего) сражались по поводу прошлых проблем, вокруг образов прошлого.

Однако и в «верхах» процесс десакрализации не был завершен, что доказывает предреволюционное отношение образованных слоев к Николаю II. Как раз незавершенность и противоречивость этого процесса, тяготение «верхов» к привычным, простейшим схемам (во многом в ответ на кризисную военную ситуацию) и обусловили Февраль. Знаменательно, что кризис легитимности власти кануна революции вовсе не был вызван признанием
ее неэффективности. Счет лично монарху – не только народом, но и «верхами» – предъявлялся на соответствие идеальной схеме: можешь быть Христом, божественным образом на земле (или созидая Царство Божие, или жертвуя собой «за люди своя»)?

В конечном счете, десакрализация монархии предполагала осознание (хотя бы) обществом, что высшие счеты к власти в принципе невозможны. Она – не маг и волшебник, не наделена сверхъестественными способностями. Ее следует понимать не через метафизическое и персонифицированное, а как нечто исключительно управленческое, технологическое, нейтрально-обезличенное. Такое восприятие означало бы *освобождение персонификатора от обязательств, предъявляемых сакральному объекту*.

Он оставался бы личностью, отправлявшей властные функции. Только на таком отношении «повзрослевших» людей к царю мог «базироваться» режим конституционной монархии. Однако «взросления» в полном смысле слова не произошло. Об этом свидетельствовал (бессознательный для большинства «верхов») настрой на революцию, в котором нашел выход «подростковый» протест против «воспитательной диктатуры» исторической русской власти. Не произошло в полной мере «взросления» и самой власти: миражи сакральности туманили голову ее персонификатора.

В то же время *в народе* (многомиллионной массе, составлявшей более 80% населения) в начале XX в. явственно обозначились (а в войну укрепились) две стихийные линии. В них по-разному воплотились реакции на модернизационные вызовы, перестройку и хаотизацию привычной (традиционной) жизни. Содержательно их определяли взаимоисключающие потребности: *хотим свободы – хотим порядка*. Первая тенденция особенно ярко была представлена в затронутых модернизацией и плохо адаптировавшихся к ней, а потому стремительно маргинализировавшихся слоях населения. Массовая тяга к свободе проявилась в отрицании всяких норм и авторитетов, всех традиционных идеалов (кстати, ценностный нигилизм особенно заметен у молодежи, чрезвычайная многочисленность которой была следствием демографического взрыва) (см., например: 3, с. 321–323). Это (среди прочего) означало десакрализацию, но вовсе не рационализацию восприятия власти.

«Почвенное» стремление к порядку реализовалось в росте компенсаторной потребности в (ре)сакрализации верховной власти. За непомерностью массовых претензий к последнему самодержцу[15] скрывалось неудовлетворенное желание ощутить присутствие идеала в тягостной военной реальности: получить справедливую и аскетичную, грозную к

15. К зиме 1916–1917 гг. напряжение социального запроса приобрели требования крестьян и солдат, средних городских слоев, адресованные к верховной власти – покончить с войной, расправиться с «внутренним врагом»: «немцами, торгашами и прочими проходимцами», «спекулянтами вместе с жидами», «богатеями», «купцами», «домашними мародерами», «начальством» (см.: 2, с. 417–420). Они наложились на желание интеллигентных слоев очистить власть от «темных сил» и «реакционных влияний», якобы толкавших ее к сепаратному миру. Так находили выход массовые (и большей частью бессознательные) настроения, лейтмотив которых – «хотим порядка». Всегда в России они замыкались на власть. Думцы, представители общественных организаций, пресса придали теме борьбы с «внутренним врагом» публичный характер, включив ее в политическую повестку дня. Самодержавие попало в «вилку» завершенных ожиданий, которым не могло соответствовать. И дело здесь не только в личных качествах его носителей: власть в принципе не в состоянии создать идеальный порядок, в рамках которого реализовались бы разные социальные идеалы.

«врагам народа» власть. Традиционной культурой ощущалась недостаточность сакральной подпитки власти – ее следовало восполнить. Это явная реакция на кризис традиционализма, подрыв основ традиционного порядка. Проблема николаевской монархии состояла в том, что ей недоставало инструментария и соответствующего опыта, чтобы подправить реальность информационными образами: если не быть, то хотя бы казаться истинно народной властью[16].

Февральская революция, сравнимая с внезапным, случайным крушением поезда (на плохой, правда, дороге в момент стихийного бедствия), и последовавшие за ней события придали социальным тенденциям к свободе и порядку особый импульс. То, что можно было компенсировать, перекрыть, цивилизовать в рамках «старого режима», громыхнуло на весь социум – без всяких ограничений, во всей своей силе и первозданной дикости. *Порыв к тотальной свободе обернулся всеобщим бунтом против всех сдерживавших, репрессивных, воспитательных сил, организационных и ценностных оснований системы. Падение монархии, сопровождавшееся ее обвальной десакрализацией, здесь было неизбежно*. Смысл расправы «низов» с «ненавистным самодержавием» вполне понятен: распнем поверженного, беззащитного – сейчас можно, за это ничего не будет; пусть Тот, кто был Всем, станет, наконец, ничем. Таково же отношение к «верхам», всем «бывшим».

Не случайно идеи, формировавшие и оправдывавшие социальный порядок, – Царя и Бога – в свободной России почти одновременно были выброшены на свалку истории. С ликвидацией божественной подосновы монархия лишилась сакральной защиты – а значит, перестала быть неподсудной земному суду. Такая подоснова была вырвана и из социального порядка, оставив людей без высшей санкции и угрозы высшей кары, т.е. сделав их неподсудными суду небесному. А без идеи Страшного суда, как и Божьей любви – все возможно, все дозволено. Нет ничего – все начинается и заканчивается здесь и сейчас[17].

16. Хотя попытки такого рода предпринимались (см. об этом: 14).

17. Речь идет о принципиальной локализации социума – в пространстве (закрытые границы, «железный занавес») и во времени (связи оборваны – и в прошлое, и в будущее). Мы живем только здесь и сейчас; там – географически и ментально – ничего нет. В этой ситуации отсутствует возможность выбора, поэтому из нее нет выхода. Такое тотальное замыкание человека (и социальных общностей) в определенное, насильственно ограниченное пространство, его ограждение от всего внешнего (не «нашего», «чужого») есть, видимо, идеальная модель советского миропорядка.

В этом – его уникальность, непохожесть ни на что в мировой истории.

В данном случае мы имеем дело вовсе не с темой атеизма. Речь шла о тотальном изъятии Божественной идеи – в любом, даже секуляризированном виде – из человеческой жизни. Собственно, в своем постреволюционном развитии русский социум замахнулся на одну из главных для человечества идей. Такого замаха не было ни в одной из прежних великих революций, в том числе французской. И показал – всей своей последующей судьбой, – что вне идеи Бога нормальный (т.е. не направленный против лучшего в человеке, не перерабатывающий – в примитивно-насильническом направлении – его природу) социальный порядок невозможен. Вышел какой-то перевернутый, противоположный нормальному, мир – ведь только в перевернутом («вывороченном», «колдовском», противоположном миру Божьему) пространстве возможны превращение живой иконы в идола и последовательная реализация принципа «кто был ничем – тот станет всем». *Во внеморальном, антиэтическом максимализме советского мира – его принципиальное отличие от дореволюционного и постфевральского (как он мыслился и отчасти реализовался февралистами) социальных порядков.* Совсем не случайно в процессе самореализации он дошел до сталинизма. Относительная нормализация советского мира в послесталинские времена была следствием естественной человеческой потребности в нормальной жизни.

Одновременно после Февраля работала и тенденция к порядку – традиционному, т.е. центрированному на власть. И она, в конечном счете, реализовалась как тотальная. Это проявилось и в ментальном, культурном отношении: отказав в высшем обосновании павшему самодержавию, русский народ тут же приступил к сакрализации новой власти, чтобы возвысить ее до самодержавного идеала. В народной картине мира один продолжал оставаться всем – Творцом системы, тем единственным (избранным свыше), кто знает, куда идти. А такой тип властвования требует сакрализации. Следует также учитывать, что с ликвидацией идеи Бога власть становилась единственным средоточием высших «функций» (карать и миловать, наставлять и опекать свой народ). Кроме того, через «почвенную» веру в сверхъестественное, концентрировавшуюся и на ней, получала мощнейшую магическую подзарядку. Все это возводило ее на высоту, недоступную позднему самодержавию. Советская власть нуждалась лишь в персонификаторе, способном ответить на эти массовые вызовы. И она его получила в лице Сталина, сделавшего сакрализацию технологией властвования. Сталин и стал воплощенным новым миром, сотворил советский порядок. В том, что из него вышло, мы сейчас и живем.

Культурная «незрелость» социума ± традиционный тип самореализации

Процессы сакрализации / десакрализации власти у нас явно повторяются (на фоне общего – характерного для современности – «десакрализационного» тренда). В некотором смысле они даже приобрели циклический характер. Можно считать их *механизмом, за счет которого воспроизводится* (восстанавливается – в ответ на тенденцию осовременивания власти, причем в момент ее кажущейся победы) *традиционный алгоритм властвования*. Как известно, сакральной принято считать власть, наделенную, по мнению подданных, Божественной харизмой. С обязательной сакрализацией обычно связывают традиционный («досовременный») тип господства. Но это – общий вариант. Случай же с русской властью – совершенно особый. Она традиционно возвышается над обычным порядком (ставится над социумом) не только через связывание с Божественным началом, но и посредством приписывания ей сверхъестественных черт и выстраивания символических отношений с народом.

В возвышении власти, подтягивании ее до самодержавной нормы объединяются властвующие и подвластные[18]. В разные времена наше социальное большинство не прекращало сакрально-магической подпитки власти, считая это знаком ее качества. Сакральный характер власти связывается подвластными с ее силой, проявляющейся в «грозе» (суровости), справедливости (в распределении милостей и забот о подданных), аскетичности (бескорыстии, неподкупности, даже бедности). Такая власть – защитник и оберегатель своего народа (в земном, материальном и «высоком» – морально-нравственном, ценностном смысле), его «водитель» и учитель (наставник). Такой власти можно только служить. Альтернатива – бунт, который сродни богоборчеству.

Понятно, однако, какова мера ее ответственности (за свой народ – перед каким-то высшим началом) и как может она ответить перед народом, стоит ей сорваться со своей высоты (ослабнуть, растратив кратократический

18. Мне кажется одинаково ограниченным подход С. Коткина, рассматривающего «культы» Ленина и Сталина исключительно как порождение политических технологий (16, с. 402), так и понимание «культов» как отражения традиционной потребности крестьянства в консолидирующей «фигуре отца» народа. Акцентирование одного из подходов даже не упрощает, а искажает ситуацию. Идеальные образы, представления о дóлжном мироустройстве – как раз то пространство, где властвующие находят с управляемыми общий язык, на котором договариваются, приходя к согласию. «Культ» верховной власти и рождается из такого согласия.

потенциал). Она неизбежно будет наказана и «земным порядком» (как плохой правитель), и как неоправдавший себя морально-нравственный авторитет. Поэтому *павшая власть у нас обязательно станет падшей. А значит – будет подвергнута унизительным символическим процедурам с целью десакрализации*. Степень же падения власти соответствует уровню ее возвышения: как высоко мы возносим свою власть, так же низко ее роняем.

Ужас событий начала XX в. в России во многом объясняется попыткой народа на практике реализовать традиционный идеал: воли, правды, народной (грозной, справедливой, аскетичной, неземной и нечеловеческой) власти. Алгоритм реализации был традиционным – погромно-насильственным, противоправным и антинормативным. Не принимаем – на культурном, ментальном уровне – слабую власть, ликвидируем ее в реальности. Хотим власти сильной, – даем добро на установление жесточайшей, немыслимой в XX в. (особенно после «слабого» николаевского самодержавия) диктатуры. Желаем «побарствовать» (из ничего стать всем) и получить «молочные реки в кисельных берегах», – убираем все, что этому мешает (людей, мораль, культуру и т.д.). В конце XX в. до последнего предела в реализации своих (в основе мало изменившихся) идеалов российский социум не дошел. Но и собственной цивилизационной ограниченности не преодолел. Для него по-прежнему составляет проблему совместить вертикальность социального устройства с вызовами свободы, эффективную власть – с сильным обществом.

Он демонстрирует это прежде всего своими отношениями с верховно-президентской властью, критикуя ее с позиций традиционного идеала (см. об этом: 10, с. 51–85, 107–138). Это норма, которая приписывается, навязывается власти «снизу». Она не способна ей соответствовать (что вполне естественно), но может ее использовать – в своих целях, для легитимации и мобилизации массовой поддержки. То есть имитация «нормы» становится инструментом властного продвижения. У «верхов» отпадает необходимость нормализовываться в правовом, процессуальном режиме. В то же время идеальными, т.е. принципиально нереализуемыми образами нормируются ожидания от власти. Законным требованиям, как и уверенности в том, что система должна быть подчинена гражданским нуждам, почти не остается места. Это перекрывает возможности нормализации восприятия, а значит, – перехода «снизу» от «субъект»-«объектных» к «субъект»-«субъектным» отношениям власти и граждан.

Символично, что последние Романовы остались для современного российского общества властным антиидеалом и потому самой опороченной в истории русской властью. Это плата за их последность, компенсация народного страха перед конечностью власти. Обрыв властной преемственности до сих пор народным сознанием воспринимается как

предвестник социальной катастрофы – анархии, распада, безвременья. События конца XX в., дискредитировавшие в представлениях россиян образ современной (демократической) власти, только подтвердили и обострили эти глубоко традиционные представления. Уступая их давлению, наши граждане с готовностью принимают династические выкрутасы нынешней власти. Пусть она продолжится, – они ей помогут. Ведь вопрос ее воспроизводства есть в то же время вопрос их самосохранения. Так, во всяком случае, им кажется.

Минимизируя свое участие в процессах властного воспроизводства, поощряя сильную власть (провоцируя ее на усиление), современное российское общество не то, чтобы расписывается в собственном бессилии. Оно осознает слабость внутренних скреп, признается в том, что его нет. Сигналом его появления станет гражданская самоорганизация, а симптомом зрелости – способность ужиться с такой властью, которую оно традиционно признает слабой. Поддержка власти, (сознательно или бессознательно, вольно или под общественным давлением) ограничивающей свой силовой (т.е. собственно кратократический) потенциал, ориентация на компромисс, партнерство, договорные отношения с ней – вот показатели роста российского общества.

Однако ни власть, идущая на самоограничение вопреки собственному эгоизму (человеческому и властному), ни социальная среда, способная удержаться от ликвидации слабой власти и не скатиться при ней в хаос, пока не стали у нас социальным фактом. Для этого требуется *ментальная революция*, а ее-то как раз – в отличие от социальных – и не случается. *Цель такой революции – перейти от алхимии к химии, от сакрализованных обоснований, магических действий, сверхъестественных ожиданий и игры идеальными образами – к понятной правовой процедуре, в которую одинаково вписаны власть и граждане*.

Пока, повторяю, этого не получается. Две попытки «расколдоваться», выдержать социосберегающий баланс между «слабеющей» властью и формирующимся обществом – в начале и в конце XX в. – списаны нами в исторический пассив, признаны властным преступлением перед народом. А вновь народившаяся «сильная» власть и в начале XXI столетия подвергается сакрализации – в тех масштабах и формах, которые необходимы нынешнему современному (только в примитивно темпоральном смысле – как факту настоящего времени) социуму. Каждый приступ сакрализации оборачивается у нас дерационализацией политического мышления и политической деятельности. В итоге не происходит полномасштабной секуляризации власти (ее представлений о себе и социальных – о ней), а вследствие этого – рационализации (осовременивания) отношений власти и общества.

Литература

1. 1917 год: Россия революционная. Сб. обз. и реф. – М., 2007. – 196 с.

2. Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировой война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история: Ежегодник, 2001. – М., 2003. – С. 399–425.

3. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. I: От прошлого к будущему. – 2 изд., перераб. и доп. – Новосибирск, 1997. – 804 с.

4. Булдаков В.П. Империя и Смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 5–27.

5. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 376 с.

6. Бунин И. Окаянные дни. – СПб., 2003. – 320 с.

7. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. – СПб., 2001. – 349 с.

8. Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1997.

9. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М., 1995. – 220 с.

10. Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М., 2008. – 416 с.

11. Пайпс Р. Русская революция. – Ч. I. – М., 1994. – 398 с.

12. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М., 2006. – 168 с.

13. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. – М., 1999. – 148 с.

14. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – М., 2004. – 796 с.

15. Успенский Б.А. Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 149–196.

16. Kotkin St. 1991 and Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // J. of mod. history. – Chicago, 1998. – Vol. 70, N 3. – P. 384–425.

17. Wade R. The Russian revolution, 1917. – Cambridge, 2000. – 337 p.

В.Н. Бабенко

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ОТ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ К ОБРАЗУ ЖИЗНИ?

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Общеизвестно, что коррупция как социально опасное явление появилось с возникновением государства. Поэтому уже в странах Древнего мира предпринимались первые попытки борьбы с коррупционными деяниями. Дошедшие до нас источники и произведения известных мыслителей древности и Средневековья свидетельствуют о том, что Платон и Аристотель выявили тесную связь коррупции с политикой, а Макиавелли в XVI в. приблизился к почти современному пониманию коррупции, определив ее как систему грабежа со стороны чиновников. Гоббс в XVII в. писал в своем знаменитом «Левиафане», что должностные лица совершают преступления, надеясь избежать наказания за счет подкупа судей. Русский теоретик анархизма М. Бакунин в 70-е годы XIX в. отмечал, что коррупция является важным инструментом в руках политиков, которые используют его для сохранения своей власти всеми доступными способами.

Некоторые современные исследователи считают, что бюрократическая система государственной власти и управления без должного контроля со стороны институтов гражданского общества превращает со временем саму власть в товар, а также создает соответствующий механизм продажи власти на рынке властных услуг. О том, насколько опасна коррупция в современной России, можно судить по сентенции Президента РФ Д. Медведева, назвавшего ее «врагом номер один» развитию в стране «свободного демократического и справедливого общества» (12).

1. От системы «кормления» до «кормления от дел»

В Древней Руси взяточничество в качестве специального термина в уголовном законодательстве не упоминалось. В нем употреблялись другие термины и указывались только некоторые виды должностных преступлений, связанных с этим явлением. В целом в IX–XIX вв. взяточничество в России приобретало различные формы и обозначалось следующими понятиями: «почестья», «поминки», «посулы», «лихоимство», «мздоимство» и т.п., часть которых носила легитимный характер.

До середины XVI в. даже понятия взятки как должностного злоупотребления в нынешнем его понимании в нашей стране не было. Объяснить это можно, очевидно, существованием в IX–XVI вв. системы «кормления», в соответствии с которой отдельные должностные лица (наместники, волостели и др.) не получали денежное содержание из государственной казны, а их должно было полностью содержать местное население. Как считает М.Ф. Владимирский-Буданов, система «кормления», зародившаяся еще в Древней Руси, была схожа с аналогичной системой Московского государства и заключалась «в сборе “корма” натурой (коробейщине), судебных пошлинах и княжеских экономических доходах» (6, с. 103). Как отмечал в связи с этим известный юрист В.И. Сергеевич, «получение корма, натурой или деньгами, есть обыкновенный способ содержания в Москве наместников, волостелей и их пошлинных людей» (19, с. 149). В данный период сложился также порядок «кормления от дел», означавший, что соответствующие должностные лица административно-судебных органов получали дополнительную плату при решении конкретных вопросов и исков.

Несмотря на то, что система «кормления» была в основном ликвидирована в ходе земской реформы 1555–1556 гг. в период правления Ивана Грозного, многие ее традиции сохранились на долгие годы в деятельности местных органов власти. Данное обстоятельство объясняет и то, что в древнерусских источниках достаточно редко говорилось о взятке как о преступном деянии. Так, в статье 48 Псковской судной грамоты термин «посул» применялся в качестве законного вознаграждения судьи за оказанные услуги. Очевидно, в его основе лежит древняя традиция обязательно отблагодарить должностное лицо, участвовавшее в решении возникшего спора.

Однако уже в Судебнике 1497 г. запрещалось давать «посул» (взятку) судье. В частности, в статье 67 говорится о запрещении во всех городах и волостях Московских и Новгородских земель лицам, участвовавшим в процессе, давать «посул» судьям и приставам. В Судебнике 1550 г.

указывалось, что дьяк, получивший «посул», отправлялся в тюрьму, а к подьячему применяли такое наказание, как битье кнутом.

Таким образом Русское централизованное государство начинает принимать чрезвычайные меры против подкупа и взяточничества. Тем не менее в России в период сословно-представительной монархии получила достаточно широкое распространение передача взяток судьям, что предопределяло по существу решение конкретных дел. Дошло до того, что в 1647 г. дворяне вынуждены были обратиться с челобитной к царю Алексею Михайловичу, в которой просили запретить данную практику. Следует отметить, что особенно процветало взяточничество в столице России. Недовольство населения произволом приказных людей привело даже к восстанию в Москве в 1648 г., в результате которого значительная часть города была сожжена, а молодой царь Алексей Михайлович вынужден был приказать казнить руководителя Пушкарского приказа Траханиотова и судью Земского приказа Плещеева.

В Соборном уложении 1649 г., которое действовало до 30-х годов XIX в., боярам, окольничим, думным людям, воеводам и дьякам запрещалось брать взятки, а к судьям, уличенным во взяточничестве, применялись соответствующие санкции. Хотя в законодательстве и осуждалось взяточничество, на практике доказать его было очень трудно. Как отмечает И. Андреев, «взятку можно было выдать за традиционное подношение, благодарственную плату за “привет и бережение” воеводы» (1, с. 11). Наряду с приказными избами в городах в XVII в. к взяточничеству приспособились и такие центральные органы управления как приказы. «Брали все – от приказного судьи до последнего подъячего, и по возможности со всех» (там же, с. 12).

Несмотря на то, что служащие приказов получали денежное содержание из государственной казны, они рассматривали «кормление от дел» в качестве основного и легального источника доходов, которые могли зачастую в 3 и более раз превышать жалованье приказных людей. «В представлении людей XVII в. существовало, – отмечает Л.Ф. Писарькова, – четкое деление доходов “от дел” на законные и незаконные, хотя с позиций правовых норм более позднего времени отличия между “почестьями”, “поминками” и “посулами” были едва различимы» (16, с. 33). Так, например, «почестье» («почесть») в качестве формы добровольного приношения до начала рассмотрения дела в суде было легитимным еще в Древней Руси. Вполне приемлемыми считались и «поминки», означавшие приношения после завершения судебного дела.

2. Попытки борьбы с мздоимством в годы правления Петра I и Екатерины II

В первой четверти XVIII в. было издано много нормативно-правовых актов, в которых предусматривались достаточно суровые меры наказания служилых людей за мздоимство. Так, в 1713 г. в соответствии с указом Петра I вводилась равная уголовная ответственность в отношении дававших и получавших взятки. Однако в связи с тем, что обе стороны в данной ситуации не были заинтересованы в разоблачении, появился институт посредников или пособников, которые обеспечивали функции безопасного осуществления акта взяточничества. В 1714 г. царь разрешил всем людям доносить ему лично о случаях лихоимства. Причем при подтверждении факта взяточничества доносивший на преступника мог получить его имущество и даже чин. Принятие таких мер было обусловлено широким распространением данного общественно опасного явления, а также введением Петром I в 1715 г. фиксированного денежного содержания всем гражданским служащим.

Фискалы, учрежденные в 1711 г. и подчиненные затем генерал-прокурору Сената, принимали активное участие в контроле за противозаконной деятельностью государственных чиновников, включая и взяточничество. Тем не менее даже некоторые члены Сената оказывали сопротивление такому контролю. Так, например, в 1714 г. обер-фискал Нестеров подал в Сенат заявление о колоссальных злоупотреблениях Сибирского губернатора князя Гагарина, но сенаторы на донос не обратили внимания, а сенатор Мусин-Пушкин даже приказал уничтожить представленные фискалом два ящика компрометирующих документов (4, с. 47). Тем не менее по приказу Петра I князь Гагарин был казнен. А три года спустя четвертовали за лихоимство и обер-фискала Нестерова, изобличившего до этого во взяточничестве князя Гагарина. В то же время неоднократно изобличавшийся в лихоимстве ближайший сподвижник царя А.Д. Меншиков не был привлечен к ответственности.

Кроме того, при Сенате были учреждены следственные комиссии, рассматривавшие дела о злоупотреблениях чиновников в период правления Петра I. Так, в 1725 г. на основании их работы был издан указ Сената о приговоре к смертной казни «за взятки и излишние сборы комиссаров Арцыбашева, Баранова и подъячего Волоцкого», в соответствии с которым они «были повешены в месте их злоупотреблений, в Обонежской пятине Новгородской провинции, а о причинах их казни объявлено было всенародно при помощи особых печатных листов в назидание прочим сборщикам» (4, с. 48).

Однако уже в 1727 г. было принято решение отменить жалованье для большинства государственных служащих, что привело к возврату положения, которое существовало еще до Петра I и было связано с традиционным «кормлением от дел». Хотя императрица Анна Иоанновна и предпринимала попытки вести борьбу со взяточничеством, эта борьба часто носила не

системный, а избирательный характер. Так, в 1732 г. Сенат расследовал дело о злоупотреблениях чебоксарского воеводы Заборовского, притеснявшего местное население и бравшего с него взятки. В результате сенатского расследования воевода был оправдан, поскольку Заборовский помирился с обиженными – это и послужило основанием для освобождения его от наказания, хотя сам факт взяток и притеснений не отрицался (4, с. 49). Однако были и случаи иного рода. В 1736 г. Анна Иоанновна издала специальный указ о расследовании дела о злоупотреблениях иркутского вице-губернатора Жолобова, который «брал взятки золотом, серебром и ясаком (пушниной) с инородцев, помогал преступникам за деньги избежать наказания, ложно доносил на неугодных ему лиц» (там же). Он был приговорен к смертной казни.

В целом после смерти Петра I борьба со взяточничеством велась бессистемно, а многие виновные государственные чиновники добивались оправдания или незначительных наказаний. Только некоторые дела о злоупотреблениях чиновников после вмешательства монархов доводились до логического конца, и преступники несли заслуженное наказание.

Екатерина II активизировала борьбу с мздоимством. В соответствии с ее манифестом от 15 декабря 1763 г. всем государственным служащим было установлено жалованье не по чину, а по занимаемой должности, а сумма окладов увеличивалась почти в 2 раза. Такие меры были призваны обеспечить
честное существование чиновников. И действительно, они способствовали тому, что объем злоупотреблений коррупционного характера в 70-е годы XVIII в. существенно снизился.

Однако в связи со значительным падением в 1780-е годы курса ассигнационного рубля по отношению к серебряному, покупательная способность ассигнаций чиновников резко упала. А это привело к существенному ухудшению материального положения служилых людей и соответственно к росту злоупотреблений. Екатерина II вынуждена была лично признать это в манифесте от 18 июля 1792 г. и в указе от 17 февраля 1793 г., в которых говорилось о широком распространении лихоимства в органах управления и судебных учреждениях. «Веками формировавшаяся наследственная идеология чиновников привела к тому, – отмечает Н.Ю. Болотина, – что они уже, наверное, на генетическом уровне понимали: в определенных пределах правительство позволяет им пользоваться своим должностным положением, “кормиться у дел”, тем самым дает дополнительный заработок; главное оставаться верным трону» (4, с. 57). Даже известный писатель и естествоиспытатель А.Т. Болотов и будущий министр юстиции Г.Р. Державин признавались, что в конце XVIII в. вынуждены были давать взятки (16, с. 35).

Широкое распространение взяточничества в России породило многочисленные пословицы, дошедшие до наших дней: «у приказного за рубль правды не купишь»; «не ходи к нашему воеводе с одним носом, а ходи с подносом»; «земля любит навоз, а наш воевода принос»; «всяк подьячий любит калач горячий» и др.

3. Взяточничество в XIX ± начале XX в.

В первой половине XIX в. в связи с реформированием государственной системы управления совершенствовались также способы злоупотреблений и получения незаконным путем доходов. Об этом свидетельствуют материалы фонда князей Голицыных, являвшихся владельцами многих сел, имений и предприятий, находившихся на территории различных губерний России. Среди них наибольший интерес представляют 13 годовых ведомостей (с мая 1804 по май 1853 г.), которые составлялись в Главном правлении пермских заводов, промыслов и вотчин князей Голицыных. Именно они содержат сведения о передаче натуральных и денежных средств местным органам власти в качестве взяток. Если на первом этапе (с мая 1804 по май 1805 г.) свыше 60% этих подношений составляли натуральные выплаты: хлебными припасами, вареньем, сахаром, лимонами, фуражом и другими продуктами», то в 1852 – мае 1853 г. на «помощь чиновникам по делам» Голицыны израсходовали в общей сложности 29 506 руб., из них 1406 руб. припасами, что составило 5% от всей суммы (16, с. 37).

Широкое распространение взяточничества среди чиновников Сената подтверждают следующие данные: в 1830 г. в Сенате было принято благоприятное решение судебного дела о передаче князю Голицыну села Яйвенского, которое стоило ему почти 6000 руб. «Эта сумма распределилась между чиновниками, – пишет Л.Ф. Писарькова, – следующим образом: обер-секретарю – 3000 руб., секретарю – 2000 руб., повытчику – 600 руб., да ему же особо за копии, одну с поданного к сему делу прошения г. Всеволожского, а другую со сделки его Всеволожского с г. Лазаревым, учиненную в 1804 году, 50 руб., регистратору также за услуги по сему делу – 200 руб., и на угощение последних троих употреблено в разное время 75 рублей» (16, с. 40–41).

Следует отметить, что от общей суммы взяток, предназначавшихся чиновникам губернских и уездных учреждений Перми, примерно 37–38% передавалось в отдельные годы судебным органам (там же, с. 42).

По сравнению с казенным жалованием взятки князей Голицыных некоторым чиновникам Пермской губернии в период правления Николая I

превышали их должностные оклады в 2–4 и даже 6 раз. На основе анализа архивных материалов и других источников Л.Ф. Писарькова делает вывод, что царским правительством «взятки признавались злом, но при низком жалованьи служащих – злом неизбежным и неискоренимым» (там же, с. 45). В целом она приходит к заключению, что «в России формирование такого сложного понятия, как “взятка”, было результатом “совместных усилий” государства, администрации и общества и хорошо укладывалось в рамки исторической традиции» (там же, с. 48).

Видный государственный деятель граф М.М. Сперанский, внесший большой вклад в кодификацию российского законодательства, неоднократно обращал внимание руководства страны на плохое имущественное положение государственных служащих, призванных решать важные государственные дела.

Отдельные частные и коллективные взяткодатели изыскивали различные способы подношений чиновникам с тем, чтобы не нарушать действовавшие нормы закона. Примечательно, что в 1832 г. представители Московского купеческого общества обратились с просьбой в Сенат разрешить им установить в Москве памятник генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну. Однако Сенат в 1832 г. в специальном Указе «О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества» установил, что памятники, портреты, адреса и т.п. являются «приношением начальствующему лицу», т.е. взяткой. Таким образом, предпринимавшиеся государством в первой половине XIX в. меры не смогли помешать государственным служащим «брать взятки, подношения, подарки к различным праздникам и именинам» (4, с. 55–56).

В 1845 г. было подготовлено «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», содержавшее специальную главу «О мздоимстве и лихоимстве», в которой предлагалось усилить борьбу со взяточничеством и упорядочить порядок применения дисциплинарных взысканий в отношении государственных служащих. В данном уложении взяточничество рассматривалось как преступное деяние. Причем, на взяткополучателя в том случае, если он не нарушал своих должностных обязанностей, налагался штраф в сумме двойной стоимости подарка или он освобождался от занимаемой должности. Если же должностное лицо, получившее взятку, допускало при этом нарушение закона и служебных обязанностей, то оно обвинялось в злоупотреблении властью и подвергалось наказанию в уголовном порядке.

Император Николай I, осознавая проблему широкого распространения взяточничества в стране, поручил выяснить, кто из действовавших в то время губернаторов не брал взяток. Оказалось, что такими были только киевский и ровенский губернаторы Фундуклей и Радищев (последний являлся сыном

известного автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Тем не менее «крайняя нужда в опытных администраторах» (10, с. 14), полагает А.В. Куракин, делала Николая I достаточно снисходительным по отношению к коррупционным проявлениям в чиновничьей среде. А это привело к тому, что в 40–50-е годы XIX в. почти 100 тыс. государственных чиновников были привлечены к суду за различные преступления, включая взяточничество и присвоение казенного имущества. Дошло до того, что в конце своего правления Николай I вынужден был сказать своему сыну, будущему императору Александру II: «В России не воруют только два человека – я и ты» (там же, с. 13).

О повсеместном распространении взяточничества в судебных учреждениях красноречиво свидетельствует тот факт, что даже министр юстиции России граф В.Н. Панин, «составляя рядную запись в пользу своей дочери в петербургском уездном суде, вынужден был в силу обычая дать, правда не лично, а через директора департамента Топильского, 100 рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело» (5, с. 216).

В.В. Астанин считает, что в период «абсолютизации государственной экономики система коррупционных проявлений сужалась до правовой конструкции, отражающей с уголовно-правовых позиций подкуп-продажность служащих: посул-продажа, лиходательство-лихоимство, мздодательство-мздоимство» (2, с. 4).

Соглашаясь в целом с мнением большинства исследователей о том, что в России в период правления Николая I взяточничество по-прежнему процветало, не следует сводить это только к низким окладам чиновников или элементарной человеческой жадности. К основным причинам этого явления необходимо отнести: 1) низкий уровень материального обеспечения, в том числе недостаточную оплату труда государственных чиновников и связанное с этим снисходительное отношение государства к коррупционным правонарушениям; 2) попустительство властей в отношении повсеместного нарушения законов богатыми и знатными людьми, принадлежавшими к высшим привилегированным сословиям; 3) сохранение традиции «кормления от дел», которая была успешно адаптирована должностными лицами к новым условиям; 4) толерантное отношение общества к взяточничеству, во многом обусловленное данной традицией.

В годы правления Александра II в условиях интенсивного развития капиталистических отношений существенно изменились и способы взяточничества. Все чаще взяткодатели стали вводить в состав правлений акционерных обществ высших государственных чиновников и записывать на их имя определенное количество акций, которые затем продавались по более высокой цене, чтобы передать данному чиновнику эту разницу в качестве якобы полученной на законном основании прибыли.

Однако заметное расширение такой практики привело к тому, что Александр III вынужден был издать в декабре 1884 г. Указ «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях», в соответствии с которым высшим чиновникам запрещалось совмещать государственные должности с работой в банках или акционерных обществах. К числу данной категории чиновников относились «обер-прокуроры Сената и их заместители, министры, директора и вице-директора департаментов и канцелярий министерств, начальники главных управлений, губернаторы, вице-губернаторы, начальники областей, градоначальники, председатели и члены гражданских судов и другие высшие должностные лица» (10, с. 14). Тем не менее эти меры не привели к снижению злоупотреблений в данной сфере, так как государственные чиновники вместо себя стали включать в правления акционерных обществ и других коммерческих предприятий своих жен, детей, а также доверенных лиц. Хотя в июне 1885 г. Комитет министров утвердил список из около 100 должностных лиц, на которых распространялось действие декабрьского 1884 г. указа Александра III, государственные чиновники достаточно быстро приспособились к изменившейся ситуации.

В 1894 г. министр финансов Российской империи С.Ю. Витте добился внесения изменений в Устав о службе гражданской, в соответствии с которыми разрешалось принимать в состав Министерства финансов представителей буржуазии, имевших большой опыт предпринимательской деятельности. Это привело к еще большему распространению коррупции среди государственных чиновников и фактически положило, отмечает А.В. Куракин, «начало формированию государственных служащих “капиталистической формации”, которые имели акции, получали “мзду” за исполнение других функций, при принятии важных решений» (10, с. 14–15).

Нарушения государственными чиновниками должностных обязанностей, способствовавшие росту коррупции, влекли за собой не уголовную, а в основном лишь дисциплинарную и административную ответственность.

В Уголовном уложении 1903 г. появился ряд норм, направленных на предупреждение коррупции. Однако закон достаточно четко прописал нормы, связанные с продажностью государственных чиновников, но квалификация подкупа как другой стороны коррупционного деяния, не нашла в нем должного отражения. Да и само Уложение 1903 г. не было введено в действие специальным указом императора. И только отдельные его нормы могли применяться в судебной практики по решению уполномоченных на то государственных органов.

В годы русско-японской войны было выявлено организованное участие государственных служащих в коррупционных деяниях. Так, в Управлении военных сообщений был обнаружен подкуп нескольких десятков

чиновников, предоставивших предпринимателям для перевозки грузов более 10 тыс. особых вагонов, включенных в состав войсковых эшелонов (2, с. 32).

О достаточно лояльном отношении руководства страны к коррупции в начале XX в. свидетельствует следующий факт. В 1908 г. ряд депутатов Государственной думы предложили рассмотреть вопрос о злоупотреблениях и взяточничестве чиновников на Северном Кавказе. Однако император Николай II выступил против. Он рекомендовал заняться расследованием данного дела местной администрации, подчеркнув при этом, что «не надо с этим торопиться» (4, с. 56–57).

Несмотря на ограниченность норм уголовной ответственности лиц, изобличенных в коррупционных отношениях, государство предпринимало в годы Первой мировой войны меры, направленные на усиление борьбы с коррупцией. Так, в 1915 г. на заседании Государственной думы было внесено предложение об уголовном преследовании лиц, дававших взятки с целью подкупа государственных служащих. Министерство юстиции конкретизировало данную инициативу, предложив почти приравнять по мерам наказания взяткодателей и мздоимцев. А в тех случаях, когда взятка предлагалась государственному служащему организованной преступной группой, мера наказания для последних должна быть значительно выше, нежели для подкупаемого. Последовавшие по инициативе Совета министров в 1915–1916 гг. дополнения «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» нормами, направленными на расширение категорий лиц и организаций, участвующих в коррупционных отношениях, уже не могли повысить эффективность борьбы с коррупцией, так как неудачи на фронте и массовые выступления в стране в конце 1916 – начале 1917 г. привели к Февральской буржуазной революции.

Временное правительство также не смогло в условиях двоевластия, усиливавшейся инфляции и резкого ухудшения социально-экономического положения в России, вести целенаправленную борьбу с коррупцией. Предложения по данному вопросу, поступавшие от Юридического совещания, не могли быть реализованы на территории всей страны, так как революционный процесс вступил в леворадикальную фазу, что привело в конечном итоге к Октябрьской социалистической революции и установлению диктатуры пролетариата.

4. Советский подход к борьбе со взяточничеством

Советское государство при формировании нового корпуса государственных служащих вынуждено было на первом этапе использовать опыт работы государственных чиновников царской России. В то же время

оно определяло коррупционные преступления как пережитки прошлого, как результат ужесточения борьбы с бывшими эксплуататорскими классами.

8 мая 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «О взяточничестве», в соответствии с которым за данный вид преступления применялось наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет в сочетании с принудительными работами. Причем к уголовной ответственности привлекались все лица, изобличенные в подстрекательстве и пособничестве к подкупу государственных служащих. В этом декрете нашел отражение и классовый подход, заключавшийся в том, что если взяткодатель принадлежал к бывшему эксплуататорскому классу, то он приговаривался к тяжелым принудительным работам, а все его имущество подлежало конфискации.

Важное значение имело также дополнение, внесенное 16 августа 1921 г. в Декрет «О взяточничестве», касавшееся введения уголовной ответственности для укрывателей взяточничества. А в Циркуляре Народного комиссариата юстиции № 36 от 25 сентября 1922 г. предлагалось установить уголовную ответственность за недонесение об имевшей место коррупционной сделке, что должно было усилить меры общественного контроля. Тем не менее предпринимавшиеся советским государством меры не смогли снизить уровень коррупционных преступлений. Так, в 1922 г. общее число осужденных за взяточничество только по 49 губерниям РСФСР составило 3254 человек, что более чем в 2 раза превышало осужденных за государственные преступления (2, с. 40–41).

В период проведения новой экономической политики существенно расширились коррупционные возможности для государственных служащих. Государство принимало соответствующие меры для снижения коррупционных рисков посредством усиления уголовной репрессии в отношении взяточников и всех лиц, принимавших участие в совершении данного преступления. Это нашло отражение в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Так, в статье 114 данного кодекса указывается, что к должностному лицу, получившему взятку за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг его служебных обязанностей применялось наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой. Однако получение взятки при отягчающих обстоятельствах влекло за собой усиление репрессии вплоть до применения высшей меры наказания с конфискацией имущества. Лицо, дававшее взятку, также подвергалось наказанию на срок до трех лет лишения свободы.

Ужесточение уголовной репрессии и открытые публичные процессы над взяточниками способствовали тому, что во второй половине 1920-х годов удельный вес взяточников в общей массе осужденных за должностные преступления начал снижаться. Поэтому в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.

меры наказания за взяточничество без отягчающих обстоятельств были несколько смягчены.

В первой половине 1930-х годов государство продолжало предпринимать меры по ограничению возможностей для государственных служащих найти лазейки в антикоррупционном законодательстве. Так, 18 октября 1931 г. СНК СССР принял Постановление «О ликвидации ненормальных фактов прямого товарообмена между хозяйственными органами», в соответствии с которым заключение договоров такого рода фактически приравнивалось к взяточничеству.

Решению данной задачи служило и Постановление СНК СССР от 20 апреля 1934 г. «О премировании ж/д работников и о совместительстве работы на транспорте с работой в других предприятиях и учреждениях», запрещавшее премирование работников железнодорожного транспорта смежными предприятиями, а также совмещение их работы с деятельностью в других учреждениях. К тому же в Циркуляре Прокуратуры СССР от 16 декабря 1934 г. «О незаконном премировании» строго запрещалось работникам предприятия, поставляющего продукцию, принимать премии от предприятия-заказчика.

В случае обнаружения такого факта было рекомендовано допустивших это лиц привлекать к уголовной ответственности.

Во второй половине 1930-х годов, в период массовых политических репрессий, борьба со взяточничеством отошла на второй план по сравнению с борьбой против реальной и мнимой оппозиции.

В первый год Великой Отечественной войны число лиц, осужденных за взяточничество, увеличилось на 17% по сравнению с предыдущим годом. Но в последующие два года количество осужденных данной категории снижалось (2, с. 51). Тем не менее в 1944–1945 гг. после освобождения оккупированных территорий и в первые послевоенные годы число лиц, осужденных за получение и дачу взятки, существенно возросло.

Борьба с коррупцией в послевоенный период, как и в предшествующие годы, не увенчалась успехом. Советский законодатель начал использовать термин «коррупция» только в конце 80-х годов, обозначая им такие понятия, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и др. Советское руководство объявляло коррупцию пороком эксплуататорского общества, которого не могло быть при социализме. Многочисленные факты коррупционных преступлений объяснялись недостатками в работе партийных, профсоюзных и государственных органов. Об этом, в частности, достаточно подробно говорилось в закрытом письме ЦК КПСС «Об усилении борьбы со взяточничеством и разворовыванием народного добра» от 29 марта 1962 г.

Непонимание природы коррупционных явлений и применение неадекватных методов борьбы с ними привело к тому, что в 80-е годы резко вырос удельный вес коррупционных преступлений в стране. Так, из записки Отдела административных органов ЦК КПСС и Комитета партийного контроля
при ЦК КПСС от 21 мая 1981 г. следует, что в 1980 г. было выявлено свыше 6000 случаев взяточничества (на 50% больше, чем в 1975 г.). Кроме того, в государственных ведомствах стали появляться организованные группы, совершавшие коррупционные преступления. Так, в Министерстве рыбного хозяйства СССР в такую группу входили свыше 100 человек во главе с заместителем министра. В данной записке говорилось также о взяточничестве и сращивании работников контрольных органов с преступными элементами,
о распространении коррупции в прокуратуре и судах. К основным составам преступления были отнесены: 1) незаконный отпуск дефицитной продукции; 2) незаконное выделение оборудования и материалов; 3) корыстная корректировка и снижение плановых заданий; 4) назначение на ответственные должности взяточников; 5) сокрытие махинаций.

Среди причин, способствовавших созданию условий для коррупционных правонарушений, в этой записке выделялись следующие: 1) серьезные упущения в кадровой работе; 2) бюрократизм и волокита при рассмотрении законных просьб граждан; 3) плохая работа с жалобами и письмами граждан; 4) грубые нарушения государственной, плановой и финансовой дисциплины; 5) либерализм по отношению к взяточникам; 6) плохая работа с общественным мнением. Как правило, на основании материалов таких записок, представленных структурными подразделениями ЦК КПСС, рассматривали данный вопрос на очередном Пленуме ЦК КПСС и принимали соответствующее постановление, обязывавшее партийные и государственные органы исправить указанные недостатки. В некоторых случаях принимали также решение о наказании отдельных партийных работников городского и районного уровней. Однако о том, что общество имеет дело с социально опасным явлением, речи не шло.

Конечно, в условиях тоталитарного, а затем авторитарного режимов невозможно было разработать эффективный механизм борьбы с коррупцией, не затрагивая основ государственной и партийной власти. Ведь практически все высшие государственные и партийные деятели в СССР были неприкосновенны. Коррупционные преступления лишь некоторых представителей партийно-государственной элиты стали достоянием общественности. К таким следует отнести дело первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова, министра внутренних дел Щёлокова и заместителя министра внешней торговли СССР Сушкова.

Примечательно, что многочисленные донесения КГБ и Генеральной прокуратуры СССР в ЦК КПСС относительно вручения министру торговли Патоличеву от иностранных фирм в качестве подарков очень дорогих изделий из золота и других драгоценных металлов после заключения с ними соответствующих контрактов, не получили соответствующей оценки. А сам Патоличев, как и многие другие представители высшей партийно-государственной номенклатуры, был недосягаем для правоохранительных органов страны. Отдельные же случаи обнародования коррупционных преступлений были связаны или со сменой руководства партии, или с очередной кратковременной кампанией.

Важно отметить, что в 80-е годы и особенно в период «перестройки» коррупция в СССР выступает в качестве фактора организации и регулирования теневого рынка, который, независимо от того, хотели этого советские власти или нет, способствовал формированию скрытого сектора рыночных отношений в плановой социалистической экономике. Последней попыткой государства повлиять на уже необратимую ситуацию в условиях повсеместного дефицита товаров и услуг в нашей стране было принятие в июле 1991 г. Постановления Секретариата ЦК КПСС «О необходимости усиления борьбы с преступностью в сфере экономики». Однако в сложных социально-политических и экономических условиях, когда процесс распада СССР вступил в завершающую стадию, данное постановление, как и многие другие общесоюзные нормативно-правовые акты, оказалось нереализованным.

Таким образом, в послевоенный период рост коррупции в СССР происходил на фоне ослабления органов государственной власти и управления. Получил дальнейшее развитие процесс сращивания организованной преступности с терроризмом, где коррупционная составляющая играла важную роль. Партийно-государственное руководство страны, не пытаясь менять основы государственного строя, стремилось добиться снижения уровня коррупции путем усиления пропагандистской работы среди населения, ограждая в то же время значительную часть партийно-государственной номенклатуры от контроля со стороны КГБ и других правоохранительных органов. А это привело к тому, что коррупционные схемы, созданные в период «перестройки», были успешно легализованы в России в первые годы после распада СССР, а бывшие комсомольские и партийные работники, приватизировав с благословения новой власти значительную часть национального достояния страны, стали в одночасье крупнейшими олигархами.

5. Проблемы противодействия коррупции в современной России

В постсоветский период многочисленные факты о возбуждении уголовных дел в отношении первых руководителей законодательных и исполнительных органов власти отдельных субъектов Федерации, а также высокого ранга министерских чиновников свидетельствуют о том, что коррупция глубоко поразила не только региональную, но и высшую федеральную власть. Так, заместитель Генерального прокурора РФ В. Колмогоров во время отчета в Совете Федерации указал, что в «результате дефолта 1998 г. 170 чиновников Центробанка и Министерства финансов РФ использовали для своего обогащения конфиденциальную инсайдерскую информацию» (17, с. 135). Названные государственные служащие не были привлечены к ответственности, а сам В. Колмогоров вскоре был освобожден от занимаемой должности. Действия первого заместителя министра финансов А. Вавилова нанесли ущерб государству во время проведения двух взаимозачетов с Белоруссией и Украиной за поставленный Россией газ в 1 млрд. долл., однако ему была предоставлена возможность занять «неприкосновенное» сенаторское кресло в Совете Федерации и тем самым избежать привлечения к уголовной ответственности (там же).

По сложившейся практике судебному преследованию подвергаются только мелкие чиновники, не сумевшие найти соответствующего высокого покровительства. Об этом свидетельствуют и данные об осужденных за взяточничество, представленные Верховным судом РФ. Так, в 2008 г. в России «за взятки были осуждены всего 1300 госслужащих, и подавляющее большинство – за получение незначительных сумм». Среди них 31% составляли сотрудники МВД, 20,3 – служащие Минздрава, 12 – преподаватели, 9% – муниципальные служащие (3). Существует реальная опасность того, что системы «крышевания» и отмывания преступным образом полученных доходов, созданные еще в 90-е годы прошлого века, приведут к такой ситуации, в которой повсеместное взяточничество среди государственных служащих любого уровня трансформируется в привычный образ жизни. Об остроте этой проблемы свидетельствуют и данные международной неправительственной организации по противодействию коррупции Transparency International за 2008 г., в соответствии с которыми Россия со 143-го места (2007) опустилась на 147-е место, достигнув уровня коррупциогенности таких стран, как Кения, Сирия и Бангладеш (18).

Предпринимаемые в Российской Федерации в последнее время меры по борьбе с коррупцией и принятие в декабре 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» вселяют надежду, что прокуратуре и другим правоохранительным органам удастся добиться значительных успехов в борьбе с этим социально опасным явлением. Президент РФ Д.А. Медведев 25 февраля 2009 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры выразил озабоченность отсутствием контроля над доходами

должностных лиц. В частности, он сказал: «Серьезное внимание надлежит уделить надзору за соблюдением государственными и муниципальными служащими требований антикоррупционного законодательства. Это самая сложная, самая тонкая работа и самая важная» (11).

1 марта 2009 г. Медведев в интервью представителям испанских СМИ на вопрос об усилении коррумпированности российских чиновников в условиях кризиса ответил следующее: «...тот, кто пытается наживаться на кризисе, тот достоин особой ответственности за это дело» (9). Однако 16 марта в интервью газете «Известия» из его уст прозвучала серьезная озабоченность относительно исполнения законов о борьбе с коррупцией. Он, в частности, сказал: «Я думаю, что здесь нам придется столкнуться с самыми разными трудностями, в том числе и с трудностями, которые связаны с нашей неготовностью реализовывать эти полномочия, с нашей неготовностью предъявлять некоторые явления, которые у нас традиционно были скрыты» (8, с. 2). Понимая беспокойство главы государства, хотелось бы напомнить, что имеется солидная нормативно-правовая база (документы ООН, Совета Европы и Евросоюза, СНГ и других международных организаций), основные положения которой в значительной мере использованы в подготовке национальных законодательных актов о борьбе с коррупцией (13). И, конечно, необходимо в полной мере осознать, что бороться с коррупцией не могут государственные должностные лица, в той или иной степени причастные к такого рода деяниям или оказывавшие покровительство коррумпированным чиновникам. К сожалению, пессимизм относительно решения данной проблемы выказывается не только президентом, но и гражданами страны. Как свидетельствует один из последних опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «58% опрошенных пессимистично полагают, что коррупцию полностью победить невозможно» (7).

Введение в России обязательного декларирования доходов государственными служащими и членами их семей, независимо от занимаемой должности, несомненно, будет способствовать снижению коррупционных преступлений. 18 мая 2009 г. Д.А. Медведев подписал пять указов, в которых регламентируется порядок предоставления государственными чиновниками любого уровня сведений о доходах и имуществе, включая членов их семей. Причем, к таким чиновникам отнесены руководители государственных корпораций и лица, претендующие на замещение государственных должностей.

Важное значение имеет предложение министра юстиции РФ А. Коновалова о необходимости включения «в уголовное законодательство так называемой конфискации in rem – то есть конфискации, при которой бремя доказывания законности приобретения подозрительного имущества ложится

на виновное лицо» (14). В ведущих странах мира данный принцип уже давно широко применяется.

7 октября 2009 г. в выступлении на пленарном заседании Государственной думы министр внутренних дел Р. Нургалиев сообщил, что в январе-сентябре 2009 г. «число раскрытых фактов получения взятки увеличилось на 11,6 процента, почти на 17 процентов возросло количество дел, направленных в суд»[1]. Кроме того, по словам Р. Нургалиева, были «пресечены факты преступной деятельности руководителей ряда субъектов Российской Федерации: исполняющего обязанности вице-премьера Республики Карелия, вице-губернатора Курганской области, должностных лиц правительств Амурской, Новосибирской областей, председателя Государственной думы Ставропольского края, заместителей губернаторов Орловской, Волгоградской и Курганской областей, глав и заместителей глав администраций муниципальных образований в Республике Адыгея, в Ставропольском крае, Калининградской, Московской, Ростовской, Оренбургской областях и других высокопоставленных лиц»[2].

В целом многовековой малоэффективный исторический опыт борьбы с коррупцией в России свидетельствует о том, что для ее преодоления необходимы следующие меры: 1) создание комплекса нормативно-правовых актов, не позволяющих государственным служащим любого уровня безнаказанно совершать коррупционные деяния; 2) установление адекватной оплаты труда государственным служащим на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; 3) усиление контроля со стороны надзорных органов за исполнением законов и должностных обязанностей государственными служащими; 4) систематическое осуществление ротации кадров во всех без исключения государственных учреждениях; 5) проведение открытых судебных процессов над лицами, совершившими коррупционные преступления; 6) создание независимой общественной антикоррупционной палаты; 7) широкое освещение в средствах массовой информации мероприятий государства и общественных организаций по профилактике и борьбе с коррупцией.

Однако следует иметь в виду, что перечисленные выше меры могут стать в нынешних условиях успешными лишь при наличии политической воли у высшего руководства страны. «Проявление такой президентской воли может быть оформлено, – считает Е.Н. Мысловский, – путем создания специального уполномоченного им органа на проведение первичных проверок причин неисполнения правоохранительными органами своих прямых обязанностей по борьбе с коррупцией» (15, с. 225).

1. См.: http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe?BOCW/
2. См.: http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe?BOCW/

Хотелось бы надеяться, что предпринимаемые в настоящее время Президентом РФ Д.А. Медведевым усилия по борьбе с коррупцией принесут результат, а не превратятся в очередную краткосрочную и бессмысленную кампанию. А нас не будет больше унижать образ дикой и коррумпированной России, продолжающий время от времени появляться в зарубежных СМИ.

Литература

1. Андреев И. Всяк подъячий любит калач горячий // Родина. – М., 1999. – № 1. – С. 11–15.
2. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: Диалектика системного подхода. – М., 2003. – 95 с.
3. Берут по мелочи: Верховный суд отметил низкую результативность борьбы с коррупцией // Время новостей. – М., 2009. – № 14, 29 января. – С. 3.
4. Болотина Н.Ю. Взятка на Руси // Вестник архивиста. – М., 2001. – № 4–5. – С. 39–58.
5. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа. – М., 1915. – Т. 1. – С. 205–241.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
7. Воровать не надо забывать: Россияне видят хорошие стороны коррупции // Время новостей. – М., 2009. – № 73, 28 апреля. – С. 4.
8. Куракин А.В. История предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской империи // История государства и права. – М., 2003. – № 3. – С. 9–15.
9. Медведев Д. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры. – http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/02/213309.shtml
10. Медведев Д. Интервью представителям испанских СМИ. – http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/03/213428.shtml
11. Медведев Д. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml
12. Медведев Д. «Пришло время отдавать долги» // Известия. – М., 2009. – № 42, 16 марта. – С. 1, 2.
13. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 640 с.
14. Министр юстиции Александр Коновалов: «У государства наконец-то дошли руки до борьбы с коррупцией» // Известия. – М., 2009. – № 15, 30 января. – С. 4.
15. Мысловский Е.Н. Коррупция в России: преступление или образ жизни? / Фонд противодействия организованной преступности и коррупции «Антимафия». – М., 2007. – 238 с.
16. Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. – М., 2002. – № 5. – С. 33–49.
17. Попов В.И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом. – М.: Изд-во СГУ, 2007. – 581 с.
18. Россия занимает 147 место в мире по уровню коррупции // Наша версия. – М., 2009. – № 9, 9–15 марта. – С. 12.
19. Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. / Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2007. – Т. 3. – 497 с.

А.Г. Осипов

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: ПРОФИЛИ И ПРАКТИКА (ПРИМЕР СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)*

Осипов Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований.

В России категории и содержание описания так называемых этнических или расовых отношений бедны по сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки, особенно там, где должны соединяться профессиональные и общегражданские дискуссии.

Ниже речь идет о понятии «дискриминация», используемом во многих государствах для описания проблем, связанных с этническими различиями. Разумеется, эта категория не может стать основой какой-либо общей теории, касающейся воспроизводства и роли этничности, но позволяет обращаться к ряду частных вопросов, затрагивающих социальную мобильность, отношения власти, индивидуальное и групповое поведение и пр.[1] (9, с. 20).

Допустимо предположить, что использование понятия «дискриминация» внутри России в принципе реально[2] и что оно может иметь место в разных формах и на разных уровнях. Дискуссии, позволяющие связать разные экспертные сообщества, гражданских активистов, просвещенные сегменты

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Проблематизация социальной дискриминации в российских публичных дискурсах» № 08-03-00300а.*

1. В литературе выделим работы: Theories of Race and Racism: a Reader / Ed. and introduced by Les Back and John Solomos. London; New York; Routledge, 2000; Дискриминация в США: правовые и социологические исследования. Под ред. А.К. Соболевой. – М.: Новая юстиция, 2005.

2. См.: Борьба с дискриминацией в России. М.: Юристъ, 2004.

бюрократии и журналистов, возможны при наличии простых, ясных и непротиворечивых представлений, которые подвергались бы эмпирической проверке и были встроены в систему здравого смысла обывателей и профессионалов.

В юриспруденции «дискриминация» в общем плане означает неправомерное проведение различий по тому или иному признаку, т.е. разное обращение с людьми, группами людей или организациями, находящимися в сопоставимом положении, но отличающимися определенной характеристикой (9, с. 20).

В социологии дискриминация понимается менее строго – как принудительное отнесение людей к социальным категориям и вследствие этого навязывание им определенных ролей (10, с. 117) или как действия, закрывающие членам определенной группы доступ к ресурсам, доступным для остальных (2, с. 665). Таким образом, этническая дискриминация, понимаемая в широком смысле, будет означать репрессивное по целям или результатам проведение различий между индивидами, группами и организациями в связи с приписываемой им этнической принадлежностью. В практике многих национальных судов и международных организаций возникло понятие «косвенной дискриминации» – нейтральных в отношении определенного признака правил, требований или практик, которые фактически ставят в менее благоприятное положение группу, выделяемую на основе этого признака (9, с. 80–89).

Наблюдения последних более чем десяти лет показывают, что даже профессионально подготовленный человек знает очень немногое об этнической дискриминации в России за пределами того, что связано с насилием или «языком вражды». Проблема невидима для общественного мнения, и даже публикации средств массовой информации об индивидуальном опыте дискриминации остаются исключительной редкостью.

В таких условиях уместны самые простые вопросы. Что стоит или может стоять в российском контексте за понятием дискриминации по этническому признаку, помимо актов насилия, мотивированного ксенофобией? Имеет ли концепция «дискриминации» в окружающей действительности такие значения, которые обнаруживаются без методически сложных исследований? Могут ли полученные таким путем описания верифицироваться эмпирически? Могут ли они стать основой для постановки социальных проблем и для гражданской активности, направленной на их решение?

Изложенное ниже – попытка предложить в качестве материала для такого обсуждения наблюдения и впечатления об одном из российских регионов – Ставропольском крае (далее – СК). Регион дает властям, прессе,

исследователям и общественным активистам немало поводов говорить об этнических проблемах: это внешняя и внутренняя миграция, соседство с большинством республик Северного Кавказа, значительные группы этнических меньшинств, активность казачьих обществ и пр.

По данным переписей 1989 и 2002 гг.[3], в крае жили соответственно в 1989 г. 2 млн. 410 тыс., в 2002 г. – 2 млн. 735 тыс. человек; русские составляли в 1989 г. – 84,0% и в 2002 г. 81,6% населения. К наиболее крупным меньшинствам (по убывающей на основе данных 2002 г.) относятся армяне (5,5%), украинцы (1,7), даргинцы (1,5), греки (1,2), ногайцы (0,8%)[4].

Далее – краткий обзор некоторых явлений и процессов, в которые привносится этнический смысл, и соответственно оценка возможностей для их анализа и описания, какие открывает понятие «дискриминация». Описание только тех явлений, которые связаны с так называемой «миграционной политикой». Этим понятием в России не вполне корректно принято обозначать любую деятельность официальных властей, связанную с регулированием проживания и перемещения российских граждан и иностранцев.

Эффекты, вызванные самим устройством системы учета и документирования людей, непросто отделить от целенаправленных мер власти. Система сама по себе создает препятствия для перемещения людей и реализации ими основных прав. Последнее обусловлено наличием паспорта и регистрации
по месту жительства; в свою очередь для регистрации по месту жительства (так же как и временной регистрации по месту пребывания) требуются формальные основания для вселения в определенное жилое помещение. Это становится для многих препятствием для регистрации по месту реального проживания, поскольку рынок жилищных услуг во многом сохраняет неформальный характер, и собственники жилья часто не дают согласия на регистрацию нанимателя. В свою очередь, сложность процедур регистрации дает властям определенные возможности для создания препятствий в регистрации неудобных категорий. Наиболее прямолинейно и открыто ограничительные механизмы создавались в 1990-е годы региональными актами о миграции. Вместе с тем паспортная система может

3. Приводимые здесь статистические данные отражают взгляд власти на этнические деления; их использование не предполагает по умолчанию приписывания людям, отнесенным к тем или иным «национальностям», специфических социальных характеристик или стремления к коллективному действию в рамках «общин».

4. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – http://www.stavstat.ru/perepis/vpn2002/default.aspx.

функционировать, только если она подкреплена контролем и санкциями для уклоняющихся.

Меры, которые власти СК принимали с конца 1980-х годов для ограничения миграции в край и отчасти внутри края, основывались на сохранении под другими названиями и в несколько модифицированном виде советской

системы разрешительной прописки (7, с. 167–168)[5]. Соответствующие критерии и процедуры регистрации были сформулированы во «Временном положении о пребывании и определении на постоянное место жительства в Ставропольском крае», принятом Государственной думой СК 6 октября 1994 г. Положение действовало до июля 1997 г., но созданные на его основе механизмы (практики регистрации и местные комиссии по прописке) просуществовали до середины 2000-х годов и сошли на нет по мере унификации практик регистрации российских граждан в стране и внедрения на практике ограничительного федерального законодательства об иностранцах. Наряду с формальными ограничениями продолжают существовать и неформальные практики, препятствующие регистрации.

Что же может или мог бы зафиксировать внешний наблюдатель, обращающийся к теме этнической дискриминации?

1. Открытая организованная дискриминация со стороны государства

Начиная с 1989 г. в край приезжали месхетинские турки, которые были вынуждены покинуть Узбекистан. Местные власти отказывались давать им прописку, но в конце 1989–1990 гг. запрет был в основном снят. Однако в Советском и Буденновском районах соответственно 19 и 50 турецких семей оставались без прописки до 1996–1997 гг. Эти люди оказались пораженными в большинстве прав: их вопреки закону не считали гражданами РФ, не признавались их права собственности на приобретенные жилые дома, они не могли работать по найму, получать пенсии, пользоваться иным социальным обеспечением и медицинским страхованием. Правда, дети могли посещать школу, а местная администрация не принуждала турок-месхетинцев к выселению, хотя многих из них регулярно штрафовала милиция за проживание без прописки. Неформальным лидерам месхетинцев

5. Подробнее см.: Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев). – Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Вып. 155. – М.: ИЭА РАН, 2002.

потребовалось почти полтора года хождений по инстанциям, чтобы добиться положительного результата. Официальные ответы на их обращения ясно показывают, что позиция местных и краевых властей были продиктована отношением к туркам-месхетинцам именно как к нежелательной этнической категории (7, с. 190–192).

После террористической акции, проведенной группой Ш. Басаева в Буденновске в июне 1995 г., в центральной усадьбе совхоза «Терский» состоялся митинг, на котором выдвигались требования выселения чеченцев. Администрация поселка, ссылаясь на мнение участников митинга, потребовала от чеченцев, которых в Терском было около 200, выехать из района. Это требование было поддержано районными властями и начальником краевого Управления внутренних дел В.К. Медведицковым, который выпустил сопроводительное письмо для чеченцев[6], выселяющихся в Чечню. Пять чеченских семей спустя год вернулись на 3-е отделение совхоза, но мужчин кроме одного не приняли обратно на работу, было отказано в выплате пособий, а шестерых детей школьного возраста не допустили к занятиям в школе. Местные власти мотивировали это тем, что уехавшие чеченцы были выписаны, хотя у всех в паспортах сохранились штампы прописки в Терском. Жалобы районным и краевым властям не дали результатов[7].

18–21 июня 1999 г. после убийства нескольких милиционеров на административной границе Чечни сотрудники милиции Курского района предположительно при участии казачьих формирований выселили в Чечню 140 чеченцев из трех хуторов в приграничной полосе. По свидетельству пострадавших, вооруженные люди в камуфляже и масках на бронетранспортерах и автомашинах окружили хутора, выгнали людей из домов, некоторых избили и приказали убираться в Чечню. Их дома были сожжены, а домашний скот разогнан по окрестностям. Никто из чеченцев не был арестован, и никому не было официально предъявлено какое-либо обвинение (8, с. 334–335).

2. Избирательность в регистрации по месту жительства

Обычные, рутинные практики регистрации по месту жительства и пребывания непрозрачны для наблюдателя и изучены недостаточно для суждений о том, в какой мере они являются этнически избирательными. Так называемые «простые» граждане и лидеры этнических организаций иногда

6. Копия письма у автора.

7. Интервью В.А. Кореняко и А.Г. Осипова с Д., В. и И. Ташаевыми, Терский, 25 апреля 1997 г.

упоминают о произвольных и этнически мотивированных, по их мнению, отказах чеченцам, армянам, ногайцам в регистрации по месту жительства. Однако сообщения о таких инцидентах единичны и недостаточно конкретны, а имеющаяся статистика о текущем этническом составе населения не позволяет говорить о сколько-нибудь массовых запретах или ограничениях в отношении тех или иных «национальностей».

Несколько более информативными, хотя и устаревшими оказываются данные о работе районных и городских комиссий (им)миграционного контроля. Эти совещательные органы при главах администраций, созданные в первой половине 1990-х годов и распущенные к середине 2000-х, учитывали этнический состав обратившихся за пропиской и получивших прописку, а также отказы в ней. В 1998 г. с помощью запросов депутатов Государственной думы РФ такие сведения были получены из нескольких комиссий. В тех районах, где существенна доля тех, кто получил отрицательные ответы, обнаруживаются диспропорции по этническому признаку.

Так, в городе Железноводске в 1996 г. отрицательные ответы получили 23,0% всех тех, чьи дела были рассмотрены комиссией, среди русских этот показатель составил 16,7%, у греков – 29,2, украинцев – 21,9, грузин – 53,6, армян – 78,3%. Те же данные за 1997 г.: в среднем отсев составил 23,1%, у русских – 16,6%, греков – 31,6, украинцев – 37,5, армян – 84, грузин – 88,1%[8]. В другой административной единице Кавказских Минеральных Вод – Предгорном районе общий отсев составил 23,9%, у русских – 14,0%, у греков – 42,8, армян – 47,5, других национальностей – 56,4%[9].

В Шпаковском районе (окружающем г. Ставрополь) отказы получили в 1996 г. 34,7% общего числа претендентов, 27,8% претендентов – русские, по 66,5% – армяне и грузины. В 1997 г. общая доля отказов составила 17%, для русских – 8,3%, армян – 34,8%, украинцев – 66,7%[10]. В Советском районе в 1996–1997 гг. общий отсев составил 7,4%, для русских – 6,3%, украинцев – 5,6, грузин – 16,7, армян – 18, цыган – 20,5, чеченцев – 40%[11]. Те же

8. Ответ главы администрации Железноводска А.С. Зубцова на обращение депутата Государственной думы РФ С.С. Митрохина, письмо № 123 от 28.01.98.

9. Ответ главы администрации Предгорного района С.Ф. Манина на обращение депутата Государственной думы РФ С.С. Митрохина, письмо № 03-9-32 от 13.01.98.

10. Ответ главы Шпаковской районной государственной администрации А.П. Галкина на обращение депутата Государственной думы РФ С.С. Митрохина, письмо № 7/04-77 от 20.01.98.

11. Ответ главы Советской районной государственной администрации А.А. Ржевского на обращение депутата Государственной думы РФ С.С. Митрохина, письмо № 115 от 30.01.98.

показатели для Кировского района за тот же срок: общий отсев – 3,8%, русские – 0,8, грузины – 15, турки – 25, армяне – 25,4%[12].

Обнаруженные диспропорции могут рассматриваться как основания для подозрений в том, что решения комиссий были продиктованы этническими предубеждениями. Однако расхождения допустимо интерпретировать и иным образом. Комиссии могли, например, принимать в расчет разные параметры соискателей (наличие родственников, гражданства РФ, работы и пр.).

Иногда во время интервью чиновники на местах не только негативно отзывались о мигрантах – нерусских, но признавали и даже одобряли их дискриминацию.

Заместитель главы станичной администрации: *«Кто прибывает из турок – мы отказываем* [в регистрации]. *Если муж привез жену – можно, если муж сам сюда приезжает, то мы против. Если девушка* [турчанка] *переезжает к парню, к примеру, из Прохладного, то мы прописываем, а если парень – то нет. Если брат к сестре или дядя к племяннику – тоже. Для регистрации в сомнительных случаях также требуем справку о том, что он в своем государстве не состоит в браке, и отказываем всем им* [туркам] *в покупке участков».*

Начальник паспортно-визового отдела ОВД одного из городов Кавказских Минеральных Вод: *«Даем прописку только тем, у кого в этом действительная необходимость, например, если престарелая мать переезжает к сыну. А то, например, посылают несовершеннолетнего к бабке, к дяде, к тете или деду, а родители в Армении. Чтобы он здесь прописался, получил российское гражданство, а потом прописал родителей и прописал родню. Таким мы отказываем. Нечего им здесь делать. Если из Закавказья армянин приедет и пропишется, то перетянет к себе весь род. Где был один – там станет десять».*

Заместитель главы районной администрации: *«Сейчас мы ставим преграду армянам. Это мы не скрываем. Сюда едут. Понимаете, всеми правдами и неправдами едут сюда. Это – очень серьезная проблема. Но ведь мы не застрахованы от того, что начнут ехать сюда чеченцы, а они и начинают уже потихоньку прибывать».*

Такие суждения могут быть основой для предположения о том, что практика работы органов власти в целом также является дискриминационной, хотя сами по себе этого не доказывают. Иные же индикаторы избирательного отношения к людям внешнему наблюдателю недоступны.

12. Ответ главы Кировской районной государственной администрации В.Ф. Рыкова на обращение депутата Государственной думы РФ С.С. Митрохина, письмо № 96 от 28.01.98.

3. Сложная дискриминация ± статус вынужденного переселенца

В п.1 ст.1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» 1993 г. использована двусмысленная формулировка, которая может быть истолкована таким образом, что статус вынужденного переселенца предоставляется людям, ставшим или могущим стать объектом целенаправленных преследований, а не «просто» спасающимся от массовых беспорядков или боевых действий. Критерий целенаправленных преследований означает, что для разных этнических групп устанавливается разный порог приемлемости ходатайств. Подобный механизм можно описывать как косвенную дискриминацию.

В дополнение к этому сотрудники миграционных служб получают бóльшую степень свободы при решении о принятии ходатайства к рассмотрению и о предоставлении статуса. Наконец, можно утверждать, что решения о том, как толковать положения закона о вынужденных переселенцах, принимались на федеральном уровне. В частности, в декабре 1994 – январе 1995 г. действовал прямой запрет руководителя Федеральной миграционной службы Т.М. Регент регистрировать чеченцев как вынужденных переселенцев (1, с. 134).

Во время первой чеченской войны после некоторых колебаний Федеральная миграционная служба стала принимать ходатайства от людей, бежавших из Чечни, независимо от их национальности и предоставлять статус вынужденного переселенца. Закон, таким образом, толковался широко, и угроза для жизни, связанная «просто» с боевыми действиями, воспринималась как достаточное основание для предоставления статуса. После войны нечеченцы (в особенности русские) также продолжали получать статус вынужденного переселенца, т.е. факт их преследования в Чечне принимался по умолчанию как данность. От чеченцев, бежавших из Чечни из-за уголовных или политических преследований, в миграционных службах (в том числе СК) требовали предоставить доказательства факта преследований.

Небольшая часть, бежавших из Чечни после возобновления там боевых действий в 1999 г., получила статус вынужденных переселенцев, но среди них почти нет чеченцев и вообще национальных меньшинств.

Так, на 1 января 2000 г. из 3285 человек, получивших статус вынужденного переселенца в СК в 1999 г., 2520 – русские, но только 19 – чеченцы и

48 – турки-месхетинцы[13], хотя общая численность чеченцев, бежавших в СК после сентября 1999 г., составляет, по оценкам, несколько сотен человек, а турок – не менее 1 тыс. человек. За первое полугодие 2000 г. статус получили 1547 человек, из них 1236 – русские, 16 – чеченцы и 21 – турки[14]. В целом же к концу 2003 г. в СК из 18 633 официально признанных вынужденных переселенцев 14 272 были выходцами из Чечни, среди них насчитывалось 173 чеченца и 233 турка[15]. При отсутствии точной информации о числе и составе обратившихся в миграционную службу можно предполагать, что имело место сочетание нескольких факторов: действие порога, создаваемого необходимостью доказывать факт целенаправленных преследований, общая неинформированность, недоверие к властям, прямая дискриминация, вызванная свободой усмотрения сотрудников миграционной службы и установками федерального руководства. Представитель федерального ведомства, отвечавшего за миграцию, в официальном письме фактически признал селекцию мигрантов по этническому признаку[16].

4. Этническое профилирование

Дискриминационное поведение сотрудников милиции при проверках «паспортного режима» давно стало общераспространенной, рутинной и всеми признаваемой практикой в целом по стране, и СК не является в этом плане исключением. Это поведение выражается в первую очередь в выборочном характере проверок – им подвергаются люди на улицах, которые по внешним признакам могут быть отнесены к «приезжим» и к этническим меньшинствам. Практически все люди, относящиеся к «кавказским» меньшинствам или выглядящие как «кавказцы», с которыми приходилось общаться в СК, признавали, что имели регулярный, а иногда почти ежедневный опыт общения с милицией при проверках документов.

13. Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.01.2000 г. Приложение к отчету Миграционной службы СК за 1999 г. Ставрополь, 2000. Копия у автора.

14. Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.07.2000 г. Приложение к отчету Миграционной службы СК за первое полугодие 2000 г. Ставрополь, 2000. Копия у автора.

15. Приложение IV к письму руководителя Управления по делам миграции ГУВД СК Ю.М. Костюкова № 47/6/6437 от 12.11.03 на имя депутата Государственной думы ФС РФ В.В. Игрунова.

16. Письмо заместителя министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики А.П. Благовидова № 09/1-3317 от 04.12.2001 на имя депутата Государственной думы РФ В.В. Игрунова.

Журналисты, правозащитники и даже официальные лица высказывали убежденность, что милиция при проверках документов предвзято относится к тем, кто по внешности не похож на русских. Такие суждения воспроизводятся и в научной литературе (3, с. 176). Однако такого рода суждения основываются на обыденном знании и не позволяют судить о механизмах и масштабах явления. Диспропорции в отношении того, насколько часто милиция проверяет людей разных визуальных типов, были даже подтверждены эмпирически, правда в Москве[17]. Проблема в последнем случае в том, что использованная в исследовании схема доказывания также строилась на обыденном стереотипе, на отождествлении этнической принадлежности с определенными типами внешности, что не позволяет судить о реальных мотивах сотрудников правоохранительных органов, организующих проверки или проводящих их.

Более определенные подтверждения этнического профилирования появились, когда весной 1999 г.[18] и в первые месяцы войны в Чечне милиция периодически закрывала административные границы края для перемещения этнических чеченцев[19]. В октябре 1999 г. начальник ГУВД края Н.В. Мамонтов запретил любую регистрацию лиц, прибывших из Чечни (позднее, в декабре поступило разрешение делать регистрацию на один месяц), но обязал всех, прибывших из Чечни в СК с 1992 г., два раза в неделю отмечаться в милиции.

Сведения о том, в какой мере этот учет был этнически избирательным, неполны и противоречивы. Седа Яндарова в августе 2000 г. обратилась вместе со своей матерью Зинаидой Крайблат в орган регистрационного учета Отдела внутренних дел Георгиевска с просьбой зарегистрировать их по месту пребывания в доме ее бабушки. З. Крайблат зарегистрировали по месту жительства ее матери постоянно, однако С. Яндарову (вероятно, опознав в ней чеченку) – только сроком на один месяц, при этом она должна была являться два раза в неделю в орган регистрационного учета[20]. Однако отдельные, даже столь вопиющие, примеры не дают общей картины.

17. Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006.

18. Начиная с Распоряжения губернатора СК № 217-Р от 8 апреля 1999 г. (Ставропольская правда. 1999. 9 апреля), которое само по себе не содержало указания на этничность, но применялось выборочно.

19. По результатам опросов, проведенных автором в Ставрополе в ноябре 1999 г. среди бежавших из Чечни.

20. Информация предоставлена автору в сентябре 2000 г. организацией «Вера, Надежда, Любовь», оказывающей помощь вынужденным мигрантам на Кавказских Минеральных Водах.

5. Официальная идеология и дискурсы

Властями СК миграция воспринимается как социальная проблема – нежелательная нагрузка на бюджет, рынки труда и жилья и как угроза стабильности. Обсуждение при этом идет в манере, далекой от корректности: так, чиновники оценивают численность «мигрантов» нарастающим итогом, занося в эту категорию всех, кто сменил место жительства на протяжении последних 10–15 лет, или сообщают только число въехавших в край, забывая упомянуть о миграционной убыли, или изначально оценивают «мигрантов» как социально неблагополучную категорию – источник заболеваний и преступности.

Там, где пересекаются темы «национальной политики» и миграции, с начала 1990-х годов в выступлениях официальных должностных лиц практически без изменений воспроизводятся несколько тезисов.

1. Миграция ведет к изменению этнического состава населения и нарушению «этнического баланса»; все это угрожает конфликтами и дестабилизацией.

2. Активность новых диаспор в сфере политики и экономики является проблемой, угрожающей благополучию русских.

3. Все эти проблемы особенно важны для экономически менее развитых восточных районов края, где высока доля меньшинств[21].

«Определяющие причины этнополитической нестабильности в Ставропольском крае: ...изменения в исторически сложившемся этнодемографическом и социально-экономическом балансе, обусловленные миграционными процессами»[22].

Губернатор СК А.Л. Черногоров: *«К сожалению, по абсолютной и относительной численности вынужденных переселенцев Ставропольский край занимает ведущее место в России, а неуправляемая миграция обостряет межнациональные отношения в крае, особенно в его восточных районах. Как показывает опыт, мигранты, порой стремятся занять “ниши” в торговле и сфере обслуживания, то есть там, где вращаются*

21. Подборку типичных суждений чиновников можно найти, например, в публикации об очередном заседании Совета безопасности края – Босенко И. Край меняется в лице // Ставропольская правда. 2005. 16 июля.

22. Постановление губернатора Ставропольского края «О Краевой целевой программе «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2009 годы»» от 26 марта 2007 г. № 163. http://lawru.info/base30/part3/d30ru3934.htm.

“живые” деньги, что позволяет им затем влиять на важнейшие сферы жизни региона»[23].

Сотрудник Совета экономической и общественной безопасности края В.В. Шнюков: *«Краевой совбез настораживает, что в восточных районах продолжается планомерное выдавливание русскоязычных граждан. Почти в тридцати населенных пунктах коренные жители остались в меньшинстве. Пройдут очередные выборы в органы местного самоуправления, и русских в этих селах и хуторах не останется вовсе, потому как вновь избранные главы в первую очередь будут отстаивать интересы своего этноса. …Тревогу вызывают и другие факты. Выходцы из Чечни стараются селиться неподалеку от водозаборов, трансформаторных подстанций, других объектов жизнеобеспечения. Случайность? Дай-то Бог»*[24].

Необходимо сделать оговорку, что как бы ни относиться к изменениям этнического состава населения, тревожные оценки властей несколько далеки от реальности. Общий прирост населения за 13 с половиной лет, в период между переписями населения, составил 13,5%, т.е. менее 1% в год. Доля русского населения колеблется в пределах статистической погрешности, и несмотря на все разговоры про миграцию, захлестывающую восточные районы, ситуация в них в основном не меняется. Так, в Курском и Нефтекумском районах, там, где наиболее высока доля меньшинств, русские составляли, по данным переписей, в 1989 г. и 2002 гг. соответственно 56,1 и 57,7%, а в 2002 г. – 51,5 и 54,0%; при этом численность русских выросла в абсолютном выражении[25]. Все же разговоры о большом объеме неучтенной миграции остаются голословными спекуляциями. Наконец, упоминая о том, что меньшинства (в основном даргинцы) становятся большинством в более чем

30 населенных пунктах восточных районов края, ставропольские чиновники забывают отметить, что эти населенные пункты находятся в основном в пустынной зоне и насчитывают по несколько дворов.

По своему характеру официальные высказывания формируют негативный образ «мигрантов» и «меньшинств» в целом. Можно говорить о том, что проводится стратегия по созданию у публики чувства

23. Губернатор Ставрополья: Неуправляемая миграция обостряет межнациональные отношения в крае // ИА РЕГНУМ. 2008. 14 февраля. – http://www.regnum.ru/news/957435.html.

24. Лазарев А. Военные будут «мочить», а Ставрополье – лечить.// Ставропольская правда. 2000. 5 августа.

25. Посчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю – http://www.stavstat.ru/perepis/ vpn2002/default.aspx.

повышенной опасности в отношении иноэтничной миграции, но трудно увидеть в происходящем мобилизационную стратегию и стратегию легитимации определенных практик. Хотя приведенные выше суждения можно относить к разновидности «мягкого» «языка вражды»[26], они не содержат прямых призывов к этнической дискриминации, и нет подтверждений тому, что они воплощаются в реальных действиях.

Кроме того, суждения, несущие в себе негативные оценки меньшинств, сочетаются с высказываниями о недопустимости ограничения прав на свободу передвижения и с призывами воспитывать толерантность населения для предотвращения конфликтов. В качестве целей «национальной политики» в крае называются *«…обеспечение конституционного права, гарантирующего равенство граждан любой расы и национальности, а также свободу вероисповедания; формирование среди населения Ставропольского края гражданской солидарности через развитие межэтнической интеграции…»*[27] Власть призывает к диалогу разных общественных групп и слоев, а не к репрессивным мерам ради соблюдения пресловутых баланса и стабильности.

Наконец, высказывания официальных лиц, касающиеся этничности, просто редки: в среднем за последние 15 лет в год случается по одному-двум выступлениям или публикациям официальных лиц краевого уровня, в которых каким-либо образом затрагивались бы этнические вопросы. Миграция упоминается чаще всего без отсылок к этничности, как чисто социальная проблема[28]. Возможно, негативный фон вокруг меньшинств и мигрантов, в конечном счете, влияет на мотивацию людей, в том числе официальных лиц, практикующих дискриминацию, но эта цепочка причинно-следственных связей недоказуема, а сама дискриминация, как правило, латентна.

26. О возможной классификации «языка вражды» см.: Язык мой… Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

27. Постановление губернатора Ставропольского края «О Краевой целевой программе “Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2009 годы”».

28. См. напр.: Коэффициент «миграционной нагрузки» на Ставрополье превышает общероссийский почти втрое // ИА РЕГНУМ. 2006. 10 мая. – www.regnum.ru/news/637624.html.

* * *

Описанные выше казусы удачно иллюстрируют ряд тезисов. Открытая и эмпирически фиксируемая дискриминация реальна, но она ограничена по времени проявления, числу вовлеченных лиц и не определяет общую ситуацию, связанную с этническими проблемами. Вероятно, существует массовая и рутинная дискриминация (в первую очередь, в рамках паспортной системы), но она латентна и недоступна наблюдателю, не располагающему сложной методологией или инсайдерской информацией, а потому остается в области обыденного знания и предположений. Но даже там, где дискриминация доступна наблюдению, она является вспомогательным обстоятельством по отношению к иным репрессивным и исключающим практикам. Кроме того, она сливается с факторами структурного характера, что хорошо иллюстрирует казус с присвоением статуса вынужденного переселенца. Господствующие дискурсы, в том числе официальный, двусмысленны, а их возможные эффекты не поддаются однозначной оценке. Таким образом, проблемное поле, которое может быть связано с дискриминацией, распадается на множество не связанных друг с другом фрагментов, а суждения, основанные на концепте «дискриминации», во многих случаях не имеют под собой эмпирической доказательной базы.

Для того, кто желает использовать при описании этнических отношений категорию дискриминации, открываются две возможности. Первая – воспринимать все поле социальных отношений как пространство взаимодействия разных по статусу и объему доступных ресурсов этнических групп, каждая из которых может рассматриваться как своеобразный социальный актор.

Не обязательно, чтобы за таким описанием стояло устойчивое эссенциалистское восприятие этничности как неизменной сущности; достаточно молчаливого одобрения ряда допущений и использования определенных речевых клише. Общей рамкой будет признание фундаментального структурного неравенства между группами (в данном случае, скорее всего, – между «русскими» и меньшинствами, но возможна и другая конструкция). Таким образом, все проблемные высказывания с использованием этнических категорий и все асимметрии в социальных позициях, пересчитываемые по этнической шкале, будут априори рассматриваться как частные проявления доминирования одной категории населения по отношению к другой. Как такие представления развиваются и

воплощаются в теоретических построениях (см.: 5, с. 84–101), а также[29] останутся три проблемы: умозаключения в таких рамках будут основаны на домыслах; попытки анализа реальности не приведут к пониманию механизмов производства неравенств и этнических делений; наконец, в практическом плане подобные схемы рассуждений ведут в конечном счете к натравливанию одних групп населения на другие.

Другой подход (вторая возможность) означает признание неудобных реалий: «дискриминация» может быть концептом, применимым в юриспруденции, но имеющим крайне ограниченное хождение вне этих рамок. С юридической точки зрения дискриминация есть, во-первых, определенная правовая конструкция, своего рода идеальный тип, во-вторых, дискриминация, доказанная в суде или специальном органе, означает определенное правовое состояние, но не социологический факт. Таким образом, не приходится говорить о переносе этих пониманий в другие дисциплины. Однако опыт использования категории «дискриминация» в юридической практике в России, за отдельными исключениями, отсутствует.

В иных, чем юриспруденция, дисциплинарных рамках понятие «дискриминация» позволяет описывать и анализировать только отдельно взятые проявления и практики. Изучение того, как этничность воспроизводится в обществе и как она влияет на взаимодействия людей, требует иного языка описания, нежели основанный на категориях «дискриминация», «язык вражды» и «расизм».

В плоскости практической деятельности сдержанность в использовании понятия «дискриминация» не означает отрицания проблем там, где можно подозревать нарушение равноправия. Защитить отдельного человека или бороться против какой-либо репрессивной практики можно разными способами и не прибегая к домыслам и произвольным обобщениям.

Литература

1. Ганнушкина С. Правовое пространство беженцев // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. – С. 122–135.

2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

3. Казалиева К.Н. Межэтнические отношения ногайцев на юге России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. – Том IX. – № 1 (34). С. 171–179.

4. Лазарев А. Военные будут «мочить», а Ставрополье – лечить // Ставропольская правда. 2000. 5 августа.

29. Wieviorka M. The Arena of Racism. London: Sage, 1995; Kamali M. Racial Discrimination: Institutional Patterns and Politics. New York: Routledge, 2008.

5. Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЭН, 2004.

6. Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев). – Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Вып. 155. – М.: ИЭА РАН, 2002.

7. Осипов А.Г. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Ставропольском крае // Вынужденные мигранты и государство. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 167–198.

8. Права человека в регионах Российской Федерации. Сборник докладов региональных правозащитных организаций о положении с правами человека в субъектах Российской Федерации за 1999 г. – Т. 3. – М.: ЗАО РИЦ «Зацепа», 2000.

9. Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. London: Interrights, 2005.

10. Rex J. Race Relations in Sociological Theory. – 2 nd ed. – London: Routledge & Kegan Paul, 1983.

А.А. Нелюбин

НАРКОТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ± УГРОЗА ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Нелюбин Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель руководителя Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН.

Проблема распространения наркомании и наркопреступности уже давно приобрела глобальный характер. Вред, причиняемый этим пагубным явлением, настолько велик, что практически не поддается исчислению. По оценке ООН, во всем мире растет число людей, регулярно употребляющих наркотики, и их численность в настоящее время достигает 200 млн. человек, а по неофициальным данным – их вдвое больше. Мировой оборот наркоиндустрии составляет на сегодняшний день свыше 400 млрд. долл. США в год, из которых на Российскую Федерацию приходится, по подсчетам экспертов, от 9–10 до 10–15 млрд. долл. США[1].

Незаконный оборот наркотиков ведет не только к геноциду народов, но и формирует сверхдоходы, которые служат мощным источником финансирования международной организованной преступности и террористических сетей, дестабилизирующих обстановку в ряде регионов.

Больше всего от этого страдают цивилизованные страны Западного полушария, в частности Америки, Европы, а теперь и Россия.

Ранее в СССР наркомания имела лишь очаговое распространение в местах произрастания соответствующего сырья, там, где у населения имелся исторический опыт употребления наркотиков в мистических и медицинских целях, а также в некоторых маргинальных группах, например, частично в преступной среде. Но для создания организованной наркопреступности в

1. См.: Наркомания в России – угроза национальной безопасности страны // Сб. материалов. – М.: Изд. Совета Федерации, 2005. – С. 10.

современном ее понимании просто не было объективных предпосылок. Международная наркомафия не могла преодолеть так называемый железный занавес. Надежность границ в совокупности с разветвленной системой надзора, обеспечивавшей правопорядок, делали заведомо убыточными попытки наладить сбыт наркотиков в СССР, а централизованная государственная экономика создавала труднопреодолимые препятствия для «отмывания» полученных преступным путем денежных средств.

После распада Советского Союза наркоситуация в России резко изменилась в худшую сторону. Слом прежней системы правопорядка, открытость и необустроенность границ, вседозволенность в экономике, слабость нарко-
контроля, а порой и полное его отсутствие, сняли преграды, ограждавшие страну от массового проникновения наркотиков разного свойства. Россия с ее мегаполисами, разделенными огромными неконтролируемыми пространствами, очень быстро становилась привлекательной для сбыта наркотических веществ. У наркомафии появились широкие возможности для «отмывания»
денежных средств и их легализации как в России, так и в странах ближнего зарубежья.

Наркоэкспансия имела место в сложный период глубоких социально-экономических преобразований, когда основная часть населения России была выбита из привычного образа жизни, когда многие россияне не сумели приспособиться к условиям рыночной экономики и потеряли работу по специальности, не получая социальной поддержки. Выявилось резкое несоответствие результатов реформ 1990-х годов тем обещаниям, которые давались россиянам, при этом характер приватизации оказался в значительной степени несправедливым, полукриминальным, а рост социального неравенства сопровождался обнищанием населения. В такое время растет безнадзорность подростков и снижаются возможности для молодежи найти перспективную и достойно оплачиваемую работу.

Большинство экспертов утверждает, что главным мотивом, который толкает людей на употребление наркотиков и на участие в цепочке их сбыта, является неудовлетворительное материальное положение. В числе других причин они отмечают: влияние семьи (плохое воспитание, неблагоприятный пример родителей, конфликтная ситуация в семье), личностные факторы (чувство тревоги, депрессия, снижение самооценки, ощущение незащищенности и т.д.), социокультурные факторы, например принятые нормы поведения в различных социальных группах[2]. Наркозависимость, как

2. Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2004. – С. 85.

и наркопреступление, напрямую связаны с образом жизни и социально-культурным окружением человека.

В большинстве крупных городов России в любое время суток можно достать за относительно небольшие деньги почти любую разновидность зелья: от легкой марихуаны до синтетических препаратов потяжелее героина. Эта эпидемия проникает и в сельскую местность. Легкодоступность табачных изделий и алкоголя в общественных местах, в том числе и в местах молодежного досуга, служат фоном поведенческой тактики, способствующей «экспериментам» молодых людей, в том числе и подростков, с наркотиками, обусловливает их социально-территориальную и социально-психологическую близость к наркопотребителям. Среди наркоманов растет доля впервые приобщающихся к потреблению наркотиков на дискотеках и в парках, увеличивается и процент женщин, что свидетельствует о снижении их положения в обществе и о многом другом.

В 2007 г. на государственном учете состояли 537 тыс. человек, больных наркоманией, либо регулярно употребляющих наркотики. Согласно международным методикам расчета, реальное число наркозависимых составляет величину примерно в 5 раз большую, т.е. 2,5 млн. человек, или почти 2% населения страны. За последние 20 лет число стоящих на учете зависимых и вовлеченных в наркопотребление выросло почти в 10 раз и составило величину в 7–10 раз превышающую соответствующие показатели стран Европейского сообщества. Так, процент потребляющих опиаты в Швеции, Финляндии или Германии как минимум в 8 раз ниже российского.

Наркомания связана и с проблемами демографии – низкой рождаемостью и увеличением смертности. Как показывает клиническая практика, «подсевшие» на героин умирают через 5–7 лет после начала его приема. Это означает, что в России только по официальным данным, от приема наркотиков ежегодно гибнут порядка 10 тыс. человек. Однако, по экспертным оценкам, эта цифра составляет около 30 тыс. человек, и в подавляющем числе случаев – это молодые люди[3].

Сверхвысокая смертность значительной части больных наркоманией, даже при их стабильном общем числе, на деле означает скрытый систематический приток новых больных вместо выбывающих. То есть контингент обновляется примерно каждые шесть–семь лет и рекрутирование наркоманов – в основном людей до 35 лет – идет постоянно.

К социальным причинам развития подростковой наркомании специалисты относят два противоположных фактора: безнадзорность в семье, с одной стороны, и гиперопека родителей – с другой. И оба они приводят к

3. Президентский контроль // Информационный бюллетень. М.: Издание Администрации Президента Российской Федерации, 2008. № 12. – С. 12–13.

одному результату – отчуждению детей от семьи и устойчивых социальных отношений с последующим включением их в сферу внимания наркодельцов и
в среду контркультуры, одним из атрибутов которой является потребление наркотиков.

Процесс распространения наркотических средств и психоактивных веществ среди подростков и молодежи становится все более замкнутым. Наркомафия распространяет свой товар среди этой категории населения «ее же руками», в результате чего подростки сами стимулируют друг друга к потреблению наркотических средств и психоактивных веществ. Молодежная «тусовка» служит постоянным местом для привлечения несовершеннолетних и молодежи к потреблению наркотиков.

Конечно, наркоэкспансия развивалась в нашей стране не на пустом месте. Достаточно вспомнить, что всплеск зависимости от марихуаны начался еще в 80-е годы, когда велась война в Афганистане, которая и создала новые каналы для ее доставки. Кстати, распространению наркотиков в Америке также способствовала война во Вьетнаме. Советское политическое и военное руководство не приняло во внимание американский опыт и недооценило
наркоугрозу. Значительная часть военнослужащих «афганцев» впервые попробовала курить марихуану «для снятия стресса» во время пребывания в Афганистане. Именно эта война проторила дорожку поставкам сильнодействующих наркотиков в Россию и в страны СНГ. Примерно такая же ситуация сложилась и в Чечне во время первой чеченской кампании. Воевавшая молодежь в это время получила возможность приобщиться к употреблению наркотиков, в частности марихуаны и гашиша.

Геополитическая обстановка, протяженность, необустроенность границ и соседство со странами – производителями наркотиков крайне негативно влияют на развитие наркоситуации в России. В РСФСР около 70–80% потребляемых наркотиков были продуктом собственной растительной базы, а 20–30% завозились из других республик Советского Союза. Факты контрабандного ввоза наркотиков из-за границы носили единичный характер. Сегодня в России доля наркотиков зарубежного происхождения превышает половину, а героин и кокаин практически полностью поступают из других государств.

Так, доля Афганистана, в огромных масштабах производящего героин и опий, достигла в мировом производстве опиатов почти 93%. Афганистан превратился в корпорацию по производству наркотиков, о чем говорит хотя бы тот факт, что в стране действуют хорошо отлаженная кредитно-финансовая и банковская системы поддержки наркопроизводства и складская логистика.

До тех пор пока производство опиума и участие в наркотрафике являются чуть ли не единственным источником средств к существованию населения целых стран, борьба с наркотиками при помощи запретительно-карательных мер влияет в основном только на характер «черного рынка». Например, поставки марихуаны, имеющей сильный запах и занимающей много места, неуклонно снижаются, уступая место растущему импорту более компактных и удобных для транспортировки героина и кокаина.

Деструктивным образом на уровне наркопреступности в России сказывается и нелегальная миграция, в среде которой создаются неформальные мигрантские сообщества. Мигранты из постсоветских государств, сопредельных с Афганистаном, зачастую не имея регистрации, денег, жилья и работы, стремятся заработать деньги любым путем, в том числе и криминальным, попадают под влияние наркодельцов и вовлекаются в сети наркотрафика на территории России. Таким образом, регулирование трудовой миграции становится необходимым условием эффективной борьбы с наркобизнесом, тормозящей его внедрение в среду законных мигрантов, в большинстве своем осуждающих подобную деятельность и соблюдающих законы страны пребывания.

Совершенно очевидно, что наркобизнесом владеют и управляют не простые исполнители, крайне бедные, зачастую сами зависящие от наркотиков, а крупнейшие, хорошо организованные криминальные структуры, имеющие связи с коррумпированными властями как в странах-производителях, так и в странах-потребителях. Власть денег еще больше затрудняет контроль над разветвленной сетью перевозчиков, поставщиков, продавцов и покупателей.

Наркомания в России обусловила множество преступлений, совершаемых наркоманами в целях добычи денег для оплаты наркотиков. Известна практика вовлечения наркомафией в противоправную деятельность сотрудников властных структур и правоохранительных органов, представителей творческой элиты и шоу-бизнеса и т.д.

Угроза растущей наркотизации населения страны проявляется в различных сферах: международной (транснациональная преступность и международный терроризм), структуре государственного управления (рост преступности и коррупция), экономической (ослабление единого экономического пространства), а также в социальной (рост смертности и числа заболеваний, сопутствующих наркомании, углубление социального расслоения общества, демографический спад) и в ряде других.

Опасность возрастает в связи с тем, что это – «угроза без видимого врага». Если в случае военного конфликта источник угрозы обычно точно определен (враждебное государство или коалиция), то в случае наркомании

такой определенности нет. Неопределенность источника угрозы крайне осложняет борьбу государств с незаконным распространением наркотиков.

Единственное за последнее десятилетие существенное замедление, а затем и снижение роста числа вовлеченных в потребление наркотиков имело место в 2001–2003 гг. Тогда только в Санкт-Петербурге и Ленинградской области опийная наркомания снизилась в 2,5 раза. Однако эксперты и специалисты этот результат практически не связывали с усилением профилактической работы с запретительными мерами или с энергичными усилиями властных структур по укреплению государственности и обустройством российских границ[4]. Главную причину они усматривали в том, что в Афганистане к этому времени ежегодное производство опиатов достигло 3 тыс. т, и ООН потребовала резко снизить наркопроизводство. Талибы, пришедшие к власти, были крайне заинтересованы в признании их режима и уменьшили в 2001 г. объемы урожаев и посевных площадей в 20 раз. Поставки героина из Афганистана снизились, в том числе и в Россию. Впоследствии ввод натовских и американских войск только способствовал превращению этой страны в наркогосударство. За восемь лет производство опиатов в Афганистане возросло в 3 раза, урожайность опийного мака по сравнению с 2002 г. увеличилась в 40 раз[5].

По имеющимся данным, на складах в Афганистане хранится свыше 1 тыс. т чистого героина, что является своего рода страховым фондом на случай сезонных колебаний в урожае мака. Доходы афганских наркопроизводителей составили около 4 млрд. долл. США, в то время как международная наркомафия реализует этот героин по всему миру, по самым скромным подсчетам, на сумму свыше 100 млрд. долл. Согласно экспертным оценкам, сегодня из Афганистана в Россию контрабандой ввозится и потребляется гражданам нашей страны не менее 12 т чистого героина. Тем самым нашему генофонду наносится непоправимый ущерб[6].

Борьба с алкоголизмом, наркоманией в России в 90-е годы XX в. нередко свертывалась под предлогом соблюдения «прав и свобод личности», появились сторонники легализации «легких» наркотиков, идеи которых камуфлировались под программы снижения вреда от наркотических средств. Научный руководитель современной наркологической клиники в Москве Я.И. Маршак в одном из интервью опроверг это ошибочное утверждение:

4. Право и безопасность. 2005. – № 3. – С. 66.

5. См.: Известия от 25.03.2009, № 49.

6. Президентский контроль // Информационный бюллетень. М.: Издание Администрации Президента Российской Федерации, 2008. № 12. – С. 14.

риск начать употребление «тяжелого» героина в 100 раз больше у тех, кто «легкие» наркотики уже пробовал.

В Российской Федерации резко возросло употребление наркотиков, получаемых из лекарственных средств, которые можно приобрести в аптеках. В первую очередь это комбинированные кодеиносодержащие препараты и детский препарат от кашля, употребляемый при бронхиальной астме. Его можно использовать для изготовления наркотика первитина – «винта», причем в домашних условиях. Многие из этих лекарств отпускаются без рецепта, а в Интернете в свободном доступе есть масса рецептов как изготовить наркотик. «Медикаментозный» наркотик, по утверждению медиков, в 15 раз более токсичен, нежели героин. Если средняя продолжительность жизни героинового наркомана составляет 5–7 лет, то аптечного наркомана – 1–2 года[7].

Однако некоторые аптеки открывают точки специально для продажи кодеиновых таблеток, приносящих им и фармацевтическим компаниям колоссальную прибыль. Председатель комиссии Мосгордумы по здравоохранению и охране общественного здоровья Л. Стебенкова подчеркивает, что тысячи подростков, ставших наркоманами, начинают именно с аптечных препаратов. Минздравсоцразвития России должно выступить с соответствующей законодательной инициативой об ужесточении контроля за деятельностью аптек и введению продажи этих препаратов строго по рецепту, считает Л. Стебенкова. Депутаты предлагают суровые санкции: штрафы для фармацевтов, лишение аптек лицензий за нарушения в продаже кодеиносодержащих препаратов – и намерены с соответствующими поправками в Уголовный и Административный кодекс обратиться в Госдуму.

По мнению Н.Н. Иванца, директора Национального научного центра наркологии Минздравсоцразвития России, члена-корреспондента Российской академии медицинских наук, наркологическая служба страны оказалась не готова к такому «массовому» наплыву наркомании, хотя и организована довольно давно[8]. Она привыкла работать с больными алкоголизмом, алкогольными психозами, а когда пошел массовый наплыв больных наркоманией, пришлось в срочном порядке переучивать врачей, перепрофилировать отделения и проводить целый ряд других мероприятий. Возможности отечественной медицины таковы, что реально за год курс лечения могут пройти лишь 50 тыс. пациентов. Разумеется, это дорогое удовольствие. По различным экспертным оценкам, для эффективного лечения одного наркомана

7. См.: Известия от 19.03.2009, № 45.
8. Право и безопасность. – 2005. № 3 (16). – С. 65.

(достижения устойчивой ремиссии) требуется как минимум 5 тыс. долл. в год. Если взять только наркоманов в возрасте до 24 лет, то на их лечение потребуется более 10 млрд. долл. в год.

Что касается собственно наркоболезни, то здесь очень важно собрать сведения о тех, кто прошел курс лечения или нуждается в нем. Многие наркозависимые люди заявляют, что они чувствуют потребность в лечении, но при этом по разным причинам от него уклоняются. Необходимо создать новую систему учета наркозависимых и вовлеченных в употребление наркотиков, потому что после всех реформ в стране она нуждается в серьезной перестройке. К примеру, сведения о больных СПИДом сегодня не передаются в наркологические службы, хотя очевидно, что не менее двух третей из них – инъекционные наркоманы. Показательно, что среди задержанных ГИБДД в состоянии наркотического опьянения водителей всего лишь около 3% находятся на наркоучете, что явно свидетельствует о его недостатках. Данные разных ведомств с трудом поддаются обобщению и анализу.

Между тем опыт многих стран показывает, что система учета не только сочетается с демократическими устоями общества и соблюдением прав человека, но и необходима для защиты личности. В рамках новой антинаркотической политики требуется создание действенной системы учета на современных принципах и методах, в том числе и для того, чтобы планировать средства на лечение наркозависимых и их реабилитацию.

Основной принцип работы с наркоманами в России предполагает добровольность их участия в лечебно-реабилитационном процессе. Следует отметить, что в большинстве европейских стран недобровольная форма оказания наркологической помощи применяется в случае, если поведение индивида угрожает социальным интересам окружающих. При этом у наркозависимого нарушителя закона сохраняется возможность выбора: либо тюрьма, либо лечение.

У нас инициатива Минобрнауки России ввести массовое тестирование российских абитуриентов и студентов воспринята правозащитниками как нарушение базовых конституционных принципов – презумпции невиновности и права на частную жизнь. Однако в частных школах и университетах на Западе обязательность тестирования на употребление наркотиков прописывается в уставах учебного заведения: наркомана не пустят учиться, а студента, пристрастившегося к наркотикам, выдворят из вуза.

Необходимо уменьшить карательную составляющую в отношении больных, по сути, людей, всячески стимулируя их излечение. Но это должно происходить на фоне ужесточения законодательства относительно наркодельцов и распространителей крупных партий наркотиков. Отсутствие

единого подхода в системе учета распространенности наркомании и ее последствий, законодательного урегулирования этого процесса мешает объединить усилия ведомств и организаций, призванных вести борьбу с ней, сконцентрировать все силы на реализации антинаркотической политики.

Основная тяжесть борьбы с наркоманией ложится пока на плечи государства. Оно осуществляет правовые санкции против преступников наркопроизводителей и накроторговцев, принимает меры по обнаружению мест производства наркотических средств и их локализации. За последние пять лет за незаконный оборот наркотиков в нашей стране осуждены почти 0,5 млн. человек.

Вместе с тем по-прежнему сохраняется неадекватное законодательное и правовое обеспечение существующей антинаркотической политики. Контрабанда наркотиков – к примеру, того же афганского героина – и по сей день преследуется так же, как и контрабанда продуктов питания. Однако социальные последствия этих преступлений абсолютно несопоставимы.

Большое внимание уделяется определению понятий крупной и особо крупной дозы наркотиков. Ответственность за хранение наркотика наступает с 0,5 г. Но законодательство при этом никак не регулирует вопросы, связанные с оптовым сбытом наркотиков, когда их партии составляют не граммы, а десятки и сотни килограммов. Оптовики по сути приравнены к мелким распространителям.

Административно-правовые режимы границы, торговли и ввоза грузов на территорию Российской Федерации крайне слабы и не позволяют успешно пресекать наркотрафики. Наркомафия ищет и находит лазейки в действующем законодательстве при ввозе в Россию сельскохозяйственной продукции без экспортных уведомлений, контрактов и иных документов, особенно в сезон поставок скоропортящейся сельхозпродукции и т.д.

Многие годы в обществе идет дискуссия о том, должен ли владелец дискотеки, ночного клуба или других центров молодежного досуга нести ответственность за распространение наркотиков в его заведении. Складывается впечатление, что действующее законодательство в ряде случаев облегчает доступ молодежи к наркотикам.

Необходимо в срочном порядке решить накопившиеся проблемы функционирования наркотической службы. И прежде всего, остановить процесс сокращения сети наркологических диспансеров и кабинетов. Так, согласно знаменитому Федерального закону № 122 «О монетизации льгот» функции этих кабинетов были переданы с муниципального уровня субъектам Федерации, однако порядок передачи и финансирования оказался не определен, что повлекло их массовое закрытие. Важно добиваться, чтобы наркологические центры и кабинеты в регионах стали по-настоящему действенными в организации профилактических мер, надо создать достойные

условия для работников наркологической службы в целях сохранения и наращивания кадрового потенциала.

Реализация такого подхода к антинаркотической борьбе возможна лишь при интенсивном взаимодействии органов государственной власти и общественных структур, широкой подготовке кадров для этой работы. К сожалению, переход от деклараций и призывов к конкретным мерам по финансированию, оснащению и росту оплаты труда непосредственным участникам борьбы с наркоманией происходит слишком медленно.

Трудно переоценить участие в антинаркотической деятельности ведущих политиков, деятелей культуры, молодежных лидеров, известных людей. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры из мировой практики. Когда такой деятельностью занималась Ненси Рейган, супруга президента США, потребление наркотиков в Америке значительно снизилось. Дорис Шрёдер-Кемпф, супруга бывшего канцлера ФРГ Г. Шрёдера, всемерно поддерживала организации, занимающиеся проблемами малолетних наркоманов и беспризорных детей.

Эффективное противодействие наркотрафику потребует усилий многих стран. Вряд ли задержание отдельных наркокурьеров и увеличение количества изъятых наркотиков, имеют здесь решающее значение. Важнее наладить сотрудничество России со странами СНГ, Европейского союза, Шанхайской организации сотрудничества и другими государствами с целью определения зоны выращивания и производства наркотиков и создания барьеров для их распространения.

В ходе реализации Программы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (сырья) на 2005–2007 гг. была проведена унификация их законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, осуществлена инвентаризация договорно-правовой базы, усовершенствована система контроля международных обязательств Российской Федерации в упомянутой сфере. Была разработана база данных с информацией о лицах, участвующих в незаконном обороте наркотиков, использованы новые технические средства для их выявления при транспортировке и противодействия распространению.

Принятые меры позволили уточнить основные и выявить новые маршруты поставок из стран Центральной Азии в Россию и государства Европы, продолжить работу по разоблачению преступных транснациональных групп, осуществляющих контрабанду наркотиков. География вновь выявленных маршрутов доставки показывает, что большая

их часть пролегает через территории стран, образующих так называемый «пояс безопасности»[9], и далее в Россию.

Государства СНГ в рамках комплексного противодействия наркоугрозе участвовали в создании «поясов безопасности» вокруг Афганистана, в международных операциях по отслеживанию оборота прекурсоров (сырья), проводимых под эгидой Международного комитета по контролю над наркотиками, в борьбе с преступлениями транснационального характера, осуществляли взаимодействие с Управлением ООН по наркотикам и преступности. Проводились научные исследования, изучался опыт работы учреждений и организаций, занимающихся проблемами наркомании, подготовкой и переподготовкой кадров, анализировались методы его внедрения в практическую деятельность.

Выраженная тенденция к росту наркотизации населения ставит Россию, приступившую в условиях мирового финансового кризиса к реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития за период до 2020 г. в очень сложное положение. Амбициозные планы социально-экономического, технологического, культурного или инновационного развития, а также антикризисные программы не могут успешно выполняться в условиях разгула наркомании.

По данным социологического исследования по общероссийской квотной выборке (2006–2008), выполненного рабочей группой Института социологии РАН под руководством члена-корреспондента М.К. Горшкова, рост алкоголизма и наркомании в последние годы занимает первое после роста цен на товары и услуги место в иерархии проблем, вызывающих у россиян особую озабоченность и тревогу[10].

Сегодня назрела острая необходимость в решительном переломе возникшей ситуации. Концепцию государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации, утвержденную еще в 1993 г., можно охарактеризовать сейчас как явно устаревшую.

Президент Д.А. Медведев на заседании Совета безопасности (сентябрь 2009 г.) вынужден был признать, что коренного перелома в борьбе с

9. Под термином «пояс безопасности» подразумевается комплекс мер, прежде всего правоохранительных, по пресечении вызова афганских наркотиков за рубеж, ввоза прекурсоров для производства героина в Афганистан, выявление и ликвидация транснациональных преступных группировок на маршруте доставки наркотиков. Первичный «пояс» создается по периметру границ самого Афганистана, другой – по внешним границам сопредельных с ним государств. Применительно к России вторым «поясом безопасности» является граница с Казахстаном.

10. Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. – М.: Институт социологии РАН, 2008. № 6. – С. 8.

наркоманией не произошло. В России нет даже полноценной государственной политики по профилактике наркомании. Совет безопасности наметил завершить разработку стратегии антинаркотической политики России в первом полугодии 2010 г.[11] По мнению Д.А. Медведева, эта стратегия в первую очередь должна включать ужесточение ответственности граждан за распространение наркотиков, за коррупционные действия, связанные с ними. Он предложил подумать и о том, чтобы за мелкие преступления, совершенные наркоманами, им предоставлялась возможность замены уголовной ответственности на добровольное лечение.

Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков предложила установить список профессий (авиадиспетчеры, хирурги, шахтеры и другие профессии, связанные с ответственностью за жизни других), где должны быть введены предсменные и послесменные медицинские осмотры, в том числе и на предмет употребления наркотиков. В числе первоочередных мер – создание новых центров реабилитации для больных наркоманией, медицинская проверка учащихся средних и высших учебных заведений на предмет употребления наркотиков, в мониторинговом режиме, с согласия родителей несовершеннолетних, сохранением других демократических норм и врачебной тайны. ФСКН предлагает также внести коррективы в лицензионное административное законодательство, чтобы наказывать менеджеров, владельцев ночных клубов, дискотек и других заведений за попустительство и неприятие мер по предотвращению и пресечению незаконного оборота и потребления наркотических средств.

Ни одна глобальная проблема не решается одними лишь запретительными мерами (усилением контроля на границах, ужесточением наказаний и т.д.). Создание гербицидов, селекция растений и создание альтернативных сельскохозяйственных культур – конкурентов нарконосителей, рецептур, нейтрализующих психоактивные компонеты наркотиков, – далеко не полный перечень необходимых мер. Комплексная программа совместных действий власти и общества в борьбе с «наркотической эпидемией» должна сочетать меры: экономические (борьба с бедностью, ликвидация безработицы), политические (ликвидация коррупции, усиление контроля за деятельностью силовых ведомств, повышение роли институтов гражданского общества в противодействии наркомании), социальные (развитие здравоохранения, образования, укрепление социального и правового статуса семьи, ликвидация беспризорничества, изменение форм подросткового и молодежного досуга с целью минимизации влияния наркотической, пивоалкогольной субкультуры).

11. См.: Российская газета, 9 сентября 2009 г., № 168, www.rg.ru

Ключевым моментом в формировании новой антинаркотической политики стало понимание того, что основная угроза исходит от военно-политической ситуации в Афганистане, породившей масштабный экспорт опиатов в Россию и европейские страны. Не случайно Шанхайская организация сотрудничества провела в марте 2009 г. специальную конференцию по Афганистану с целью координации международного взаимодействия в антитеррористическом и антинаркотическом направлениях. Главы МИДа России и Афганистана подписали межправительственное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркотиками, Россия внесла предложение создать «наблюдательный совет» в рамках ООН для борьбы с незаконным оборотом афганских наркотиков.

Д.Б. Дондурей

КРИЗИС И ТВ КАК ФАБРИКА СМЫСЛОВ

Дондурей Даниил Борисович – кандидат философских наук, главный редактор журнала «Искусство кино».

Прежде чем обратиться непосредственно к теме кризиса, хотелось бы остановиться на тенденциях, сформировавшихся в последнее время на телевидении и вызывающих крайнюю озабоченность. Новое сегодня на ТВ – это, безусловно, тотальная установка на развлечение, которая проникает во все сферы телевизионной вселенной. Подчас кажется, что в скором времени зрители будут просто неспособны воспринимать все то, что не обладает развлекательным началом. И если до сих пор развлечение было всепроникающим, то в следующем телесезоне оно будет востребовано в функции чуть ли не наркотического опьянения. Станет даже не наркотиком, но самим воздухом нашей повседневной жизни, своего рода кислородом реальности. И речь здесь не идет, скажем, только о фигурном катании (не менее трех многочасовых выпусков в неделю на федеральных каналах), о юмористических программах (не менее 15 выпусков только в прайм-тайм уик-энда), о подноготной жизни звезд или бандитов (не менее 100 разного рода форматов в неделю), но о содержании и стилистике, казалось бы, чуждых всему этому новостных программ, документальных фильмов, о самом отборе героев эфира. Теперь на ТВ все подчинено философии развлечения.

Что же касается страхов по поводу отсутствия денег на телепроизводство, то они кажутся сильно преувеличенными и очень удобными, поскольку при реальном 20–30%-ном сокращении рекламных бюджетов телеканалы убеждают своих партнеров, что катастрофа исчисляется 70%. И тогда можно с легкостью отсечь всех тех, кто не нравится начальству, кто не умет «дружить» (мы ведь понимаем, что одни из главных типов коррупции в нашей стране – это блат и «дружба»). Не

приходится сомневаться, что ТВ воспользуется всеми индульгенциями, которые выписал ему экономический кризис.

И еще одно важное новшество – руководители телеканалов сегодня очень довольны собой, что видно по итогам сезона, подведенным ими в прессе. По их собственным оценкам, они очень правильно распорядились предоставленными ресурсами. Универсальная оценка: «Мы были почти безгрешны». Надо признать, что это несколько раз подтвердили и президент («у нас лучшее телевидение в мире»), и премьер-министр (его поздравления самому «любимому» российской интеллигенцией каналу треша и ужастиков – НТВ).

Больше всего поражают суперэффективные технологии продвижения программ к высоким рейтингам. Раньше можно было представить, что телевизионщики стремятся к тому, чтобы людям нравились их передачи. Это было понятно, они старались: «посмотрите, мы сделали выдающийся проект, лучшее ток-шоу, прекрасный конкурс». Такой подход уходит в прошлое. Сегодня людей к экранам нужно привлечь любой ценой, даже если они будут люто ненавидеть увиденное. Руководители каналов поняли, что компаниям, распространяющим рекламу, они продают вовсе не качество программ и даже не внимание зрителей – а большей частью скандал, ожидание шокирующего контента. Пример таких манипуляций – фильм «Мой муж – гений» о жизни Ландау. Промоутеры вещателя стали искать тех, кого он будет предельно раздражать. Что они для этого делают? За месяц до показа отправляют картину прямо в президиум Академии наук. Фильм смотрят знаменитые ученые-физики, академики Гинзбург, Велихов, Алферов, Осипов, которые, разумеется, приходят в ярость. Продюсеры прекрасно понимали, что вызовут именно такую реакцию. Протесты ученых они направили во все центральные газеты и журналы, получив фантастический пиар. Затем весь набранный негатив объявили «различным точками зрения на проблему: был или не был выдающийся нобелевский лауреат сексуальным маньяком». Что это все означает? То, что главное для телевидения теперь – сам интерес к событию вне зависимости и от его содержания, и от его оценки. А для того, чтобы не обвинили в аморализме, можно за день до выхода скандального проекта показать документальный фильм Льва Николаева «Дау великолепный». И повторить его после «Закрытого показа».

Подобных схем раньше не было. Это сверхмощная и успешная PR-работа, на которую способен пока только первый канал. Теперь телебоссов на самом деле не интересуют зрители, а занимает лишь борьба с «обожаемыми» конкурентами: схватки на льду идут на трех каналах одновременно. А рейтинговые очки набираются, когда один выпуск программы ставится в то самое время, когда идут аналогичные. Специально, чтобы зритель не имел возможности посмотреть все три. Главное тут – доля:

17,9 или все-таки 18,3. И никто не задает лишних вопросов, кроме критики, которая, как известно, никакого влияния на телевидение не имеет. Как, впрочем, и Академия российского телевидения со своей погибающей премией ТЭФИ. А ведь это была до недавнего времени единственная внерейтинговая оценка телепродукции. Теперь и ее превратили в жесточайшую конкуренцию между управляющими эфира.

Трудно переоценить работу телевидения не только по формированию политического климата, но и по наполнению всего содержательного пространства жизни страны. Это касается как фундаментальных оснований «прочтения реальности» миллионами, напрямую связанных с функционированием культуры в ее широком понимании (ценности, цели, идеалы, картины мира, образцы поведения, герои, мифы, стереотипы), так и с интерпретацией любых сиюминутных ситуаций. Телевидение задает сам смысловой контекст, в котором уже впоследствии размещает разного рода информацию о событиях, явлениях, процессах и персоналиях. Делает оно это быстро, непрерывно, с максимальным эффектом и в огромных масштабах. Пока еще его аудитория в России минимум в 3 раза опережает число пользователей Интернета и составляет от 95 до 102 млн. человек (старше четырех лет) в сутки. И хотя далеко не все они (лишь восемь-десять из каждых 100) смотрят информационные, тем более аналитические программы, способы восприятия и понимания происходящего сегодня практически полностью определяются ТВ.

В минувшем сезоне аналитический эфир практически по всем основным показателям и трендам потерял инициативу, креативную притягательность. Политический эфир теперь не вдохновляет наши телеканалы. А в результате, измерения Gallup Media, проведенные в 2008 г., зафиксировали значительное снижение массового спроса на новостные, аналитические передачи и ток-шоу в городах с населением свыше 100 тыс. человек. Если новостные выпуски очень редко, но все-таки попадают в топ-двадцатки недельного контента, то собственно аналитические программы, социальные и политические ток-шоу в мирное время (вне катастроф) практически уже никогда.

Подробный анализ динамики зрительских предпочтений в 2008 г. показал, что три из каждых четырех часов своего «телевизионного» времени граждане России тратили на телесериалы, кинофильмы, юмористические передачи, концерты, игры, занимательные ток-шоу и т.п. Особенно увеличилось время сериалов: по их показу на бесплатных общенациональных каналах мы занимаем теперь первое место в мире. При этом если сопоставить потребительский спрос и предложение производителей этого типа форматов, то выяснится, что наши соотечественники готовы сегодня смотреть еще больше развлекательных проектов, чем им предлагает российское ТВ!

Ситуация экономического кризиса эту тенденцию, судя по всему, только усиливает. А сопровождающие его реальные драмы, психологическая нестабильность естественным образом будут подталкивать каналы к тому, чтобы сделать телеразвлечение гипертрофированным. Неразвлекательное же ТВ начинает восприниматься профессионалами как диссидентская, чуть ли не антигосударственная по своей интенции деятельность.

Есть несколько черт, характеризующих позицию российских медиа в условиях кризиса, в публичном обозначении которого фиксируются три этапа. Сначала весь сентябрь и октябрь 2008 г. указывалось, что его вообще нет в России. Затем это были следствия того кризиса, который возник в США.

И, наконец, только с 15 ноября Владимир Путин стал постоянно употреблять это слово и тем самым легализовал ситуацию. Выступая 4 февраля 2009 г. на форуме, организованном компанией «Тройка Диалог», первый вице-премьер Игорь Шувалов подтвердил, что трудности пришли всерьез и надолго.

В результате такой «филологической» работы появились не только ложные символические обозначения, которые особенно важны в стране с такой семиотически сложной понятийной структурой, как Россия, где, как образно выразился один из культурологов, «даже колбаса растет из слов», но и соответствующие мотивационные и поведенческие стратегии, адресуемые населению электронными медиа. Почти три месяца они вообще не касались природы возникших проблем, их следствий, механизмов развития и программ противостояния. Не анализировалась даже роль провокаторов, которую, как известно, исполняли финансовые спекулянты. По данным Джорджа Сороса, в 2008 г. на одного реального поставщика или потребителя товаров в России приходилось 12 спекулянтов (вчетверо больше, чем в 2007 г.). Утверждая поначалу на всех каналах, что кризис существует где-то вне России, ТВ не позволило сделать выводы о чем-то более серьезном, например о том, что это, скорее, кризис несоответствия спроса и предложения, или о том, насколько конкурентоспособной оказалась российская экономика, насколько она готова и не готова к процессам глобализации и к серьезным испытаниям. Никто на ТВ не объяснил, что мы имеем дело с кризисом иной природы, чем в 1998 г.

Как показывают многие социологические исследования, российское население все последние годы не доверяет большинству государственных институтов (парламенту, судам, органам правопорядка, местной власти) – никому, кроме признанных лидеров нации. Бизнесмены не доверяют своим партнерам, финансовые институты – один другому, наемные работники – работодателям, да и сами граждане (по последним опросам – 59%) друг другу.

Дефицит доверия, страхи, неоправданные риски, отсутствие перспективных моделей деятельности – характеристики не столько экономические, сколько культурные, они чисто российской природы. В таком объеме их нет в других странах. Да, никто не знает заведомо эффективных путей выхода из кризиса, но в России они почти во всех случаях, кроме негативных последствий глобализации, находятся именно в сфере общественной психологии.

Системный кризис доверия – это действие двух факторов: давно сформированных психологических установок населения по отношению к самым разным элементам жизни и реального состояния общественной морали. На их содержание телевидение, медиа в целом оказывают самое непосредственное воздействие, причем куда более сильное и многообразное, чем неблагополучие финансов. Из-за слабой морали – помимо всего другого – большая часть средств, представленных правительством на поддержку реального сектора за счет сокращения уровня обязательных резервов, до него так и не дошла.

Полностью определяемая электронными медиа национальная реакция на экономический кризис – не мобилизация и даже не растерянность, а полная готовность, в частности, со стороны предпринимателей, быстро остановить производство, перевести деньги в валюту или офшор и тихо выжидать, чем все это дело закончится. Уровень дезориентации, взаимного несотрудничества, потребительства и цинизма, охвативших в последние годы всю нашу идеологическую сферу, самым активным образом влияют на экономику.

Здесь речь не идет, скажем, о слабости средств разрешения споров, защиты собственности и страхования, о коррумпированности судов или административной неэффективности. Речь идет, главным образом, о мировоззренческой обстановке в стране, в значительной степени формируемой телевидением. Можно поднять или опустить процентные ставки Банка России, реагировать на снижение суверенного рейтинга, выкупать плохие кредиты, но нельзя всем вместе ждать «у моря погоды» – спасения, которое может наступить лишь благодаря неотвратимому повышению цен на нефть.

Да, руководители правительства присутствуют в каждом выпуске новостей, но суть их деятельности до сих пор остается непонятной для большинства граждан. Телевидение демонстрирует политических лидеров активными, контролирующими, обещающими, но не представляющими целостной и продуманной системы совместной общенациональной деятельности по преодолению негативных последствий экономического кризиса. Зрители и так не поняли, зачем надо было защищать конкретных крупных собственников, наделавших массу инвестиционных ошибок, вместо

того, чтобы способствовать естественному переходу активов к другим, более эффективным, владельцам. Эта тема вообще ни разу не возникла на российском телевидении. Как и не появилось объяснения того, что нынешний кризис убедительно демонстрирует феноменальный уровень взаимозависимости разных стран мира и их экономик друг от друга, десуверенизации национальных финансовых, информационных и культурных областей.

Программа выхода из сложной ситуации транслировалась обществу исключительно как предоставление жаждущим дополнительных бюджетных средств. Эта «картинка» сформировала восприятие россиянами происходящего. Зачем нужны личные усилия, изобретательность, предприимчивость, если все публичные действия буквально вопиют: в современной российской экономике (да и жизни) важнейшим является административный ресурс.

Наше население по-прежнему остается очень уязвимым по отношению к внешним шокам, к ненадежности отношений, правам собственности, дороговизне входа на рынок – к самому устройству отечественной жизни.

Российское телевидение практически ни в одном формате не предложило концепцию активного участия самих граждан в разнообразных программах продуктивных действий по выходу из кризиса, не предложило ни одной запоминающейся пропаганды самостоятельности, креативности, гражданской ответственности, мужества, стойкости, воли.
И, конечно же, оптимизма. Ничего подобного нет. Отсутствуют даже призывы к сбережениям или работа по восстановлению доверия к своей валюте. А ведь лидеры телеиндустрии умеют все это делать.

На экране почти нет примеров частных побед по преодолению негативных условий. Нет ток-шоу с героями, после личного краха начавшими с нуля новое дело, с молодыми людьми, после увольнения занявшимися настоящим образованием. Нет репортажей о том, какие усилия предпринимают успешные кризис-менеджеры, интервью с теми, кто благодаря своей активности, новаторским идеям, прекрасным коллективам сотрудников смог реализовать то, на что не решался в тучные потребительские годы. Нет ничего о нынешнем противостоянии рейдерским захватам, о победе над собственными страхами и некомпетентностью. Этих сюжетов нет ни на контролируемых государством федеральных каналах, ни тем более – на частных. Зато на политическую интерпретацию поведения Украины в газовом конфликте конца 2008 г. российское телевидение потратило гораздо больше времени, чем на все эфирные размышления на тему целеустремленной консолидации нации.

В последние годы, как известно, практически единственным средством оценки работы медиа в стране стал рейтинг. Всего лишь техническое средство измерения медиааудитории он, по сути, превратился в главный содержательный ориентир производства всего отечественного телеконтента. Высокий «рейтинг» передачи (процент числа ее зрителей от величины всей национальной аудитории) и «доля» передачи (процент числа ее зрителей от величины аудитории, в это время смотрящей телевизор) должны быть достигнуты любой ценой. Ведь только это определяет сегодня стоимость рекламы, размещаемой во время показа каждой программы, а следовательно, и колоссальные доходы телеканалов в целом (в 2008 г. более 4,5 млрд. долл.).

Все остальные и в первую очередь общественно значимые цели телевидения: личностное развитие, формирование толерантно взаимодействующих сообществ, распространение адекватных вызовам времени представлений людей о действительности, служение психологическому здоровью – исчезли или существенно уменьшили свое значение. Такая, ориентированная исключительно на рейтинг, модель отечественных медиа не действует только в двух случаях: когда речь идет о политических интересах и в так называемых репутационных проектах, таких, к примеру, как сериалы «Доктор Живаго», «Идиот», «В круге первом». Свои награды они получают вне какой-либо связи с рейтинговыми процентами, на основе совсем других экспертиз. В этих редких, специально оговоренных ситуациях, российское профессиональное сообщество согласно не использовать рейтинг в качестве главного критерия.

Во всех остальных случаях он выступает как универсальное средство фиксации общественного интереса к тому или иному телепродукту, как способ выявления любых других его потребительских качеств. Так технологическая по своей природе процедура становится экономической, а значит, и содержательной. Сегодня эта философия устраивает всех участников и агентов российского медиарынка. Тотальная власть этой философии привела к реализации в стране механизма так называемой «понижающей селекции» в ее предельной форме, и это самое опасное. Ведь легче привлекать зрителей, работая на давно установленных психологами древнейших способах ориентации в реальности – сексуальных влечениях, переживании возможного насилия, ожидании смерти, чувствах неизвестности, опасности, неизбежности, подавленности… За тысячи лет человечество выработало мощные культурные технологии противостояния этим инстинктам и внешним вызовам через сознательные и неосознаваемые практики их вытеснения, сублимацию, создало разного рода нормы, идеалы, этические и иные запреты, которые дают возможность человеку справиться со многими типами внешнего давления, личными страхами и комплексами.

Телевидение, как и другие институты культуры, во многом основано на цивилизационном движении вверх–вниз: угроза – преодоление, опасность – защита. Вверх – это обращение к гуманистическому потенциалу нашего существования: к таланту, развитию, выдумке, мастерству, труду, жертвенности, уверенности в себе, не исключающей, кстати, сомнений. К огромному сожалению, многие передачи российского прайм-тайма тянут человека вниз, в мир не подверженного культурным запретам подсознания. Имеют хорошо продающийся миллионам уклон в сторону демонстрации разного рода патологий, аномалий, скандальных историй, скрытых и неправедных сторон приватной жизни. По одному из замеров, проведенному год назад, пять российских федеральных каналов («Первый», «Россия», НТВ, «ТВ-Центр», «Культура») и пять сетевых (Рен ТВ, СТС, «Домашний», ТНТ, «Звезда») показали своим зрителям 1,5 тыс. убийств за одну неделю!

Влияние гонки за рейтингом на российский телеконтент и на понимание жизни в целом не ограничивается лишь тем, что у нас часто и много стали обращаться к темам скандалов, криминальных отношений, «клубничке» или к разного рода неблаговидным аспектам повседневного существования. Настоящая драма в другом: нарушен баланс между движением вниз и вверх, обращением не только к порокам, но и к достоинствам человека, баланс между опорой не только на инстинкты и подсознание, но и на интеллект, на культуру, что очень опасно для психического здоровья населения, служит тормозом для выхода из кризиса и, конечно же, для модернизации страны.

Модель упрощения смыслов ради увеличения аудитории действует в российских медиа столь тотально, долго и безотказно, что постепенно российский человек просто привыкает к этому. Практически он теперь уже не реагирует на экстремальность сюжетов, неосознанно растворяясь в этом ловко скроенном в соответствии с его собственными архетипами, усеченном и травмированном мире. Телевидение научилось усиливать и закреплять все то, чего человек и так боится. Оно не помогает ему освободиться от глубинных страхов, а с беспощадным хладнокровием консервирует их. Задает совсем не вдохновляющие версии происходящего.

Многолетнее воспроизведение низких помыслов разъедает ценностную систему российских граждан, заставляет их более терпимо, чем, например, европейцев, относиться к представленным на экране аморальным, по сути, поведенческим практикам. Игра на понижение, мотивированная охотой за огромными рекламными деньгами, наносящая «человеческому капиталу» страны колоссальный ущерб, сегодня, в сущности, даже профессионалами не рефлексируется. Более того, благодаря удобной теоретической обманке – «зрители сами этого хотят» – удалось убедить абсолютно всех, что телевидение просто вынуждено – чуть ли не против своей воли – предлагать людям подчас ценностно отравленные высокорейтинговые продукты,

поданные в оболочке ежевечерних развлечений. Происходит своего рода разрушение мировоззренческих систем зрителей по заказу самих жертв. Делается это очень тонко, эффективно, бесконтрольно.

И если в двух с половиной тысячах часов показанных телевидением сериалов и в более чем двух тысячах выпусках одних только специальных криминальных новостей, показанных в минувшем году (в каждом по семь-десять самостоятельных сюжетов), нет, в сущности, отторжения зла, виртуозных способов российского воровства или хотя бы непристойности, – то как же можно тогда отказаться от них в жизни? Трудно бороться с правовым нигилизмом, если общественная психология к нему превосходно адаптировалась – почти шесть из каждых десяти наших соотечественников более или менее терпимо (по опросам, проведенным в октябре 2008 г.), относились к коррупции, – как на экране, так и в жизни!

При любом рассмотрении репрезентативности российских медиа следует особое внимание обратить на их фактическую исследовательскую табуированность. До последнего времени серьезное многоаспектное изучение реальных функций электронных медиа в России не проводилось, а все научные разработки такого рода осуществлялись только в рамках диссертационных работ на факультетах журналистики. Их результаты никогда не попадают в поле общественного внимания и никак публично не рефлексируются. Все телекомпании страны имеют неявную корпоративную договоренность не обсуждать не только в эфире, но и вообще в публичном поле содержание, качество и тем более воздействие своей продукции на различные аудитории и сферы жизни – тут присутствуют только анонсы, реклама, пиар-продвижение, самоирония или субъективные критические оценки. Никакой объективной аналитики!

Приходится констатировать, что российские политики, экономисты, социологи, гуманитарии не рассматривают телевидение и медиа в целом как самостоятельный и очень влиятельный институт общественного развития, как главный фактор формирования человеческого капитала.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

А.А. Зыков, М.Ю. Шинковский

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АТР: ПОИСК ПУТИ

Зыков Александр Александрович – аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).

Шинковский Михаил Юрьевич – доктор политических наук, профессор, директор Института международных и социальных отношений Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).

Для России текущий этап эволюции мироустройства сопровождается, с одной стороны, осложнением отношений со странами Запада и бывшими союзными республиками (Украина, Грузия и страны Балтии). С другой – происходит, по-видимому, необратимое «возрождение Востока» в новом тысячелетии, что в реальной политической практике выразилось в повышении значимости Азиатско-Тихоокеанского региона, как одного из мощнейших центров современной мировой политики. Капиталистический Восток развивается во многих отношениях быстрее и эффективнее, он стал, по сути, новым Западом. И Россия лишилась привычного «цивилизационного выбора» между евроазиатчиной и западничеством. Теперь выбор приходится делать между двумя моделями капитализма: старой европейско-американской и новой конкурентоспособной азиатской (8, с. 57).

Очевидно, что российскому руководству сегодня необходимо намного больше внимания уделять азиатскому направлению внешней и внутренней политики страны. Судя по всему, азиатская политика России направлена на решение следующих задач: во-первых, добиться большей вовлеченности в политические и экономические отношения в регионе, активно включаясь для этого в процессы региональной интеграции; во-вторых, через стабильные и

добрососедские отношения с соседями создать более благоприятное внешнее окружение и обеспечить тем самым безопасность своих азиатских территорий; в-третьих, сохранить и развить российские позиции в Азии, обеспечить модернизацию экономики и форсированное развитие Сибири и Дальнего Востока.

Азиатская геостратегия России реализуется на основе сбалансирования внешней политики в отношении стран региона. Уже стали привычными высказывания наших официальных лиц о полицентричности мировой политико-экономической системы. В свою очередь, стремясь избежать возможных «перекосов» в распределении влияния крупных держав на дела Восточной Азии и создать хотя бы частичный противовес политике Вашингтона и Пекина, страны региона (прежде всего члены АСЕАН) еще в июле 1996 г. включили Россию в число полномасштабных партнеров по диалогу. В немалой степени этому решению АСЕАН содействовало практически полное совпадение взглядов Ассоциации и РФ на желаемую модель «постбиполярного» миропорядка (4, с. 70).

В этой ситуации показательна модель интеграции, принятая в АТЭС, которая проповедует открытый регионализм. Идея «открытого регионализма», предполагает усиление кооперации групп стран на фоне общей тенденции глобализации. К. Омаэ (автор известной модели «триад») выдвинул концепцию «регионов-государств» (regions-states), которые являются самодостаточными экономическими комплексами и непосредственно взаимодействуют между собой, что является началом нового мирового порядка – «мира без границ», где капиталы, информация и люди свободно перемещаются. Известный исследователь Азии Р. Скалапино называет такие образования «естественными экономическими территориями». Но одним из самых важных достоинств АТЭС как организации, является отсутствие непреложных обязательств выполнения постановлений саммитов и форумов, что стимулирует развитие более глубоких двусторонних отношений с решением конкретных проблем внешнеэкономических связей АТР (а не одно лишь принятие деклараций «большой политики» о намерении). И, как следствие, дает время для выправлений экономических перекосов разноуровневых экономик (модель сотрудничества Сингапура и КНР не может быть применима к сотрудничеству КНР и России).

Но эта модель интеграции совершенно не исключает соперничества мировых акторов за влияние в регионе. К примеру, Япония добилась своего, создав урезанную форму АТЭС в виде Восточно-Азиатского сообщества без участия США. Однако вместо США в этом интеграционном проекте присутствует быстро растущий Китай, который будет оспаривать лидерство в группировке и мешать Японии играть главную роль в регионе (1, с. 79).

России приходится строить свою сбалансированную стратегию в этой части мира, учитывая непростые сложившиеся взаимоотношения стран региона. Благо некоторые политические претензии соседствующих стран к России способствуют выведению этих отношений на совершенно новый уровень трансграничного сотрудничества. Яркий пример этому – Япония, страна, с которой до сих пор не заключен мирный договор, который поставил формальную точку в истории Второй мировой войны, и у которой имеются территориальные притязания в отношении ряда островов Курильской гряды. Геополитическое значение Курильских островов весьма велико, особенно для обеспечения национальной безопасности РФ в новых условиях. С экономической точки зрения, богатства прибрежных морских вод Южных Курил, не могут быть компенсированы никакими японскими инвестициями в российскую экономику. Однако это совсем не означает разрыв торгово-эконо-
мических и гуманитарных отношений между Россией и Японией. И даже, наоборот: благодаря объявленной Японией политике «широкого сотрудничества» высокая политика была отделена от экономических и культурных связей, что дает шанс решить политические проблемы при помощи взаимовыгодного сотрудничества.

Углубление экономической взаимозависимости препятствуют ухудшению двусторонних отношений, ставя ему определенные пределы, что иллюстрируется примерами Японии, Китая и США – связанных крепкими торговыми партнерскими связями. Правда, на двусторонних отношениях сказываются исторические и геополитические факторы.

Несмотря на указанную взаимозависимость, Китай, согласно своей внешнеполитической стратегии, в качестве потенциального врага рассматривает США в силу их стремления к глобальному доминированию. И несколько настороженно относится к попыткам регионального доминирования своих соседей – Японии, Индии и России. При этом следует заметить, что, в отличие от Японии и Индии, к России каких-либо официальных претензий Китай не имеет.

Отсутствие внешнеполитических противоречий и взаимных претензий в отношениях России и Китая (в октябре 2004 г. был урегулирован последний территориальный спор с Китаем и ему были переданы о-ва Большой Уссурийский и Тарабаров в дельте р. Уссури) приносит свои политические дивиденды – близость подходов к пониманию проблем: Косова, Тайваня, Тибета, Ирака, Чечни, Синьцзян-Уйгурского автономного округа; участие в проекте в Средней Азии под эгидой ШОС.

К внешнеполитическим приоритетам Китая относится решение двух первостепенных задач: во-первых, обеспечение благоприятных международных условий для проведения внутренних реформ и политики

открытости;
во-вторых, задача, действуя на основе компромисса, выиграть время, накопить «комплексную государственную мощь» и уже затем претендовать на роль мирового лидера (9, с. 146).

Однако это совершенно не значит, что Китай дистанцируется от политического участия в региональной политике, даже наоборот – он является центральным участником большинства (если не всех) существующих в регионе международных организаций и клубов, а его активная экономическая политика (и дипломатия) направлена на интеграцию экономик соседствующих стран (и их пограничных территорий). В целом региональную политику КНР в Восточной Азии можно охарактеризовать как стремление к балансу сил среди геополитических акторов этой части мира: стратегическое сотрудничество с РФ в качестве противовеса позициям США и Японии; выравнивание отношений с обеими Кореями – при активизации культурного и экономического сближения трех стран.

Корейский полуостров является для основных акторов региональной политики нестабильным сегментом международной безопасности. Непосредственная близость КНДР к российским границам затрагивает интересы нашей страны. России предстоит восстановить свой статус-кво в многостороннем диалоге вокруг проблем, связанных с межкорейскими отношениями и международным положением Северной Кореи, занесенной Соединенными Штатами в черный список стран «оси зла». При этом для России предпочтительно было бы соблюдать баланс добрососедских отношений и всестороннего сотрудничества с обоими корейскими государствами (10, с. 67).

Россия стремится развивать всесторонние отношения с Республикой Корея и укреплять восстановленные отношения с Северной Кореей в рамках своей дипломатии «равных расстояний». Еще в 1992 г. Россия заключила договор о дружбе и сотрудничестве с Республикой Корея, наладив, таким образом, официальные дипломатические отношения (до 1990 г. СССР не признавал законности существования Южной Кореи). Российское политическое руководство осознает, что Республика Корея достигла впечатляющих экономических успехов и расширила свое влияние не только в Северо-Восточной Азии, но и во всем мире (избрание корейского министра иностранных дел Генеральным секретарем ООН – еще одно тому подтверждение). Это объясняет стремление России к экономическому сотрудничеству с Южной Кореей, способствующему развитию дальневосточных пространств России.

Во время саммита АТЭС в Пусане 18 и 19 ноября 2005 г. президенты России и Республики Корея одобрили совместный план действий по

активизации сотрудничества между странами. В план включены крупнейшие проекты соединения Транссибирской и Транскорейской железных дорог, прокладки нефтяных трубопроводов и другие ключевые вопросы двустороннего экономического сотрудничества (12, 120). Для дальнейшей интеграции России в мировую экономику важно и то, что Южная Корея официально признала Россию страной с рыночной экономикой. В 2004 г. были подписаны протоколы о завершении двусторонних переговоров по доступу товаров и услуг в рамках присоединения к ВТО.

В целом в настоящее время российское руководство стремится сбалансировать отношения с каждой из стран Восточной Азии, постулируя, что все они одинаково важны для России. Это способствует созданию благоприятного климата для налаживания полноценного трансграничного сотрудничества в АТР.

Существует удачное, на наш взгляд, определение задачи российской дипломатии в этом регионе: разработка и проведение курса, который, обладая всеми внешними признаками нейтрального, был бы в сущности ориентирован против раскачивания регионального статус-кво как процесса, губительного для благосостояния стран Восточной Азии (АСЕАН) и совершенно нежелательного для их внешних партнеров (17, с. 62). Несмотря на очевидную потребность многих мировых акторов в реальном политическом присутствии России в АТР, ее роль до сих пор проявляется лишь в трех аспектах:

1. Диверсификация экспортеров вооружений для стран АСЕАН и АТР.
2. Диверсификация экспортеров энергоресурсов для стран АТР.
3. Установление противовеса политическому влиянию крупных держав в регионе.

На этом основании можно утверждать, что реальная база взаимодействия России со странами АТР ныне и в обозримой перспективе будет оставаться достаточно узкой, а декларируемое сотрудничество на практике вряд ли окажется достаточно динамичным и эффективным. Тем не менее это сотрудничество важно развивать. И прежде всего необходимы конкретные шаги по укреплению энергетической безопасности стран АТЭС посредством увеличения поставок энергоресурсов, диверсификации их источников, повышения энергоэффективности и энергосбережения через внедрение передовых технологий, экономических и налоговых рычагов стимулирования (11, с. 63).

Составной частью сотрудничества в АТР являются прямые связи трансграничных регионов. С этой точки зрения, отметим появление больших возможностей в реальной политической практике дальневосточных субъектов Российской Федерации для установления и развитию внешних связей со странами Восточной Азии. Нынешнее отставание Дальнего Востока

России от ближайших соседей по темпам экономического роста, особенно с учетом его постепенной депопуляции, способно создать здесь зону нестабильности с самыми серьезными внутриполитическими и международными последствиями. Сложившаяся ситуация обусловливает необходимость активного участия восточных территорий страны в азиатско-тихоокеанском и мировом трансграничном сотрудничестве. Обсуждение перспектив интеграции в этой части мира в последнее время стало реальностью. В частности, характер дискуссий в России, Китае, Японии и Южной Корее о реализации крупномасштабных проектов (строительства нефте- и газопроводов, соединения трансконтинентальных железнодорожных магистралей, формирования общеазиатских энергетических сетей) свидетельствует о высокой заинтересованности политических и деловых кругов стран Восточной Азии в развитии многосторонней интеграции (8, с. 99).

Дальневосточные регионы способны выступать в качестве субъектов международных процессов (не выходя за рамки внешней политики федерального центра), тем более что центр тяжести в двусторонних и многосторонних экономических отношениях России со странами Северо-Восточной Азии приходится на Дальний Восток. Стоит также учитывать, что для наших восточноазиатских соседей именно эти территории являются географическим приоритетом в отношениях с Россией.

Например, Китай в развитии своих северо-восточных провинций ориентируется на расширение сотрудничества с Дальним Востоком России и в целом на расширение внешней открытости. В связи с этим правительство КНР специально разработало документ (№ 36), по которому будет реализован целый ряд больших проектов с участием иностранных инвестиций (в том числе российских). Председатель КНР Ху Цзиньтао на встрече с Президентом РФ В.В. Путиным 16 августа 2007 г. в Бишкеке говорил о необходимости расширения сотрудничества Северо-Востока Китая с Дальним Востоком России. Он подчеркнул важность тесной увязки планов по развитию Дальнего Востока и подъему старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая. По мнению китайской стороны, предложенное направление, доработанное до уровня стратегической программы, будет стимулировать создание полноценной зоны свободной торговли между странами и ускорит процессы регионального сотрудничества (3, с. 72). Вполне показательно намерение Китая создать международную экономическую зону на острове Большой Уссурийский после завершения демаркации границы. В перспективе это может оказаться самым большим проектом трансграничного сотрудничества регионов двух стран, способных образовать единое экономическое пространство.

Дальний Восток занимает особое положение и в отношениях России с Японией, что объясняется целым рядом обстоятельств. Именно Дальний Восток обладал и обладает тем экспортным потенциалом (минеральные и биоресурсы), который может представлять интерес для Японии в силу ее географической близости. Кроме того, интерес со стороны Японии именно к этому региону России обусловлен наличием постоянно действующего политического фактора. И наконец, большую роль играют геополитические и геоэкономические факторы (13, с. 139).

Для Корейского полуострова Дальний Восток не является жизненно важным фактором межрегиональных отношений. Здесь большую роль играет военно-политическая составляющая. Тем не менее Южная Корея считает Россию в целом (и, в частности, Приморье) одним из приоритетных партнеров в своей внешнеэкономической деятельности. Многие корейские фирмы заключают прямые контракты с восточными территориями России. В рамках межрегиональных программ прорабатываются проекты комплексного освоения и переработки океанического сырья, строительства объектов соцкультбыта, транспорта и инфраструктуры. Сотрудничество в экономическом развитии регионов строится на основе межправительственных соглашений России и Республики Корея.

Региональные связи России с КНДР находятся не в лучшем состоянии из-за дисбаланса торговых отношений, развивающихся только за счет российского экспорта. Кризисное состояние северокорейской экономики и нерешенные проблемы уплаты северокорейского долга осложняют перспективы развития этих отношений. Да и учитывая характер политического режима этой страны вряд ли можно говорить о развитии регионального трансграничного сотрудничества. Существующие проекты свободных экономических и промышленных зон (Кэсон, Синыйчжу, Раджин-Сонбон и др.) рассчитаны либо на будущее, либо на экономическую помощь в форме инвестиций Республики Корея и (в меньших объемах) КНР.

Значение Дальнего Востока России для Восточной Азии определяется следующими параметрами:

1. Ресурсным потенциалом территорий Дальнего Востока, включающим в себя углеводороды, гидроресурсы, руды, лесные ресурсы, плодородные почвы (в зоне, пригодной для ведения интенсивного сельского хозяйства), рыбные ресурсы и ландшафтно-рекреационные возможности территорий;
2. Наличием конкурентоспособных производств;
3. Наличием сформированной системы расселения, развитого инфраструктурного хозяйства;
4. Выгодным геоэкономическим и геополитическим положением региона.

В настоящий момент экономические инициативы как Москвы, так и дальневосточных регионов в международной деятельности ориентируются на проекты по таким направлениям, как формирование транспортных коридоров, международной энергетической инфраструктуры, экспорт природных ресурсов (нефть, газ, лес, рыба и т.д.) и привлечение инвестиций (как российских, так и зарубежных) в производственную сферу. Позитивные изменения политического климата в Восточной Азии создают благоприятные условия для реализации многостороннего подхода в разработке и транспортировке российской нефти и газа как потребителям внутри страны, так и за рубеж. Эта модель соответствует интересам России, так как может обеспечить практическое разрешение наиболее принципиальных проблем в энергетическом секторе. Сейчас правительство и ряд исследовательских институтов разрабатывают Программу создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки и газоснабжения с учетом возможного экспорта на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Еще 26 апреля 2005 г. министр промышленности и энергетики РФ В. Христенко подписал приказ об определении этапов строительства трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (2).

Активное участие Дальнего Востока России в построении глубокого трансграничного сотрудничества со странами региона (в первую очередь пограничными), имеет своей целью обеспечение экономического роста российской стороны и рост благосостояния населения этих территорий, а следовательно, стабилизация политического статуса России на международной арене при постепенном отходе в прошлое приоритета ее военного потенциала. Применяя концепцию «прямого соседства», создаются трансграничные институты в приграничных регионах, институционализируются зоны на российско-китайской границе. Приграничное сотрудничество благоприятствует созданию пояса добрососедства, где граждане сопредельных стран непосредственно общаются между собой, завязывают практические связи и тем самым цементируют фундамент межгосударственных отношений. Прозрачность границ позволяла жителям приграничных местностей обоих государств принимать активное и непосредственное участие в развитии и налаживании приграничной торговли, культурных и иных связей (15, с. 113).

Становится очевидным, что страна и ее политическое руководство постепенно поворачиваются лицом на Восток. Россия стремится сопрягать свое членство в АТЭС с вовлечением сибирских и дальневосточных регионов в интеграционные процессы в АТР. Трансграничное сотрудничество как процесс интеграции приграничных территорий различных стран

способствует модернизации периферийных областей соседствующих государств. Россия начинает уделять все большее внимание развитию своих восточных пространств. Увеличиваются инвестиции на геологоразведку, прежде всего в Зауралье, предусматриваются существенные финансовые ресурсы для развития Дальнего Востока и Сибири. В принятой в 2007 г. Федеральной целевой программе развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. намечено, что эти регионы получат из бюджета 566 млрд. руб. Эти средства пойдут на строительство дорог, трубопроводов, линий электропередач и других инфраструктурных объектов, которые позволят начать разработку многих новых месторождений полезных ископаемых и оживят хозяйственную жизнь в данной части России. Из этих средств 100 млрд. руб. выделяется специально для Владивостока, где в 2012 г. будет проведен саммит АТЭС (16, с. 100). Это задаст стимул модернизации Дальнего Востока в новых условиях. Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации призвана стимулировать процессы новой «регионализации» – консолидации ресурсов российских регионов для ускоренного экономического роста и изменения структуры экономики. Ее целью провозглашено усиление конкурентных позиций России и ее регионов в мире (6, с. 101).

Для решения поставленных задач необходима гармонизация всех направлений внешней и внутренней политики. Это требует преодоления определенных сложностей внутриполитического характера (на уровне региональной политики). Во-первых, отсутствие консолидированного единого интереса российских акторов (выраженного в нездоровой конкуренции субъектов Федерации друг с другом), тормозит развитие Дальнего Востока и ослабляет влияние России на внешние рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Такое положение негативно воздействует на общий инвестиционный климат российских территорий, и откровенно «замораживает» сотрудничество на уровне торговли ресурсами. Во-вторых, проблема соотношения самоидентификации единого государственного пространства с самоидентификацией его регионов, условно ее можно обозначить как проблему «пространства власти». Расхождения интересов регионов и центра ведут к росту сепаратистских настроений на местах. В-третьих, у дальневосточных приграничных районов и городов, отсутствие мотивации развития подобной той, которая наличествует у китайских приграничных провинций и городов – распределение доходов построено таким образом, что эти провинции прямо заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией.

Продуктивная региональная стратегия сталкивается с рядом противоречий, требующих скорейшего решения. Прежде всего это противоречие между богатством сырьевой базы и неразвитостью

производственной и социальной инфраструктуры. Далее, противоречие между растущим спросом на квалифицированную рабочую силу в условиях научно-технической революции и вытеснением ее из сферы производства на российском Дальнем Востоке из-за деформированного развития экономики в одну сторону сырьедобывающих направлений. И наконец, противоречие между Дальневосточным регионом как важнейшим военным и политическим форпостом на Востоке России и элементами колониального отношения к нему.

Решение поставленных проблем предполагает налаживание механизма согласования интересов российских политических и экономических акторов и выработку на его основе общего интереса, принятие комплексных мер по стимулированию приграничных территорий (понижение таможенных тарифов, облегченный визовый режим с соседствующими странами т.д.), налаживание единой инфраструктуры на территории Дальневосточного федерального округа и в целом всей России. Желательно для этого использовать и мировой опыт интеграционного сотрудничества. Соблюдение баланса интересов есть осознанная необходимость исправления ошибок прошлых лет. Российский Дальний Восток является органической частью Северо-Восточной Азии, но обострение внутренних проблем создает необходимость *антикризисного политического управления пространством* России (особенно ее окраинных / приграничных территорий).

Проблема политического контроля над политическим пространством приобретает огромное и даже первостепенное значение. Восточные территории России притягивают интерес сопредельных государств. В приграничных районах Дальнего Востока рынок уже завоеван китайцами. Они кормят и одевают российских граждан. Американцы и японцы сделали шаги по освоению сахалинской нефти. Российская сторона, понимая серьезность происходящего, не предпринимает адекватных действий. Еще 20 лет назад можно было списать все на огромные просторы страны, нехватку средств и прочие причины, но теперь, когда есть пример Китая, преодолевающего схожие с российскими проблемы с поражающей быстротой, становится ясно, что дело в неэффективности и ограниченности российской государственной политики (7, с. 286).

В интересах России участвовать во всех тех союзах и формах международного сотрудничества, которые способствуют внутренней, особенно экономической, интеграции страны и препятствуют любым попыткам подорвать ее. Решение этой задачи потребует принятия как специальных и, возможно весьма обременительных мер экономического характера, так и более зрелой концепции федерализма, предполагающей четкое и действенное распределение полномочий между центром и регионами страны. Таким образом, необходимо реализовать приоритетные

цели государства – обеспечение баланса отношений «центр – регионы» на обозримую перспективу, стимулирование развития на всех уровнях территориально-политической иерархии и снижение конфликтности как по вертикали (между центром и регионами), так и по горизонтали (между территориальными сегментами) (14). Именно в условиях федерального государственного устройства России, необходимо, с одной стороны, достичь соблюдения стратегических интересов национальной безопасности и единого экономического пространства страны как единого федерального государства, а с другой – учесть потребности всех субъектов Российской Федерации в согласованном сотрудничестве друг с другом. Это очень важное условие целостного развития нашей страны, ее регионов, к примеру, субъекты Федерации российского Дальнего Востока не имеют взаимной зависимости, но каждый из них, взятый отдельно, чрезвычайно зависит от центра. Поэтому неудивительно, что ассоциация «Дальний Восток» носит формальный характер и не имеет реальной политической практики.

В настоящее время стратегия регионального дальневосточного развития находится в точке формирования и зависит от российских государственных и геополитических стратегий. Необходимость ее существования подтверждена богатой и разнообразной политической практикой. Уже второй год политическая жизнь Приморья проходит под знаком обещанных федеральной властью финансовых вливаний в экономику края, его социальную инфраструктуру. Создавая захватывающие дух политической элиты экономические возможности, эта перспектива в руках федерального центра стала эффективным рычагом в процессе выстраивания взаимоотношений с региональной властью. Вертикаль в новых условиях стала более безальтернативной и жесткой, региональная власть становится более дисциплинированной и управляемой. Данный подход отвечает потребности модернизации страны (хоть и сворачивает процессы демократизации), и достаточно жесткими мерами обеспечивает общую линию внешней региональной политики России, пытаясь учесть интересы развития как страны в целом, так и составляющих ее регионов. Но в целом (в среднесрочной и долгосрочной перспективе) подобная практика государственного управления характеризуется неустойчивостью, непоследовательностью и конъюнктурностью. В действительности она отвечает на ситуативные вызовы времени и обстоятельств, что может представлять серьезную угрозу национальной безопасности государства.

Адекватная мировым вызовам международная деятельность страны способна стимулировать развитие российских пространств. Среднесрочная и долгосрочная стратегии внешней политики России призваны обеспечить продвижение интересов РФ на мировой арене. Одним из механизмов реализации новой стратегии развития называют вступление России во

всемирную торговую организацию (ВТО). Проблема вступления России в ВТО уже долгое время одна из наиболее обсуждаемых. Идея имеет своих сторонников и противников, но по оценкам экспертов Мирового банка, именно Дальний Восток способен извлечь наибольшую выгоду от либерализации барьеров для прямых иностранных инвестиций, уменьшения тарифов и расширения доступа России на международные рынки. По мнению экспертов, дальневосточные регионы могут стать зоной хорошего инвестиционного климата, в результате чего благосостояние регионов увеличиться, и это в процентном соотношении от потребления всей страны составит 9,7% (или 5,7% ВВП) по сравнению с 7,8% (4,3%) в среднем по стране (19). Ханойское соглашение России и США (ноябрь 2006 г.) дают основания надеяться на это, поскольку трактуются как падение последнего барьера для присоединения к ВТО, однако это не изменит сразу инвестиционную политику в регионе, а лишь станет базой для российских мероприятий. Пока же говорить о кардинальных улучшениях инвестиционной политики (при насущной необходимости в этом) все же нет оснований (6, с. 104).

Правительство должно отвечать за политические факторы и условия формирования эффективной внешнеэкономической специализации страны. Горизонтальные связи, определяющие существо современных международных отношений, подводят к необходимости сетевой дипломатии. В российской политике в целом, как и в политике российских регионов, продолжает доминировать территориальное мышление, а вместе с ним – и территориальная форма трансграничного сотрудничества. Это проявляется, в частности, в том, что для приграничных регионов характерно переплетение геоэкономического и геополитического подходов. Приверженность геоэкономической стратегии неизбежно порождает конфликты интересов, но эти объективные конфликты между регионами и федеральным центром в процессе трансграничного регионального сотрудничества не должны мешать их конструктивному взаимодействию (18, с. 67). Административная политическая элита России сильно ограничена в своих решениях активной средой мирового рынка, возрастным и количественным составом, лимитом доверия населения, а также корпоративным интересом. Следовательно, вне зависимости от политических изменений она будет вынуждена принять либерализацию пограничного режима, в силу хотя бы ее заинтересованности в экономической выгоде.

Опираясь на известные позитивные сдвиги в экономическом и государственном строительстве, Россия вышла из фазы «политического небытия» в регионе своего Тихоокеанского фасада. Тем не менее целый ряд нерешенных и серьезных проблем, связанных с обретением и упрочением политико-экономических позиций в регионе, остаются. Очевидно, что если

Россия
не пересмотрит свои геополитические взгляды и экономическую политику на востоке страны, возникнет потенциальная угроза утраты экономической самостоятельности и даже физической утраты территории этого региона. Усиление интеграционных процессов не снимает всех проблем, но при этом придает дву- и многосторонним отношениям новую политическую окраску, стимулирующую региональное сообщество к дальнейшему развитию.

Литература

1. Абалкина А. Азиатские страны в поисках оптимальной интеграционной модели // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. – С. 74–83.

2. Ершов Ю. Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений // Азия и Африка сегодня, 2006, № 6. – С. 3–12.

3. Инь Цзяньпин. Базисное условие экономического сотрудничества и совместного развития Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая // Пространств. экономика. 2007. № 4. – С. 68–78.

4. Канаев Е. АСЕАН и Россия: отношения после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. – С. 68–76.

5. Караганов С.А. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – 444 с.

6. Матвиенко И.Г. Противоречия процесса формирования Дальневосточной региональной стратегии развития / Регионалистика и этнополитология / Отв. ред. Р.Ф. Туровский. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. С. 101–109.

7. Медведева Л.М. Политические проблемы развития транспорта российского Дальнего Востока // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность / Под. ред. М.Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 275–288.

8. Митыпов Е. Восточноазиатская интеграция: плюсы и минусы для России // Мировая экономика и международные отношения, 2004. № 10. – С. 99–101.

9. Пак Ки Чан. Новая роль Китая в СВА и военная безопасность в регионе // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / Отв. ред. Е.И. Сафронова. М: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 145–158.

10. Панченко М.Ю. Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР. Монография // М.: Науч. Книга, 2004. – 203 с.

11. Потапов М. Перспективы АТЭС и экономическая интеграция в восточной Азии (заметки с делового саммита АТЭС) // Проблемы Дальнего Востока, 2007. № 1. – С. 63–71.

12. Суслина С.С. Экономическое влияние России на РК и КНДР в свете процессов интеграции в Северо-Восточной Азии // Корейский полуостров и вызовы глобализации: докл. X науч. конф. кореведов России и стран СНГ, Москва, 29–30 марта 2008 г. / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2006. С. 114–126.

13. Тимонина И.Л. Дальний Восток России – Япония: грани экономического сотрудничества // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии / Рук. проекта Э.В. Молодякова. М: АИРО-XX, 2004. С. 138–162.

14. Туровский Р.Ф. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства // Автореф. дис. … док. полит. наук. М., 2007. – 54 с.

15. Фролов А. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями Китая в 1950-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. – С. 113–124.

16. Хейфец Б.А. Приоритеты в развитии экономических отношений России со странами АСЕАН // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 1. – С. 100–111.

17. Цветов П. АТЭС и Россия / Азия и Африка сегодня. 2008. № 1. С. 62–69.

18. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // ПОЛИС. 2004. № 5. – С. 62–70.

19. Rutherford T., Tarr D. Regional impacts of Russia's accession to the Word Trade Organization. Word Bank Policy Research Working Paper 4015. September 2006. P. 3–28.

ВЫЗОВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Е.Б. Ленчук

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ*

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, заведующая сектором ИЭ РАН.

Переход к инновационной модели развития является одним из важнейших вызовов для современной России. В каком облике будет выступать Россия в XXI в.? Сумеет ли она в рамках глобальной экономики позиционировать себя как высокотехнологичная держава или сохранит за собой статус топливно-сырьевого придатка мирового постиндустриального ядра? В условиях разразившегося финансово-экономического кризиса мы особенно остро ощутили негативные последствия экспортно-сырьевой модели развития. Падение цен на энергоносители больно ударило по российскому бюджету и поставило на грань срыва решения социальных задач российского общества.

Несмотря на то, что вопросы формирования инновационной модели развития России ставятся и обсуждаются не один год, страна вошла в кризис с экономикой «сырьевой трубы» и с какой будем на выходе – это чрезвычайно важный вопрос. И хотя с точки зрения теории экономический кризис должен нести за собой обновление, переход к более прогрессивным моделям развития, реализация этой задачи для России требует крайнего напряжения и мобилизации всех сил. Определенную уверенность в том, что Россия будет двигаться в направлении активизации инноваций, вселяет недавно принятая Концепция социально-экономического развития России до 2020 г., которая определяет инновационный путь развития в качестве магистрального. Сегодня не надо никого убеждать, что, не решив эту задачу,

** Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 08-06-12007).*

мы еще более отдалимся в уровне социально-экономического развития не только от развитых стран Запада, но и от многих развивающихся государств.

Для правильного выбора стратегии инновационного развития России, способной обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста, прежде всего следует оценить состояние ее научно-технологического развития в контексте складывающихся мировых трендов, которые будут определять конкурентоспособность экономики в ближайшей перспективе.

Переход к инновационной модели развития, в рамках которой знания превращаются в стратегический ресурс роста экономики, уже стал свершившимся фактом для многих развитых стран Запада. За счет инноваций в них обеспечивается до 85% прироста валового внутреннего продукта, а на долю самых динамичных из них – США, Японии и Германии, вместе взятых, приходится сегодня 43% глобального ВВП (в текущих ценах долл.)[1]. Соответственно высока доля этих стран в мировом инновационном разделении труда, которая составляет: 36% – США, 30 – Япония и 17% – Германия[2]. Они уверенно позиционируют себя на мировых наукоемких рынках, контролируя более 80% его объемов, что позволяет им наращивать свою экономическую мощь, монополизируя технологические прорывы и собирая со всего мира десятки миллиардов своеобразной «технологической квазиренты».

Причем, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, высокотехнологичный сектор мировой экономики продолжает развиваться темпами, многократно превосходящими темпы роста ВВП в мире и по отдельным странам. Если сегодня объем мирового наукоемкого рынка оценивается в 2–2,5 трлн. долл., то, по оценкам, за ближайшие 15 лет его объем возрастет в 4–5 раз, до 8–10 трлн. долл. При этом прогнозируется, что к 2020 г.:

– мировой экспорт информационно-коммуникационного и офисного оборудования, который составляет сегодня более 750 млрд. долл. США в год, (что превышает суммарные объемы экспорта нефти всех нефтедобывающих стран) увеличится более чем в 3 раза;

– объем мирового рынка космической продукции и услуг, который равен сейчас 120–150 млрд. долл. в год (без учета внутреннего потребления стран-производителей), достигнет уровня, превышающего 700 млрд. долл. в год;

– объемы рынков фармацевтических препаратов и биотехнологий будут расти в среднем более 20% в год, а объемы продаж соответствующей продукции могут вырасти в 6–8 раз;

1. Модернизация экономики в странах СНГ: национальные, региональные и глобальные факторы» М., ИЭ РАН, серия: Научные доклады 2008. – С. 52.

2. Science and Engineering Indicators. 2008, Figure O-10.

– мировые рынки аэрокосмических летательных аппаратов, которые достигают 120–130 млрд. долл. в год (без учета внутреннего потребления стран-производителей), могут увеличиться более чем вдвое;

– взрывной характер носит развитие исследований в сфере нанотехнологий, которые имеют широкий спектр практических приложений, в том числе в сфере информационно-компьютерных технологий (ИКТ), биотехнологий, новых материалов. По оценке европейских экспертов, расходы на нанотехнологии в мире в 2006 г. достигли 10 млрд. долл. США, и к 2015 г. мировой рынок продукции и услуг, созданных с использованием нанотехнологий, достигнет 1 трлн. долл.

Активно ведутся работы по разработке технологий альтернативной энергетики, снижающие зависимость от углеводородных топливно-энергетических ресурсов (термоядерный синтез, реакторы на быстрых нейтронах, водородная энергетика). Уже сегодня тратятся огромные деньги на создание новых энергогенерирующих мощностей на основе возобновляемых источников. По данным Международного энергетического агентства, в 2007 г. в эту сферу было инвестировано 110–120 млрд. долл.[3]

Перечисленные выше новые направления развития высокотехнологичной сферы базируются на конвергенции технологий. Набирает силу процесс практически одновременного развития очень широкого спектра научных и технологических областей, в основе которых лежат принципиально новые возможности, открывшиеся с использованием информационных, био- и нанотехнологий.

Конечно, кризис может внести свои коррективы в темпы развития высокотехнологичных производств, но общий вектор развития уже определился. И сегодня, чтобы выйти из кризиса с конкурентоспособной экономикой многие страны включают в программы антикризисных мер расширение исследований в вышеназванных областях, отдавая им приоритет. В частности, это сделали США и Китай, продумывая свои возможности повышения конкурентоспособности экономики страны на выходе из кризиса.

Если говорить о технологических лидерах, то безусловным лидером являются США. На долю США приходилось более 50% крупных нововведений, генерируемых в развитых странах. Американцы также лидировали в сфере обработки массивов накопленных знаний и предоставления информационных услуг. Можно предположить, что и в последующие десятилетия США сохранят за собой роль мирового лидера научно-технического прогресса, что будет обеспечиваться благодаря существующим заделам в фундаментальных исследованиях, созданных в

3. Инновации 2008, № 4. – С. 84.

последние полвека. В нормальных условиях инновационного цикла это создает перспективу поддержания технологического опережения на весьма длительный период.

Американская наука, производство и маркетинг уже «оседлали» важнейшие точки роста перспективных потребностей в мировом развитии. Поскольку производимая в США высокотехнологичная продукция и услуги во многих случаях носят системообразующий и уникальный характер, американские фирмы извлекают повышенную выгоду с каждой стадии расширения спроса не только в локальных продуктовых циклах, но и в глобальном процессе коренного перелома в характере производства и образе жизни. Уже давно говорится о том, что США больше не выступают в качестве «мировой кузницы», а на нынешнем временном рубеже было бы логичнее обозначить их роль как «мировой научно-исследовательской лаборатории и испытательного промышленного полигона».

Вслед за США, второй страной в мире по производству наукоемкой продукции в настоящее время является Япония, авторитет которой значительно возрос в 80-х годах. Именно инновационный потенциал корпораций в течение длительного времени был двигателем ее экономического роста. И сегодня развитие наукоемких производств – стратегическая задача для японской экономики, которая почти полностью зависит от импорта сырья и экспорта продукции.

Европа, хотя и несколько отстает в области генерации инноваций от США и Японии, экспорт высокотехнологичной продукции в последнее десятилетие увеличился до внушительной цифры – от 30 до 70 млрд. долл. На европейские страны приходится 32% мировых телекоммуникаций (США – 33%). ЕС является абсолютным лидером в области производства энергосберегающих технологий, их доля составляет 51% (США – 25%). Странами-лидерами в Европейском Союзе являются Германия, Франция и Великобритания.

Среди развитых стран ЕС в качестве инновационного лидера выступает также Финляндия, опыт которой являет собой ярчайший пример того, как концентрация внутренних ресурсов на наиболее перспективных направлениях производства и развитие сильных конкурентных отраслей обеспечили прорыв страны на мировой рынок. Если сравнительно недавно в 1970-х годах основным источником доходов страны были ресурсные отрасли, то уже к концу 90-х макроэкономические показатели страны были одними из лучших в Европе. В начале XXI в. Финляндия четырежды поднялась на первую строчку мирового рейтинга конкурентоспособности стран и была признана одной из наиболее развитых IT-экономик в мире. Ныне наукоемкие технологии обеспечивают 45% ВВП, причем свыше 4/5 производимой продукции экспортируется.

Следует отметить, что и некоторым развивающимся странам, еще в течение первой половины XX в. пребывавшим на периферии международных экономических отношений, удалось вырваться из отсталых аграрно-индустриальных стран и к концу века почти на равных с Западом и в успешной конкуренции с ним начать переход к постиндустриальному и информационному обществу. В погоне за лидерами многие из них прилагают усилия к укреплению своего научно-технического потенциала, привлечению инвестиций в наукоемкие технологии, активизации участия в международном технологическом обмене. Речь идет о так называемых новых индустриальных государствах Восточной и Южной Азии, таких как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия и др. Они успешно провели внешне ориентированную индустриализацию, использовав при этом опыт западных экономических, производственных, технологических и организационных методов и структур хозяйствования. Сегодня их доля в мировом экспорте наукоемких изделий составляет уже около 15%. Соответственно окреп их суверенитет и увеличился вес в международных делах.

География технологических лидеров постоянно расширяется. В последнее десятилетие примером экономического роста за счет развития высоких технологий может служить Китай. Согласно данным китайской Государственной комиссии по развитию и реформам, в 2007 г. китайская высокотехнологичная промышленность выпустила продукции на сумму, составляющую 7% ВВП. В период 2000–2007 гг. экспорт высокотехнологичной продукции Китая увеличивался в среднем на 38% в год и в 2007 г. составил 347 млрд. долл. В итоге, доля китайских высокотехнологичных продуктов на мировом рынке приблизилась к 20%. В 2007 г. доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта промышленной продукции составила 30%[4].

Нашла свою нишу на рынке хайтека и Индия, которая благодаря экспорту высокотехнологичных услуг собирается к 2050 г. войти в тройку мировых лидеров по ВВП. Сегодня – это несущий скелет экономики, заставляющий страну качественно меняться. Предпосылки очевидны уже сейчас.

В 2006/2007 фин. г. экспорт программного обеспечения и информационных услуг вырос на 31% и составил 31,3 млрд. долл. А по данным индийской национальной ассоциации компаний разработчиков программного обеспечения «NASSCOM», к 2010 г. Индия будет ежегодно экспортировать программных продуктов на сумму 60 млрд. долл., что почти в 2 раза больше, чем в 2006 г. Уже сейчас большинство крупных компаний мира имеют

4. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Инвестиционные аспекты инновационного роста: мировой опыт и российские перспективы. М., УРСС, 2009. – С. 27.

отделения в Индии. Американские эксперты полагают, что в ближайшие годы Бангалор оттянет на себя более 500 тыс. рабочих мест. Даже американские корпорации переносят свой бизнес в Индию, и уже сейчас в калифорнийской Силиконовой долине осталось только 120 тыс. инженеров, а в бангалорской их уже 150 тыс.[5]

Таким образом, развитые и развивающиеся страны стремятся активно наращивать производство и экспорт высокотехнологичной продукции, идя по пути разработки собственных инноваций и их заимствования.

Как показывает опыт, в странах, претендующих на технологическое лидерство, существует хорошо продуманная стратегия инновационного развития. Поддержка науки и задач развития научно-технического потенциала
выступает в качестве важнейшего государственного приоритета. Особое внимание уделяется формированию институциональной среды, создающей условия для скорейшего воплощения научных знаний в конкретном продукте или технологии. Так, например, развитые страны имеют высокий уровень наукоемкости ВВП, о чем свидетельствуют данные о структуре расходов на НИОКР (см. табл. 1).

Таблица 1

СТРУКТУРА РАСХОДОВ НА НИОКР
СТРАН «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ» В 2006 г.

	США	***Япония***	***Германия***	***Великобритания***	***Франция***	***Италия***	***Канада***
Внутренние затраты на исследования и разработки в млрд. долл.	343,7	138,7	66,6	35,6	41,4	17,8	23,3
в % к ВВП	2,6	3,4	2,5	1,8	2,1	1,1	1,9
Доля бюджетных ассигнований в затратах на исследования и разработки в %	31,0	18,1	30,4	32,1	38,0	50,8	33,7
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на душу населения	1146,5	1086,3	809,7	588,0	655,7	304,2	713,8

5. Прямые инвестиции. 2008, № 7. – С. 6.

в долл.							

Источник: OECD Main Science and Technology Indicators. May 2008.

Вместе с тем в соответствии с долгосрочным экономическим прогнозом, разработанным в ИМЭМО РАН, опережающие темпы роста затрат на НИОКР в Китае и странах Азии приведут к 2020 г. к существенному сближению показателей наукоемкости этих стран с развитыми странами, в среднем он будет составлять около 2,5% ВВП. В 2020 г. на Китай придется 20% мирового объема НИОКР, а на все страны Азии – 45%, тогда как на США – 28%[6].

Рассматривая позиции России в контексте мировых тенденций инновационно-технологического развития, следует отметить, что она находится сегодня в разряде отстающих. В отличие от развитых стран, доля научно-технологического фактора в приросте ВВП в России в 2006–2007 гг. составляла не более 10%. Основной же рост ВВП, по-прежнему обеспечивается за счет внешнего фактора – экспорта сырья, доля которого в настоящее время возросла до 85%.

В период рыночных преобразований Россия так и не смогла сформировать сбалансированную производственно-технологическую структуру экономики. Наоборот, проводимая в течение десятилетия малоэффективная экономическая политика привела к утрате ею воспроизводственной целостности, разрушению основных элементов научно-промышленного потенциала и резкому сокращению объемов научных исследований и разработок, к серьезным структурным дисбалансам в сторону расширения сырьевого комплекса. Это привело к тому, что в настоящее время Россия, за исключением единичных примеров, практически отсутствует на мировых рынках высокотехнологичной продукции. Ее доля оценивается в 0,3–0,5% (6–8 млрд. долл. США).

Анализ современного состояния научно-технологичного комплекса России свидетельствует о нарастающем технологическом кризисе. В стране фактически приостановился процесс обновления производства. Изношенность основных фондов в 2007 г. достигла 46,3%, в том числе по промышленности – 47%, средний возраст машин и оборудования в промышленности составил 20,7 лет при принятом во многих развитых

6. Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики. М., Макс-Пресс, 2007. – С. 686.

странах нормативном сроке службы менее семи-девяти лет. Инновационная активность российских компаний остается крайне низкой. В 2007 г. число предприятий промышленности, осуществлявших технологические инновации, составило лишь 8,5% от их общего числа. Для сравнения, в Великобритании, Финляндии, Франции, Италии, Корее этот показатель достигает 40–50%, в Германии – 73, Ирландии, Бельгии и Дании – 58–61, Эстонии и Чехии – 41–47%[7].

Медленными темпами идет процесс модернизации отечественного производства. Технологическое обновление происходит в значительной мере на основе заимствования зарубежных технологий, прежде всего в форме импорта технологического оборудования. Доля импорта в закупках нового оборудования составляет в металлургии – 48%, химической промышленности – 60, машиностроении – 56, лесопромышленном комплексе – 67%. С одной стороны, это закономерно, с другой – свидетельствует о нарастании разрыва между потребностями экономики в технологическом обновлении и возможностями российского научно-исследовательского комплекса удовлетворять эти потребности.

Процесс создания собственных новых технологий в России характеризуется крайне низкими темпами (см. табл. 2). При росте с 1997 г. общего количества передовых производственных технологий, используемых в российской промышленности, в 2,6 раза, интенсивность создания отечественных технологий снизилась на 36%. По ряду направлений Россия уже находится в технологической зависимости от ведущих стран мира. Так, например, в таком наукоемком направлении, как производство интегральных схем, она отстала уже на три поколения от США и Японии. Наблюдается отставание и в области станкостроения, автомобилестроения, фармацевтики и т.п.

Таблица 2

СОЗДАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ВИДАМ

	Технологии											
	Всего			***Новые в стране***			***Принципиально новые***			***Обладающие патентами на изобретение***		
	2004	***2005***	***2006***	***2004***	***2005***	***2006***	***2004***	***2005***	***2006***	***2004***	***2005***	***2006***
Передовые производственные технологии	676	637	735	569	538	642	52	60	52	237	234	288
Проектирование и инжиниринг	111	138	148	102	125	138	4	12	7	31	47	45
Производство, обработка и сборка	342	291	362	271	239	308	33	30	25	134	114	158

7. Индикаторы науки. Статистический сборник. М., ГУ-ВШЭ, 2008. – С. 308.

Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	11	9	13	8	8	11	–	–	1	41	2	4
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	90	91	97	71	72	79	9	12	14	9	51	45
Связь и управление	49	57	56	46	52	52	2	4	3	6	10	13
Производствен-ные информационные системы	23	21	24	20	20	24	2	1	–	7	5	8
Интегрирован-ное управление и контроль	50	30	35	48	22	30	2	1	2	17	5	15

Источник: Наука в России в цифрах 2007 г. М., ЦИСН, 2007.

Продолжает сохраняться преимущественная концентрация высоких технологий в оборонно-промышленном комплексе, что совсем не оправданно ни с точки зрения рациональной экономики, ни с точки зрения мирового опыта, поскольку уровень развития, устойчивость и эффективность многоотраслевой индустриальной экономики определяются, прежде всего, уровнем развития промышленной базы в целом, а не отдельных, даже достаточно продвинутых, ее фрагментов. В то же время в России крайне слабо развиты такие наукоемкие сектора промышленности так называемой «новой экономики», информационные технологии, биотехнологии, что создает для нее крайне неблагоприятную ситуацию в освоении высших технологических укладов.

Процесс прогрессирующего отставания России в уровне развития технологий от мировых параметров по большинству направлений в значительной мере объясняется резким сокращением научно-технических исследований и разработок, ранее подпитывавших высокие технологии. Это связано с резким сокращением расходов на НИОКР, которые по сравнению с 90-ми годами снизились в 5 раз и приблизились к уровню третьеразрядных стран. В 2007 г. внутренние затраты на НИОКР в России составили 1,1% ВВП, в то время как в странах с развитой экономикой (как указывалось выше) этот показатель колеблется в пределах 2,5–3%. Наша страна тратит на науку в 7 раз меньше, чем Япония, и в 17 раз меньше чем США[8]. В настоящее время доля расходов на НИОКР в России соответствует уровню 1946–1950 гг., а абсолютная величина общих расходов на науку соответствует уровню начала 60-х годов.

8. Наука России в цифрах 2008 г. – М., ЦИСН, 2008 г. – С. 194.

Устойчивой тенденцией стало сокращение государственных затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. За последнее десятилетие доля расходов на науку в государственном бюджете страны постоянно уменьшалась, лишь в последние два года наблюдался незначительный рост бюджетного финансирования. В 2005 г. этот показатель составлял 1,63[9], в 2007 г. – 1,9% расходной части бюджета. Уместно напомнить, что в экономически развитых странах уровень бюджетного финансирования продолжает оставаться значительно выше и составляет 4–5%.

Причем сегодня трудно в полной мере согласиться с утверждением о том, что недостаточное финансирование науки определяется крайним дефицитом финансовых средств. На наш взгляд, его уровень определяется неправильными приоритетами бюджета. Достаточно сравнить бюджеты России и развитых стран мира, из которых видно, что доля бюджетных затрат на формирование новой экономики в последних гораздо выше, чем в России. На первое место здесь выдвигаются установки, связанные с развитием науки, образования, укреплением здоровья населения (см. табл. 3).

Таблица 3

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Страны	***Доля бюджетных расходов, в % от ВВП***					***Суммарная доля***	
	Здравоохранение	***Образование***	***Наука***	***Оборона***	***Обслуживание государственного долга***	***Новых функций***	***Традиционных функций***
США	6,2	5,6	2,7	3,4	1,8	14,5	5,2
Франция	7,3	5,7	2,2	2,5	0,2	15,2	2,7
Великобритания	6,3	4,6	1,9	2,4	1,5	12,8	3,9
Германия	8,1	4,6	2,5	1,5	2,7	15,2	4,2
Канада	5,2	6,8	1,9	1,2	2,5	13,9	3,7
Япония	6,2	3,6	3,1	1,0	1,5	12,9	2,5
Россия	3,7	3,1«	1,1	4,0	4,1	8,1	8,1

Источники: Доклад о развитии человека, 2004. Издано для программы ООН. М., 2004, с. 224–227; OECD database 2005; Рогов С.М. Государство и общественное благо: мировые тенденции и российский путь. М., Институт США и Канады РАН, 2005. – С. 106.

Особенно тревожно то, что в условиях финансового кризиса предусматривается дальнейшее сокращение бюджетных ассигнований на

9. Там же. – С. 46.

науку и разработки. В частности, утвержденный новый кризисный бюджет предусматривает сокращение затрат на фундаментальную и прикладную науку в среднем на 15–17%[10], что не может не сказаться на темпах инновационного развития страны, поскольку в условиях кризиса бюджетные деньги по существу остаются одним из важнейших источников финансирования инноваций. Частные компании, как правило, испытывают резкий дефицит средств, ставки по кредитам очень высоки, да и долгосрочных кредитов никто не дает.

Постоянное недофинансирование научной сферы на протяжении почти двух десятилетий привело к серьезным деструктивным процессам в области научно-технического потенциала. Прежде всего, пострадал кадровый потенциал науки. За этот период общее количество занятых в научно-технической сфере сократилось почти в 2 раза и составило 801,1 тыс. человек в 2007 г. против 1943 тыс. человек в 1990 г. Число исследователей за тот же период сократилось с 992,6 до 392,8 тыс. человек[11], т.е. на 60%, достигнув уровня
35-летней давности. В худшую сторону качественно изменился его состав. Продолжается процесс старения научно-инженерных кадров. Средний возраст российских исследователей в 2006 г. достиг 48 лет, 30% исследователей в России – люди пенсионного возраста. Низкий престиж науки и недостаточный уровень оплаты труда ученых практически приостановил процесс притока молодых кадров в сферу НИОКР.

Сегодня, однако, Россия испытывает негативные последствия не только от постоянно сокращающегося объема научно-технического потенциала, ведущего к сокращению масштабов исследований, но и от низкой результативности использования. Его суммарная отдача в 5–6 раз ниже, чем в развитых странах. Если по масштабам научно-исследовательского потенциала Россия занимает не ниже 15-го места в рейтинге стран-лидеров, то по результативности – 30–40-е места[12]. Потери от несоответствия объемов затрат на исследования и разработки конечным результатам инновационной деятельности, выраженным в экспорте технологий и высокотехнологичной продукции, оцениваются в 23–25 млрд. долл. в год. Из них 22–24 млрд. долл. составляет нереализованный экспорт высокотехнологичной продукции, до 1 млрд. долл. – недополученные доходы от экспорта технологий[13].

10. Российская газета 29.04.09.

11. Наука России в цифрах 2008 г. – М., ЦИСН, 2008 г. – С. 46.

12. Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики до 2020 г. М., Деловая литература, 2007. – С.196.

13. Там же. – С. 197.

Сложившаяся ситуация создает реальную стратегическую угрозу постепенной утраты основных, крайне важных структур научно-технического и производственного потенциала, абсолютно необходимых не только для обеспечения устойчивого экономического роста, но и для обеспечения технологической, а, следовательно, и национальной безопасности. Об этом свидетельствуют количественные параметры пороговых значений технологической безопасности, по большинству из которых российский научно-технический потенциал находится за «критической чертой» (см. табл. 4).

Таким образом, в целом, хотя в России и существует наукоемкий сектор промышленности, проблема рационального его использования и воспроизводства остается крайне актуальной. Можно с сожалением констатировать, что у руководства страны до сих пор нет внятной государственной стратегии научно-технологического развития, не определено какие отрасли и направления и в каком объеме необходимо поддерживать и развивать.

Тем не менее сегодня Россия еще сохраняет необходимый собственный потенциал технологического развития. В стране сохранился фундаментальный научный задел, способный стать фундаментом для базовых инноваций, высокий уровень научно-исследовательского потенциала и квалифицированная рабочая сила, высокотехнологичные производства. Кроме того, несомненным преимуществом России является ее емкий внутренний рынок.

Таблица 4

ИНДИКАТОРЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Индикатор	***Уровень индикатора для 2005–2006 гг.***	***Критическое значение индикатора***	***Относительное значение индикатора***
Доля внутренних расходов на НИОКР в ВВП, %	1,08	2	0,54
Доля бюджетных ассигнований федерального бюджета на гражданскую науку, %	1,9	4	0,47
Средний возраст исследователей, имеющих ученую степень, лет	53	48	1,1
Индекс постарения исследователей (отношение численности кадров свыше 60 лет и старше к численности кадров до 40 лет)	0,47	0,2-0,3	2,35
Уровень инновационной активности предприятий (доля			

инновационно-активных предприятий в их общем числе в промышленности), в %	8,6	25	0,34
Удельный вес инновационной продукции в объеме промышленной продукции, в %	10,9	15	0,72
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции, в %	3,1	3,5	0,88
Число патентных заявок, поданных отечественными заявителями на 10 тыс. человек экономически активного населения	1,96	2,5	0,78
Соотношение числа патентных заявок, поданных национальными заявителями за рубежом и в стране	1,33	3,0	0,44
Удельный вес страны в международной торговле технологиями, в %	0,08	1,0	0,08
Доля передовых производственных технологий (ППТ), использовавшихся менее трех лет в общем числе ППТ, в %	30	65	0,46

Важный момент, создающий условия для скорейшего перехода страны на инновационный путь развития, состоит и в том, что в настоящее время происходит становление нового шестого технологического уклада, формируются ключевые направления экономического роста в долгосрочной перспективе.

И на этой волне у России появляется шанс догнать ушедших вперед лидеров и обеспечить свое технологическое первенство, если она сможет освоить стратегически правильную модель инновационного саморазвития.

Следует отметить, что отставание в развитии высокотехнологичных отраслей экономики определяется не только отставанием в технологиях, но и низким уровнем институционального развития. Это подтверждают и оценки экспертов Всемирного экономического форума (ВЭФ), по мнению которых экономический рост в инновационно-активных странах зависит на 50% от технологии, на 25% – от эффективности функционирования общественных институтов и на 25% – от качества макроэкономической среды.

Эффективность национальных институтов с точки зрения инноваций определяется тем, насколько сильно стремление в обществе к обучению, приобретению знаний, к поощрению изобретений, к риску и т.п. Такое состояние в значительной мере обеспечивается государственной политикой

стимулирования конкуренции в экономике, целенаправленной поддержкой науки и образования. В частности, именно в области институциональных факторов следует искать ответ на вопрос, почему научный и технологический потенциалы, в принципе доступные всем, реализуются не полностью, и почему сегодня образовался такой огромный разрыв между богатыми и бедными странами. Так, например, сохраняющийся разрыв в уровнях производительности труда, инновационной активности и общей конкурентоспособности европейских производителей от американских, обусловлен в основном институциональными условиями, препятствующими быстрой диффузии нововведений, а также различиями в стратегическом поведении компаний.

Что касается России, то низкий темп перехода к инновационной модели развития, прежде всего, определяется трудностями выстраивания национальной инновационной системы (НИС), которые связаны с незавершенностью рыночных трансформаций. Многие элементы рыночных механизмов развиты слабо или вообще отсутствуют. Так, например, в стране практически нет крупных высокотехнологичных компаний, медленными темпами формируется малый инновационный бизнес, слабо развита кредитно-банковская система, фондовые рынки и т.п. Все это накладывает ограничения на эффективность использования тех или иных успешно действующих элементов зарубежных НИС в российской практике и требует выработки своих собственных подходов.

Ключ к ускорению инновационных процессов и преодолению ограничений, связанных со слабо развитой рыночной институциональной средой лежит в плоскости активной инновационной политики государства по продвижению науки и технологий во все сферы хозяйственной деятельности и жизни общества, предусматривающей использование как прямых, так и косвенных механизмов стимулирования этих процессов. Как показывает опыт, нет ни одной страны в мире, где государство не брало бы на себя ответственность за изменение экономической направленности.

Нельзя не отметить, что за последнее время Россия заметно активизировалась в плане решений направленных на формирование институциональной среды, обеспечивающих диверсификацию экономики и приток инвестиционных потоков в приоритетные и высокотехнологичные отрасли. Начиная с 2006 г. изменился ряд концептуальных подходов к формированию национальной инновационной системы, комплекс мер инновационной политики стал более разнообразным, что, безусловно, явилось важным шагом на пути ускоренного формирования важнейших элементов НИС. Основной упор сделан на активизацию механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере с целью

консолидировать интересы государства и бизнеса в реализации инновационных проектов.

Неотъемлемой частью системы государственно-частного партнерства стало создание госкорпораций, формирующихся в наиболее конкурентоспособных отраслях экономики, таких как нанотехнологии, авиастроение, космическая отрасль, атомное энергомашиностроение, судостроение, оборонно-промышленный комплекс. В рамках этих направлений сформированы федеральные целевые программы, прорабатываются вопросы обеспечения финансовыми ресурсами конкретных инновационных проектов. Причем суммы, выделяемые государством на формирование таких институтов развития огромны. Так, на создание госкорпорации по нанотехнологиям выделяется 130 млрд. руб. Предполагается, что реализация программы по наноиндустрии позволит России к 2015 г. занять 4% мирового рынка в этом сегменте.

Важным направлением формирования национальной инновационной системы является формирование финансовых институтов инновационного развития. В частности в стране начал функционировать Банк развития, призванный поддерживать крупные инновационные проекты, в том числе по развитию инновационной инфраструктуры. Для ускоренного развития венчурного бизнеса в 2006 г. был создан другой финансовый институт – Российская венчурная компания (РВК). Эта компания образована на базе государственных средств, ее уставной фонд составил 15 млрд. руб. Предполагалось, что она должна будет создать в России около 15 венчурных фондов для инвестирования в высокотехнологичные отрасли, способных профинансировать от 100 до 200 российских малых инновационных высокотехнологичных предприятий на ранних стадиях.

Большое внимание уделяется формированию инновационной инфраструктуры. В 2006 г. была утверждена федеральная программа по созданию технопарков в сфере высоких технологий. В соответствии с принятой программой на эти цели в 2007–2010 гг. будет выделено 8,9 млрд. руб.[14]

Кроме того, с 2008 г. в стране начал действовать ряд новых мер, касающихся налоговых преференций и льгот и направленных на создание благоприятного инновационного климата в России. По расчетам Минфина, реализация этих мер позволит обеспечить налогоплательщиков, вкладывающих деньги в науку, налоговыми преференциями на сумму примерно 3 млрд. руб.

14. Российская газета 26.12.2007.

Оценивая деятельность всех этих институтов инновационного развития, следует отметить, что период их становления затянулся, непроработанность многих правовых вопросов серьезно тормозит их деятельность и, в целом, они пока не смогли придать необходимый динамизм инновационному развитию России.

Национальная инновационная система России продолжает оставаться достаточно фрагментарной, поскольку в решении этой задачи отсутствует комплексный и системный подход.

Не определены приоритеты государственной поддержки в научно-технической сфере, что существенно снижает эффективность деятельности вновь созданных институтов инновационного развития, испытывающих трудности при отборе инновационных проектов. Не отработаны пути реиндустриализации базовых отраслей экономики под нужды суверенной рыночной высокотехнологичной экономики, которую предполагается создать в России. Практически не ведется серьезная прогнозная работа в сфере технологического развития экономики России.

Кроме того, в России до сих пор отсутствует нормативно-правовая база, покрывающая все поле научно-исследовательской и инновационной деятельности, до сих пор даже не принят Закон об инновационной деятельности.

Решение всех этих проблем, несомненно, должно содействовать ускорению процесса создания в стране эффективно действующей национальной инновационной системы. На наш взгляд, оно должно основываться на реализации целостной цепочки мер: государственная стратегия социально-экономического развития – стратегия инновационного развития – увязка приоритетов развития – программы – механизмы.

Учитывая нынешний этап и особенности развития российской экономики можно предположить, что стратегия инновационного развития России должна быть направленной на решение трех блоков проблем. Во-первых, это формирование и развитие высокотехнологичного комплекса экономики для укрепления конкурентоспособности и расширения своих позиций на высокотехнологичных рынках. Во-вторых, должна быть осуществлена скорейшая модернизация промышленности, которая станет основой для развития высокотехнологичных производств. Третий блок проблем касается инновационного развития топливно-сырьевого сектора, поскольку переход к инновационной модели развития отнюдь не означает отказ от экспорта нефти, газа и других энергоносителей. Они еще надолго останутся важным источником наполнения бюджета. Для того чтобы их добыча велась более эффективно, решались экологические проблемы и осуществлялась переработка сырья, также нужны новые, в том числе высокие технологии.

Вместе с тем, чтобы это не стало делом отдаленной перспективы, целесообразно вывести задачу строительства инновационной системы на уровень национального проекта, дополнив его масштабной национальной комплексной программой, ориентированной на создание базисных продуктовых инноваций, востребованных на глобальном рынке и адекватных возможностям отечественного научно-технического потенциала. И, конечно, нужна консолидация усилий всех участников инновационного процесса: государства, бизнеса, науки, образования. Только совместными усилиями можно решить столь сложную задачу.

В.П. Шуйский

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СЕКТОРОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Шуйский Вячеслав Павлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Одной из определяющих тенденций современного мирохозяйственного развития является ускорение научно-технического прогресса, сопровождающееся формированием в авангардных странах «новой экономики, основанной на знаниях». Наука становится непосредственной производительной силой, обеспечивающей конкурентоспособность экономики, а инновации – ключевым двигателем экономического роста[1]. Уже сейчас от 70 до 80% прироста ВВП в странах ОЭСР обеспечивается за счет инноваций и новых технологий. Как результат, знания все больше становятся не только важным фактором производства, но и исключительно ценным товаром.

Тенденция к интеллектуализации все полнее захватывает и сферу мировой торговли, где отмечается рост доли товаров и услуг, имеющих особо тесную связь с научной деятельностью, исследованиями и разработками (ИР). В эту группу входят неовеществленные технологии, наукоемкие[2] товары и услуги (в том числе образовательные). Наиболее динамичным сегментом мировой торговли является ныне рынок наукоемких услуг – телекоммуникации, компьютерные и информационные услуги, контрактные

1. A new Economy? The changing Role of Innovation and Information Technology in Growth. – Paris: OECD 2000. – P. 7–8.

2. Наукоемкость – показатель, характеризующий технологию (товар, отрасль) и отражающий степень их связи с научными исследованиями и разработками. Наукоемким (высокотехнологичным) называют тот товар, который включает в себя объемы ИР, превышающие среднее значение этого показателя. Наукоемкость отрасли измеряется как отношение затрат на ИР к объему сбыта.

ИР, маркетинг, консалтинг, аудит, образовательные, финансовые, инженерные и другие деловые, профессиональные и технические услуги (за исключением строительных, торговых и риэлтерских). Быстро развивается экспорт и неовеществленных технологий (патенты, лицензии, ноу-хау, инжиниринговые услуги, товарные знаки), а также наукоемких (высокотехнологичных) товаров (авиакосмическая техника, офисное и телекоммуникационное оборудование, точные приборы, фармацевтика)[3]. Совокупный мировой экспорт технологий, наукоемких товаров и услуг вышел к 2006 г. на уровень 3,1 трлн. долл., занимая более 20% общего объема мирового экспорта товаров и услуг (см. табл. 1).

Таблица 1

МИРОВОЙ ЭКСПОРТ ТЕХНОЛОГИЙ, НАУКОЕМКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ (МЛРД. ДОЛЛ.)

	2000	***2006***
Всего	1805	3100
Технологии	80	150
Наукоемкие товары	1255	1990
Наукоемкие услуги	470*	960*
В том числе образовательные	30*	50*

* Оценка.

Источники: WTO, International Trade Statistics 2007; World Bank, World Development Report 2008; OECD Education Database 2007.

Другим важнейшим процессом, оказывающим растущее воздействие на весь ход мирового развития, является быстро прогрессирующая интернационализация хозяйственной деятельности, достигшая на современном этапе стадии глобализации и ведущая к усилению взаимозависимости и интеграции национальных экономик различных государств, к превращению их в составные звенья целостной мирохозяйственной системы. Это находит отражение в постепенной либерализации внешнеэкономической деятельности, ослаблении запретов и ограничений на перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между странами.

В последние годы существенно изменился состав поставщиков интеллектуальной продукции на мировые рынки. До недавнего времени на

3. Указанный перечень следует рассматривать не как исчерпывающий, а как представительную выборку наукоемких отраслей, достаточную для того, чтобы выявить их роль в экономике отдельных стран и ситуацию на мировом рынке наукоемкой продукции.

рынках овеществленных и неовеществленных технологий безраздельно господствовали компании США, Японии и крупных западноевропейских стран. Из 50 макротехнологий 46 принадлежало указанным странам, что позволяло им контролировать 80% рынка высоких технологий.

Теперь круг экспортеров наукоемких изделий заметно расширился, прежде всего за счет Китая и других стран Восточной Азии. Опираясь на широкое использование иностранных инвестиций, технологий и оборудования, они смогли в кратчайшие сроки преобразовать свои отсталые в прошлом экономики, создать практически на пустом месте современные высокотехнологичные производства, стать крупными поставщиками на мировые рынки промышленных изделий и услуг. Некоторые из них (Южная Корея, Тайвань, Сингапур) составили группу так называемых «новых индустриальных стран». К ним подтягиваются Малайзия, Филиппины, Таиланд, Индонезия.

Укрепили свои позиции на мировом технологическом рынке и некоторые малые европейские страны (Финляндия, Швейцария, Нидерланды, Ирландия и др.), а также Израиль, тогда как США потеряли первенство по восьми макротехнологиям[4].

В складывающихся условиях изменяются приоритеты в деятельности американских и европейских корпораций. В первую очередь они стремятся закрепить за собой монополию на знания и разработку принципиально новых технологий в качестве основного инструмента обеспечения своего интеллектуального лидерства на мировых рынках, прибегая в то же время к широкому импорту высокотехнологичных готовых и комплектующих изделий. К примеру, в 2006 г. ввоз офисного и телекоммуникационного оборудования в США составил 254 млрд. долл., а экспорт – только 137 млрд. долл. В ЕС (25) эти показатели составили соответственно 523 млрд. и 418 млрд. долл. В то же время США и ЕС остаются крупнейшими экспортерами технологий (в 2005 г. они только лицензий продали на 57 млрд. и 48 млрд. долл. соответственно).

По мнению экспертов, в первой четверти XXI в. процесс радикальных перемен в мирохозяйственных связях наберет еще большую силу. Ожидается, что этот период ознаменуется новыми глубокими технологическими трансформациями, которые связаны с дальнейшим развертыванием информационной революции, освоением и распространением первых поколений VI технологического уклада, опирающихся на практическое использование

4. Стратегические ориентиры развития России в глобальном экономическом пространстве. – М.: ИМЭПИ РАН, 2004. – С. 129.

достижений био- и нанотехнологий, фотоники, оптоинформатики, лазерной тех-
ники.

Одновременно будет происходить дальнейшая интеллектуализация международных экономических связей. По расчетам ИМЭМО РАН, в течение ближайших 15 лет мировой экспорт высоких технологий (технологии, наукоемкие товары и услуги) возрастет в 4–5 раз и займет ведущее место в международной торговле.

Говоря о смене доминирующих технологических укладов, необходимо иметь в виду, что этот процесс, как правило, сопровождается серьезными сдвигами в международном разделении труда, в составе мировых лидеров и преуспевающих стран. Государства, лидировавшие в предшествующий период, сталкиваются с обесценением капитала и квалификации занятых в отраслях устаревающего технологического уклада, в то время как те, кто успел создать заделы в формировании нового технологического уклада, становятся центрами притяжения капитала, высвобождающегося из устаревающих производств, и быстро продвигаются вперед. Тем же странам, которым не удастся оседлать научно-технический прогресс, не избежать выталкивания на обочину мировой цивилизации.

Превращение накапливаемых человечеством знаний в главный источник развития придает особую ценность научно-образовательному потенциалу наций.

С этой точки зрения Россия располагает огромным интеллектуальным богатством, создающим надежную основу для инновационных преобразований в стране и обретения достойного места в мировом сообществе. Она относится к тем немногим государствам мира, которые обладают развитой исследовательской и образовательной базой, особенно в области фундаментальных наук. По числу ученых-исследователей (391 тыс. человек или около 10% их общемировой численности) она опережает большинство развитых государств, кроме США и Японии. Примерно 87% россиян имеют среднее и высшее образование против 78 – в Германии, 76 – в Великобритании, 30% – в Испании. По числу специалистов с техническим образованием (свыше 1 млн. человек) Россия превосходит любую страну мира, а по числу студентов (7,3 млн. человек) уступает только США и Китаю.

Правда, за последние годы наша страна несколько утратила свои преимущества в подготовке высококвалифицированных кадров. Тем не менее в институтах Российской академии наук и других научных коллективах продолжают выполняться комплексные исследования практически по всем направлениям фундаментальных знаний, а в учебных учреждениях расширяется подготовка специалистов современных специальностей, в том числе в области ИКТ, менеджмента, маркетинга и др. По мнению

специалистов, развивать масштабные междисциплинарные исследования в настоящее время за исключением США реально способна только Россия. За рубежом высоким авторитетом и востребованностью пользуются отечественные научные школы в различных областях математики, физики, химии, наук о Земле, энергетики, космических и ядерных исследований.

К сожалению, пока отечественные интеллектуальные ресурсы используются для расширения и диверсификации российского экспорта явно недостаточно и неэффективно. Как следствие, позиции России на мировом рынке высоких технологий крайне слабы.

Таблица 2

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ТЕХНОЛОГИЙ

	2000		***2005***		***2006***	
	I	***II***	***I***	***II***	***I***	***II***
Всего В том числе:	1094	203,5	1682	389,4	1900	533,4
Патент на изобретение	11	0,07	6	0,93	6	0,10
Патентная лицензия	12	0,42	14	1,79	17	2,58
Ноу-хау	45	2,33	25	0,52	23	0,40
Товарный знак	2	11,50	17	5,58	20	6,19
Промышленный образец	8	0,28	2	1,02	3	0,22
Инжиниринговые услуги	522	139,30	610	150,86	692	171,19
Научные исследования	239	23,98	677	63,67	652	89,26
Прочее	255	25,70	340	145,49	486	263,44

I – Число соглашений.

II – Поступления по экспорту, млн. долл. США.

Источник: данные Росстата.

Из приведенных данных видно – за шестилетний период поступления от экспорта российских технологий возросли в 2,6 раза, однако их абсолютная величина и значимость остаются на низком уровне. В общем объеме российского экспорта товаров и услуг они составили в 2006 г. менее 0,2%, а по отношению к объему продаж технологий на мировом рынке менее 0,4%.

Вряд ли можно считать рациональной и структуру российского экспорта технологий. Основу его из-за упадка сектора прикладных разработок и неразвитости служб коммерциализации технологий составляет «технологическое сырье», не доведенное до конкретных проектов и образцов, не защищенное международными патентами. На долю же патентов, лицензий, ноу-хау, товарных знаков и промышленных образцов пришлось в 2006 г. менее 2% его общей стоимости. По области назначения технологии в

российском экспорте лидируют операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (59% стоимости), строительство (14), торговля (7%). На долю технологий для обрабатывающей промышленности в 2006 г. пришлось менее 5%.

Немногим лучше положение дел и в области торговли высокотехнологичными промышленными изделиями, о чем можно судить по данным
табл. 3.

Таблица 3

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ*
(В МЛН. ДОЛЛ. США)

Код ТН ВЭД	***Товары и товарные группы***	***2000***	***2005***	***2006***
8401	Ядерные реакторы, ТВЭЛ(ы), оборудование и устройства для разделения изотопов	501	782	742
8411, 8412	Двигатели турбореактивные, турбовинтовые, газовые турбины, двигатели реактивные	337	607	1104
8471	Вычислительные машины, их блоки, считывающие устройства	38	57	90
8517	Телефонные аппараты, беспроводные трубки	23	46	58
8521	Видеозаписывающая и видеовоспроизводящая аппаратура	0	4	2
8525	Аппаратура передающая для радиотелефонной, радиотелеграфной связи, радиовещания или телевидения	4	19	247
8526	Аппаратура радиолокационная, радионавигационная и дистанционного управления	48	267	275
8529	Части к 8525 и 8526	22	112	118
8540, 8541, 8542	Лампы и трубки электронные, диоды, транзисторы, полупроводниковые приборы, интегральные схемы и микросборки	208	114	139
88	Летательные аппараты, космические аппараты и их части	1165	1191	2070
90	Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские, их части и принадлежности	712	700	775
93	Оружие, боеприпасы, их части и принадлежности	971	1542	1762
30	Фармацевтическая продукция	145	192	227
	Итого	4174	5633	7609

* Без учета торговли с Белоруссией.

Источник: Таможенная статистика РФ за 2000, 2005 и 2006 гг.

Анализ показывает, что динамика роста российского экспорта высокотехнологичных изделий примерно соответствует общей динамике развития данного мирового рынка. Но с такими темпами России не удастся не только увеличить свою долю на этом рынке, но и заметно диверсифицировать структуру своего экспорта. По состоянию на 2006 г. поставки за рубеж российской высокотехнологичной продукции составляли 2,5% всего российского товарного экспорта, а доля России на мировом рынке данной продукции – 0,3%.

В отличие от экспорта наукоемких (высокотехнологичных) товаров российский экспорт наукоемких услуг демонстрирует высокие темпы роста (см. табл. 4). Объяснение этому феномену достаточно простое: речь идет о новом сегменте сферы услуг, созданном на современной технологической основе, чаще всего в сотрудничестве с зарубежными производителями услуг, а нередко ими непосредственно.

Таблица 4

ЭКСПОРТ НАУКОЕМКИХ УСЛУГ ИЗ РОССИИ (МЛН. ДОЛЛ.)

	2000	***2006***	***2007***	***Темпы прироста (%)***	
				2001–2007	***2007***
Всего В том числе:	2167	9181	12892	29,0	40,4
Связь	385	803	1199	17,6	49,3
Страховые и финансовые услуги	135	966	1553	41,0	60,8
Компьютерные и информационные услуги	59	632	1097	51,0	73,6
Деловые, профессиональные и технические услуги	1591	6780	9043	28,2	33,4

Источник: Платежный баланс РФ.

Особенно заметно экспорт всех видов наукоемких услуг вырос в 2007 г. В течение всего периода опережающими темпами увеличивался вывоз страховых и финансовых, а также компьютерных и информационных услуг. Несмотря на быстрое развитие последних лет, позиции России на мировом рынке наукоемких услуг пока достаточно скромные (менее 1% в 2006 г.). В телекоммуникационных услугах доля России составляет около 1,5%, в деловых, профессиональных и технических услугах – 1,0, компьютерных и информационных услугах – 0,5%. В 2005 г. по объему экспорта

компьютерных и информационных услуг Россия отставала от Индии в 38 раз, США – 20, Израиля – 11, Китая – 4,5 раза.

Еще слабее позиции России в экспорте образовательных услуг (0,1–0,2%). В 80-е годы прошлого века наша страна занимала по числу обучающихся иностранцев третье место в мире после США и Франции, а теперь переместилась на восьмое. Численность иностранных студентов сократилась со 126 тыс. человек в 1990–1991 гг. до 88 тыс. в настоящее время[5]. В немалой мере это связано со слабым использованием современных образовательных технологий. Например, по данным The Economist Intelligence Unit, по готовности к интернет-образованию Россия находится на 55-м месте в мире[6]. В результате российские поступления от экспорта образовательных услуг не превышают 100-200 млн. долл., тогда как в США они доходят до 15 млрд., в Великобритании – 9 млрд. долл., что значительно превосходит их доходы от экспорта вооружений[7].

Перспективы российского высокотехнологичного экспорта в первой половине XXI в. во многом будут определяться тем, будет ли Россия по-прежнему развиваться по инерционному экспортно-сырьевому сценарию, либо она сумеет претворить в жизнь стратегию инновационного прорыва. Неудача или задержка с переходом на инновационный путь развития будет означать замедленную динамику трансформации российской экономики при сохранении доминирования в ней энерго-сырьевого комплекса и медленном обновлении устаревших основных фондов. Следствием сохранения старого курса станет исключительно медленный рост технологического уровня обрабатывающих отраслей и низкая динамика становления новых высокотехнологичных производств. Невысокими будут и темпы роста высокотехнологичного экспорта.

Успех в реализации инновационного сценария в России напрямую зависит от того, насколько активную роль будет играть государство в осуществлении данного прорыва.

Важнейшее значение для перехода на инновационный путь развития имело бы формирование комплексной инновационной системы, нацеленной на постоянное генерирование новых знаний и превращение их в завершенные технологические продукты, коммерчески привлекательные и пригодные к практическому использованию, в том числе на международных рынках. На пути создания такой системы, адаптированной к условиям рыночной экономики, предстоит, конечно, решить немало непростых проблем. Это

5. Россия в цифрах 2007. – М.: Росстат. – С. 139.
6. Эксперт. – М., 2004. – № 41. – С. 122.
7. Независимая газета. – М., 2004. – 27 апреля; Ведомости. – М., 2006. – 19 мая.

касается прежде всего налаживания тесного взаимодействия научных учреждений с производственными структурами и системой образования, а также активного участия бизнеса в поддержке инновационной и образовательной деятельности и прежде всего в формировании тех звеньев инновационной системы, которые обеспечивают доведение научных результатов до конкретных технологических проектов и их реализации на рынке.

Несмотря на решимость российского государства ускорить инновационный процесс, создав для него необходимые организационно-экономические и правовые условия, формирование национальной инновационной системы идет пока достаточно медленно, что вкупе со слабым развитием конкурентной среды в стране предопределяет низкую востребованность инноваций в отечественной экономике. Статистика свидетельствует, что в России внедряется лишь 1–2% научных разработок, (в США, Японии, Великобритании – до 70%)[8]. При этом большая часть результатов отечественной интеллектуальной деятельности остается в виде технической документации. Естественно, если подобный недоделанный и незащищенный продукт предлагается на экспорт, больших доходов от этого не получить.

В определенной доработке нуждается и нормативно-правовая база инновационной деятельности в России. К примеру, мировая практика свидетельствует в пользу ее льготного налогообложения, однако, российская концепция федеральной налоговой политики считает нежелательным выделение производств с пониженным уровнем налогообложения. В связи с этим полагаем, что назрела необходимость отмены плоской (единой) шкалы налогообложения, которая, по существу, ставит экономические субъекты в неравное положение (в виду разницы в рентабельности) и не позволяет запустить инструментарий налогового стимулирования инновационного процесса.

Законодательная база инновационной деятельности страдает и от других недостатков. В частности, она слабо стимулирует привлечение средств предпринимательского сектора в инновационную и образовательную сферу. В результате участие отечественного частного сектора в финансировании науки и образования в России остается небольшим.

К примеру, удельный вес российских предпринимательских структур в затратах на исследования и разработки составил в 2006 г. 19,7%, а в США, Японии, странах ЕС и даже Китае – около 60%. На эти цели отечественные компании расходуют менее 1% оборота, тогда как американские 3–4, а

8. www.opec.ru, no=86733.

европейские – 7–10%[9]. Особенно слабо поддерживают российские бизнес-компании развитие малого научно-поискового предпринимательства, являющегося, судя по зарубежной практике, важным звеном на пути превращения научной идеи в технологический проект. В России малые предприятия, специализирующиеся на новаторских разработках, составляют всего 3–4% их общего числа, а в США, Японии, Германии, Франции – 70–80%.

Необходимо отметить и такой тормоз на пути ускорения инновационной деятельности в России, как отсутствие законодательно определенных терминов «инновация» и «инновационно-активное предприятие», а это, в свою очередь не позволяет определить, какие проекты способны гарантировать инновационное развитие отечественной экономики и, следовательно, должны быть поддержаны государством.

Требуют определенной доработки и те нормы законодательства, которые касаются вовлечения результатов научно-технической деятельности в хозяйственный оборот. В принципе законодательство по этим вопросам сформировано, усовершенствована и приведена в соответствие с международными нормами патентно-лицензионная система. Однако в ряде областей, особенно касающихся использования и защиты интеллектуальной собственности, соотношения прав государства и разработчиков научно-технической продукции при ее реализации, сохраняются существенные пробелы и неясности.

В этом, на наш взгляд, одна из причин слабого вовлечения результатов научно-технической деятельности в легитимный хозяйственный оборот. Как представляется, назрел вопрос о передаче прав собственности на такие результаты самим разработчикам с тем, чтобы они могли передавать их в коммерческий оборот. Как показывает опыт США, подобная мера помогла в свое время укрепить деловые контакты между американскими лабораториями и корпорациями, резко интенсифицировать приток инноваций в экономику. Государственная дума пыталась разработать похожий законопроект, но из-за множества критических замечаний со стороны Совета Федерации ограничилась Постановлением № 685 от 17 ноября 2005 г., которое наделяет правом использования интеллектуальной собственности, созданной за счет федерального бюджета (а это практически ее львиная доля), ее непосредственных разработчиков. Однако поскольку данное постановление не решало всех проблем, в апреле 2008 г. Дума приступила к рассмотрению очередного проекта Закона «О передаче технологий», в котором излагается новый

9. Ведомости. – 23.05.06.

подход к передаче рынку интеллектуальной собственности, созданной на бюджетные деньги. Главная новизна этого подхода состоит в том, что конкурс по покупке технологий выигрывает не тот, кто предложит бóльшую сумму, а тот, кто назовет лучшие условия ее внедрения. Основная цель закона – внедрение инноваций. Это будет отход от старой практики, когда государство закрепляло за собой права, а затем эти научные разработки складывались на полку, и дальше дело не двигалось. Рассматриваемый законопроект запрещает подобную практику. Если государство оформило на себя права на интеллектуальную собственность (гражданского толка), то в течение шести месяцев должно произойти так называемое «отчуждение» прав в пользу хозяйствующего субъекта – товаропроизводителя.

Законопроект содержит также положение о том, что созданные за счет государственных средств технологии должны применяться преимущественно на территории РФ. Механизм передачи за рубеж технологий также прописан: ее правообладатель вправе сделать это, если докажет, что на территории РФ исчерпал все возможности.

По нашему мнению, в случае принятия данного законопроекта будет создан достаточно эффективный механизм передачи прав на интеллектуальную собственность, созданную за счет бюджетных средств, что должно заметно оживить инновационную деятельность в стране и увеличить экспорт российской интеллектуальной продукции.

Еще одним немаловажным резервом для повышения эффективности отечественной научно-технической деятельности и усиления ее влияния в мире могло бы стать, на наш взгляд, возвращение на родину эмигрировавших за рубеж российских ученых и специалистов. По оценкам, только в США, например, работают сейчас на постоянной основе и по временным контрактам около 130 тыс. российских специалистов высокой квалификации, в Германии – до 50 тыс.[10]

В 2006 г. была разработана государственная программа содействия возвращению в Россию высококвалифицированных специалистов, покинувших страну в процессе так называемой «утечки мозгов». В том же 2006 г. она была утверждена указом президента страны. В Федеральной миграционной службе сейчас разрабатываются меры, продумываются механизмы, которые позволили бы претворить в жизнь эту программу. Речь идет о необходимости создания целого ряда новых лабораторий, которые могли бы возглавить

10. Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 9. – С. 34.

эти специалисты. По сообщениям прессы «ручеек» «возвратников» уже появился[11].

Исключительно полезным является также налаживание взаимодействия с эмигрировавшими за рубеж учеными и специалистами, которые, кстати, проявляют живой интерес к происходящему у нас в стране, стремятся поддерживать тесные контакты с отечественными научными школами, приезжают на родину для участия в конференциях, чтения лекций или организации совместных инновационных разработок. Целесообразно было бы по примеру ряда стран (в частности Китая, Индии, Израиля) превратить контакты с российской научной диаспорой в устойчивый канал освоения передового зарубежного опыта и продвижения отечественных технологий на мировые рынки.

Инновационные процессы в России существенно ускорятся в случае устранения таких негативных явлений, как слабая защита интеллектуальной собственности и редкое патентование. На Втором всероссийском форуме «Интеллектуальная собственность России – 2008», указывалось, что в настоящее время в России патентуется только 10% охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, полученных при бюджетном финансировании. Институт «ноу-хау» также практически не используется[12]. А между тем, как свидетельствует мировой опыт, превращение результатов интеллектуальной деятельности в инновации, внедрение новых технологий в экономику, а также защита нарушенных прав на них возможны только после закрепления этих интеллектуальных прав и их правовой охраны.

Еще хуже в нашей стране ситуация с зарубежным патентованием. В то время как развитые страны патентуют за рубежом каждое четвертое национальное изобретение, что дает им возможность в дальнейшем продавать и защищать свои права на территории других государств, Россия патентует за рубежом только каждое 60-е изобретение[13], т.е. гораздо реже, чем внутри страны. На Западе практика иная – там на одну патентную заявку, поданную внутри страны, регистрируется до десяти заявок за рубежом. В 80-е годы наша страна ежегодно оформляла около 2 тыс. зарубежных патентов и поддерживала в силе почти 20 тыс. таких патентов. На эти цели, как и во всех развитых странах, выделялись необходимые средства из госбюджета. А

11. Полтерович В.М. Экономическая наука в России и на Западе: разрыв сокращается // ЭНСР. – М., 2008. – № 1(13). – С. 26.

12. www.opec.ru_no=86718

13. Ibid.

теперь российские компании патентуют в других странах не более нескольких сотен патентов[14].

В 2005 г., например, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) зарегистрировала 134 тыс. запатентованных в мире изобретений, из них на США пришлось около 30%, Германию – около 15%. Россия в этом рейтинге заняла 21-е место, оформив только 425 зарубежных патентов (0,3% от общего количества)[15].

Одной из главных причин такого положения является недостаток финансовых средств у большинства отечественных научно-технических организаций и промышленных предприятий. Наладить патентную защиту российских интеллектуальных продуктов на внешних рынках, по нашему мнению, едва ли возможно, по крайней мере на первых порах, без финансового и организационного содействия со стороны государства.

Интеграция России в глобальное научно-технологическое пространство не может быть обеспечена без разработки и реализации комплекса организационно-правовых мер и экономических механизмов, способных содействовать продвижению наукоемкой продукции на мировые рынки. Это предполагает, в частности, существенное повышение координирующего и регулирующего воздействия государственных органов на торговлю технологиями, наукоемкими изделиями и технологическим оборудованием, а также создание стимулирующих механизмов, повышающих заинтересованность отечественного и зарубежного бизнеса в развитии приоритетных для страны секторов.

Назрели также изменения во внешнеэкономической политике. В современных условиях переход России на инновационный путь развития практически невозможен без включения в глобальные и региональные технологические и финансовые потоки, без последовательной интеграции в мировые рынки. В этой связи возрастает потребность в выработке долгосрочной стратегии участия в формировании глобального экономического и научно-технологического пространства. Она должна стать органической частью общенациональной стратегии социально-экономического развития и быть нацелена на всемерное содействие решению предусматриваемых ею задач за счет использования возможностей международного разделения труда в сферах науки и техники, производства, торговли и финансов. Это предполагает продуманное определение перспективных направлений международной специализации России с учетом имеющихся у нее и

14. Изобретательство. – М., 2005. – № 12. – С. 1; Независимая газета. – М., 2006. – 27 июля; Независимое военное обозрение. – С. 1.

15. http://inauka.ru/news/article 62002 subhtml

потенциальных конкурентных преимуществ, а также изменений, происходящих в мировой экономике и на международных рынках.

Такая стратегия позволила бы российским компаниям получить исходные ориентиры для формирования своих рассчитанных на перспективу бизнес-планов по выходу на внешние рынки, приобретению зарубежных активов, развитию кооперации с партнерами из других стран и т.п. Учитывая ужесточающуюся конкурентную борьбу в глобальных масштабах, в стратегии важно было бы уделить особое внимание вопросам защиты и поддержки внешнеэкономической деятельности отечественных научно-технических и предпринимательских структур, преодолению нередко воздвигаемых перед ними дискриминационных ограничений.

Актуальной задачей является также совершенствование организации выхода российских экспортеров и импортеров технологий, наукоемких изделий и инвестиционного оборудования на мировые рынки. Это требует, во-первых, усиления регулирования экспорта продукции, содержащей высокую долю интеллектуальной собственности. В США и многих других государствах установлен жесткий контроль за передачей за рубеж научно-технических достижений, содержащих изобретения и ноу-хау. Для этого требуется получение генеральной или специальной лицензии, введена также государственная регистрация лицензионных соглашений. В России такая система применяется практически только в отношении военных технологий и технологий двойного применения, не налажены должный учет и регистрация лицензионных соглашений и договоров об уступке патентов. При заключении соглашений о научно-техническом сотрудничестве и совместных разработках, предоставлении грантов и т.п. зачастую не оговариваются права российских участников на полученный результат и его коммерческое использование. Поэтому, как отмечалось ранее, отечественные научно-технические достижения нередко «перетекают» за рубеж за бесценок или вообще без какой-либо компенсации и патентуются там иностранными фирмами под своей маркой. По оценке руководителя Роспатента Б. Симонова, только от поставок за рубеж незапатентованной военной техники Россия ежегодно теряет 5–6 млрд. долл.[16]

Другой важной задачей представляется создание эффективной системы поддержки экспорта технологий, высокотехнологичных изделий и услуг. Подобные системы действуют практически во всех странах. Они предусматривают предоставление экспортерам такой продукции льготных кредитов, различных налоговых и таможенных скидок; государственное гарантирование и страхование экспортных контрактов; сокращение налогов с

16. Независимая газета, 27.07.2006 г., Независимое военное обозрение, с. 1.

фирм, создающих зарубежные филиалы; финансовое содействие в области информационно-консультативной и рекламно-выставочной деятельности; политико-дипломатическую поддержку. Для кредитования экспортеров и покупателей экспортной продукции, особенно изделий машиностроения, созданы при участии государства специальные банки, фонды, другие финансовые структуры. В США ежегодно расходуется на эти цели свыше 10 млрд. долл. госбюджетных средств, в Китае – 7, Чехии – 1,8 млрд. долл. Причем шкала предоставляемых льгот постоянно совершенствуется. Недавно в Китае, например, принято решение о дифференциации ставок возврата НДС экспортерам, согласно которому полное его возмещение предоставляется только поставщикам электроники, медикаментов, высокотехнологичной сельхозпродукции[17].

Главная слабость действующего механизма поддержки отечественного экспорта, на наш взгляд, состоит в том, что выделяемые средства предназначены для огромного круга товаров, куда, к примеру, входит колбаса и мясные продукты, шоколад и другие изделия из какао, кирпичи, рельсы, шпалы, проволока, гвозди и еще масса товаров отнюдь не являющихся высокотехнологичными.

Большие возможности для повышения конкурентоспособности российских предприятий и продвижения их продукции на внешние рынки создают инвестиционное и производственно-технологическое сотрудничество, а также совместное предпринимательство с иностранными компаниями. Такое сотрудничество способно, как показывает зарубежный и отечественный опыт, помочь поднять культуру хозяйственной деятельности, ускорить переход к современным методам производства и менеджмента, наладить выпуск продукции на уровне мировых стандартов. Оно открывает также возможность наращивания производства комплектующих материалов, узлов и деталей на наших предприятиях, что позволяет постепенно формировать комплексы взаимосвязанных производств – кластеры. Участие в выполнении заказов иностранных компаний облегчает сбыт изготавливаемой продукции, в том числе на внешних рынках за счет встраивания в международные технологические и сбытовые «цепочки».

Большее внимание следовало бы уделить также дифференцированной поддержке транснационализации российских высокотехнологичных компаний, развитию их кооперационных связей, укреплению позиций на мировых рынках. Практика международных корпораций показывает, что в

17. РИСИ. Семенова Е.А. Мировой рынок наукоемкой продукции и позиции России. – М., 2005. – Вып. 3. – С. 15; Ведомости. – М., 2006. – 19 сентября.

современных условиях участие в процессах слияния и поглощения, включая обмен пакетами акций с партнерами из других стран и приобретение зарубежных активов, является эффективным путем создания надежных рыночных «ниш» для сбыта своей продукции и получения доступа к передовым технологиям. Поэтому необходимо сделать более гибкими механизмы стимулирования зарубежных инвестиций. Важно, чтобы они побуждали российские компании направлять вывозимый за рубеж капитал на развитие зарубежной инфраструктуры, обеспечивающей сбыт и обслуживание экспортируемых машинотехнических и других высокотехнологичных изделий, на создание филиалов и дочерних компаний, выпускающих продукцию и оказывающих услуги на основе российских технологий. В то же время целесообразно предусмотреть дополнительные налоговые, таможенные и другие льготы для иностранных инвесторов, вкладывающих средства в нашей стране в высокотехнологичные производства, научные и образовательные центры, венчурные и лизинговые фонды.

Пока Россия исключительно слабо представлена на мировом рынке образовательных услуг, а между тем ее высшая школа обладает высоким интеллектуальным потенциалом. К числу ее несомненных достоинств относится научность образования, его фундаментальность и энциклопедичность. В настоящее время в мире идет поиск новой модели высшей школы, отвечающей вызовам нового столетия, императивам информационного общества и глобальной экономики. В Декларации Первой всемирной конференции «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры», проведенной ЮНЕСКО, отмечена необходимость ухода от подготовки «узких» специалистов, свойственной многим западным вузам[18]. Российская высшая школа, отличающаяся фундаментальным характером образовательных программ и обеспечивающая глубокую общетеоретическую подготовку, органичное сочетание учебной и научной деятельности, соответственно, в большей степени, чем западная высшая школа, способствует подготовленности специалиста к профессиональной мобильности в течение всей трудовой жизни, в условиях быстрых технологических сдвигов.

Благоприятным фактором является и то, что в последние годы среди иностранных студентов возросло число желающих обучаться математике, информатике, компьютерным наукам, инженерным специальностям, а здесь Россия традиционно имеет сильные позиции. Общепризнанно, что

18. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры. Заключит. доклад Всемирной конференции по образованию. – Париж: ЮНЕСКО, 1998.

российское математическое и естественнонаучное образование является лучшим в мире. Подтверждением этому является то, что многие университеты, научные учреждения, фирмы, корпорации США, Германии, других стран стремятся привлечь наших физиков, математиков, программистов. Присоединение России в 2003 г. к Болонской конвенции по высшему образованию, значительно улучшившее перспективы взаимного признания российских и европейских дипломов, создания общих подходов к образовательным программам, также способствует подъему экспортного потенциала российских вузов. Таким образом, в академическом плане российская высшая школа имеет необходимые стартовые условия для существенного увеличения экспорта образовательных услуг.

Главной причиной медленного его развития является недооценка на всех уровнях власти огромной экономической и геополитической значимости экспорта образовательных услуг, отсутствие целевой государственной программы экспорта таких услуг[19], а также скоординированности деятельности всех основных субъектов на федеральном и региональном уровнях. Сложилось мнение, что это нужно только вузам, и соответственно, вузы сами должны решать эту проблему.

В конце 2002 г. были приняты «Основные положения Концепции государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях», одобренные президентом, и «План мероприятий по поддержке экспорта образовательных услуг образовательными учреждениями РФ», утвержденный правительством. Появление этих документов – несомненный шаг вперед, но они обладают серьезным недостатком. Предлагается развивать экспорт образовательных услуг фактически на общественных началах. В этих документах не разработаны механизмы финансового обеспечения, подготовки кадров, создания соответствующей инфраструктуры.

Масштабное расширение экспорта образовательных услуг из России невозможно без подъема отечественной высшей школы, что, в свою очередь, в немалой степени зависит от укрепления ее связей с наукой и бизнесом. В последние годы здесь наметились некоторые положительные сдвиги. В частности, активизировался процесс интеграции исследовательских и учебных учреждений. Более 100 членов РАН постоянно работают в различных вузах, около 700 – ведут там преподавательскую и научную работу по совместительству. Число базовых кафедр в институтах РАН возросло с 232 в 2002 г. до 350 в настоящее время, а число

19. В рамках Федеральной программы развития образования на 2004 г. на цели содействия экспорту образовательных услуг было выделено всего 15 млн. руб.

специализирующихся на них студентов – с 5,8 тыс. до 25 тыс. человек[20].

Большее внимание совершенствованию системы образования, повышению качества подготовки специалистов стал уделять и бизнес. Ряд крупных компаний создал свои лаборатории и кафедры в профильных вузах, учредил стипендиальные фонды, организует производственное обучение, практику учащихся и др. Для подготовки высококвалифицированных управленческих кадров при активном участии бизнеса открыта Московская школа экономики при МГУ, создаются бизнес-школы мирового уровня в Москве и Санкт-Петербурге. Некоторые российские вузы создали свои филиалы в странах СНГ и Балтии, в Китае и Израиле, начали шире практиковать технологию дистанционного обучения[21]. Одновременно принимаются меры по развитию сотрудничества с ведущими зарубежными образовательными центрами США, Европы, стран Азиатского региона, Латинской Америки. Создаются совместные образовательные программы, выполняются научно-исследовательские проекты с использованием возможностей российских и зарубежных научных фондов.

Несколько тысяч российских студентов, аспирантов, преподавателей ежегодно проходят обучение в более чем 30 странах мира на основе межгосударственных договоров Российской Федерации, а также прямых партнерских связей российских и зарубежных учебных заведений по следующим формам: полный курс обучения, стажировка (в том числе языковая), повышение квалификации.

Заметное влияние на подъем отечественной высшей школы оказывает участие российских образовательных учреждений в международных программах и проектах. В качестве основных программ оказания содействия модернизации российской системы образования следует выделить следующие: программа технического содействия ТАСИС и программа международного сотрудничества ТЕМПУС – ТАСИС (Европейская комиссия); программы российско-британского сотрудничества в области общего среднего и профессионального образования (Британский совет); программы российско-нидерландского сотрудничества (Бюро КРОСС); рабочая программа сотрудничества с Советом Европы.

20. Вестник Российской академии наук. – М., 2005. – № 5. – С. 432; Российская газета. – М., 2006. – 24 мая.

21. Ведомости-форум. Июнь 2006 г. «Бизнес-образование», с. 5–6; Независимая газета. – М., 2006. – 4 июля; Ведомости. – М., 2006. – 26 сентября; Эксперт. – № 25. – С. 63.

Для существенной активизации роли России на мировом рынке образования необходимы скоординированые действия на федеральном, региональном и вузовском уровнях. По нашему мнению, увеличению экспорта образовательных услуг российских вузов будет способствовать:

– разработка и принятие целевой федеральной программы расширения экспорта образовательных услуг на ближайшие пять–десять лет с государственным финансовым обеспечением, а также соответствующих региональных программ;

– активизация работы по заключению и продлению договоров с зарубежными странами по сотрудничеству в области высшего образования, признанию дипломов российских вузов;

– расширение спектра и видов предлагаемых образовательных услуг, особенно по новым приоритетным специальностям, востребованным в России и за рубежом (полное, включенное обучение, стажировки, практики, курсы русского языка и культуры);

– существенное увеличение удельного веса различных форм послевузовского обучения иностранных граждан (аспирантура, стажировки в том числе на европейских языках). Одним из приоритетных направлений должна стать подготовка научных кадров для зарубежных стран через аспирантуру, возможно, через создание в перспективе в крупных университетских городах центров переподготовки и повышения квалификации научных кадров. Пока по числу иностранных аспирантов Россия занимает скромное место. Их доля в общем числе иностранных студентов и слушателей, обучающихся в России, составляет всего 4%, тогда как в США – 14, в Великобритании – 15, во Франции – 10, в Австралии – 13%.

Переход России на инновационный путь развития, формирование национальной инновационной системы, совершенствование внешнеторгового регулирования должны сопровождаться крупными сдвигами российского экспорта. Основной тенденцией его развития станет, очевидно, опережающий рост поставок готовой продукции, в первую очередь наукоемких изделий машиностроения, а также технологий, информационных, научно-технических, образовательных, транзитно-транспортных и туристических услуг. Можно ожидать, что к 2030 г. на наукоемкие продукты и услуги будет приходиться около трети общего объема экспорта, и они сравняются по своему вкладу в его развитие с топливно-сырьевым сектором. Определенные основания для этого дают разработанные за последние годы перспективные программы развития ОПК, авиакосмического комплекса, судостроения, электроники, атомной промышленности, биотехнологий, наноиндустрии, а также принимаемые меры по стимулированию инновационной деятельности,

процесса информатизации общества, повышению эффективности науки и образования.

Важным элементом разработки стратегии формирования новой технологической специализации России в постиндустриальном мире должны стать прогнозно-маркетинговые исследования, ориентированные на выявление потенциальных рыночных «ниш» для российской наукоемкой продукции. Как представляется, наиболее перспективны для сбыта наших высоких технологий – рынки Азии, Африки и Латинской Америки в виду их низкой насыщенности наукоемкими изделиями и сохраняющегося еще отставания в развитии собственной научно-образовательной базы. Это, очевидно, будет предопределять их заинтересованность в научно-технологическом взаимодействии с нашей страной, в том числе в использовании российских технологий и налаживании на этой основе совместных производств в целях реализации выпускаемой продукции как на своих рынках, так и в третьих странах.

Более ограниченными могут оказаться перспективы выхода отечественной наукоемкой продукции на рынки Европы и Северной Америки, учитывая их монополизированность, высокую степень насыщенности и традиционно высокую требовательность потребителей к качеству и дизайну изделий. Компании развитых стран, очевидно, сохранят свое значение для России прежде всего как основные поставщики недостающих технологий и оборудования. При этом следовало бы, на наш взгляд, максимально использовать возможности кооперации и совместного предпринимательства с западными концернами в разработке инновационных технологий и в продвижении выпускаемой на их основе продукции на зарубежные рынки через созданные ТНК каналы.

Что касается отношений с интеграционными блоками, то представляется целесообразным, чтобы Россия, используя преимущества своего географического положения, играла роль своего рода транзитного моста, соединяющего Восток и Запад и имеющего выход в южном направлении. Развивая взаимовыгодные торгово-экономические связи по всем направлениям, она должна, по нашему мнению, сохранять в качестве главного приоритета своей внешнеэкономической стратегии линию на интеграцию стран СНГ и формирование с теми из них, кто заинтересован в этом, единого торгово-экономического и научно-технологического пространств. Это позволило бы объединить научно-производственные потенциалы стран Содружества, создать крупный общий рынок с 300 млн. потребителей, полнее использовать эффект масштаба и преимущества интеграционного развития в интересах всех участников.

При опоре на потенциал единого научно-технологического пространства открывается возможность сократить затраты по модернизации национальных экономик, повысить эффективность усилий каждой из стран. Принятый за последние годы в рамках СНГ ряд принципиальных решений (о создании таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, концепция межгосударственной инновационной политики, решение глав государств СНГ о разработке совместных программ технического перевооружения на период до 2015 г.), создает предпосылки для укрепления экономического взаимодействия между Россией и другими странами Содружества с упором на развитие научно-технологической кооперации.

Подводя итог изложенному, полагаем, что перевод экономики России на инновационный путь развития, стимулирующий развитие научно-образовательного сектора и высокотехнологичных производств, является непременным условием обеспечения эффективного участия нашей страны в формировании глобального научно-технологического пространства и расширения экспорта наукоемкой продукции.

А.Б. Чикалов

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ, СТРАН «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ» И КИТАЯ

Чикалов Алексей Борсисович – кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра исследований и статистики науки.

В основу сравнительного анализа положена система показателей развития науки и технологий (НТ) стран ОЭСР. Она состоит из показателей *затрат* на исследования и разработки (ИР) и *результатов* научно-исследовательской деятельности. Первое направление представляет собой сравнительную оценку показателей финансовых и трудовых затрат. Анализ результатов базируется на сопоставлении показателей: количества патентов, международной торговли технологиями и высокотехнологичной продукцией. Это исследование расширено сопоставлением ряда библиометрических показателей.

Сопоставления валовых внутренних затрат на ИР

Показатель валовых внутренних затрат (ВВЗ) на ИР является главным при проведении международных сопоставлений научно-технического и инновационного развития. В 2006 г. эти затраты в России составили 20,1 млрд. долл. США, в то время как в Китае они были более чем в 4 раза больше – 86,8 млрд. долл. США. Национальным лидером по ВВЗ на ИР являются США – 343,7 млрд. долл. О величине этой суммы говорит и то, что она составляет 42% всех затрат стран ОЭСР.

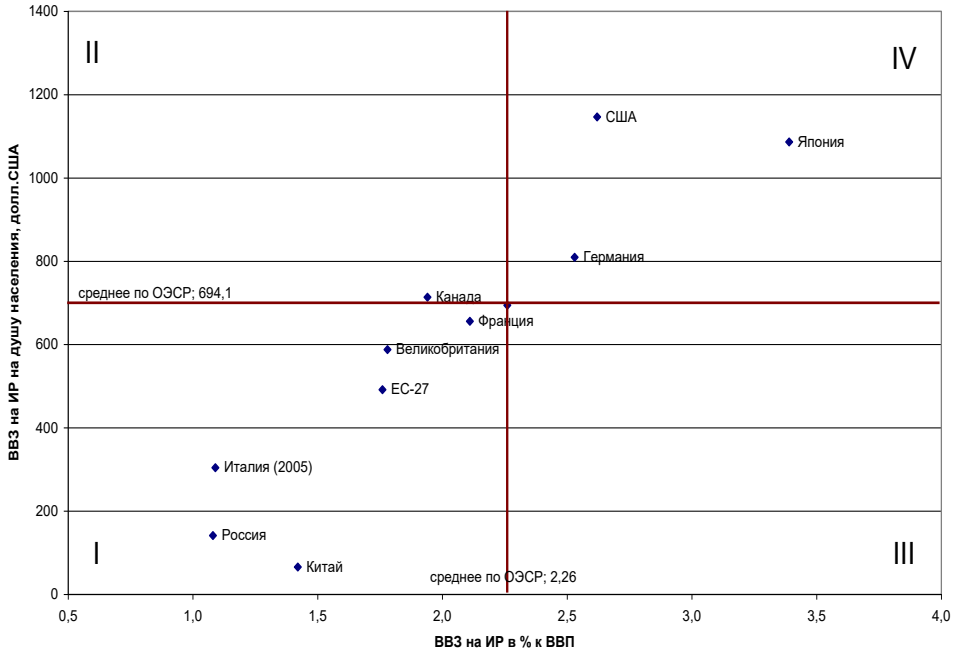
Наибольший интерес в оценке затрат стран на научно-исследовательские цели на мировом экономическом уровне представляет национальное сравнение пропорций ВВЗ на ИР и валового внутреннего продукта (ВВП) стран, ВВЗ на ИР и населения стран. Такое сопоставление характеризует не

только позицию страны в мировой экономике, но и предпринятые ею усилия по развитию научно-исследовательской деятельности.

На рис. 1 показаны позиции стран по международному сопоставлению уровня ВВЗ на ИР. Индикатором сравнения служит позиция страны относительно среднего уровня по странам ОЭСР. Рисунок разбит на четыре квадрата, больший номер квадрата соответствует более высокому уровню. В квадрате IV представлены страны-лидеры – Япония, США и Германия. В квадрате II расположилась Канада, что говорит о достаточно высокой позиции этой страны. Можно сказать, что неплохие позиции у Франции и Великобритании, хотя страны и находятся в квадрате I, но их уровни близки к средним по ОЭСР и выше, чем у стран ЕС в целом. Аутсайдерами являются Россия, Италия и Китай. Хотя следует отметить, что по численности населения Китай превосходит все страны ОЭСР и страна имеет «бешеный» рост ВВЗ на ИР. В этой связи можно предположить, что в ближайшие годы Китай изменит свою позицию и переместится из квадрата I в «престижный» квад-
рат III. Таким образом, он займет четвертую позицию и по сути дела станет одним из лидеров.

Рисунок 1

УРОВЕНЬ ВАЛОВЫХ ВНУТРЕННИХ ЗАТРАТ НА ИР:
2006 (ДОЛЛ. США, ППС)

Источник: OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

Для оценки динамики ВВЗ на ИР применялись показатели: совокупные темпы годового роста и темпы прироста.

Для международного сопоставления элементов конструкции распределения ВВЗ на ИР применялись показатели: доля внутренних затрат на гражданские ИР в ВВП и доля внутренних затрат на фундаментальные исследования в ВВП.

Структурный анализ валовых внутренних затрат на ИР

Сравнительный структурный анализ ВВЗ на ИР осуществляется по двум направлениям: по источникам финансирования и по исполнителям работ. Двухсторонняя аналитическая комплексность имеет значение для выявления качественных отличий при сопоставлении уровня развития НТ и инноваций в различных странах.

При проведении структурного анализа ВВЗ на ИР по источникам финансирования в международной практике выделяют четыре основных инвестиционных денежных потока: бизнес-финансирование, государственное

финансирование, финансирование из других источников, финансирование из-за рубежа.

Наиболее характерным структурным отличием России от стран «большой семерки» и Китая является преобладание доли государственного финансирования. Если в остальных странах доля бизнес-финансирования превосходит долю государственного финансирования, то в России наоборот.

При проведении структурного анализа ВВЗ на ИР по исполнителям в международной практике выделяются четыре основных сектора экономики, в которых осуществляется научно-исследовательская деятельность и где расходуются выделяемые финансовые средства: предпринимательский сектор, сектор высшего образования, государственный сектор и частный бесприбыльный сектор. В западных странах к секторам экономики, где главным образом расходуются денежные средства, относятся затраты предпринимательского сектора и затраты сектора высшего образования. Эти два сектора являются главными исполнителями в научно-исследовательской сфере. Третьей важной статьей затрат являются затраты государственного сектора.

На долю затрат предпринимательского сектора и на долю затрат сектора высшего образования во всех западных странах приходится свыше 80%. В России и в Китае к главным исполнителям относятся предпринимательский и государственный секторы, их доля затрат составляет свыше 90%. Отметим, что Россия имеет самую маленькую долю затрат сектора высшего образования – около 6%, что говорит о незначительной роли данного сектора в научно-исследовательской деятельности страны.

Сопоставление трудовых затрат на ИР

Трудовые затраты в научно-исследовательской деятельности являются наиболее значимым фактором в развитии науки и инноваций. За последнее десятилетие в развитых странах рост занятости в научно-исследовательской сфере намного опережал рост занятости в экономике в целом. Все страны заинтересованы в научно-исследовательских ресурсах и проводят политику, направленную на рост и повышение качества таких ресурсов.

В 2006 г. общая численность исследователей в России составила 464 тыс. человек. Наибольшее число исследователей трудится в США – 1395 тыс. человек, что составляет 36% всех исследователей в странах ОЭСР. Значительна численность исследователей в Китае – 1224 тыс. человек, что сопоставимо с показателем исследователей в странах ЕС – 1332 тыс. человек.

Для оценки динамики трудовых затрат применяются показатели: совокупные темпы годового роста и темпы прироста.

Для международного сопоставления структурных характеристик в анализе трудовых затрат применяются показатели: численность исследователей на 1000 занятых, численность исследователей по секторам экономики, численность женщин-исследователей в целом и по секторам экономики.

Отметим, что структура численности исследователей по секторам деятельности в целом напоминает структуру ВВЗ на ИР по секторам. Это и понятно. Однако характерным различием является более высокий процент численности исследователей в секторе высшего образования относительно процента ВВЗ на ИР в этом секторе. Такой структурный сдвиг наблюдается по всем странам.

Сопоставление ассигнований или расходов на ИР из средств федеральных бюджетов

Федеральные бюджетные ассигнования или расходы на ИР наряду с валовыми внутренними затратами на ИР являются важным показателем, который характеризует соотношение уровней государственных (или правительственных) финансовых затрат стран. Ассигнования или расходы на ИР из средств федерального бюджета в целом показывают усилие государства в развитии научно-исследовательской деятельности. Но наибольший интерес представляет анализ структуры бюджетных ассигнований или расходов по областям деятельности. В международной практике они подразделяются на военные и на гражданские ИР. В свою очередь, в бюджетных ассигнованиях или расходах на гражданские ИР структурно выделяются: программы экономического развития, здравоохранение и охрана окружающей среды, космические программы (гражданские), неориентированные исследовательские программы, основные университетские фонды.

Существенным образом выделяется отличие структурных характеристик США от других стран, у которых доля бюджетных ассигнований на военные ИР более половины 50% и составляет 57,9%.

Структурные характеристики указывают на приоритеты государственных усилий в развитии различных направлений научно-исследовательской деятельности. Так, в США основные ассигнования идут на исследования в области здравоохранения и охраны окружающей среды. Здесь доля ассигнований составила 57,1%. В России приоритетными были программы экономического развития. Их доля составляла 43,3% в 2001 г.

Сопоставление результатов научно-исследовательской деятельности

Анализ результатов научно-исследовательской деятельности необычайно важен тем, что он дает возможность оценить отдачу финансовых и трудовых затрат и предпринять необходимые шаги в направлении эффективного развития НТ и инноваций.

Патенты

Основным показателем в международных сопоставлениях в области патентного дела является показатель числа патентов, зарегистрированных страной в так называемой системе «триада патентных семей».

Наибольшее число патентов зарегистрировано в США – 15 774, значительное число в Японии – 14 575 и в Германии – 6298. Как видно, страны-лидеры по затратам на научно-исследовательскую деятельность являются лидерами и в патентном деле. Россия в 2005 г. имела весьма незначительное число патентов – 63!

Для оценки динамики исследовались темпы прироста числа патентов и рост числа патентов на 1 млн. населения. Уровень патентов на 1 млн. населения в России (0,44) и Китае (0,27) примерно одинаковый, при этом численность населения Китая на порядок больше, чем в России.

Платежный технологический баланс

Важными показателями степени результативности научно-исследовательской деятельности является абсолютное и относительное соотношения поступлений от продажи технологий за рубеж и платежей за покупку технологий в других странах, т.е. сальдо торгового технологического баланса и коэффициент покрытия поступлениями платежей. Кроме того, данные показатели платежного технологического баланса оценивают степень международного признания научных достижений страны.

Общей чертой развития торговли технологиями на мировом рынке является тенденция роста объемов торговли. Страны-лидеры по затратам на научно-исследовательскую деятельность являются основными нетто-продавцами, которые за последние годы увеличили актив сальдо торгового технологического баланса. Особенно активное сальдо возросло в Японии, которая увеличила чистый доход более чем в 2 раза, а также в Великобритании – почти в 2 раза и в США – в 1,5 раза.

В России происходил обратный процесс, и если вначале она имела незначительное, но положительное сальдо, то затем происходил рост дефицита в торговле технологиями. Если такая тенденция продолжится, то России грозит своего рода технологическая подчиненность западному миру.

Россия имеет самый маленький коэффициент покрытия и, как следствие, самую низкую конкурентоспособность в международной торговле технологиями.

Страны-лидеры на мировом рынке технологий имеют не только высокую степень международного признания своих научных разработок, но и стремятся увеличить свое влияние на развитие науки и инноваций в других странах, обрекая их на технологическую зависимость.

Международная торговля высокотехнологичной продукцией

Сравнительный анализ международной торговли высокотехнологичной продукцией как результат научно-исследовательской деятельности представляет неоспоримый интерес. При проведении международных статистических сопоставлений в странах ОЭСР под высокотехнологической продукцией понимается продукция следующих отраслей промышленности: аэрокосмическая, электронная, офисное машиностроение, компьютерная, фармацевтическая, инструментальная. Вероятно, что этот список в скором времени необходимо будет расширить. Быстрое развитие новых исследовательских направлений, таких как нано- и биотехнологии, безусловно, принесет новаторство в производство высокотехнологичной продукции в других отраслях промышленности, например в химической.

На мировом рынке торговли высокотехнологичной продукцией к странам-лидерам относятся:

– США, Франция и Великобритания – на рынке аэрокосмической продукции;

– Япония – на рынке электронной продукции;

– Китай – на рынке продукции офисного машиностроения и компьютерной техники, что можно смело декларировать даже при отсутствии статистики по Китаю. Страны «большой семерки» утратили свои лидерские позиции на этом рынке;

– Великобритания, Германия и Франция – на фармацевтическом рынке;

– Германия, Япония, США – на рынке инструментальной продукции.

Научные публикации и цитирование

Международные сопоставления различных библиометрических показателей позволяют оценить эффективность научных публикаций ученых различных стран.

Библиометрические показатели измеряют два основных параметра: уровень публикаций в международных научных журналах и уровень цитируемости публикаций.

В табл. 1 представлены основные библиометрические показатели, определяющие позицию страны на международной арене науки и инноваций. Из них видно, что библиометрические показатели России в значительной степени отстают от показателей других стран. Столь низкая научно-публицистическая продуктивность и невысокий качественный уровень научных трудов наглядно отражают плачевное состояние науки в России.

Таблица 1

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В 2006 г.

Страна	***Доля в мировых публикациях, %***	***Число статей на 1 тыс. человек***	***Относительный индекс цитирования***
Канада	3,9	1,37	116
Франция	4,5	0,83	110
Германия	6,4	0,88	119
Италия	3,5	0,68	107
Япония	6,3	0,56	91
Великобритания	6,8	1,28	125
США	25,8	0,99	135
Китай	6,1	0,05	73
Россия	1,8	0,14	57

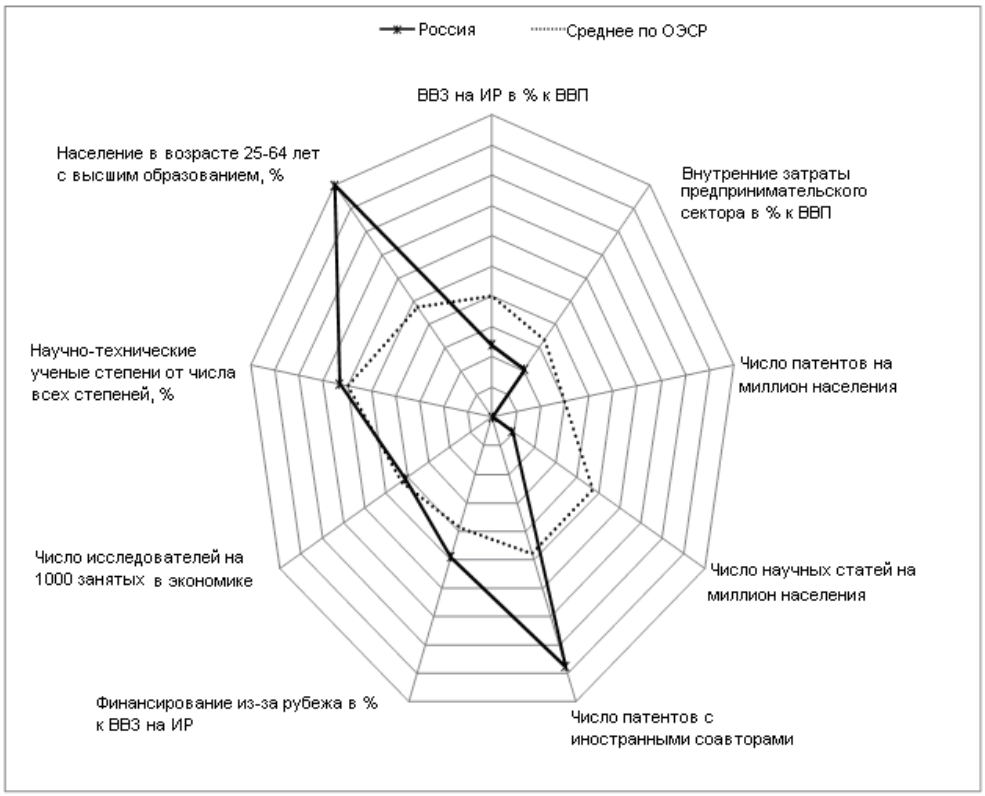
Источник: National Science Indicators Thompson Scientific / NIFU STEP.

Основные результаты исследования

Проведенные международные сопоставления научно-технологического и инновационного развития позволили выявить ряд проблемных и несколько потенциально сильных моментов состояния науки и инноваций России. На рис. 2 видны основные показатели научно-технологического и инновационного потенциала России, характеризующие эти ключевые моменты. Приведенные результаты являются своего рода квинтэссенцией дальнейшего макроэкономического развития науки и инноваций в России.

Рисунок 2

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ
СОПОСТАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

Источник: OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008. OECD, Science, Technology and Industry Outlook 2008: Chapter 2 Country Notes.

• *Низкий уровень валовых внутренних затрат на ИР.*

Российская наука испытала острый дефицит в финансировании и только в последние годы отмечается некоторое восстановление позиций науки «коммунистического прошлого». Произошло резкое снижение ВВЗ на ИР в течение 90-х годов. Уровень ВВЗ на ИР в процентах к ВВП упал с 2,03% в 1990 г. до 1,28% в 2003 г. (самый высокий уровень после 1990 г.) и в последующие годы продолжал снижаться – до 1,08% в 2006 г.

• *Незаинтересованность бизнеса как в финансировании, так и в проведении ИР.*

Существует гипертрофированность в распределении источников финансирования ВВЗ на ИР между государством и бизнесом. Правительство финансирует большую часть ВВЗ на ИР. Доля государственного

финансирования составила 62,0% в 2005 г. и 61,1% в 2006 г. С начала 1990-х годов сложилась ситуация, когда бизнес не заинтересован в финансировании науки.

Более того, предпринимательский сектор экономики не заинтересован и в проведении ИР. Уровень затрат предпринимательского сектора в ВВП уменьшился с 0,88% в 2003 г. (точка пика) до 0,72% в 2006 г.

• *Высокая доля финансирования ВВЗ на ИР из-за рубежа.*

Иностранное финансирование ВВЗ на ИР увеличилось с 2,0% в 1994 г. до 9,4% в 2006 г. Возникает определенная зависимость российской науки от иностранных инвесторов и филантропов.

• *Резкое сокращение научного персонала.*

Большая «утечка умов» произошла в 1990-х годах, причем отток был как за рубеж, так и в бизнес. Тем не менее Россия продолжает обладать значительным научным потенциалом и занимает четвертое место по числу исследователей. Доля исследователей на 1 тыс. занятых выше, чем во многих развитых странах Западной Европы, и поэтому крайне необходимо остановить процесс «отмирания» научного человеческого ресурса.

• *Высокий уровень образованности.*

Специальное сопоставление уровней образования в данном исследовании не проводилось, так как такие цели не ставились. Отметим лишь важность анализа таких показателей и не будем лишний раз говорить о необходимости интеграции науки и образования. Однако стоит сказать, что фундамент такой интеграции в стране есть. Это высокий уровень населения страны с высшим образованием. Доля населения в возрасте от 25 до 64 лет с высшим образованием намного выше среднего показателя по странам ОЭСР в целом.

Положительной основой развития науки и инноваций в России может служить и тот факт, что доля исследователей, имеющих кандидатские и докторские степени в научно-технических областях знания, от всех степеней превышает показатель по странам ОЭСР.

• *Низкая научная продуктивность*.

Выше отмечалось, что Россия имеет весьма скромные показатели в патентном деле. Число патентов России сопоставимо с аналогичным показателем такой страны, как Южная Африка! Более того, Россия имеет значительную долю патентов с иностранными соавторами. Такое положение дел говорит не только о высоком уровне финансирования из-за рубежа, но и той роли, которую иностранные инвесторы играют в развитии взаимосвязи науки и инноваций. Отрицательными факторами, влияющими на развитие патентного дела в России, являются различные подходы и принципы в стандартизации получения патентных прав и высокая стоимость патентования за рубежом.

За прошедшее десятилетие произошло сокращение российских научных публикаций: если в 1995 г. доля России составляла 3,3% от всех мировых научных публикаций, то в 2006 г. – 1,8%.

Переход к рыночной экономике не привел к преобразованиям в научно-исследовательской деятельности. Основная часть ИР продолжает проводиться научно-исследовательскими институтами, которые слабо связаны с предпринимательским сектором.

Среди положительных тенденций можно отметить новый юридический статус Российской академии наук, рост заработной платы научных сотрудников, улучшение финансирования сектора высшего образования.

В настоящее время политика государства в различных инновационных сферах переживает небывалую активность. Сделан первый и важный шаг: сформулированы приоритеты в области науки и инноваций и создана система управления инновационным процессом. Правительство приняло целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы». Определены новые приоритетные программы государственного финансирования таких инновационных направлений, как аэрокосмическая отрасль, нанотехнологии, биотехнологии и программное обеспечение. Кроме того, разработан ряд программ развития научного человеческого ресурса.

• *Пути развития:*

– создание новых направлений в инновационной сфере;

– стимулирование бизнес-инвестиций в науку и инновации;

– создание новой инфраструктуры для проведения исследований на коммерческой основе с добавлением элементов конкуренции при распределении общественных научных ресурсов;

– стимулирование развития патентного дела;

– углубление интеграции науки и высшего образования.

Е.П. Смирнов

ИННОВАЦИИ: НА ПУТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Смирнов Евгений Павлович – заместитель председателя Экспертного совета по проблемам инновационной политики при Совете Федерации РФ.

В XX в. политика большинства развитых государств была направлена на развитие связей науки и промышленности, стимулирование коммерциализации научных разработок и т.д., что привело к созданию и широкому распространению во второй половине века инфраструктуры поддержки научно-технических инноваций (научные и технологические парки, технополисы и т.д.).

В то же время «техногенная цивилизация», коренным образом изменившая образ жизни населения большинства стран мира, стала источником такого количества проблем в развитии человечества (истощение ресурсов, экологические катастрофы и деградация природной среды и пр.), что это позволяет говорить о ее кризисе. Одна из главных причин этого явления состоит в господстве технократического сознания, неадекватной оценке границ применимости методов науки и проектирования, переносе их на область общественных отношений.

Сфера науки и технологий, являясь элементом социальной организации общества, также не может быть эффективно организована технократическими методами.

Несмотря на большие ожидания и распространенное мнение об эффективности известных форм инновационной инфраструктуры, практика показала, что даже в развитых странах с устойчиво развивающейся экономикой они постепенно исчерпывают свой инновационный ресурс. По образному выражению одного из международных экспертов, «нельзя согреться у холодной стенки».

Это тем более справедливо по отношению к России, которая находится на историческом этапе быстрой смены общественных отношений. Некритическое перенесение на российскую почву распространенных на Западе форм поддержки инновационной деятельности в условиях сырьевой экономики, очень высокой степени монополизации и слабо развитой рыночной инфраструктуры, широкой системной коррупции, с очевидностью, еще менее эффективно. Прошедшие «инкубационный» период предприятия попадают во враждебное внешнее окружение, в котором их продукт или не востребован или не может пробиться через коррумпированную бюрократическую среду. Несмотря на то, что часть высокотехнологичных разработок все же находит применение в зарубежных странах с благоприятной инновационной средой и в ряде российских отраслей, через которые проходят значительные финансовые потоки (банковская сфера, добыча нефти и газа и т.д.), они, как правило, не могут составить серьезной конкуренции зарубежной продукции даже более низкого качества.

В технократическом обществе участие государственного аппарата и бизнеса в определении приоритетных направлений развития, финансировании и организационной поддержке науки и технологий в значительной мере подчинено эгоистическим интересам власти и бизнеса и зачастую представляет собой своеобразную сделку. При этом насущные интересы общества недостаточно осмысляются или игнорируются, формируются ложные цели и потребности, следствием чего становится разбазаривание человеческих и материальных ресурсов. Это относится и к сфере инновационной деятельности.

От инерционной к стратегической политике

Современное состояние государственной политики в сфере инноваций, как это ни парадоксально звучит, характеризуется тем, что сама эта политика не является инновационной. Ее скорее можно назвать инерционной, так как она основана на теориях и схемах прошлого века, который принято связывать с понятием индустриального общества. России, которая декларировала переход к инновационному развитию, нужны современные эффективные стратегии, такая стратегическая политика, которая даст прорывной результат и рост инноваций в разы, а не на проценты, хотя количественная сторона дела здесь далеко не главная.

Инерционная политика покоится на ряде слабо связанных между собой концептуальных редукций, сумма которых не позволяет сформировать целостный подход к инновационному развитию.

Первое. На практике исповедуется технократический, узко экономический подход и, как следствие, в качестве главной обсуждается задача коммерциализации научно-технических разработок, которую схематично представляют формулой «идеи – инновационный рыночный продукт – деньги». Очевидно, что такая «линейная» схема инновационного процесса, которую можно назвать схемой естественного роста (или выращивания) инноваций, принимается и воспроизводится большинством управленцев и предпринимателей.

В то же время современная практика развитых стран показала, что эта схема устарела и в современном складывающемся постиндустриальном мире уже эффективно не работает.

Второе. Господствующая технократическая парадигма основана на руководстве и управлении наукой и инновационной сферой как объектом, системой той или иной степени сложности. Эта парадигма вполне успешно работала в условиях жесткой административной системы. В современных условиях проблема состоит в том, что сфера науки и технологий, равно как и другие сферы общественной жизни, являются объектами управления только в умах управленцев. Сам объект управления настолько не определен, активен, обладает своими целями и бесконечным числом степеней свободы, что даже современный суперменеджер-технократ не способен эффективно управлять такой «системой».

Третье. Академическая наука говорит о необходимости создания единой теории Национальных инновационных систем, при этом НИС определяется как «набор организаций, которые участвуют в инновационном процессе: научные лаборатории, технопарки, инкубаторы, т.е. те места и люди, которые делают науку и изобретения»[1].

Представляется, что теории НИС, тем более единой, быть не может. НИС – это сфера, в которой действуют люди, активные и ставящие свои цели субъекты, поэтому описательные теории, представляющие собой «посмертный слепок» того, что уже произошло в развитых зарубежных странах 10–50 лет назад, неадекватны стоящей перед Россией задаче, хотя и могут быть полезны, если построены на большом фактическом материале.

Нужна не теория, а инженерная (в широком смысле) методологическая дисциплина, назовем ее «инженерия НИС», которая дает организатору эффективный рабочий инструмент.

Четвертое. Как это часто бывает на практике, в качестве неявной альтернативы разработке стратегии развития той или иной сферы

1. Неумолимый рок инноваций // Эксперт. – М., 2008. – №28(617) от 14 июля.

предлагается разработка соответствующего закона. Предложения по закону об инновационной деятельности обсуждаются уже не менее десяти лет. На наш взгляд, в ситуации, когда в стране не выработана современная инновационная политика и даже отсутствует общее понимание базовых схем инновационной деятельности, принятие законодательства, регулирующего эту сферу, было бы контрпродуктивным, так как законодательно фиксировало бы имеющую место понятийную катастрофу. Это, очевидно, никак не противоречит необходимости совершенствования «обслуживающего» законодательства в области налогообложения, образования, науки, производства на базе наукоемких технологий, защиты и управления интеллектуальной собственностью и др.

Когда бóльшая часть бюджета формируется за счет поступлений от продажи сырья, а прогнозы правительства предусматривают лишь незначительный рост высокотехнологичной продукции, доход от инновационной деятельности серьезным стимулом дальнейшего роста в обозримой перспективе служить не могут. Таким стимулом для России сегодня могут быть только стратегические вызовы и угрозы, в частности, надвигающийся системный кризис и реальная возможность потери шансов быть значимым игроком на мировой арене, деградация и скатывание страны на периферию мировой цивилизации в качестве поставщика сырья и свалки экологически опасных отходов, что нам предрекают аналитики из Национального разведывательного совета США[2]. Ключевая проблема состоит в том, удастся ли российской власти предотвратить системный кризис (который может наступить примерно в 2015 г.) и произвести кардинальный поворот от инерционной к стратегической инновационной политике. Изменение менталитета нового поколения россиян, выросшего в период смуты 90-х годов, и углубляющийся демографический кризис как часть системного кризиса уже привели к тому, что, по последним опросам «Левада-Центра», половина молодых и успешных россиян мечтает об эмиграции.

От функционирования к развитию

При анализе дискуссий по инновационной политике напрашивается аналогия с популярными темами, которые в последнее время обсуждаются на разных уровнях. Это инфляция и рост потребительских цен. И в том, и в другом случаях, как нам кажется, имеет место подмена ключевых проблем вторичными. А ключевые проблемы – это конкурентоспособность России и

2. Россия и мир в 2020 году. – М.: Европа, 2005.

изменение управленческой парадигмы от *функционирования* к инновационному *развитию*.

Несмотря на остроту международных финансовых кризисов страны, мировые лидеры по конкурентоспособности не ставят в качестве стратегических целей борьбу с инфляцией, удвоение ВВП и другие практические задачи текущего периода. Их цель – глобальное интеллектуальное и организационное превосходство. Собственно, и в России необходимость подобного подхода начинает осознаваться и декларироваться на высшем политическом уровне, но обсуждение пока идет в старой парадигме функционирования, в которой этот подход принципиально не реализуем. Несмотря на то, что в последнее время активизировалось обсуждение проблем развития инновационной сферы, в ходе которого нередко высказываются глубокие мысли концептуального характера и ценные практические рекомендации, они, как правило, оказываются невостребованными. Можно предположить, что неспособность государственной машины сформировать стратегическую инновационную политику, адекватно транслировать высшие цели, которые ставит руководство страны, обусловлено отсутствием соответствующего слоя руководителей и исполнителей, института независимой общественно-государственной экспертизы и механизма трансляции.

Государственный бюрократический механизм по своей природе настроен только на функционирование, поэтому в идеале, чтобы он служил целям развития, необходимы дополнительные специальные институты и процедуры, которые не искажают, а формируют и уточняют высшие цели и стратегии. Простое функционирование не предполагает сколько-нибудь полноценной трансляции сверху вниз целей, понятий, стратегий. Оно обеспечивается, условно говоря, «из-под палки» бюрократией посредством реализации функций, которые ей предписаны, включая использование таких современных инструментов как информационно-коммуникационные технологии, или таких методических суррогатов, заимствованных из бизнеса, как БОР (бюджетирование, ориентированное на результат). Для обеспечения парадигмы развития необходим дополнительный *общественный ресурс*, а именно, особый слой людей – *элита*, в том числе бизнес-элита, который способен выдвигать и транслировать высшие цели государства и общества. Как действующий механизм этот ресурс у нас пока только оформлен (в частности, вследствие слабой способности к самоорганизации) и почти не востребован. Другой важный элемент стратегии развития – *институт независимой общественно-государственной экспертизы*, который в России находится в зачаточном состоянии.

К новым формам организации инновационной деятельности: От естественного вызревания инноваций к формированию инновационной среды и потребности в инновациях

Практика показала, что за редким исключением попытки поддержки государством инновационной деятельности через такие, казалось бы, зарекомендовавшие себя на Западе формы инновационной инфраструктуры как технопарки и бизнес-инкубаторы не дали ожидаемого результата. Если мы будем развивать инновации в формах полувековой давности, в тех формах, которые в современном мире уже не работают, то это заведомо тупиковый путь. Пока мы пользуемся устаревшими представлениями, на практике в России будет воспроизводиться все та же модель индустриального общества.

В условиях глобализации, когда источники новых знаний стали более диффузными и скорость вывода технологий на рынок существенно возросла, эффективное проведение исследований и разработок стало возможным только в нецентрализованных открытых структурах, предусматривающих партнерство и альянсы, структурах с низким уровнем бюрократизации, позволяющих сочетать ресурсы страны или региона, с теми ресурсами, которые существуют вовне.

Поскольку в условиях постиндустриального общества конкуренция между развитыми странами идет уже не на материальном уровне, а на уровне идей, стратегий и концепций развития, технологий воздействия на сознание, современный подход к инновационной политике не может ограничиваться поддержкой конкретных инновационных бизнесов, реализацией отраслевых программ, совершенствованием законодательства и т.д., он должен обеспечить *кардинальное изменение социокультурной ситуации в стране, в первую очередь формирование слоя стратегически и инновационно мыслящих людей, создать целостную инновационную инфраструктуру, одной из главных функций которой является формирование потребности в инновациях.*

Хотим стимулировать инновационное развитие – нужно искать *новые формы организации.*

Одним из основных ресурсов в мировой конкурентной борьбе мог бы стать для России переход в инновационной деятельности от технократической к социально-инженерной парадигме, в которой ведущими являются разработка и внедрение новых форм организации во всех сферах жизни страны, в том числе синтез организационных и наукоемких

инноваций[3]. Одна из новых современных форм организации инновационной инфраструктуры, отвечающая изложенной выше концепции и основанная на упоминавшейся выше инженерии НИС, – *социально-инженерный парк*.

Социально-инженерный парк как новая форма организации современной инновационной инфраструктуры

В XXI в. можно ожидать прорывного результата в создании синтеза двух тенденций: осмысленное изменение общественного устройства будет определять развитие наукоемких технологий, а научные и технологические достижения станут одним из инструментов организуемых общественных изменений[4].

Инженерия НИС должна строиться на основе трех деятельностных схем: схемы инновационной инфраструктуры, схемы самоопределения организатора инноваций и схемы деятельности организатора инноваций.

Понятно, что разработка инструментария – лишь часть проблемы. Для осуществления нововведений нужен еще субъект – социальный инженер, который мог бы воспользоваться таким нетривиальным инструментом. Если взглянуть с этой точки зрения на организацию инноваций в научно-технологической сфере, то к нему предъявляются довольно противоречивые требования, так как он должен быть одновременно носителем научного, проектного и социально-инженерного мышления. Вероятно, решение этой проблемы можно искать в двух направлениях: в воспитании новой категории специалистов, совмещающих оба типа мышления, и «выращивании» коллективного синтетического мышления в организованных группах специалистов с разными типами мышления. Все это требует дальнейшего развитие новых форм и содержания образования.

Необходимо подчеркнуть при этом достаточно очевидный, но важный момент: преодоление кризиса техногенной цивилизации и проблем, возникающих в связи с процессами глобализации, – отнюдь не автоматическое следствие инженерного подхода к социальной организации общества. В отличие от технической инженерии в современной

3. См. Смирнов Е.П. Станет ли Россия высокотехнологичной страной // Независимая газета. – М., 2003. – 12 февраля.

4. См., в частности: Смирнов Е.П. Концепция и технология формирования управленческих решений в социально-экономической и технологической сферах российских регионов на основе синтеза социально-инженерного, научного и проектного подходов // Финансы, экономика, безопасность. – М., 2005. – № 9 (14).

общественной инженерии центральной является гуманитарная, мировоззренческая составляющая, которая отражается в схеме самоопределения коллективного организатора инноваций.

Резюмируя сказанное выше можно сделать вывод о том, что в XXI в. изменение парадигмы инновационной деятельности неминуемо приведет к появлению новых форм ее организации. Если в начале 50-х годов в США возникли научные и технологические парки, регионы науки, предназначенные усилить связь науки и промышленности, то первой попыткой экспериментальной реализации парадигмы, основанной на принципах общественной инженерии, стало создание в 1998 г. социально-инженерного парка «Будущая Россия» – инфраструктуры, воплощающей новый тип организации инновационной деятельности, направленной на инициирование и поддержку осмысленных общественных изменений. Основные направления деятельности парка: разработка методологии нововведений, прикладных методологических дисциплин для различных сфер человеческой деятельности (региональная политика и экономика, наука и техника, образование и т.д.) и осуществление на их основе общественно значимых проектов и программ, развитие прорывных наукоемких технологий. Долгосрочная цель деятельности парка – инициировать смену господствующей технократической парадигмы инновационной деятельности на социально-инженерную и создать образец современной инфраструктуры инновационной деятельности.

В 1999 г. социально-инженерный парк «Будущая Россия» был включен в состав субъектов инновационной инфраструктуры Министерства промышленности, науки и технологий Российской Федерации.

С тем, чтобы наглядно показать принципиальные различия между социально-инженерным парком и существующими видами инновационных инфраструктур, сравним их основные характеристики (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики инновационной инфраструктуры	***Социально-инженерный парк***	***Научные и технологические парки***
Цели организации	Целенаправленные общественные изменения, формирование благоприятной для инновационного развития среды	Содействие укреплению связи науки и производства, коммерциализация технологий
Результат деятельности	Состояние общества, в котором перманентно формируется потребность в инновациях	Изделия или технологии с рыночными свойствами
Тип мышления организатора инноваций	Социально-инженерный	Технократический

Тип технологий	Синтез социальных, гуманитарных и наукоемких технологий	Наукоемкий

Значительны различия в структурах двух типов парков. Научный и технологический парки имеют администрацию, научный центр, территорию (здание) с необходимым оборудованием, малые научные фирмы. Социально-инженерный парк, структурированный по сетевому и вертикально-сетевому принципу, включает администрацию, интеллектуальное ядро, профессиональные и общественные объединения, учебный центр, территорию (здание) с необходимым оборудованием.

Известно, что задачу осуществления общественных изменений явно или неявно ставят перед собой многие участники общественных отношений: государство, политические партии, общественные и профессиональные объединения, бизнес-структуры, различные деструктивные образования, например организованная преступность и т.д. В то же время цели и способы реализации инновационной активности у них разные.

Государство, которое, с одной стороны, должно в идеале являться наиболее заинтересованным заказчиком социальных инноваций, а с другой – активным участником инновационного процесса, в силу все большего усложнения организации общества, бюрократического характера и инерционности государственных институтов в современных условиях не может достаточно эффективно осуществлять инновационную функцию, и это в первую очередь относится к осуществлению долговременных стратегических задач.

В то же время принципы, заложенные в основу функционирования социально-инженерного парка, и интеллектуальный потенциал участников социальной инженерии, создают возможность инициировать и эффективно организовать осмысленные общественные изменения.

Важнейшее отличие социально-инженерного парка от известных форм инновационной деятельности состоит в том, что деятельность в парке осуществляется в соответствии с методологией и принципами социальных дисциплин, востребованных в тех сферах, в которых в данное время специализируется парк и на которое он может «настраиваться» (политика, экономика, образование, безопасность, высокие технологии и т.д.). Применение социально-инженерного подхода к организации инновационной деятельности в сфере высоких технологий влечет за собой необходимость глубокого анализа сложившихся схем деятельности не только в данной сфере, но и во всех других, от которых зависит ее развитие, и на развитие которых она влияет (государство и право, политика, промышленное производство, бизнес, образование, СМИ и т.д.).

Организационная структура парка в общем случае не статична, она варьируется в зависимости от сложности и объема решаемых задач по мере

развития инновационного процесса. В настоящее время предусматривается развитие формируемой инфраструктуры по двум координатам: а) по горизонтали – в виде расширяющейся сети взаимосвязанных организаций в рамках парка «Будущая Россия», б) по вертикали путем создания аналогичных вертикально-сетевых структур на региональных и муниципальных уровнях, реализующих ту же схему деятельности.

Связь с государственными структурами, профессиональными и общественными объединениями, являющимися главными «пользователями» услуг парка, носителями и проводниками инноваций, имеет качественно иной характер, чем в научном парке. Пространственно-временны́е параметры этой связи могут варьироваться в широких пределах – от постоянного пребывания в парке до кратковременных командировок для участия в совместных мероприятиях.

В простейшем случае структура парка может включать следующие элементы:

– профессиональное объединение социальных инженеров и специалистов смежных специальностей (культурологов, юристов, специалистов в области СМИ, информационных технологий и пр.), составляющее ядро парка, основной функцией которого является инициирование и организация инноваций в конкретных сферах социальной организации общества;

– сотрудничающие с парком профессиональные и / или общественные объединения, ориентированные на решение тех или иных государственных и общественных задач (организации, реализующие региональные и межрегиональные программы, научные и промышленные объединения в области разработки высоких технологий); прикомандированные государственные чиновники, координирующие выполнение федеральных программ и т.д.;

– учебный центр или сеть образовательных организаций, в функции которых входит отбор, подготовка и переподготовка как социальных инженеров для работы в парке, так и специалистов для сотрудничающих с парком организаций;

– структуры венчурного финансирования (венчурные фонды, управляющие компании и т.д.);

– территории или здания с необходимым оборудованием и обслуживающим персоналом.

В соответствии с концепцией парка он формируется из организаций, работающих в четырех основных сферах:

– организации и управления,

– образования,

– высоких технологий,

– венчурного финансирования и управления интеллектуальной собственностью.

Основные проекты парка (о них будет сказано далее): «Фабрика инноваций», «Конкурентоспособный регион как точка роста конкурентоспособности России», Международный экспертный клуб, Аналитический альманах «Россия и мир: политические реалии и перспективы», развитие прорывных наукоемких технологий (интеллектуальные информационные технологии, виртуальная реальность, очистка и опреснение воды, применение ИТ в сельском хозяйстве и др.).

Формирование сообщества организаторов инноваций

Критическая проблема для России состоит в том, что еще остающийся в стране тонкий слой носителей научных знаний и высоких технологий, унаследованный от СССР, быстро сокращается. Это происходит в силу старения научно-технических кадров, невостребованности со стороны государства, разрушения научных школ и системы образования, а также других причин. При этом зарождающееся сообщество профессиональных организаторов общественных изменений еще слишком малочисленно. Более того, оно пока востребовано в более динамично развивающихся сферах общественной жизни. Очевидно, что, если не предпринять специальных и срочных усилий по соорганизации этих профессиональных сообществ (чья деятельность пока еще по существу не пересекается), при текущем развитии событий вырождение собственной научно-технологической сферы России практически неизбежно.

В качестве попытки приступить к разработке указанной проблемы с мая 2003 г. осуществляется конкурсная программа «Фабрика инноваций» по конкурсному отбору и подготовке организаторов инноваций высшей квалификации. Программа включает три конкурса: конкурс «Молодой организатор в области науки, образования и высоких технологий», конкурс молодежных инновационных проектов, конкурс прорывных инновационных проектов.

С 2007 г. программа проводится по договоренности с заинтересованными регионами. В настоящее время на базе этой программы формируется консорциум «Центр стратегических инноваций».

Формирование прообраза института независимой общественной экспертизы

В качестве локальной модели и прообраза института независимой общественной экспертизы в 1994 г. был создан и функционирует Экспертный

совет по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации (название за эти годы изменялось), а затем на его базе Международный экспертный клуб.

Формирование стратегии инновационного развития регионов

На парламентских слушаниях в Совете Федерации «О законодательном обеспечении формирования и развития конкурентоспособной экономики Российской Федерации» 25 ноября 2005 г. была одобрена Концепция реализации пилотного проекта «Конкурентоспособный регион как точка роста конкурентоспособности России».

Кроме того, концепция проекта получила поддержку Председателя Совета Федерации, Минрегиона России, Ассамблеи европейских регионов, международной конференции «Конкурентоспособность российской экономики», проведенной Торгово-промышленной палатой РФ и ряда других представительных форумов. В 2006 г. проект был оформлен Минрегионом России в виде Ведомственной целевой программы (ВЦП). В принципе этот проект опередил свое время на несколько лет, поскольку заложенная в нем концепция предвосхитила те нововведения, которые в последнее время стали обсуждаться на государственном уровне в качестве приоритетов региональной политики.

Концепция проекта предусматривает реализацию на практике трех принципиальных положений:

– превратить государственную стратегию в общественно-государственную;

– принять целостный подход к инновационному развитию регионов в качестве альтернативы частным подходам (отраслевому, пространственному и т.д.);

– перейти от формальных показателей оценки эффективности деятельности регионов (которые могут служить в качестве вспомогательного инструмента) к независимой общественно-государственной экспертизе, в основе которой лежит цель повышения реальной конкурентоспособности страны.

Реализация проекта зависит от трех главных факторов: 1) *конкурентоспособности региональной власти*; 2) *активности общества и человеческого потенциала региона*; 3) *бизнеса и системы организации хозяйства в регионе*.

Таким образом, стратегия развития региона формируется в начальной стадии развертывания проекта посредством общественно-государственной экспертизы, затем создает механизм координации между региональными

администрациями и федеральными органами государственной власти. Одновременно решается задача максимального включения регионов и в процесс разработки программных документов, и в их реализацию заинтересованными сторонами. Закладывается также основа для постоянного обновления стратегии по мере реализации намеченного.

Что дает реализация концепции и пилотного проекта для развития инновационного бизнеса и повышения конкурентоспособности региона?

Очевидно, что целостный механизм повышения конкурентоспособности, в который эффективно включены все центры власти: федеральная, региональная, бизнес, экспертное сообщество и общественность должен создать условия для снижения рисков по всем направлениям: политическому, экономическому и социальному. Фактически такой механизм является механизмом «активного» управления рисками на региональном уровне, который по своему смыслу дает принципиально новые возможности для бизнеса, чем механизмы «пассивного» управления рисками, которые доступны отдельным финансовым организациям и предпринимателям. Ввиду этого очевидно, что роль бизнеса в решении проблемы перехода на инновационный путь развития и повышения региональной конкурентоспособности серьезно возрастает, поскольку он предстает как й и равноправный участник процесса развития.

А.В. Алексеев

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: КТО КОГО?

Алексеев Алексей Вениаминович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Считается, что чем стабильнее налоговая система – тем лучше. Но налоги и экономическая жизнь неразделимы, при этом последняя находится в постоянном движении. Налоговая система, настроенная на решение вчерашних задач, «по определению» не способна быть эффективной. Поэтому полная ее стабильность как часть быстроменяющейся российской экономики едва ли возможна и, главное, вряд ли целесообразна. Существующая ныне система налогов не отвечает долгосрочным интересам развития страны и требует своего совершенствования.

Начало 90-х

К концу 1991 г. СССР в целом и отдельные его республики (в том числе и Россия) оказались на грани финансового коллапса. Контроль над оптовыми ценами был утрачен почти полностью, над розничными же хотя и сохранялся, но существенно ослабел. Оптовые и розничные цены все быстрее сближались, из-за чего таял налог с оборота – а это одна из важнейших статей доходов бюджета. Госбанк СССР оказался бессилен влиять на республиканские центральные банки, которые вопреки действующему союзному законодательству активно занялись кредитной эмиссией, чтобы хоть как-то попытаться закрыть все расширяющиеся бреши в республиканских бюджетах.

Нарастала экономическая война между республиками. Некоторые из них в одностороннем порядке начали повышать розничные цены и доходы своих граждан. Защищая таким образом внутренние рынки, власти одновременно

подталкивали население к массовым закупкам потребительских товаров на более дешевых рынках соседей. Быстрая коррозия базовых принципов построения союзного государства не могла не отразиться на всех сферах социально-экономической жизни России и, в первую очередь, на таком системоообразующем элементе любого государства, как налоговое законодательство. Настала очередь радикальных решений. Оставалось понять, каких.

Распад Советского Союза дал мощный импульс экономическому сепаратизму, угроза целостности самой России быстро приобретала реальные очертания. Пытаясь обуздать плохо поддающуюся контролю центробежную тенденцию, Б.Н. Ельцин выдвинул памятный лозунг «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». В области налогового законодательства лозунг выразился в том, что в конце 1993 г. региональным и местным органам власти указ президента предоставил право вводить любые налоги на любых налогоплательщиков, с любых объектов и в любых размерах.

Местные власти не преминули воспользоваться открывшимися возможностями, и уже скоро никто в России с уверенностью не мог сказать, сколько же в стране действует налогов. По данным тогдашнего министерства финансов Российской Федерации, количество действующих на территории РФ

налогов насчитывалось примерно 150 (в ряде регионов ввели до 25 дополнительных налогов, в некоторых ограничились двумя-тремя сверх предусмотренных законом «Об основах налоговой системы в РФ»). В те годы количество нормативных актов, регулирующих вопросы налогообложения, приблизилось к 800.

Из огромного числа налогов некоторые при всей их экстравагантности были вполне безобидны – например, налоги на содержание футбольных команд, некоторые просто безнравственны – как налог на погребение. Были и довольно странные с экономической точки зрения, например, налог на сокращение производства, и такие, что откровенно разрушали Россию как федеративное государство. К последним относились различные сборы, плата за ввоз той или иной продукции (в первую очередь продовольствия). Шагом на пути дезинтеграции России стали налоги на вывоз капитала за пределы своей республики, акцизы на поставку минерального сырья соседям.

Ситуация начала меняться лишь после распада СССР, когда Российская Федерация «национализировала» Госбанк и Гознак СССР. Руководство страны уверилось, что стало хозяином рублевой денежной системы, а уж хозяину можно приступать и к следующей задаче – финансовой стабилизации.

Правительство В.С. Черномырдина поставило во главу угла борьбу с инфляцией. Темпы инфляции сразу, уже в 1993 г. снизились почти втрое. При этом ситуация с налогами становилась нетерпимой. Налоговая система стала тормозом развития страны – выход виделся в создании Налогового кодекса.

Принятие Налогового кодекса

В 1994 г. В.С. Черномырдин объявил конкурс на проект Налогового кодекса. В правительственном варианте кодекса предполагалось оставить 28 налогов, действующих на всей территории России, с четко определенным распределением средств между бюджетами всех уровней. При этом предполагалось, что представленный в проекте список налогов будет исчерпывающим.

При подготовке проекта Налогового кодекса ко второму чтению события развивались, как в детективе. 24 сентября 1997 г. президент Б.Н. Ельцин поручил правительству РФ отозвать проект на доработку. Депутаты Думы оказались в двусмысленном положении: они приняли в первом чтении правительственный вариант кодекса, а потом правительство само инициировало его отзыв. По итогам обсуждения кодекс был возвращен «в первое чтение».
И принято принципиальное решение: в феврале 1998 г. рассмотреть все альтернативные проекты, внесенные в порядке законодательной инициативы к 15 января.

Дума вернулась к обсуждению проектов Налогового кодекса в апреле 1998 г. Наряду с правительственным вариантом на обсуждение было внесено десять проектов. Они существенно различались между собой. Едва ли можно считать большой неожиданностью, что по результатам рейтингового голосования «победил» правительственно-думский вариант. И с большим отрывом.

В первом чтении проект Налогового кодекса был принят. Выбор «основных направлений» развития российской налоговой системы сделан. И хотя принятое по итогам голосования постановление допускало внесение поправок, вплоть до концептуальных, формат налоговой системы России фактически был определен.

Бюджет

В настоящее время в Российской Федерации действует трехуровневая система налогов и сборов: федеральные налоги и сборы (16 различных видов), налоги и сборы субъектов Российской Федерации (семь видов) и

местные налоги и сборы (пять видов). Существующая система позволила мобилизовать в консолидированный бюджет РФ в 2005 г. 8,6 трлн. руб., в 2006 г. – 10,6 трлн. руб., в 2007 г. – 13,3 трлн. руб. обеспечив не только 100%-ную исполняемость бюджета, но и существенный профицит (1,7, 2,3 и 2,0 трлн. руб., соответственно).

Самая крупная доходная статья бюджета (примерно 20%) – доходы от внешнеэкономической деятельности.

Нет сомнений, что фискальную функцию существующая налоговая система выполняет. Но выполняет ли она свою вторую, не менее значимую функцию – стимулирующую?

Нужен баланс

Стимулирующая функция налоговой системы традиционно остается в тени ее главного предназначения – «цивилизованного отъема» денег у бизнеса для обеспечения функционирования общества как социального целого.

В 90-е годы прошлого века, когда принимался Налоговый кодекс, фискальная функция налоговой системы носила безусловный характер. Никто не отрицал значимости долгосрочного стимулирования бизнеса, но задачи физического выживания, предотвращения распада страны в условиях всеобщего налогового нигилизма и бартеризации экономики требовали немедленных жестких решений. Что ж, российское государство с данными задачами справилось.

А дальше стояла дилемма между продолжением «закручивания гаек, повышением налоговой дисциплины, собираемостью налогов или, не отрицая значимости задачи дальнейшего повышения качества налогового администрирования, в большей степени сосредоточиться на стимулирующем потенциале действующей налоговой системы. В известном смысле это предмет политического выбора, осуществляемого главой исполнительной власти и депутатами Государственной думы. Пока такой подход не приобрел конкретных очертаний, федеральным органам исполнительной власти предписано руководствоваться «Основными направлениями налоговой политики в Российской Федерации на 2008–2010 гг.», одобренными на заседании правительства Российской Федерации (2 марта 2007 г.). В «Основных направлениях» представлена развернутая и вполне содержательная программа повышения качества администрирования существующих налогов.

По-видимому, четкое понимание стимулирующего / угнетающего потенциала каждого из основных действующих в РФ налогов поможет

выработке более обоснованной налоговой политики, способствующей, а не противодействующей достижению целей экономического развития.

Стимулирование инвестиций

У любой компании есть два основных источника развития: собственные финансовые ресурсы и заемные. Собственные состоят из амортизационных отчислений и чистой прибыли (валовой прибыли после налогообложения). Величина амортизационных отчислений зависит от проводимой государством амортизационной политики (через утверждаемые нормы амортизации), а величина чистой прибыли, соответственно, от нормы налогообложения прибыли, также регулируемой государством. Увеличение норм амортизационных отчислений и снижение налога на прибыль способствуют аккумуляции финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на развитие компании; снижение норм амортизации и увеличение налога на прибыль, соответственно, приводят к обратному результату.

Очевидны и фискальные результаты оперирования рассматриваемыми параметрами: чем больше денег остается в компании, тем, соответственно, меньше их поступает в бюджет, и наоборот. Теория утверждает, что чем больше ресурсов остается в компании, тем лучше условия для ее развития и, соответственно, деньги, «потерянные» для бюджета сегодня, вернутся завтра за счет расширения налогооблагаемой базы выросшей фирмы.

Правда, финансовый анализ учит, что сегодняшние деньги дороже завтрашних, зато социальная действительность говорит, что каким бы светлым ни было будущее, жить все же надо сегодня. Это значит, что деньги нужны здесь и сейчас, поэтому существенно снизить норму налогообложения едва ли возможно. К тому же, если деньги остаются в компании, из этого не следует, что они обязательно будут направлены на развитие. Чтобы это произошло, требуется наличие массы условий.

Действующая в РФ ставка налога на прибыль – 24% (в США, например, 35%) – не представляется чрезмерной и бизнесом принимается как «справедливая». Резервы есть, скорее, в налоге на дивиденды, по форме самостоятельном, но фактически близком к налогу на прибыль. Стимулирующая роль этого налога очевидна: чем меньше ставка налога на дивиденды, тем больше стимул к инвестициям в основной капитал. На первый взгляд, ставка налога на дивиденды щадящая – 9%, меньше ставки налога на доходы физических лиц. Но дивиденды выплачиваются из чистой прибыли (после налогообложения прибыли по ставке 24%), и повторное ее обложение по ставке 9% выглядит уже не столь благостно. Приобретая акции какой-либо компании, инвестор понимает, что лично для него

налогообложение дохода, получаемого компанией, осуществляется по ставке 31,6% (24% налог на прибыль, плюс 9% на прибыль после ее «первичного» налогообложения). При наличии инфляции, многочисленных российских рисков, снижении цены денег во времени потенциальный инвестор начинает задумываться: «А стоит ли вкладывать сегодняшние деньги в будущие доходы, в которых гарантировано только одно – высокое налогообложение?» Снижение ставки, очевидно, способствует положительному ответу на поставленный вопрос и, следовательно, повышает норму накопления. Увеличение ставки, напротив, способствует отказу от инвестиций и побуждает к увеличению текущего потребления.

В амортизационной политике резервов явно больше. «Идеальные» нормы амортизации должны совпадать с реальными сроками службы того или иного оборудования. Если нормы амортизации низкие – оборудование физически выводится из производства раньше, чем заканчивается его амортизационный период, предприятие вынуждено либо продолжать держать его «на балансе», чтобы выбрать амортизационный период (что не всегда рационально, а то и просто невозможно), либо списывать с соответствующими налоговыми потерями. Если нормы слишком высокие и оборудование снимается с баланса, фактически продолжая работать, с точки зрения предприятия это хорошо – инвестированные в оборудование деньги вернулись быстрее, чем наступил физический износ. Правда, относительно быстрый возврат инвестиций для предприятия происходит как раз потому, что уменьшается налогооблагаемая база предприятия (за счет увеличения доли амортизации в себестоимости). Меньше налоговая база – меньше поступления в бюджет финансовых средств, собираемых за счет налога на прибыль. Правда, после завершения ускоренного амортизационного периода, если оборудование продолжает эксплуатироваться, налоговая база резко расширяется (себестоимость продукции снижается на величину амортизации), соответственно, увеличивается и налог на прибыль, что в какой-то степени компенсирует бюджетные потери. Но при этой схеме предприятие получает «дорогие» сегодняшние деньги, бюджет же – «дешевые» завтрашние.

Побуждение к потреблению

Следующая статья доходов бюджета – налог на доходы физических лиц. Ставка налога едина для всех доходных групп и, строго говоря, вполне умеренна – 13%. Стимулирующий потенциал налога прозрачен: если потребление и частное накопление необходимо увеличить, ставку надо снижать, и наоборот. Поскольку ставка налога невелика, возможности ее снижения

весьма ограниченны. Повышать же ее едва ли целесообразно по социальным причинам.

В обществе весьма популярна идея «паллиативного» решения: для низкодоходных групп налог снизить (а еще лучше – отменить); для групп со средними доходами – оставить как есть (а можно и увеличить); для высокодоходных групп – существенно увеличить. Основные доводы: социальная справедливость и экономическая целесообразность.

Аргументация сторонников «социальной справедливости», как водится, проста и понятна: то, что уборщица в Урюпинске платит подоходный налог по той же ставке, что и топ-менеджер в Москве, несправедливо. Внимание акцентируется на ставке, а не на сумме налога, которые сильно разнятся. Поэтому никак нельзя сказать, что они платят одинаково, и их вклад в решение общегосударственных задач равноценен.

Обоснования с апелляцией к экономической целесообразности повышения ставки подоходного налога у высокодоходных групп населения тоже вызывают серьезные сомнения. Понятно, что повышение ставки не может оказать стимулирующего воздействия на результативность их трудовой деятельности. Более того, неравенство в доходах в известной степени является «платой» за прогресс. За определенной гранью уменьшение дифференциации в доходах подавляет темпы экономического развития, а значит, ставит «под удар» саму основу повышения жизненного уровня низкодоходных групп населения.

Чрезмерная дифференциация доходов, конечно, не меньшее зло: при достижении определенного уровня общество теряет социальную стабильность. Конфликты, являющиеся следствием этой ситуации, с большой вероятностью перечеркнут весь достигнутый ранее «прогресс».

Теоретически прогрессивная шкала подоходного налогообложения может способствовать нахождению баланса между двумя рассмотренными крайностями. Но в конкретных условиях современной России правильное, по теории, начинание едва ли позволит реализовать поставленные цели. Дифференциация в доходах наверняка не снизится, а приток средств в бюджет уменьшится (из-за возврата к теневым схемам выплат и вполне легальной «оптимизации» налоговых выплат). В этом случае теневые финансовые потоки, «коррупциогенность» экономики получат мощнейший импульс. Лекарство будет заведомо хуже болезни.

Таким образом, повышение ставки подоходного налога (или введение прогрессивной шкалы налогообложения) в современных условиях не окажет стимулирующего воздействия на экономику, как не решит и фискальные задачи.

Несколько особняком стоят налоги, объединенные в единый социальный налог – ЕСН, взимаемый по ставке 26%. Они не преследуют цели мобилизации финансовых средств для решения таких государственных задач, как обеспечение обороноспособности страны, содержание бюджетной сферы, создание социальной и бизнес-инфраструктуры. По большому счету, эти налоги решают задачи обеспечения функционирования пенсионной системы и здравоохранения.

ЕСН – налог сложный. С одной стороны, он «чувствителен» для бизнеса, с другой – его ставка явно недостаточна для решения задач, на которые он направлен. Действительно, 20% от начисленной заработной платы, идущие (в разных формах) на финансирование пенсионных выплат (при низкой российской заработной плате и неблагоприятной возрастной структуре населения) совершенно недостаточны для обеспечения приемлемого уровня пенсий.

А 6% от начисленной заработной платы – это слишком мало для создания системы здравоохранения, адекватной современным потребностям.

«Линейная» логика требует налог повышать, а российская практика убеждает, что ставку повысить, конечно, можно, но получаемую сумму – вряд ли. Следует помнить и о том, что дорогой труд (в том числе за счет высоких начислений на заработную плату) – мощный стимул для бизнеса повышать его производительность, возможно, провоцируя при этом рост безработицы. Поэтому что принесет повышение ЕСН – решение старых проблем или создание новых (без гарантии решения старых) – вопрос открытый.

Налог на добавленную стоимость

Налог на добавленную стоимость – самый сложный и противоречивый налог в российской налоговой системе. Он сложен в администрировании: о масштабах злоупотреблений при незаконном возврате НДС из бюджета ходят легенды (возврат же налога для законопослушных компаний максимально затруднен). Наименьшее зло здесь – многомесячное кредитование бизнесом государства (возврат НДС занимает не один месяц); нередки случаи, когда он по разным причинам не возмещается вовсе.

Вместе с тем у налога очень точное название – это действительно налог на добавленную стоимость. Чем больше добавленная стоимость – тем больше налог. Поэтому налог как минимум не поощряет производство товаров с высокой добавленной стоимостью, в действительности – подавляет. Почему-то широко распространено такое «оправдание» налога – «налог оплачивается конечным потребителем, поэтому на бизнес он не может оказывать угнетающего действия». Это не более чем «фигура речи» – в конечном счете

все налоги оплачиваются потребителем, а те, что бизнесом, просто закладываются в ценах товара или услуги при их формировании.

НДС «заточен» под фискальную функцию. Если бизнес прибылен, облагается и та часть добавленной стоимости, которая идет на оплату труда, и прибыль (налог ведь на добавленную стоимость). Если рентабельность бизнеса едва позволяет ему сводить концы с концами, бюджет все равно особенно не пострадает: начисляется заработная плата, значит, начисляется и НДС.

Фискальная сущность налога проявляется особенно ярко при производстве товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, так как один из основных элементов вновь созданной стоимости труд – НДС – подавляет достаточно жестко.

Стоит отметить хороший аппетит налога на добавленную стоимость: есть прибыль – она будет обложена НДС в первоочередном порядке (собственно налогу на прибыль «достается» лишь та часть прибыли, которая осталась после применения НДС). Нет прибыли – ничего страшного: для обложения НДС остается еще заработная плата с начислениями на нее. Понятно, что НДС не различает фонд заработной платы и начисления на него – облагается и то, и другое. Не менее важным элементом НДС является амортизация. Анализ их взаимодействия в высокотехнологичных секторах экономики показывает, что НДС более «лоялен» к амортизационным отчислениям, чем к заработной плате, но едва ли это позволяет заключить, что он способствует стабильному развитию бизнеса. Действительно, зачет НДС при постановке оборудования на баланс, безусловно, финансово значим для предприятия, но этот «розовый» период проходит и НДС начинает агрессивно отыгрывать «потери». Точно так же, как и в случае с заработной платой: величина НДС при фиксированной выручке и материальных затратах также фиксирована: велики амортизационные начисления или нет, НДС «не волнует».

НДС недаром любим налоговиками. Он не позволяет прятать прибыль в затратах, жестко облагает всю добавленную стоимость, не брезгует и другими дополнительными возможностями. Например, такой обязательный платеж, как налог на имущество. Если ввести его в расчет, очевидно, НДС к уплате не уменьшится в отличие, скажем, от налога на прибыль. Об этом как-то не принято говорить, но источником уплаты и налога на имущество, и некоторых других налогов является добавленная стоимость, а она-то как раз и облагается НДС.

В общем, фискальную функцию по отношению к честным налогоплательщикам НДС выполняет хорошо (нечестным при этом предоставляет широкое поле для самых разных махинаций). А вот стимулирующая функция налога вызывает большие сомнения. Действительно, если НДС что и стимулирует, так это материалоемкое

производство с низкой добавленной стоимостью. И, напротив, подавляет производство товаров и услуг с низкими материальными затратами и высокой добавленной стоимостью. При взятом курсе на создание современного производства – а это, в первую очередь, высокая наукоемкость и относительно малая материалоемкость, использование НДС представляется, по меньшей мере, странным: ведь упомянутые производства выпускают продукцию и услуги с высокой добавленной стоимостью.

* * *

Любая налоговая система обладает определенным стимулирующим потенциалом – ограничения обусловливаются лишь наличием фискальных функций. Россия до последнего времени находилась в уникальной ситуации, когда потребность в финансировании бизнесом социальных задач общества была относительно невелика. Общество не знало, как использовать вдруг свалившуюся на него сырьевую ренту, и не придумало ничего лучше, чем конвертировать ее в зарубежные обязательства различных видов (валюту, ценные бумаги, акции).

В основе такого решения лежало крайне сомнительное по своей обоснованности ожидание – если вдруг ситуация ухудшится, какое-то время страна сможет жить на эту «заначку». Сложившуюся «рентную паузу» целесообразно было бы использовать для собственного инфраструктурного, производственного и институционального развития. Этому, безусловно, способствует снижение налоговой нагрузки на бизнес, в первую очередь, такого одиозного налога, как НДС.

Подъем отечественного бизнеса, в том числе и на основе привлечения иностранного капитала, который неминуемо вернется в нашу страну при благоприятном инвестиционном климате, создаст реальную основу экономической самостоятельности и безопасности России. Эта безопасность не будет зависеть от «прихотей» мировой сырьевой конъюнктуры, возможности или невозможности эмитентов доллара и евро выполнять взятые на себя при этой эмиссии обязательства, как выяснилось, совершенно беспочвенных надежд, что мировые финансовые бури как-нибудь обойдут нас стороной.

К сожалению, принципиальная возможность низкой налоговой нагрузки на бизнес, которая была возможна в период благоприятной сырьевой конъюнктуры и которая могла бы стать мощным конкурентным преимуществом России в борьбе за привлечение капитала и отличной основой для масштабной модернизации ее технологического базиса, упущена. Проблему стимулирования производства продукции с высокой добавленной стоимостью теперь придется решать в более сложных условиях.

Впрочем, обострение кризисных явлений только актуализирует проблему точной настройки налоговой системы к современным реалиям.

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

С.В. Беспалов

П.Б. СТРУВЕ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX±XX ВЕКОВ

Беспалов Сергей Валериевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Петр Бернгардович Струве, безусловно, является одной из ключевых и ярчайших фигур в истории русской общественной мысли. Вполне закономерно, что на протяжении двух последних десятилетий появилось немало работ, посвященных характеристике его научно-философских и политических воззрений (1; 3; 6; 8, с. 288–374). Но при этом его экономические взгляды вызывают гораздо меньший интерес у современных исследователей, несмотря на то, что сам Струве считал себя прежде всего экономистом, и изучению российской экономической истории (или, как сам он предпочитал говорить, истории хозяйственного быта), а также проблем экономического развития современной ему России он посвятил весьма значительную часть своей жизни.

К тому же, как известно, философские взгляды П.Б. Струве серьезно менялись; эволюционировали и его политические убеждения – от социал-демократических до праволиберальных. Как писал он сам в 1902 г., восемью годами ранее он «был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии решительным, хотя и вовсе не правоверным, марксистом. С тех пор и позитивизм, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять… его мировоззрение. Ему пришлось… искать и вырабатывать себе новый строй идей» (15, с. 1), причем процесс этот и в начале первого десятилетия XX в. был еще далек от завершения. В то же время экономические взгляды Струве представляются нам самым устойчивым компонентом его мировоззрения. Почти все наиболее значимые суждения по *собственно экономическим* вопросам, высказанные им в 1894 г. в первом крупном исследовании

«Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России», опубликование которого сразу же поставило его 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов России, в дальнейшем воспроизводились Струве в работах 1900–1910-х годов без существенных изменений. Более того, нам представляется, что последующая эволюция социально-философской доктрины Струве являлась, в известной степени, процессом приведения его философских и (особенно) социально-политических воззрений (последовательно воплощенных затем, прежде всего, в «Великой России», где был сформулирован принцип приоритетности внешней политики по отношению к политике внутренней) в соответствие с ранее сложившейся экономической концепцией.

Первая книга Струве так и осталась его единственным крупным исследованием, в котором комплексно рассматриваются все ключевые вопросы развития российской экономики. Наконец, некоторые проблемы, поднятые в этой работе, важнейшей целью которой являлось стремление Струве продемонстрировать несостоятельность народнической концепции экономического развития страны, представляются сегодня исключительно важными для понимания закономерностей экономической эволюции не только России, но и стран «догоняющего развития» (мы используем здесь этот термин как наиболее распространенный) в целом. Поэтому именно «Критическим заметкам» будет уделено наибольшее внимание в данной статье.

Справедливо утверждая, что «теория самобытного экономического развития России или просто вера в такое развитие» составляет самую сущность народничества, имеющего очевидные славянофильские корни (11, с. 18), Струве поставил перед собой цель опровергнуть две основные составляющие народнического мировоззрения – «1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах» (11, с. 2), в соответствии с которыми Россия, превратившаяся, по выражению одного из теоретиков народничества А.В. Яковлева, после освобождения крестьян с землей в своего рода tabula rasa, способна избежать повторения социально-экономической эволюции Западной Европы в направлении капитализма и, имея перед глазами европейский опыт, в состоянии сохранить свой особый тип развития; обеспечить же развитие по этому пути призвана «передовая» интеллигенция (11, с. 9–11).

Что касается народнических представлений о роли личности, то их Струве подвергает жестокой критике с позиций экономического материализма, который «просто игнорирует личность, как социологически ничтожную величину» (11, с. 30). Подробная характеристика философских

воззрений молодого Струве не является нашей задачей, тем более что на протяжении следующего после выхода рассматриваемой книги десятилетия они претерпели кардинальные изменения[1]. Необходимо подчеркнуть в то же время, что их уязвимость не делает собственно «экономическую» часть его ранней работы менее убедительной; об этом писал и сам Струве в 1901 г. Но первым обратил внимание на то, что сформулированная Струве концепция экономического развития России вовсе не нуждается в жестко-материалистическом обосновании, полностью «игнорирующем личность», крупный публицист консервативного направления К.Ф. Головин, уже в 1896 г. написавший: «Если… выкинуть из книги г-на Струве довольно смутные надежды на имеющее когда-нибудь совершиться “обобществление” и освободить ее от ненужного философского балласта» – его концепция окажется вполне приемлемой, а «цельность его взглядов только выиграет» (4, с. 88). Кстати, несмотря на довольно жесткую критику философских воззрений Струве, Головин – один из самых прозорливых консервативных мыслителей России своего времени, с тревогой наблюдавший за ростом в конце XIX в. популярности народнических взглядов, все чаще проникавших даже «в тайники канцелярий», в предисловии к своей работе, значительная часть которой как раз и посвящена анализу «Критических заметок», обратился с удивительным, беспримерным для представителя консервативного лагеря той эпохи призывом к современникам, желавшим для России европейского будущего: «Всем людям, которым дорога будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитет между двумя направлениями (народничеством и марксизмом. – *С.Б.*), с которыми они одинаково расходятся (прежде всего в неприятии их мировоззренческих основ. – *С.Б.*), но из которых одно, по крайней мере, не поворачивается спиной к европейской культуре. Всем, кому не представляется иного пути к дальнейшему развитию нашего отечества, кроме этой культуры, надо встать под одно общее знамя и сомкнуться против общего врага – против защитников умственного и экономического одичания» (4, с. I–II). Однако, хотя именно опубликование работы Струве, на наш взгляд, и побудило Головина, увидевшего в нем потенциального союзника в борьбе против общего врага, написать эти строки, во второй половине 1890-х годов Струве не оценил должным образом этого призыва Головина и предпочел ответить ему с последовательно классовых позиций. Признав (в статье «Моим критикам», написанной в 1895 г., однако впервые опубликованной лишь в

1. Впрочем, и Струве «образца 1894 г.» не может рассматриваться в качестве ортодоксального марксиста; прежде всего это касается понимания им государства не только и не столько как орудия классового господства, но и как «орудия порядка». На это обращал внимание, в частности, Т.И. Ойзерман (7, с. 329–344).

1902 г.), что в негативном отношении к народнической программе его взгляды и представления К.Ф. Головина весьма схожи, так же как и в Германии есть сходство, например, «в оценке некоторых сторон капитализма между реакционерами и социал-демократами», Струве заявляет о наличии многочисленных разногласий с ним не только «насчет далекого будущего», но и относительно современного положения России, «которые все сводятся к одному общему: интересы какого общественного класса выражает данное социально-политическое мировоззрение? И ответ на этот вопрос дает единственный прочный критерий для классификации направлений» (13, с. 13–14).

Такой подход вообще был характерен для молодого Струве. Так, например, характеризуя в 1897 г. экономические воззрения Н.В. Водовозова, дававшего достаточную высокую оценку набиравшему тогда популярность в Европе так называемому католическому социализму, а также социальной политике германских властей (взгляды Водовозова Струве вполне обоснованно сравнивал с воззрениями катедер-социалистов), Струве упрекает этого публициста прежде всего в том, что он «мало придавал значения тому, кто защищает или высказывает известные идеи, которые он считал верными или справедливыми, кто – не в личном, а в социологическом смысле» (9, с. 424). С таких же позиций Струве тогда оценивал и взгляды других своих современников. Впрочем, со временем критерии его оценки существенно изменились, и в работах 1900-х, тем более – 1910-х годов Петр Бернгардович, по-прежнему обстоятельно анализируя социально-классовую подоплеку воззрений интересовавших его деятелей, все же не абсолютизировал значения этого фактора и, более того, не отводил ему первостепенной роли; неудивительно поэтому, что отношение к тем же умеренным европейским социалистам изменилось радикально (достаточно сказать, что уже в 1900 г. Струве, причислив себя к тому моменту к числу «сторонников социального идеализма», что само по себе уже было несовместимо с прежним подходом, призывал своих единомышленников «в поисках духовного маяка» обратиться к такой фигуре, как Ф. Лассаль (16, с. 266)). И в 1905 г. в одной из своих важнейших теоретических работ он, на наш взгляд, дал оценку прежде всего *своим* прежним представлениям: «Сила научного социализма – поставленная им себе целью и отчасти осуществленная связь между теорией социального развития и социально-политической программой классовой борьбы – в то же время стала и источником не меньших научных заблуждений» (12, с. 42).

Отмечая, что противопоставление национального богатства и народного благосостояния, или, иначе говоря, несоответствие прогресса в области производства и прогресса в области потребления является одним из важных моментов учения Маркса, и именно в этом несоответствии Маркс усматривал

одно из тех противоречий капитализма, от которых он со временем погибнет (11, с. 129–130), Струве констатирует, что русская народническая мысль подхватила эту идею и, «в силу своего гуманного, народолюбивого характера, … сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния». Поскольку такие «народно-экономические формы», как община, были, по мнению народников, способны обеспечить экономическое равенство, а следовательно, и благосостояние народа, а капиталистическое развитие, «опирающ[ееся] на частную собственность и экономическую свободу», несло очевидную угрозу этим формам, «устраняя их экономические и психические основы», народничество и противопоставило капиталистическому хозяйству «так называемое “народное производство”… как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу» (11, с. 131–132). Однако, подобно тому как Маркс, в отличие от «всякого сорта экономистов-реакционеров», выступавших за возврат к архаичным формам организации производства и распределения, «всегда все свои надежды полагал на дальнейшее развитие капиталистического строя» (11, с. 130), Струве противопоставляет «бессознательно-реакционному характеру народничества» такое прогрессивное видение экономического будущего России, которое рассматривает экономическое развитие по западному пути как необходимое условие прогресса социального. Доказательством тому Струве считал не только неверно, по его убеждению, интерпретируемые народниками положения теории Маркса, но и тот очевидный факт, что в конце XIX в. наиболее высокий уровень жизни и, шире, «социальный уровень трудящихся масс» был наиболее высок именно в тех странах, которые дальше всех продвинулись в своем капиталистическом развитии (США, Англии, Австралии) (11, с. 136).

В отличие от народнических экономистов, видевших, по мнению Струве, в повышении производительности труда и интенсификации производства страшную угрозу для сельской России, поскольку все это с неизбежностью вело к усилению имущественного расслоения крестьянства, автор «Критических заметок» убежден: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм – вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства. Капитализм же… *делает возможным и вынуждает техническую рациональность*. В этом его великая историческая миссия в области производства вообще, сельскохозяйственного в частности» (11, с. 224–225).

Более того, уже и в самой России во второй половине XIX столетия со всей очевидностью обнаружилось, по меткому замечанию Струве, «превосходство железных дорог, в качестве фактора социально-

экономической эволюции, над критически мыслящей интеллигенцией и даже – увы! – над общиной» (11, с. 180).

Эти оценки Струве, как и его слова о том, что превозносимая народниками «экономическая самостоятельность» крестьянина тождественна «злейшей хозяйственной эксплуатации и правовой приниженности личности» (5, с. 82), являются вполне обоснованными. Трудно, однако, согласиться с тем, что та программа, с которой выступило русское народничество, «гораздо меньше, чем программа западно-европейского экономического романтизма, опиралась на реальный, знакомый почти во всех его деталях, экономический строй, каковым был средневековый феодально-цеховой строй для экономического романтизма Запада» (11, с. 132). Здесь можно говорить не только о недооценке со стороны Струве убедительности народнической пропаганды, но и о недооценке им прочности общинных порядков – главной «опорной точки» народнических построений (пусть даже порядки эти в том виде, в каком они сложились в России к концу XIX столетия, стали результатом не только многовековой российской «передельной» традиции, но и правительственной политики пореформенного периода, изначально имевшей целью прежде всего обеспечить удовлетворение фискальных потребностей государства).

Весьма показательно то, что уже в первой своей крупной работе Струве говорит об особом значении для России доктрины выдающегося немецкого экономиста, идеолога политики промышленного протекционизма и – в целом – политики ускоренного капиталистического развития Фридриха Листа. Справедливо характеризуя Листа как «апологет[а] товарного производства и капитализма», Струве отмечает, что социальные аспекты процесса развития капитализма были им, по сути, проигнорированы; в то же время «именно эта буржуазная односторонность и помогла ему с такой логической силой формулировать свое замечательное учение», сутью которого является обоснование тесной взаимосвязи в развитии сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности: «Сельское хозяйство всего лучше развивается там, где оно всего теснее связано с всесторонней фабричной промышленностью, т.е. тот народ всего лучше разовьет свои производительные силы, который создаст многостороннюю обрабатывающую промышленность, могущую опираться на внутреннее сельскохозяйственное производство» (11, с. 122). Также несомненным достоинством доктрины Листа – и этот момент необходимо подчеркнуть особо – Струве считает то, что германский экономист «всюду в своих рассуждениях исходил из понятия о нации и национальном хозяйстве; в основе всех его построений лежит тот исторический факт, что население земного шара не представляет в политическом отношении целого, а распадается на целый ряд государств», и справедливость учения Листа

подтверждается, по мнению Струве, всей новейшей историей человечества, свидетельствующей о неразрывной связи возникающего нового хозяйственного строя с современным государством (11, с. 123). В этих рассуждениях Струве несложно увидеть «базис» для его работ конца 1900-х – начала 1910-х годов, в частности «Великой России».

Такая высокая оценка концепции Листа – сторонника активного государственного вмешательства в экономические процессы, основную работу которого «Национальная система политической экономии» Струве называет «победной песнью торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающей его культурно-историческую мощь и победоносное шествие по всем языкам», является, быть может, ярчайшим свидетельством того, насколько уже в 1894 г. взгляды автора «Критических заметок» были далеки от ортодоксально-марксистских. Ведь, как писал сам Струве, вплоть до перехода государственного механизма в руки пролетариата Маркс отвергал целесообразность вмешательства государства в экономику (19, с. 666).

Важно и то, что Струве, предвидя возможные упреки в симпатии к идеям реакционного, с точки зрения многих марксистов, буржуазного экономиста, сознательно подчеркивает взаимодополняющий характер доктрин Маркса и Листа: «Тот же самый процесс, который интересовал Листа с точки зрения развития “национальной промышленности”, перед Марксом являлся как процесс социальной эволюции, как развитие капитализма. Оба автора, именно благодаря различию их точек зрения, прекрасно дополняют друг друга» (11, с. 182).

К проблемам государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и, конкретнее, «внешней торговой политики» Струве возвращался неоднократно в разные годы своей жизни, высказывая, в целом те же самые взгляды, которые были сформулированы им в «Критических заметках». Однако, если в этой книге он обосновал необходимость проведения в данной сфере такой политики, которая содействовала бы скорейшей капиталистической индустриализации страны, то в работах конца 1900-х и, в особенности, 1910-х годов он идет дальше и стремится обосновать тесную связь внешней политики вообще и внешнеторговой в особенности с самим «бытием государства». Так, в курсе лекций, посвященном истории торговой политики России, Струве выдвигает тезис о принципиальном отличии, существующем между внутренней и внешней торговлей, и на основании этого подчеркивает необходимость особого отношения к политике в области регулирования внешней торговли. Если «во внутренней торговой политике государства речь идет о соотношении тех или иных общественных сил перед лицом единой государственной власти, о противоборстве интересов,

окрашенных только в классовый цвет» – и, соответственно, политика эта и должна рассматриваться с точки зрения того, интересы какого класса она выражает (при этом нужно понимать, что, «конечно, те или другие классовые интересы могут совпадать или расходиться с так или иначе понимаемыми интересами всего политического целого, всего государства, всего общества»), то в области внешнеторговой политики, хотя классовые интересы здесь также присутствуют и играют не последнюю роль, но – и это главное – «поверх этой борьбы интересов внутри данного политического единства стоит состязание разных политических целых между собою, над классами совершенно явственно возвышается государство в его отношении к другим государствам. Это окрашивает внешнюю торговую политику в национальный цвет, сопрягает ее особенно тесно с самым бытием государства» и ярчайшим выражением этого бытия – внешней мощью страны (20, с. 3–4).

Считая политику в области внешней торговли (понимаемую более широко, нежели просто таможенное регулирование) узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития данной страны» – и именно поэтому носителями «торгово-политических идеалов» в разные эпохи выступали «крупнейшие представители целых... культурно-философских течений», такие, как Адам Смит и Фридрих Лист, Струве не соглашается с теми, кто обвиняет правительство в злоупотреблении этими инструментами экономической политики. Он считает ошибочным представление о капитализме как результате «свободной игры экономических сил», в которую государство вмешиваться не должно. По его мнению, характеризовать капитализм подобным образом – значит искусственно вычленять лишь один период в его развитии, «ибо были времена, когда капитализм развивался под непосредственным воздействием государства»; более того, именно эта двойственность – сочетание экономической свободы с государственным вмешательством – является одной из важнейших характеристик раннего капитализма почти во всех странах (22, с. 14).

Хотя сама целесообразность осуществления промышленного протекционизма представлялась Струве несомненной, все же его отношение к политике российского правительства, в конце XIX в. последовательно реализовывавшего данный курс, нельзя назвать однозначно позитивным. Признавая, что государство повсеместно было «акушером и воспитателем всех современных форм промышленности», и это вполне применимо к тому периоду в русской экономической истории, который наступил в конце XIX в., в министерство Витте, когда в результате покровительственной политики начался быстрый промышленный рост, особенно на юге России. Такая политика вполне оправданна, ибо «рост промышленности в интересах фиска и должен быть одной из основ роста государственного бюджета... Наше

отечество в этом отношении не является исключением». Поэтому утверждения об искусственности российской промышленности Струве считает несостоятельными (18, с. 5–6), а протекционизм он характеризует как закономерный спутник капитализма (11, с. 287).

В то же время П.Б. Струве отмечает, что, вопреки распространенным представлениям, таможенные пошлины «играют в огромном числе случаев гораздо меньшую роль, чем другие факторы хозяйственного развития», и притом роль эта тем меньше, чем выше уровень экономического развития страны. Лидирующие позиции в международной экономической борьбе занимают, по словам Струве, те «народы, которые развили в себе наивысшую меру свободной экономической дисциплины»; поэтому важнейшим условием экономического прогресса является отнюдь не тарифная политика, а «сочетание свободы с дисциплиной именно в приложении к хозяйству и труду». Несмотря на поощрение промышленности, вся российская история мешала и продолжает мешать необходимому «процессу свободного дисциплинирования человека, как творца хозяйства» (22, с. 13–14). Поэтому, достаточно высоко в целом оценивая финансово-экономическую программу Витте, П.Б. Струве отмечает в то же время, что слабая сторона деятельности и так называемой системы Витте состояла не в самой этой программе, а «в сочетании ее, во-первых, с общей реакционной внутренней политикой... и, во-вторых, с авантюризмом во внешней политике». И хотя ни в том, ни в другом лично Витте обвинен быть не может, но «он терпел и то и другое и исторически ответствен за это»[2] (21, с. 95).

Вопросу о роли государства в процессе развития капитализма Струве посвящает всего лишь несколько страниц в «Критических заметках». Подчеркивая, что государство в классовом обществе является, во-первых, организацией порядка, а во-вторых, организацией господства, он исходит из того, что этим «его экономической политике поставлены известные границы»; для проведения принципиально нового курса (в интересах трудящихся) необходимо «перераспределение социальной силы между отдельными классами».

В то же время «учение об экономическом бессилии государства», т.е. невмешательстве его в социально-экономические процессы, «низведения государства до роли будочника» (только лишь гаранта правового порядка), получившее широкое распространение в первой половине XIX в., оказалось и в теоретическом, и в практическом отношении несостоятельным.

2. Следует, впрочем, отметить, что еще в начале 1900-х годов Струве высказывался по поводу «системы Витте» гораздо более резко, называя ее «государственным грюндерством», «грандиозной экономической диверсией самодержавия» и т.п. (17, с. 24).

Действительно, доктрина Ф. Листа, о которой Струве отзывается с нескрываемой симпатией, и ее практическое воплощение наглядно продемонстрировали несостоятельность подобных воззрений. Народнические концепции представляются Струве опять-таки в известном смысле реакцией на доктрину либеральных британских экономистов – однако такой реакцией, которая игнорирует «социологическую природу государства», требует от него чудес, рассчитывает на столь радикальное «вмешательство государства в область перераспределения», которое «не может простираться так далеко, как этого хотелось бы “кающемуся дворянину”, хотя бы потому, что кающиеся тонут в массе нераскаянных» (11, с. 71–72). Поэтому, в отличие от народников, приписывающих государству такую творческую силу, какой оно в принципе, по природе своей не может обладать, Струве убежден, что в процессе капиталистической трансформации России государство «может играть, в конечном счете, только одну роль: содействовать ему, смягчая, пожалуй, его крайности». Выстроить же всю народнохозяйственную организацию «на почве, совершенно для того не подготовленной», – т.е. на основе общинного землевладения – государство не может в принципе, поскольку, по замечанию Струве (уже в тот период приступившего к обстоятельному изучению истории сельской общины и истории крепостного хозяйства в России, вылившейся затем в отдельное исследование), «община представляла в лучшем случае фундамент фискальной, а не народнохозяйственной организации» (11, с. 278).

Струве, видимо, действительно был убежден, что у российской государственной власти нет иного выхода, кроме как, определяя «равнодействующую общественных сил», содействовать процессу развития капитализма в стране в целом и в аграрном секторе экономики в частности. Но убеждение это кажется достаточно странным, учитывая, что именно благодаря действиям властей община, необходимая им прежде всего действительно в фискальных целях, за три пореформенных десятилетия не только не ослабила, а, напротив, даже укрепила свои позиции; и параллельно с этим крепла убежденность преобладающей части высшей бюрократии в необходимости сохранения этого института и в дальнейшем в целях недопущения дестабилизации обстановки в деревне, предотвращения пауперизации значительной части крестьянства (чему, как блестяще показал Струве, она на самом деле не могла воспрепятствовать) и т.д. Более того, за год до выхода в свет «Критических заметок» эта позиция нашла свое воплощение в законе о неотчуждаемости общинных земель. Поэтому можно сказать, что Струве все же недооценивал притягательность и силу воздействия многих народнических идей на российскую бюрократию; как выяснилось, государству «удалось» не ускорить необходимый процесс и не смягчить его крайности, а затормозить и – что более существенно –

деформировать его, доведя в итоге ситуацию до крестьянской войны 1905–1907 гг. Рассуждая о социологической природе государства, Струве, таким образом, не верил в его «творческую» силу, которая может быть использована отнюдь не только во благо. Ему казалось, что очевидная экономическая несостоятельность политики сохранения и укрепления общины очень скоро заставит власти пересмотреть свой курс. Однако во власти – как и в обществе – люди, руководствовавшиеся прежде всего интересами экономической целесообразности, оказались в явном меньшинстве; изменить аграрную политику эту власть заставила лишь революция.

Как видим, Струве в середине 1890-х годов, признавая общинные порядки безусловным тормозом на пути экономического прогресса России, тем не менее недооценивал опасность продолжения правительственной политики, направленной на сохранение этого строя, будучи уверен в том, что государство вскоре окажется *вынуждено* проводить курс, содействующий капиталистическому развитию страны. Вопрос же о крайне негативном влиянии общинных порядков на правосознание народа и в целом – на его культуру для последовательного материалиста Струве казался тогда несущественным.

К началу 1900-х годов мировоззрение Струве было уже во многом иным. Для него – «социального идеалиста» – теперь вопрос созидания свободной личности приобретал первостепенную важность, становясь важнейшей составляющей прогресса. Но и теперь исключительная значимость завершения раскрепощения личности крестьянина им, на наш взгляд, не вполне осознается, возможно, потому, что, «ударившись» из одной крайности в другую, осознав привлекательность идеалистического мироощущения, объявляя теперь «грубейший материализм» культурным злом и опасностью для общества, Струве склонен большее значение придавать тем сферам жизни общества, «где творится религиозная, политическая и общественная культура». Соответственно, политика, в рамках которой «личности и свободным союзам довольно “либерально” предоставляется низменная сфера материальных интересов, здесь дозволяется некоторая свобода, и сюда же направляется главный поток попечительных забот», представляется ему не просто непоследовательной, не просто недостаточно либеральной, но и даже опасной: «Искание новых путей для духа и жизни заменяется погоней за материальными выгодами и наслаждениями. Так национальная культура пропитывается и отравляется ядом практического материализма…» (10, с. 554). Эти строки не были посвящены конкретно аграрной политике (хотя именно в начале 1900-х годов прогрессивная часть высшей бюрократии во главе с С.Ю. Витте предприняла попытку инициировать аграрную реформу), однако, как нам представляется, вполне определенно характеризуют ту

иерархию задач, те приоритеты, которые, по мнению Струве, стояли на повестке дня в России начала XX столетия.

И в опубликованной в том же 1901 г. статье «Право и права» Струве, подчеркивая: «для того, чтобы обыватель-крестьянин имел основание “перекреститься” перед законом, необходимо, чтобы “закон” утешал не только своей формой, но и своим содержанием, чтобы закон расширял свободу крестьянина, т.е. подымал его личность, давал ему “права”», – ни словом не обмолвился о том, с чего следует начинать прививать крестьянам «чувства личной ответственности и чести» (14, с. 524–525).

Наконец, к концу 1900-х годов, в полном соответствии с третьим законом не слишком любимой Петром Бернгардовичем диалектики, окончательно сформировав свое новое мировоззрение, в рамках которого идеализм сочетается с признанием ведущей роли экономической сферы в развитии общества, Струве формулирует, по сути, окончательную позицию по этому вопросу.

В статье «Экономические программы и неестественный режим», опубликованной в 1909 г., Струве вновь утверждает, что основным фактором общественной жизни и, более конкретно, «решающей силой в экономической жизни является всегда человек». Создание нового человека требует решения целого ряда задач, среди которых – и «утверждение конституционного правопорядка со всеми его следствиями», и развитие народного образования. Но все же главным является вопрос «о создании нового экономического человека», применительно к большей части населения России – «*хозяйственное воспитание* нашего крестьянина»; и именно от того, как будет достигаться эта важнейшая цель, в конечном итоге «зависит все наше экономическое и культурное развитие» (21, с. 96–97).

Те исследователи (все более многочисленные в последние десятилетия), которые сейчас столь высоко оценивают народнические теоретические построения, правы в том отношении, что российские народники, быть может, впервые в мире (поскольку сама Россия была, по выражению Т. Шанина, первой в мире «развивающейся» страной) поставили проблему, приобретшую во второй половине XX столетия огромную значимость для большинства развивающихся стран: повторение в чистом виде опыта развития передовых держав в условиях, когда эти государства уже утвердили свое главенство в системе международных экономических отношений, стремящейся догнать их страной оказывается невозможным – такая страна будет лишь воспроизводить свою отсталость. К тому же и народнический «нравственный протест» против наступающего капитализма кажется им весьма привлекательным, предвещая, по словам М. Гефтера, некое «всемирное будущее» (2, с. 46). Однако рецепты решения стоявших перед Россией

проблем, предложенные русскими народниками (и их последователями в странах третьего мира (23)), способны были привести страну не просто в тупик – они гарантировали России полномасштабную катастрофу, поскольку у страны, не способной дать должный ответ на вызов времени, будущего быть не могло.

И потому блестяще аргументированная критика народнической доктрины, данная на рубеже XIX–XX столетий таким выдающимся российским мыслителем, как П.Б. Струве (не им одним, конечно, но им ярче и убедительнее других), показавшим полную непродуктивность и, более того, опасность концепций, создатели которых, отмахиваясь от «вызова современности», определяют цели экономического развития (подчеркнем: не правила, не границы, а именно цели) на основе сугубо этических установок, весьма значима не только для истории общественной мысли и экономики России, но и для адекватного объяснения процессов и проблем других стран «догоняющей модернизации».

Литература

1. Балуев Б.П. П.Б. Струве о роли интеллигенции в социальном миротворчестве // Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители. От раннего Средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М., 2003. С. 449–489.

2. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. 484 с.

3. Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. 374 с.

4. Головин К.Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. 161 с.

5. Заседание III Отделения Императорского вольного экономического общества 2 марта 1897 г. Стенографический отчет // Труды ИВЭО. 1897. Т. II. Книга 4. СПб., 1897. С. 49–95.

6. Иванцова О.К. Философия либерального консерватизма: П.Б. Струве: Опыт историко-философского анализа: Диссертация ...кандидата философских наук. М., 2004. 201 с.

7. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М., 2005. 688 с.

8. Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. М., 2006. 476 с.

9. Струве П. «Экономические этюды» Н.В. Водовозова // На разные темы. (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902. С. 419–426.

10. Струве П. В чем же истинный национализм? // Струве П. На разные темы. СПб., 1902. С. 526–555.

11. Струве П. Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. 291 с.

12. Струве П. Марксовская теория социального развития. Критическое исследование. Киев, 1905. 62 с.

13. Струве П. Моим критикам // На разные темы. (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902. С. 1–59.

14. Струве П. Право и права // На разные темы. СПб., 1902. С. 523–525.

15. Струве П. Предисловие автора // На разные темы. СПб., 1902. С. I–II.

16. Струве П. Ф. Лассаль. По поводу 75-летия со дня его рождения // На разные темы. (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902. С. 259–266.

17. Струве П. Финансово-экономическое положение России и политика г. Витте // Освобождение. 1903. № 2 (26). С. 23–26.

18. Струве П.Б. Записки по курсу экономии промышленности. СПб., 1910. 192 с.

19. Струве П.Б. Маркс // Энциклопедический словарь Брокгауз – Ефрон. СПб. 1897. Т. 36. С. 662–667.

20. Струве П.Б. Торговая политика России. Лекции, читанные на экономическом отделении СПб. Политехнического института. СПб., 1913. 244 с.

21. Струве П.Б. Экономические программы и «неестественный режим» // Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 94–98.

22. Струве П.Б. Экономия промышленности. СПб., 1909. 187 с.

23. Хорос В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. 286 с.

Л.И. Розенберг

ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРИБАЛТИКЕ (ЭСТОНИЯ И ЛАТВИЯ, 1918±1920 гг.)

**Розенберг Лев Иосифович –
научный сотрудник ИНИОН РАН.**

Основные черты экономического и политического уклада, а также демографического и культурного облика страны, именовавшейся сначала Ливонией, а впоследствии Остзейским или Прибалтийским краем, определились на много веков вперед в результате завоевания земель, населенных ливами, эстами и предками современных латышей, немецкими крестоносцами и войсками датского королевства, которое имело место в конце XII – первой половине XIII в. В возникшей таким образом немецкой колонии на восточных берегах Балтики выходцы из Германии составили феодальный класс, католическое духовенство и торгово-ремесленное население городов. Коренные жители края образовали массу простого народа (крестьянства и городских низов), который «был устранен от всякого участия в развитии собственной его земли и так далеко отодвинут на задний план, что история потеряла его из виду» (25, т. 7, с. 6).

Именно такие нации и назывались в марксистской литературе «неисторическими нациями» (geschichtslose Nationen), которые, по мнению Ф. Энгельса, впервые употребившего этот термин в статьях 1848 г., не только не имели собственной истории, но и принципиально не были способны к историческому творчеству. Этот взгляд, однако, сам по себе не вписывавшийся в систему доктрин, названную позже марксизмом, оказался ошибочным, что стало совершенно очевидным в XIX–XX вв. Сохраняя этот термин, О. Бауэр в начале XX в. отмечал, что неисторическими эти нации можно назвать «лишь в том смысле, что в ту эпоху, когда носителями национальной культуры были только господствующие классы, эти нации не

имели национально-культурной истории, не знали культурной эволюции» (1, с. 198). Включение в состав России только политически подчинило край властям империи, но нисколько не изменило ни социального, ни культурного уклада региона. Но такой порядок вещей был возможен только до тех пор, пока существовало феодально-сословное устройство государства, при котором крестьянская масса была подчинена государственной власти не непосредственно, а лишь через помещика. Буржуазные реформы второй половины XIX в., создавшие систему всеобщего подданства, изменили ситуацию в корне, так как самая многочисленная категория населения из данников помещиков превратилась в подданных государства.

Таким образом, «развитие капитализма пробудило неисторические нации к исторической жизни и таким путем поставило государство перед великой национальной проблемой, так живо его теперь волнующей» (1, с. 222–223).

Среди тех, кого в Прибалтике именовали «не немцами», развивается мощное национально-культурное движение, в котором на первый план выдвигается требование равноправия эстонского и латышского языков с немецким и русским. Еще в 1852 г. немец из Сибири именует в своих путевых
записках Прибалтику «Русской Германией» (2, с. 5), а уже в 1893 г. в представлении губернатора Эстляндии в департамент полиции политическая ситуация в губернии характеризуется в следующих выражениях: «В период, предшествующий началу реформ, мы имели в Прибалтийском крае дело с немецким сепаратизмом… На смену этому принципу готовится ныне выступить другой – Эстония для эстонцев. Если первый принцип в своем практическом применении представляется для государства опасным, то во сколько же крат опаснее торжество второго?!» (10, с. 293–294).

Эстонские земли, как известно, распределены были между Эстляндской и Лифляндской губерниями. Поэтому первоначальной целью набирающего силу эстонского национального движения являлось достижение административного объединения всех населенных эстонцами территорий, что должно было впоследствии послужить основанием для требования национальной автономии.

Этой цели националистам удалось добиться только в 1917 г., после Февральской революции в России, а следующий – 1918 год – стал годом провозглашения независимости Эстонии и Латвии. Этим вновь возникшим государствам, созданным на основе этнического национализма, и предстояло теперь вступить в сложные отношения с интернационалистическим государством, провозгласившим своей задачей построение социализма. Изучение результата и хода этих отношений, а также связанных с ним процессов национально-государственного строительства на территории

Балтийского региона способствует лучшему пониманию некоторых аспектов современного политического развития тех или иных стран Европы.

Идея независимости Прибалтики и концепция образования национальных государств

В XIX – начале XX в. политическая ситуация в российской Прибалтике больше всего напоминала положение в средневековых Нидерландах или в Швейцарии (в первую очередь, конечно, в Нидерландах). И здесь, и там территория представляла собой некий конгломерат различных административно-территориальных единиц с особыми правовыми системами и этнически разнородным населением. Неоправданно долго сохранялись сословно-корпоративные «вольности» и права, унаследованные от феодальных времен. Унификация управления и законодательства, интеграция разнородных территорий в некую новую целостность являлись задачами, объективно назревшими и подлежащими разрешению, для того чтобы обеспечить возможность нормального развития. Но какая сила, какая власть могла и должна была решать эти задачи и, что особенно важно, как ей предстояло бы справиться с проблемами роста этнического и национального самосознания?

Южные Нидерланды – Бельгия с их фламандско-валлонским населением смогли сохранить свою независимость и избежать раздела в значительной степени потому, что являлись объектом соперничества нескольких сильных держав, ревниво следивших за сохранением статус-кво. Совершенно противоположным оказалось положение в Балтийском крае после революции в России и окончания Первой мировой войны. Потерпевшая поражение Германия не могла больше претендовать на остзейские провинции; советский режим вынужден был бороться за самое свое существование на востоке и на юге страны. В Прибалтике образовался на время политический вакуум, что и дало мощнейший стимул идеям независимости края.

Проблема, однако, заключалась в выборе модели, которая будет положена в основу концепции балтийской самостоятельности. Некоторые наметки плана создания местной автономии в виде некой Остзейской Финляндии возникли в политической мысли немецкой общины еще в 60-е годы XIX в. (25, т. 8, с. 360–361). Предпринятая в 1918 г., в период германской оккупации, попытка создания Балтийского герцогства имела, разумеется, целью организацию чисто марионеточного государства, которое могло бы стать форпостом Германской империи на востоке. Из этого, однако, не следует, что сама идея создания единого государства на территории региона была в принципе нежизнеспособной. Единый экономический,

конфессиональный и культурный облик края, а также небольшие размеры территории как раз делали подобный вариант наиболее политически целесообразным. Не препятствовала подобному единству и языковая ситуация, сложившаяся на территории края, хотя там находились в употреблении целых четыре языка: немецкий, русский, латышский и эстонский. Подобное многообразие создавало даже благоприятные условия для развития внешних связей и культурного развития, которые ярко охарактеризовал К. Каутский применительно к Бельгии и Швейцарии: «Из двух бельгийских языков один является мировым языком, который необходимо изучить всякому образованному человеку… Из трех швейцарских языков два являются мировыми языками, а один, итальянский, первоклассным культурным языком. Всякий, изучивший эти языки, приобретает богатый источник культуры. Знание двух или даже всех трех этих языков является не тяжелой обязанностью, а желанным для всякого приобретением. Поэтому это языковое деление не ощущается тяжело ни в союзном парламенте, ни на суде, ни даже в школе» (17, с. 194–195).

Однако реальное развитие событий в Прибалтике пошло по совершенно иному пути, в духе распространившихся тогда представлений о приоритетной роли права наций на самоопределение в государственном строительстве и международных отношениях. От такого решения проблемы в наибольшей степени выиграли эстонские и латышские национальные элиты, которые и сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить реализацию национально-этнической модели осуществления независимости. «Но как государство, так и нация может быть произведением природы и продуктом человеческой деятельности, смотря по тому, с какой точки зрения ее рассматривать, – отмечал О. Бауэр. – Политик смотрит на нацию, как на создание своей воли, для него она искусственный продукт; ибо он может поставить себе задачу сохранить или изменить национальный характер, расширить или сузить круг национальной общности» (1, с. 192). Создание «национальных» государств в Прибалтике, с одной стороны, превращало немецкую и русскую общины края в национальные меньшинства, а с другой – оставляло за пределами вновь образованных политических единиц сотни тысяч эстонцев и латышей, проживавших в других губерниях России. Расположенный на границе эстонской и латышской этнической области город Валга / Валка, впервые упомянутый в 1286 г., был разделен на две части (эстонцы и латыши традиционно селились в отдельных кварталах).

Независимость Эстонии была провозглашена националистами 24 февраля 1918 г., в момент, когда после заключения Брестского мира Красная гвардия оставила Ревель, а немецкие войска еще не вступили туда. Независимое правительство немедленно объявило состояние нейтралитета. Нечего и говорить, что немецкие власти не обратили ни малейшего внимания

ни на «правительство», ни на «нейтралитет» и установили в Эстонии оккупационный режим. (Заметим, что подобный же маневр был проделан в 1944 г., в момент между отходом из Таллинна немецких войск и вступлением туда частей советской армии. Так, по крайней мере, гласит патриотическая легенда.) Выразительное прозвище «картофельная республика», данное современниками, лучше всего определяет удельный вес и реальное место на политической карте Европы нового государственного образования, возникшего в процессе российской смуты.

При полном отсутствии национальных государственных традиций конституции и многие разделы законодательства новых балтийских республик были основаны на механическом использовании новейших европейских образцов и внедрении наиболее демократических правовых норм. В условиях организации государств по строго этническому принципу это не создало абсолютно никаких проблем правящим национальным элитам.

Коммунистические теоретики квалифицировали процесс создания независимых государств на окраинах России как «контрреволюционное самоопределение» (26, с. 132) и предположили, «что в том или ином виде вопрос о более тесной связи этих отделившихся государств с хозяйственно возродившейся Советской Федерацией встанет в порядок дня, быть может, уже ближайших лет» (17, с. 10).

Прибалтийский край в период Гражданской войны и образования национальных государств

После крушения системы, установленной Брестским миром, в странах Восточной Европы вспыхивает целая серия малых войн, так как в условиях, когда и страны Антанты, и Советская Россия были в данном регионе недостаточно сильны, здесь, как уже упоминалось, возникает определенная ситуация политического вакуума. В этих условиях в Прибалтике создается обстановка не двоевластия даже, а многовластия, связанная с созданием на территории края нескольких вполне самостоятельных центров силы. Таковыми здесь были, помимо правительств эстонских и латышских националистов, Эстляндская трудовая коммуна в Нарве и советское правительство Латвии в Риге, немедленно признанные Советской Россией, немецкий ландвер под командованием Р. фон-дер-Гольца в Курляндии, а также Северо-Западная русская армия и правительство на территории Эстонии (14, с. 85, 222–224, 417–419, 423–427; 22; 28).

«Немецкий» ландвер, действительно поддерживаемый и финансируемый правительством Германии, состоял из этнических немцев, однако, это были представители различных групп немецкого населения, в результате мировой

войны и революции потерявших почву под ногами, как то балтийских немцев, немецких колонистов из России, эльзасцев, лотарингцев, немецких выходцев из Чехии и Венгрии, «вынужденных с оружием в руках добывать себе новое отечество» (14, с. 418).

После требования держав Антанты германскому правительству о выводе этой армии из Прибалтики в сентябре 1919 г. она была преобразована в русскую Западную добровольческую армию во главе с П.Р. Бермонт-Аваловым. Немецкие солдаты перешли на службу в новую армию, и к ним добавились русские добровольцы из числа бывших военнопленных, завербованных на территории Германии и Австрии. По существу, и те, и другие были своеобразными конкистадорами, стремившимися утвердиться на вакантной территории.

Северо-Западная русская армия, возглавленная генералом Н.Н. Юденичем, и возникшее здесь же правительство Северо-Западной области были очень сильно ограничены в своих действиях как державами Антанты, так и таллиннскими властями. Достаточно сказать, что это «правительство» было создано из членов местного Политического совещания в течение 45 минут по ультимативному требованию английского генерала с целью немедленного признания независимости Эстонии. Декларацию нового «правительства», содержащую признание этой независимости и призыв к державам Антанты немедленно, в свою очередь, признать ее, генерал пытался дать на подпись «министрам», вызывая их к себе поодиночке. Когда подобная процедура вызвала возмущение присутствующих, генерал пояснил, что «русские всегда очень много говорят», в то время как дело не терпит отлагательства. В результате компромисса «министры» после «обсуждения» утвердили проект документа, исправив в тексте грамматические ошибки (28, с. 69–81). Так вершилось таинство признания эстонской независимости.

Позорный характер данной сцены лучше всего обрисовывает подлинное историческое и политическое значение происходивших тогда в Прибалтике событий. Видимо, только дефицит времени помешал доставить в Эстонию нескольких квалифицированных английских политических деятелей, чтобы сформировать из них высокопрофессиональное русское правительство. Впрочем, и сам глава английской миссии, порицая русских политиков за их манеру слишком много говорить, как-то забыл, что изобретение парламента к числу отрицательных сторон российской государственной жизни явно не относится. Таков был уровень политических игроков, действовавших на тогдашней балтийской арене, а он вряд ли соответствовал историческому масштабу происходивших в регионе событий.

Что касается позиции основных частей белого движения, то хотя они и стремились обеспечить себе содействие эстонских и латышских националистов в борьбе с большевиками, но на требования о признании

независимости они резонно отвечали, что не правомочны предрешать этот вопрос до созыва Учредительного собрания.

Подобное «непредрешенчество» никоим образом не устраивало балтийские правительства, что и определило дальнейший ход событий. В развернувшейся в России Гражданской войне балтийские националисты преследовали исключительно свои собственные цели. «Основой для национального сплочения… служили не антирусские, а антинемецкие настроения населения» (6, с. 30).

Именно совокупность всех этих обстоятельств объясняет, почему балтийские государства, хотя и не без колебаний, приняли, в конце концов, предложение Советского правительства о переговорах на основе признания права наций на самоопределение, которые и привели к подписанию в 1920 г. мирных договоров.

Первым государством, с которым Советская Россия 2 февраля 1920 г. подписала мирный договор в г. Юрьеве (Тарту), оказалась Эстония. В заключении данного соглашения, в условиях крайне запутанного с точки зрения международного права положения вещей в регионе, были в одинаковой степени заинтересованы обе стороны. Дело в том, что при международном признании вновь образовавшихся государств «признание, данное государством, интересы которого затронуты, а может быть, и нарушены образованием нового государства, имеет большее значение, чем признание, данное государствами посторонними в этом деле, а следовательно, нейтральными… Признание со стороны заинтересованного государства прекращает всякие сомнения и споры о том, действительно ли образовалось новое государство. Поэтому оно придает образованию нового государства характер правомерности» (5, с. 81–82). Заключая этот договор, Советская Россия в данном случае именно и выступала как правопреемник Российской империи – исторической России. Специфика ситуации, однако, заключалась в том, что на момент подписания она не имела права выступать в этом качестве. Дело в том, что Гражданская война еще не была закончена, и советский режим не контролировал полностью государственной территории. Кроме того, он сам не был еще признан ни одним государством мира и был подвергнут блокаде со стороны Антанты.
В этих условиях, заключая между собой «мирный договор», два государства-самозванца обеспечивали друг другу легитимность. Исключительно этими обстоятельствами и следует объяснять более чем странные условия советско-эстонского мирного договора.

Согласно 2-й статье договора, Россия «отказывалась добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу и земле» (20, с. 5–6).

В статье 11 Россия отказывается «от передачи или возмещения ей общегосударственного имущества российской казны, как движимого, так и недвижимого, находящегося на территории Эстонии, в том числе военных и иных сооружений, фортов, портов, всякого рода судов, грузов и т.п.».

Таким образом, было безвозмездно сдано государственное достояние России, образовавшееся в результате двухвекового управления краем. Этим, однако, дело не ограничилось, ибо, хотя данная статья гарантировала, что «Эстония не будет выводить никаких притязаний к России из факта своего бывшего вхождения в состав бывшей Российской империи», согласно 1-му пункту следующей, 12-й статьи, «независимо от соглашений, установленных статьей 11-й», Россия обязывалась выплатить Эстонии 15 млн. руб. золотом. В дополнение к этому 2-й пункт данной статьи декларировал, что «Эстония не несет никакой ответственности по долговым и всякого рода иным обязательствам России» (20, с. 10). Как отметил немного времени спустя наблюдательный современник, «это было немножко дорого, но Эстония, как первая страна, вступившая с нами в соглашение, требовала себе известной “компенсации за риск”, и мы должны были пойти ей на встречу» (16, с. 80).

К этому следует добавить, что при установлении границ обоих государств к эстонской территории были отнесены Печорский монастырь, Изборск и Ивангород, т.е. земли, принадлежность которых к России, по крайней мере с X в., ни у кого ни малейших сомнений не вызывала. Притязания на эти территории эстонцы аргументировали «стратегическими» соображениями (отнюдь не правом наций на самоопределение). Но ведь как раз стратегическими соображениями было вызвано присоединение Балтийского края к России в начале XVIII в.

В тот момент бесцеремонное обращение обоих правительств с населением забытой окраины России не вызвало, сколько нам известно, абсолютно никаких протестов. Тем не менее условия мирного договора были настолько неприличны даже по понятиям того времени, когда мало что могло вызвать удивление, что в посвященных ему словах главы советского правительства В.И. Ленина прозвучали нотки, которые могли восприниматься как своего рода извинения: «Мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, населенной смешанным русским и эстонским населением. Но мы не хотели проливать кровь рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более что уступка эта делается не на веки… Рабочие… скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир» (15, с. 71). Ленин, таким образом, рассматривал договор как своего рода мини-Брестский мир, предоставивший Советской России «окно в Европу» (15, с. 111) и давший ей

возможность, оставив вопрос о территории революционной власти «на потом», перейти к решению более неотложных задач.

11 августа 1920 г. был подписан мирный договор с Латвией. Здесь уступки были значительно скромнее. Формулировки также были уже другие. Хотя по-прежнему декларировалось провозглашенное Советской Россией право на самоопределение, обе стороны взаимно отказывались от возмещения их военных расходов и убытков, понесенных во время конфликта, а также от претензий на бывшее государственное имущество Российской империи, расположенное на территории другой стороны. Россия обязалась вернуть эвакуированное с территории Латвии в период мировой войны имущество и оборудование в натуральном виде, либо в денежном эквиваленте. В качестве аванса при этом расчете Россия обязывалась уплатить Латвии в двухмесячный срок по ратификации договора 4 млн. золотых руб. Принимая во внимание тяжелое положение Латвии после окончания мировой войны, Россия освободила ее от обязательств по общегосударственному долгу. За Латвией также оставался Пыталовский район Псковской губернии (19, с. 2, 4, 7–11).

Мы видим, таким образом, что ни о каком практическом применении права наций на самоопределение в данном случае речи не идет. Условия мира, как и в старые добрые времена, определялись элементарным соотношением сил борющихся сторон. Линия границы между Советской Россией и новообразованными балтийскими государствами скорее была продиктована пресловутым принципом равновесия, если можно, конечно, в сколько-нибудь серьезном смысле говорить о его применении в условиях, когда предметом торга являлись столь малые величины.

Практика международных отношений показывает, что по вполне понятным причинам «государству заинтересованному бывает часто гораздо труднее признать новое, чем государствам посторонним» (5, с. 82). Можно, однако, смело утверждать, что никаких затруднений политического, психологического или нравственного свойства при подписании данных соглашений представители советской стороны не испытывали. Всю чашу унижений в связи с заключением «похабного мира» они уже испили до дна во время брестских переговоров. С тех пор они полностью убедились в справедливости тезиса В.И. Ленина, что «мирный договор есть средство накапливания сил». Установленные границы они вовсе не рассматривали как окончательные и намеревались при благоприятных условиях их скорректировать, что и было сделано без большого шума в 1944 г. Проблема национальных меньшинств в Латвии и Эстонии и вопросы межгосударственного размежевания в коммунистической политике и пропаганде вообще не акцентировались, так как ставка делалась в первую

очередь на социальную рознь в местных обществах. Сложнее сказать, чем руководствовались балтийские националисты, и отдавали ли они себе отчет, какую судьбу они готовят себе в будущем, предписывая России такие условия мирного договора.

В передовой статье органа Прогрессивной партии Эстонии «Пяйвалехт» под названием «Холодный мир», говорилось: «Мы имеем дело не с обыкновенным противником, не было у нас и обыкновенной войны – поэтому нет основания полагать, что нам придется иметь дело с тем, что обычно понимается под словом мир. Врагу не удалось сломить нас оружием, он будет пытаться сделать это «мирным путем» (14, с. 481).

В коммунистической историографии Прибалтики едва ли основной упор делался на «порабощение» коренного населения как местными привилегированными сословиями немецкого происхождения, так и русским царизмом, от которого оно было избавлено Октябрьской революцией. Местные националисты восприняли этот тезис вполне серьезно, и все блага, полученные по мирным соглашениям 1920 г., склонны были рассматривать как свое кровное достояние. После распада Советского Союза власти балтийских республик на основании этих договоров неожиданно предъявили территориальные претензии к России. В 1994 г. они все же согласились признать существующие границы. Однако сами договоры 1920 г. в Эстонии и Латвии по сие время считаются «действующими» (11), а согласие юридически урегулировать пограничные вопросы рассматривается как «территориальная уступка».

В противоположность подобной позиции советские власти рассматривали договоры с балтийскими соседями в чисто конъюнктурном плане, и поэтому уже через несколько лет они должны были потерять в их глазах всякое значение. Если Германия или Болгария привлекали внимание коммунистических стратегов как страны, способные сыграть важную роль в развитии мирового революционного движения, то государства Балтийского поморья имели для них значение с точки зрения экономических и военно-стратегических интересов самого советского государства, что сделало неизбежным попытки включить эту территорию в орбиту своего влияния. Драматические события 1924, 1939 и 1940 гг. можно было предсказать, образно выражаясь, с помощью географической карты.

По утверждению известного географа К. Гассерта, «экономическая ценность морского берега зависит не столько от его расчленения и богатства гаванями, сколько от экономического развития прилегающей к нему страны». Создание независимых государств в Прибалтике по узко национальному принципу привело к возникновению ситуации, когда «страна, связанная с берегом в природном отношении», оказалась «отрезана от него в политическом». В процессе обретения независимости балтийские элиты

должны были сделать выбор между берегом и материком, который и определил ход экономического и политического развития последующих десятилетий.

В экономической области результатом ближайших лет оказалась коренная структурная перестройка народного хозяйства, в первую очередь промышленности. Крупные предприятия, создававшиеся в расчете на обслуживание огромного всероссийского рынка и работавшие на российском сырье,
в новых условиях оказались в значительной степени бесполезными. После установления нормальных отношений России с европейскими странами и открытия Петроградского порта Латвия и Эстония утратили свою монопольную роль в сфере транзита. Правительства балтийских стран официально взяли курс на развитие высокотоварного экспортного сельского хозяйства. Наряду с этим шел процесс возникновения средних и малых предприятий табачной и пищевой промышленности, а также развитие добычи горючих сланцев и увеличение масштабов торфоразработок.

Едва ли не основным фактором, определявшим внутриполитическую ситуацию во вновь образовавшихся государствах, было наличие влиятельного социального элемента, в принципе отвергавшего политический выбор, сделанный националистами. Это были, в первую очередь, промышленные рабочие, более всех пострадавшие от отделения и традиционно ориентированные на местных коммунистов. Это было численно весьма значительное, а, главное, политически активное меньшинство, собравшее, например, на парламентских выборах 1923 г. в Эстонии 9,5% голосов избирателей (в Таллинне – 36%, в Нарве и Пярну – около трети). Для них, по словам лидера эстонских коммунистов Я. Анвельта, «с самого начала было ясно, что такая республика долго не сможет просуществовать, и что здесь экономическое и политическое положение неизбежно обострится в самом ближайшем времени».

Картина, изображающая расстановку политических сил в регионе, была бы неполной, если бы не учитывала самую многочисленную категорию населения – нейтралов. Еще в период Гражданской войны при объявлении мобилизации вместо ожидаемых 25 тыс. человек на призывные пункты явилось только 13 тыс. Из отправленных на восточный фронт 2500 человек дезертировало около 2 тыс. Не помогали суровые указы властей, согласно которым дезертирство наказывалось каторжными работами до 15 лет. Позже, выступая в Учредительном собрании, один из основателей эстонского государства К. Пятс объяснял это нежеланием крестьян воевать за интересы горожан (6, с. 21). К 1924 г. нейтралистские настроения охватили даже значительную часть средних торговцев Таллинна, некоторые из которых не возражали даже против вступления в состав СССР, если бы это произошло

«законным»
путем.

К нейтральным элементам балтийского общества относились, разумеется, и представители национальных меньшинств: немцы, русские, евреи, у которых не было никаких оснований испытывать чувство восторга от неожиданно свалившейся на их головы независимости.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать, чтобы оценить запас прочности, которым обладали государственные конструкции новых республик. Государственно-правовая наука давно уже пришла к мысли о неразрывной связи между политической жизнью государства и специфическими
особенностями населяющих его сообществ. Еще в начале XIX в., с возникновением исторической школы права, «заблуждение, что одною операцией мышления, без дальних справок с историей можно устроить любое государство, было… окончательно раскрыто, и органическое сознание государства подготовлено» (4, с. 509).

Маленьким, наспех организованным балтийским государствам, принявшим едва ли не самые демократические конституции в современном мире и вместе с тем раздираемым острейшими экономическими, социальными и политическими противоречиями, предстояло теперь столкнуться с вызовами, перед которыми поставил все европейские народы XX век.

Литература

1. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909. – LVI, 602 с.
2. Беккер В. Поездка в Остзейские губернии. – М., 1852. – 134 с.
3. Бисмарк О. Избранные речи до утверждения Северо-Германского союза (1847–1867). – СПб., 1898. – 168 с.
4. Блюнчли И.К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. – СПб., 1874. – VIII, 597 с.
5. Блюнчли И.К. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. – М., 1876. – V, 561 с.
6. Бриггеманн К. Эстония и Петроградский фронт Гражданской войны в 1918–1920 гг. // Вопр. истории. – М., 2007. – № 5. – С. 17–33.
7. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 5. – М., 1898. – XX, 880 с.
8. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. – СПб., 1873. – VI, 310 с.
9. Даневский В.П. Системы политического равновесия и легитимизма и начала национальности в их взаимной связи. Историко-догматическое исследование. – СПб., 1882. – VIII, 334 с.

10. Из архива князя С.В. Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого прибалтийской окраины (1885–1894 гг.). Т. 3. – СПб., 1910. – LIX, 334 с.

11. Ильвес Т.Х. Соотечественников в Эстонии у России нет: Интервью президента Эстонии газете «Время новостей». – М., 2006 г., 1 ноября, № 201. – С. 5.

12. Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1906. – 32 с.

13. Каутский К. О национальном вопросе в России. – СПб., 1905. – 16 с.

14. Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград (1919). – Л., 1929. – 540 с.

15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 40. – М., 1970. – XXIV, 507 с.

16. Майский И.М. Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. – М., 1923. – 195 с.

17. Марксизм и национальная проблема. Сб. 1. – Екатеринослав, 1923. – XVI, 278 с.

18. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 29/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Пленарные заседания; заседания политической комиссии / Полный текст стенограмм под редакцией и с примечаниями А.А. Иоффе (В. Крымского) с предисловием Л.Д. Троцкого. – М., 1920. – VI, 270 с.

19. Мирный договор между Россией и Латвией 11 августа 1920 г. – М., 1921. – 14 с.

20. Мирный договор между Россией и Эстонией. (Официальный текст). М., 1920. – 14 с.

21. Мишле Ж. Обозрение новейшей истории. – СПб., 1838. – XIV, 161 с.

22. Полковник П.Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания / Вступительная статья и комментарии Ю.Г. Фельштинский, Г.З. Иоффе, Г.И. Чернявский // Вопр. истории. – М., 2003. – № 1. – С. 3–27; № 2. – С. 3–30; № 5. – С. 3–29.

23. Ренан Э. Что такое нация: Лекция, читанная в Сорбонне. – СПб., 1886. – 43 с.

24. Робертсон В. История государствования императора Карла V с описанием устроения гражданских общин в Европе. Т. 1. – М., 1839. – XXI, 368 с.

25. Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., Т. 7. 1889. – CXXXV, 659 с.; Т. 8. 1890. – XXVIII, 624 с.

26. Сафаров Г.И. Национальный вопрос и пролетариат. – М., 1923. – 296 с.

27. Скабичевский А.М. Наши грядущие Бисмарки. «Национальный вопрос в истории и в литературе» А. Градовского. СПб., 1873 // Скабичевский А.М. Сочинения: критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики. Т. 1. – СПб., 1903. – Стб. 685–748.

28. Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. – Л., 1927. – 257 с.

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Д.Г. Шкаев

МЕНТАЛИТЕТ МОЛОДЕЖИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА ТРУДА

Шкаев Дмитрий Геннадьевич –
аспирант ИНИОН РАН.

В основе статьи лежит концепция социальной траектории, апробированная автором во время исследований экспертной группы Московского социального проекта Объединенного научно-экспертного совета РАН и Правительства Москвы по устойчивому развитию и безопасности московского мегаполиса. Первая научно-теоретическая апробация концепции состоялась в ходе конференций в Санкт-Петербурге: «Молодежь – будущее цивилизации» и «Глобальный мир: гуманитарный кризис или момент развития», затем на Третьей всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и будущая Россия», проходившей в ИНИОН РАН в феврале 2008 г., положения упомянутой концепции были отчасти пересмотрены и дополнены новым содержанием, благодаря взаимодействию с участниками конференции, исследования которых упомянуты ниже.

Концепция социальной траектории, рассмотренная во взаимосвязи с проблемами социальной мобильности, социальной справедливости и социального капитала, представляет попытку ответить на вопрос, каким образом трансформируется ментальность молодежи в условиях постоянно изменяющегося рынка труда.

Можно считать аксиомой, что в современную эпоху роль молодого поколения постоянно возрастает и молодежь осознает себя как деятельную и при том весьма эффективную силу, активизирующуюся в различных общественно-политических ситуациях; и влияющую на развитие социума. В этих процессах одной из принципиальных проблем выступает роль молодежи на рынке труда.

Очевидно, что в жестких условиях свободной конкуренции на международном рынке труда молодому человеку очень сложно найти желаемую позицию, тем более что сделать это зачастую не позволяет уровень его образования. Поскольку любой мегаполис является открытой системой, в городе и агломерации невозможно создать искусственные условия для тотальной системы, заранее определяющей жизненный путь. Вследствие этого, у молодежи нередко вырабатывается жесткое и циничное отношение к жизни, морали и социальным нормам, что, разумеется, не способствует росту социальной и гражданской активности в молодежной среде. На наш взгляд, безболезненно совместить интересы молодых граждан с интересами глобального рынка возможно только путем создания стабильного механизма индивидуального роста – социальной траектории, позволяющей в необходимой степени развить социальный капитал молодого поколения.

Социальный капитал рассматривается исследователями как концептуальный инструмент в осмыслении развития социума (18). Акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть, что ведет к недостаточному инвестированию в социальный капитал. Сегодня отечественные исследователи также склонны рассматривать социальный капитал как форму общественного блага. Носителем определенного социального капитала выступает социальная группа, общество, государство или один из его институтов.

С точки зрения Л. Осборна (3), чтобы понять какого рода социальный капитал аккумулирует в своей среде молодежь, нужно в первую очередь исследовать их жизненный опыт и отношение к жизни. У разных групп эти детерминанты различаются, идет ли речь о гендерных или этнокультурных признаках. При изучении эволюции социального капитала и подборе соответствующего инструментария (так называемая Onyx and Bullen Adult Scale[1]), выявляются четыре основополагающих блока, формирующие и развивающие социальный капитал молодежи: «доверие», «социальная поддержка», «толерантность», «жизненные ценности».

Эти блоки связаны с четырьмя социальными нишами, где возможна реализация вышеперечисленных элементов: «взаимодействием сообществ», «взаимоотношениями с соседями», «взаимоотношениями с друзьями и близкими» и «взаимоотношения на работе».

Релевантность социального капитала молодежи напрямую связана с возрастными показателями. Изучение социального капитала молодежи

1. Специальная шкала, разработанная американскими учеными Ониксом и Балленом для измерения социального капитала с точки зрения социологии.

идентично изучению социального капитала взрослого населения, и в то же время отличается от него.

Здесь мы сошлемся на Российское долговременное мониторинговое обследование[2], проводимое Центром народонаселения Университета Северной Каролины (США) и Институтом питания РАМН) – серию поэтапных общенациональных, репрезентативных опросов домохозяйств, проводившихся в Российской Федерации с 1992 г. (за исключением 1997 г.) в 38 регионах-стратах, различающихся по своему экономическому развитию. RLMS был разработан для проведения мониторинга изучения влияния реформ на состояние здоровья и экономическое благополучие домохозяйств и отдельно на членов семей в Российской Федерации. На основании данных RLMS за 1995, 2000, 2002 гг. экономистами М.В. Дьяконовой и Т.В. Морозовой[3] были рассчитаны следующие показатели (см. табл. 1).

Таблица 1

1995 г.	***2000 г.***		***2002 г.***			
			в % от группы			
			в том числе			
			Учащиеся	***Занятые***	***Безработные***	***Незанятые***
Учащиеся системы начального профессионального образования (20%)	***Учащиеся***	8,7		8,7		
	Занятые	73,9		56,5	17,4	
	Безработные	8,7			8,7	
	Незанятые	8,7				8,7
Студенты системы среднего-специального и высшего профессионального образования (32,2%)	***Учащиеся***	16,2		16,2		
	Занятые	51,4	5,4	32,4	5,4	8,1
	Безработные	27,0		21,6	5,4	
	Незанятые	5,4		2,7		2,7
Занятые на производстве (18,2%)	***Учащиеся***	4,8		4,8		
	Занятые	76,2		71,4	4,8	
	Безработные	4,8			4,8	
	Незанятые	14,3		4,8		9,5
Незанятые	***Учащиеся***	2,9		2,9		

2. The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) См.: http://www.cpc.unc.edu/ rlms/

3. Здесь и далее привлекаются результаты исследования: Дьяконова М.В., Морозова Т.В. Трудовые стратегии молодежи России // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 168–172.

и безработные (29,5%)	***Занятые***	41,2	2,9	5,9	17,6	14,7
	Безработные	29,4		26,5	2,9	
	Незанятые	26,5		20,6		5,9

Проведенный анализ становления трудовой карьеры молодежи позволил выявить, что определенные выше четыре направления трудовых стратегий после окончания школы являются относительно равновероятными. В то же время по степени распространенности их можно ранжировать в следующем порядке: 1) поступление в вуз, техникум; 2) переход в категорию незанятых; 3) поступление в учреждения НПО; 4) занятость на производстве.

С точки зрения М.В. Дьяконовой и Т.П. Морозовой, можно выделить две наиболее стабильные категории молодежи: те, кто после окончания школы сразу трудоустроились, и те, кто трудоустроился после получения профессионального образования. В то же время у этих групп молодежи достаточно велика вероятность попадания в категорию незанятых или безработных.

У группы, которая не смогла определиться после окончания школы и сразу попала в категорию незанятых и безработных, дальнейшие стратегии равновероятно связаны как с трудоустройством, так и сохранением текущих неопределенных трудовых позиций. Важно подчеркнуть, что трудоустройство в этой категории молодежи носит крайне неустойчивый характер и свидетельствует об ограниченных возможностях социальной мобильности достаточно представительной группы молодежи.

В США, как утверждает С. Солберг (4), осознание потребностей молодежи привело к развитию национальной модели работы с молодежью, когда молодым людям оказывается всесторонняя поддержка для достижения успеха в процессе обучения в школе и в дальнейшей жизни. В то же время продолжают оставаться проблемой перспективы работы для молодых людей, не имеющих диплома высшей школы – их дипломированные сверстники получают шанс на работу в 4 раза чаще. При этом каждому американцу гарантирована возможность попасть в образовательную систему, и это единственный социальный институт, старающийся позаботиться о каждом ребенке в стране.

Молодые люди по разным причинам испытывают давление в контексте макро- и экзосистем, которые существуют в молодежной среде. В школе нередко проявляются эмоциональные и психологические факторы, подвергающие молодых американцев различным жизненным рискам. Предпринимая усилия по продвижению идеологии социальной справедливости, школьное руководство обращает пристальное внимание на взаимоотношения между учеником и учителем, и пытается управлять факторами, оказывающими влияние на жизнь молодого человека. Существующие в США программы социальной справедливости в школе

(ASCA, ASIP) теоретически обусловливают применение на практике доступной для каждого ученика в том числе индивидуальной стратегии развития.

С этими вопросами прочно взаимосвязана одна из принципиальных проблем ювенальной политики в нашем государстве – роль молодежи на постсоветском рынке труда. Изменение ситуации в России, замена плановой системы управления рыночной, глубокое вхождение страны в систему международного разделения труда обусловили ряд проблем в сфере занятости. Одним из центральных понятий данной проблематики выступает концепция социальной траектории, предложенная рядом авторов (Е.А. Александрова, Т.И. Заславская, С.П. Иваненков, З.И. Калугина, А.Ж. Кусжанова и др.).

Социальную траекторию мы понимаем как комплекс гарантированных мер по заранее установленной, последовательной социализации личности в рамках школы, вуза и работы по специальности – при условии выполнения участником программы определенных нормативов. Суть траектории – в гарантированной системе социализации личности, что позволяет разработать для молодого человека план индивидуального развития; выяснив интересы, заранее наметить подходящие для поступления вузы; предугадать будущую социальную позицию и место работы. Есть и обратная связь – работодатели заранее формируют списки потенциальных кандидатур, с учетом своих требований.

По мнению ряда исследователей (12), рынок труда как часть рынка, также как и институт рынка в целом, взаимодействуя с другими социальными институтами, обеспечивают и, в некоторой степени, определяют воспроизводство общества и, следовательно, воспроизводство социальности определенного типа. Поэтому имеющийся сегодня структурный дисбаланс рынка труда во многом определяется произошедшей за последнее десятилетие деформацией системы профессионального (в первую очередь высшего) образования, разрывом между уровнями образования, не отвечающим требованиям сегодняшнего дня уровнем доступности профессионального образования для различных социальных групп молодежи. Результаты многочисленных исследований[4] свидетельствуют о размывании традиционных типов (траекторий) реализуемых молодежью карьер, связанных с суженными возможностями формальных институтов

4. Например, см.: Дьяконова М.В., Морозова Т.В. Трудовые стратегии молодежи России // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 168–172.

образования и рынка труда при одновременном расширении неформальных каналов восходящей социальной мобильности.

По данным исследований, проведенных на базе Московского студенческого центра Г.Г. Руденко и А.Р. Савёловым, высокий уровень социальной и трудовой мобильности молодежи, весьма заметно проявлявшийся в условиях плановой экономики СССР, сейчас уже не столь очевиден. Так, среди участников известного Форума «Образование и карьера» в 2001 г. готовность к смене вида деятельности продемонстрировали 34,8% респондентов, неготовность – 55,6%, а затруднились с ответом – 9,6%. Особо ценными в работниках качествами становятся: готовность к риску в интересах компании, инициативность, контактность, отсутствие трудовых стереотипов. Однако уже в 2002 г., по данным вышеупомянутого исследования RLMS, обработанного вышеупомянутыми Дьяконовой и Морозовой, занятыми более 50% хотели бы сменить работу, причем треть из них искали работу через Службу занятости. При этом были 65,2% молодежи, и достаточно высокой осталась доля тех, кто испытывает беспокойство по поводу того, что могут потерять работу – 73,3%.

Это доказывает востребованность социальных программ, влияющих на социальную траекторию молодежи. Один из способов воспитания молодежи, по мнению О.В. Никитченко (20), – как раз и есть социальное проектирование, вовлечение молодежи в построение моделей саморазвития личности на основе общепринятых ценностей. Проектирование сопровождается индивидуальной и коллективной рефлексией, самооценкой и оценкой сообщества. Оно способствует проявлению гражданских качеств личности и должно занимать достойное место в программе воспитания молодежи, получая материальную и моральную поддержку со стороны власти, бизнеса и общественных институтов.

Попадая в рамки социальной траектории, молодой человек сознательно принимает условия «игры», в которой невозможно проиграть, если соблюдать все правила. Ощущение уверенности в завтрашнем дне – немалый стимул для эффективной социализации личности. Однако, с другой стороны, социальная траектория должна формировать в сознании принцип – «человек сам строит свое будущее». В этот момент государство должно гарантировать саму возможность такого строительства, поступательного и перспективного. И если в современном российском обществе традиционные ценностные доминанты во многом уступили место прагматическим стимулам; то наличие и осознание социальной траектории поощряет устремленность молодежи к воплощению жизненных принципов и идеалов, что не только соответствует интересам и моральным нормам социума, но и единственно способствует гарантированному будущему: учебе, карьере и т.п.

В ходе исследования, опубликованного Институтом демографии Государственного университета – Высшей школы экономики, молодым людям в возрасте от 16 до 29 лет был задан ряд вопросов, позволяющих выяснить, какое место в их жизни занимает работа:

Таблица 2

Страны	***Работа приносит смысл в жизнь человека, %***	***Хорошая жизнь: интересная и значимая работа, %***	***Хорошая жизнь: не надо работать, %***	***Карьерная стратегия: упорно работать, %***	***Я уверен, что у меня будет хорошая работа в будущем, %***	***Хорошая жизнь: иметь много денег, %***	***Важно для будущей карьеры: высокая зарплата, %***
Великобритания	36	47	16	66	39	26	47
Германия	62	66	9	57	34	30	50
Дания	44	62	9	52	60	18	36
Испания	57	60	19	64	36	25	60
Италия	61	70	16	60	26	33	58
Норвегия	41	60	8	60	45	21	40
США	49	57	17	76	60	29	56
Финляндия	44	64	8	54	38	20	58
Франция	47	70	13	54	27	30	57
Швеция	42	65	9	59	43	35	49
Эстония	59	74	11	65	41	40	74
Польша	55	63	9	58	25	26	72
Россия	56	73	14	65	42	47	85
Япония	45	34	17	42	9	23	37

Как мы видим, молодежь стран Центральной и Восточной Европы отличается бóльшим акцентом на материальной стороне занятости – высокой зарплате, хороших условиях работы и высоком статусе, а также разнообразием карьерных стратегий (например, получение хорошего образования и квалификации, знакомство с нужными людьми, улучшение внешнего вида и др.).

В азиатских странах (Китай, Тайвань и, в меньшей степени, Индия) позиции респондентов оказались схожими с позициями представителей первой группы в том, что они придают большое значение финансовому аспекту и

многообразию карьерных стратегий, но в то же время они выше (чем первая группа) ценят некоторые качественные аспекты работы: гибкий рабочий график, условия труда и отдыха. Напротив, в группе, объединяющей США и Западную Европу, проявилось безразличие по отношению к материальной стороне в пользу социальных и символических аспектов занятости, особенно безопасности и чувства гордости за свою работу. Молодое поколение скандинавских стран тоже оказалось довольно равнодушным к финансовой стороне – оно вполне уверено в своем будущем финансовом положении. Наконец, Япония выделяется на фоне всех других стран низким рейтингом почти всех предложенных в анкете положений. Японские респонденты редко указывали на важность уверенности в будущем, денег и высокого положения на карьерной лестнице.

В коллективной монографии «Социальная траектория реформируемой России» (25) особого внимания заслуживает глава, посвященная анализу трансформационного процесса, где показано, что основным его результатом выступает качественное преобразование системы типообразующих институтов данного общества (например, приватизация государственной собственности, становление президентской республики и т.п.). Однако само по себе оно представляет лишь внешний показатель социальной трансформации общества. Внутренним показателем является изменение классовой и социально-групповой структуры.

По Бурдье (24), теоретически сконструированный класс нельзя отождествлять с реально существующим. Для выяснения реальной стратификации населения необходимо изучить не только совокупность социальных условий, объективно детерминирующих классовую структуру, но и совокупность социальных практик агентов, субъектно конструирующих эту структуру. Важно также учитывать социальную траекторию агента – «эволюцию его свойств во времени», которая «лежит в основе субъективных представлений об объективно занимаемой позиции».

Задача общества – защитить этот индивидуальный рост молодых людей от внешних негативных воздействий. Однако главные шаги они должны совершать сами. В условиях глобальной рыночной экономики советская система подшефных школ и направлений на работу по окончании вуза принципиально не работает. Поэтому важно, чтобы социальный «инкубатор» успевал, посредством внешних сравнений и связей, готовить молодежь к жестким условиям глобализации. Отметим, что в настоящее время существенно увеличилось количество профильных гимназий, лицеев, колледжей и высших учебных заведений, в которых постоянно внедряются новые инновационные программы.

Австралийский ученый Т. Корни предполагает, что существуют специфический каркас ценностей и практический опыт, в настоящее время

формирующее фундамент для университетской подготовки и обучения специалистов по работе с молодежью (1). В большинстве случаев эти специалисты полагают, что базовой ценностью в мотивации к работе с молодежью является социальная справедливость.

По мнению Осборна (3), предпочтительно работать с материалами по молодежи, живущей в сельских районах – как наиболее ярком примере проблемного социального капитала. Основу социального капитала в сельской местности составляет именно молодежная среда. Между тем именно деревенская молодежь в возрасте от 15 до 24 лет наиболее подвержена суицидальным наклонностям. Мы полагаем, что качество рабочей силы и, соответственно, качество рынка труда, обнаруживая некоторые общемировые и общегосударственные тенденции, во многом характеризуются региональной спецификой, и не только определяются социально-экономической ситуацией в регионе, но и сами влияют на динамику социальных процессов.

В целом же, как утверждает Т. де Сейлс (2), молодежь сегодня, пытаясь произвести самоидентификацию и влиться в социум, сталкивается с испытаниями физического, эмоционального, социального, психологического и культурного характера. Особенно это касается пубертатного периода, когда остро встает проблема отсутствия жилья и работы, возникают проблемы внутри семьи и в школьной среде, растет маргинализация. Эти факторы затрудняют взаимопонимания поколений, и здесь возможно «точечное» разрешение возникающих противоречий.

Отечественный исследователь В.А. Смирнов (22) замечает, что продолжающая трансформация российского общества, разрушение традиционных социальных институтов, социальных лифтов, социализирующих практик ведут к появлению групп молодежи, чей успешный жизненный старт и включение в жизнедеятельность общества затруднены. Например, провинциальная молодежь оказывается в ситуации, когда общая эскалация риска в обществе усиливается за счет возрастания отдельных его категорий на периферии, что приводит к искажению социальных траекторий молодого поколения, отчуждению его от базовых социальных практик и адекватных современности моделей жизненного пути. Важно указать, что развитие провинциальной молодежи носит амбивалентный характер, который проявляется, с одной стороны, в стремлении к социокультурным инновациям вслед за «глобальным» городом, а с другой – в сохранении и воспроизводстве традиционных социальных практик, ментальных моделей, стилей жизни. Провинция, как особая социокультурная среда, снижает возможности для успешной самореализации молодежи, оптимального жизненного старта, но сохраняет и воспроизводит наиболее релевантные в современных условиях модели сохранения

культурных ценностей. В этом отношении, с нашей точки зрения, для полноценной отдачи социальная траектория должна представлять из себя производные системы взаимозависимых элементов. В этой системе играет ключевую роль государство, сопровождая молодежь по социальной траектории, обеспечивая дополнительное образование и прохождение практики. Эффективность использования предоставляемых государством возможностей будет зависеть только от самой молодежи. При этом необходимо введение института тьюторства, способного эффективно привлекать молодежь к реализации социальной траектории. Сетевой тьютор координирует работу персональных тьюторов и, в конечном итоге, управляет всей сетью социального консалтинга.
В перспективе, учитывая международное право и стандарты, а также рекомендации специалистов, тьюторство может быть использовано в профильных образовательных программах – при участии компании-заказчика. В школах и вузах могут быть сформированы особые учебные группы, состоящие исключительно из участников проекта, и введены дополнительные курсы. Таким образом реализуется перспективная стратегия работы с молодежью, не требующая финансовых затрат, а работодатели получают идеальных кандидатов на определенные позиции, в течение шести-семи лет подвизавшихся в этой среде. Усиление конкуренции, учитывая давление внешнего рынка труда, на деле способствует росту образованности и компетентности будущих специалистов.

Не только молодежный рынок труда, но и сам менталитет молодежи – крайне динамичный феномен, трансформация которого и сегодня проявляется в самых разнообразных аспектах. Активность молодежи в общественной и политической жизни, экономике, Интернете и других сферах социальной коммуникации ярче всего демонстрирует нам черты менталитета молодого поколения: интернетизацию поколения, достаточно высокую познавательную активность и одновременно относительно низкую образовательную и социально-экономическую динамику, трансформацию социокультурных доминант, глубинные перемены в сознании. Именно поэтому сегодня необходимо обратить пристальное внимание на существующий молодежный потенциал, задействовав не только социально-экономические ресурсы отдельных стран, но и транснациональные институты. На практике проблемы молодежи решаются преимущественно педагогическими и экономическими средствами, что зачастую приводит к односторонней направленности в стратегии молодежной политики. Поэтому сегодня очень важен социально-философский подход к выработке концепции молодежной политики, позволяющий наметить реальные пути реформирования социально-экономических стратегий на рынке труда.

Литература

1. Corney T. The problem of values // Youth Studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia (v. 22, n. 2, 2004 (December). – Mode of access: http://www.thefreelibrary.com

2. De Sales T. Youth, hope & cultural creatives: possible conceptual connections // Youth studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia (v. 24, n. 2, 2005 (June). – Mode of access: http://www.thefreelibrary.com

3. Osburn L. Social capital: a rural youth perspective // Youth studies Australia, Hobart, Tasmania, Australia, (v. 24, n. 4, 2005 (December). – Mode of access: http://www.thefreelibrary.com

4. Solberg V.S.H. School-based social justice: the achieving success identity pathways program // Professional school counseling / American counseling association, United States (April 2006). – Mode of access: http://www.thefreelibrary.com

5. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий. Дис. канд. пед. наук: 13.00.01. – Тюмень, 2006. – 170 с.

6. Барановская Т. Состояние региональных рынков труда РФ и проблемы их регулирования // Проблемы теории и практики управления. – М., 2004. – № 1. – С. 28–34.

7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., Наука, 1990. – 224 с.

8. Волосков И.В. Роль менталитета в формировании системы ценностей российского студенчества // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 291–293.

9. Воронков С.Г., Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Социализация молодежи: проблемы и перспективы: Ежегод. докл. о положении молодежи г. Оренбург. – Оренбург, 1992. – 66 с.

10. Глобальные проблемы современности и молодежь. – М., МАКС пресс, 2005. – 178 с.

11. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Тенденции социального развития молодежи в современном Российском обществе // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – М., 2004. – № 31 (251). – С. 10–14.

12. Иваненков С.П., Иванов Ю.Б. Проблема стратегического регулирования регионального рынка труда в Российской Федерации // Credo New. – СПб: 2003. – № 3. – Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/351/28/

13. Иваненков С.П., Калмантаев Б.А., Кусжанова А.Ж. Социализация как ресурс регионального развития. – Оренбург, 1998. – 188 с.

14. Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Молодежь и государство: инновационные подходы. – Оренбург, 2005. – 365 с.

15. Иваненков С.П., Шкаев Д.Г. Молодежь и рынок труда в условиях глобализации: новые решения // Глобализация в контексте современности. Материалы международной конференции «Глобальный мир: гуманитарный кризис или момент развития». – СПб., 2008. – С. 355–358.

16. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. – М., Русская книга – XXI, 2007. – 464 с.

17. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. – М., 2000. – № 3. – С. 124–128.

18. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2003/12/13/ 0000139417/011kOULMAN.pdf

19. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад / Институт социологии РАН, 2007. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html

20. Никитченко О.В. К проблеме разработки и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти // Молодежь и будущая Россия.

Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М., 2008. – С. 39–41.

21. Попова И. Образование – человеческий и социальный капитал молодежи // Высшее образование в России. – М., 2007. – № 10. – С. 104–108.

22. Смирнов В.А. Проблемы эффективности региональной молодежной политики // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М.: 2008. – С. 41–48.

23. Смирнова Л.Г. Гуманистическое содержание национально-регионального компонента молодежной политики: Дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – Чебоксары: 2006. – 150 с.

24. Современная социальная теория: Бурдье. Гидденс. Хабермас. – Новосибирск: 1995. – 120 с.

25. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.

26. Чистов В.В. Социально-психологический анализ ценностных ориентаций современной молодежи // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. – М.: 2008. – С. 271–274.

27. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.

28. Шкаев Д.Г. Роль молодежи в современной российской науке: гуманитарный аспект // Молодежь и будущее цивилизации: Сб. мат. международной конференции. – СПб., 2005. – С. 374–376.

29. Шкаев Д.Г. Социальный капитал и базовые ценности в молодежной среде: (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. философии. – М., 2008. – № 1. – С. 180–184.

30. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования: Колл. монография / Под ред. Е.Г. Слуцкого. – СПб.: Знание: ИВЭСЭП, 2004. – 734 с.

Ю.А. Харламова

РОССИЙСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОМПЛЕКС: ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Харламова Юлия Александровна – кандидат политических наук, доцент Ставропольского государственного университета.

Мировой опыт показывает, что для выбора приоритетов структурной перестройки ключевое значение имеет определение областей сравнительных преимуществ национальной экономики, которые могут стать точками экспортно-ориентированного экономического роста (2, с. 262).

Одной из таких точек, по мнению исследователей, может стать железнодорожный транспорт России (см. 10, 11, 14).

В качестве локального проекта его реструктуризации предлагается создание российской (не исключено – транснациональной) корпорации «Транссибирский экспресс Европа – Азия». Сферой ее деятельности будут транзитные перевозки контейнеров между странами Европы и АТР по Транссибу. Известно, что объемы продаж в транспортной сфере (путем создания международных транспортных коридоров и осей, где железнодорожная составляющая является ключевой) сопоставимы с объемами экспорта нефти, газа и металлов и могли бы превратиться в одну из главных доходных статей национального экспорта. Для этого, однако, необходимы меры институционального, организационного и экономико-правового характера, которых в российской практике пока недостаточно.

Железнодорожный комплекс занимает лидирующие позиции в обеспечении внешнеэкономических связей России. По данным академика Российской академии транспорта В.А. Персианова, российские железные дороги в настоящее время обеспечивают производительность в 1 млн. 300 тыс. тонно-километров (т/км) на одного занятого на перевозках. Это в 2,5–3 раза выше, чем в Европе – Англии, Франции и Германии, а также в Китае, где этот показатель составляет лишь 450–470 тыс. т/км. При этом

средний железнодорожный тариф на перевозки у нас в 8–10 раз ниже, чем в любой железнодорожной сети стран Запада (см. 6, с. 224). Кроме того, при эксплуатационной длине 87 тыс. км (7% протяженности железных дорог мира) на железные дороги России приходится от 35% мирового грузооборота и почти 18% мирового пассажирооборота (9, с. 11–12). По мнению некоторых зарубежных экспертов, модернизированные железные дороги России способны в ближайшем будущем значительно повлиять на мировой транспортный рынок (20, с. 1).

В стремительно возрастающем товарообороте между Европой и Азией Россия, в силу ее географического положения (страна занимает более 30%) территории Евразийского континента) способна осуществлять большие объемы транзитных потоков на направлении Восток–Запад. Через Россию проходят самые короткие по времени сухопутные маршруты, функционирует достаточно развитая, конкурентоспособная и надежная в эксплуатационном смысле железнодорожная транспортная система, соответствующая потребностям современной технологической цивилизации.

К началу XXI в. оформились три полюса роста – Северная Америка, Западная Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион. Между ними находится Россия, способная стать не просто транспортно-коммуникационным мостом между Европой и Восточной Азией, но и встроиться в новую трансконтинентальную систему политической и экономической активности. Специалисты считают: «В части, касающейся железнодорожного транспорта России, глобализация сети позволяет не только увеличить товарооборот России со странами мира, но и замкнуть основной грузопоток между ними на железные дороги России вообще и Сибири, в частности» (7, с. 16).

Решение стратегической задачи развития транспортной системы России требует формирования на основе Транссиба сухопутных коридоров: Япония – Россия – Европа, Корея – Россия – Европа, а также расширения пропускной способности транспортных переходов на границе между Россией, Китаем, Монголией и Казахстаном (17, с. 335). Железные дороги могут стать ключом к выдвижению России на лидерские позиции в глобализирующемся мире. При этом на первый план выходят не сами железнодорожные магистрали как перевозчики разнообразных товаров, а построенные на их основе коридоры развития как компоненты российского странового «моста» (3, с. 14). Для любой крупной национальной экономики в условиях глобализации важнейшая задача заключается в продвижении к интернационализированной экономической системе. Национальный и даже региональный масштабы сегодня явно недостаточны. Выбор ограничен: либо встраиваться в чужую экономическую систему, занимая в ней подчиненное место, либо самостоятельно создавать интернационализированную

национальную экономическую систему, формируя собственную стратегию поведения.

Сложившиеся в России государственно-монополистические структуры, в том числе железнодорожная отрасль, уже содержат элементы постиндустриальной модели мирохозяйственного устройства. На очереди – транснационализация российского железнодорожного комплекса, который представляет собой один из немногих путей трансформации российского пространственного ресурса в геоэкономический эффект. Необходимо учитывать, что глобализацию инициируют и направляют вполне определенные транснациональные структуры Северной Америки, Европы, Китая и Японии, реализующие свои геоэкономические и геополитические интересы, как правило, не совпадающие с национальными интересами отдельных стран и регионов. В этой связи российская железнодорожная отрасль должна стать носителем национальных финансово-политических интересов. Достаточно сказать, что потенциал рынка контейнерных перевозок между странами Юго-Восточной Азии и Европы имеет возможность составлять ежегодно около 20 млрд. долл. (19, ст. 153), а рынок экспорта услуг российских транспортных предприятий в пределах международного коридора «Север–Юг» к 2010 г., по оценкам специалистов, «может достичь 8–9 млрд. долл. США в год» (12, с. 448).

Как показывает отечественный и мировой опыт – государство и большие бизнес-структуры являются главными субъектами промышленно-технологической политики. Российскому государству следует принять на себя роль «глобального предпринимателя», формируя «ударные финансово-промышленные группировки стратегического статуса» и делегируя им реализацию национальных интересов в борьбе за мировой доход (8), что с успехом может делать железнодорожная отрасль.

К таким решениям Россию побуждают и ближайшие конкуренты, в частности китайские железные дороги: в 2006 г. они приняли решение о переводе грузов в график высокоскоростного движения, что получило финансовую поддержку государства. В итоге к концу 2006 г. они перевезли одну четверть мирового железнодорожного грузопотока (18, с. 9).

Выход воспроизводственных процессов за национальные рамки привел к появлению экономических границ, не совпадающих с национальными. «Новая мировая ситуация поставила под сомнение исключительную роль национальных государств, чьи реальные, хотя и “пунктирные” границы в экономистичном мире заметно отличаются от четких административно-государственных линий, выдвигаясь за их пределы (или наоборот “вдавливаясь” в них), проявляясь в ползучем суверенитете множащихся зон национальных интересов и региональной безопасности. Политическая и экономическая картографии мира все чаще конфликтуют между собой, все

дальше расходясь в определении территорий и границ актуальной реальности» (13, с. 122). Указанные преобразования существенно отразились как на мировой, так и на российской транспортной системе, поскольку произошел опережающий рост международной торговли по сравнению с ростом ВВП многих стран. В свою очередь этот глобальный процесс придал национальным транспортным системам статус важнейшего элемента управления экономикой. Выход воспроизводственных процессов за национальные рамки породил «пульсирующие геоэкономические границы», в определении которых транспортным маршрутам, в том числе железнодорожным, принадлежит одно из ведущих мест, так как для транснациональных корпораций стало необходимо создавать специализированные логические мультимодальные центры, которые занимаются оптимизацией всех производственных потоков.

Глобализация способствовала развитию международных транспортных коридоров (МТК), представляющих из себя совокупность магистральных коммуникаций различных видов транспорта, которые обеспечивают перевозки пассажиров и грузов на направлениях их концентрации. Одновременно международные транспортные коридоры развиваются как социальные организации корпоративного типа, имеющие развитую систему связей с внешним миром.

Если для многих государств создание индустриальных транспортных коридоров – еще только перспектива, то в России Транссиб уже сейчас представляет собой пример транспортного коридора, выгодного многим странам. На наш взгляд, Транссибирская магистраль является естественным системным интегратором, с помощью которого Россия может стать ключевым фактором формирования восточноазиатской и дальневосточной политики. Идея транспортных коридоров развития, евразийских сухопутных «мостов», страновых транспортных мегаинфраструктур, способна не только экономически, но и социокультурно связать в единое целое разные континенты и цивилизации: европейскую, русскую, китайскую, индийскую, исламскую.

Осуществление проектов, связанных с международными транспортными коридорами, имеет и очевидные негативные стороны. Например, так называемая критская система МТК была создана вне интересов России и не дает ей широких возможностей для реализации своего транспортного геоэкономического потенциала. Она не обеспечивает транспортных подходов к ряду российских регионов, которые уже являются или способны стать крупными участниками внешнеэкономической деятельности. Эта схема также не позволяет России более тесно сотрудничать с одним из центров деловой активности – Азиатско-Тихоокеанским регионом, хотя российские железнодорожные маршруты обладают на этом направлении существенными

преимуществами перед другими видами транспорта и перед транспортными системами других стран.

Резкое падение контейнеропотоков по Транссибу за годы либеральных реформ не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Обустройство транспортных коридоров требует существенных финансовых затрат, но четких гарантий их стабильной загрузки у России нет. На долю России, по некоторым данным, приходится только 1,1% от мирового объема экспорта транспортных услуг (4, с. 11), а весь экспорт транспортных услуг России не превышает 3,5 млрд. долл. в год (15, с. 9).

Геоэкономический прорыв России возможен лишь при условии возрастающего значения ее железнодорожного транспорта, обеспечения конкурентоспособности страны на мировом рынке транспортных услуг. Главную роль здесь могла бы сыграть транснациональная компания под условным названием «Российские железные дороги и железные дороги сопредельных стран», способная связать воедино партнерские отношения между предприятиями различных государств (сопредельных стран – участниц СНГ) и заинтересованных государств бывшего социалистического лагеря. Исторически сложившиеся транспортно-экономические связи, привязанные к сетям железнодорожных путей сообщения, – один из важных факторов укрепления политических и экономических позиций России в СНГ. Железнодорожный комплекс, обеспечивая интеграционные процессы, превращается в действенный инструмент российской политики: значительная часть всех транзитных перевозок между странами СНГ осуществляется по магистралям. Так, ежегодный международный грузовой транзит по российским железным дорогам еще недавно составлял 18,8 млн. т, из них 16,6 млн. т – в страны СНГ (14, с. 52).

В ходе освоения стратегически важных сибирских территорий ключевой является проблема зоны БАМа. Это связано с богатым ресурсным потенциалом регионов Восточной Сибири: стоимость суммарных запасов полезных ископаемых, обнаруженных в недрах зоны БАМа, оценивается в 609 млрд. долл. (5, с. 31). Нормализация работы магистрали на всем ее протяжении создаст основу для широкомасштабного хозяйственного освоения Дальнего Востока и Севера страны, развития экономики Сахалина и Курильских островов, установления прочных связей со странами Востока (Япония, Китай, Корея), а в конечном счете – для укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Реализация проекта Северо–Сибирской магистрали позволит полнее загрузить БАМ, направив по ней часть контейнерного потока из стран АТР, в первую очередь из Японии. Устраняя дисбалансы в поставках энергоносителей на европейский и азиатский рынки, БАМ способна по

тарифам конкурировать с трубопроводным транспортом и в конечном счете решить проблему собственной убыточности. По мнению специалистов, имеющиеся резервы провозной способности Транссиба и БАМ, при условии соответствующих капиталовложений, позволяет обеспечить перевозку до 50 млн. т нефти в год к дальневосточным морским портам, до 30 млн. т – в пункты пропуска на границе с Китаем (16, с. 80).

Главные проблемы современной БАМ – отсутствие сквозного грузопотока, что не позволяет использовать магистраль на полную мощность, а также необходимость значительно больших инвестиций, бремя которых всегда возлагалось на государство. В условиях глобализации и слабости внутреннего инвестиционного потенциала России необходимо переходить на кооперационно-инвестиционную модель сотрудничества с другими странами; при этом государства-участники могут с выгодой для себя использовать различия в своих ресурсных возможностях. Так, главными ресурсами Японии и Республики Корея являются капитал и технологии, КНР – людские ресурсы и огромный рынок, но они бедны минеральными и энергетическими ресурсами и в скором времени окажутся в значительной мере зависимы от импорта энергоносителей. Такое положение может быть использовано Россией, учитывая ее богатые природные ресурсы и заинтересованность в совместной реализации крупных инфраструктурных проектов в железнодорожной сфере. В качестве финансово-политической составляющей этого сотрудничества могли бы служить выделение целевых государственных ассигнований, получение под правительственные гарантии кредитов от зарубежных коммерческих банков и заинтересованных развитых государств (США, Япония, Корея и др.). Однако сложившийся стереотип инвестиционной непривлекательности и недоступности объектов транспортной инфраструктуры для прямых иностранных инвестиций наносит вред национальным интересам России.

Долгосрочные национальные интересы РФ в Восточно-Азиатском регионе нельзя обеспечить без кардинального решения вопроса об эффективном функционировании Транссиба, – основного моста транзитного потока из Азии в Европу. Эта магистраль имеет общероссийское и международное значение, способствуя сохранению единого экономического пространства в границах России и СНГ. Она обладает огромным транзитным потенциалом, практически полностью электрифицирована и может быть быстро приспособлена к любым перспективным энергоносителям. Эта историческая роль Транссиба возможна только в том случае, если магистраль будет сопряжена с модернизированной Транскорейской железной дорогой, создание которой позволит наладить более тесные мирохозяйственные связи с Корейским полуостровом, а в перспективе – с США на базе проекта Трансконтинентальной магистрали.

В случае соединения железнодорожных систем Южной и Северной Кореи с Транссибирской магистралью можно будет говорить о возникновении основы для подключения третьей по экономическому потенциалу страны Азиатского региона (после Китая и Японии) – Южной Кореи к сухопутному восточноазиатскому рынку перевозок. В результате будет образован самый короткий в мире транзитный коридор «Азия–Европа–Азия», одним из главных преимуществ которого станет прохождение груза на протяжении более 10 тыс. км без пересечения границ, по единому транспортному документу. Предполагается, что единая железнодорожная система свяжет не только обе Кореи, но и будет иметь выход на Японию, Китай и другие страны Юго-Восточной Азии, воздействуя на экономическое развитие всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Сквозной транспортный коридор из Южной Кореи через Россию позволит значительно сократить сроки доставки грузов в Европу и привлечь на Транссиб дополнительно порядка 80 тыс. контейнеров в год (19, с. 157). Однако функционирование Транскорейской магистрали может повлечь за собой потерю объемов перевалки грузов некоторыми дальневосточными портами РФ, что потребует освоения грузопотоков на новых маршрутах – очевидно, с помощью инструментов государственного регулирования.

Унификация и отсутствие таможенных барьеров в железнодорожных перевозках во многом ускорили политический процесс объединения Европы. Аналогичным образом соединение Транскорейской магистрали и Транссиба позволит установить более тесные контакты между странами Восточно-Азиатского региона. «Уникальность “железнодорожного фактора” состоит в том, что он способен, не затрагивая существа политических режимов на Юге и Севере корейского полуострова, создать экономические предпосылки для налаживания общекорейского диалога» (1, с. 26), который сегодня затруднен различиями в политических режимах обеих стран и экономическими санкциями, применяемыми мировым сообществом к КНДР. Кроме того, внешнеполитические интересы современной России требуют стабильных отношений с КНДР для усиления роли РФ в дипломатическом противостоянии с США в этом регионе.

Установление сухопутного моста между Америкой и Россией через Берингов пролив и развитие транспортной инфраструктуры в рамках Трансконтинентальной магистрали благоприятно сказались бы на хозяйственном освоении малонаселенных северных территорий с большим запасом природных ресурсов, на интеграции транспортной системы России в мировую железнодорожную сеть, где Трансконтинентальная магистраль стала бы продолжением Транссиба на северо-восток. Этот глобальный проект необходимо рассматривать комплексно, т.е. не только как строительство

железной дороги с тоннельным переходом, а как сооружение в едином коридоре полимагистрали, включающей автомагистраль, нефте- и газопроводы, линии электропередачи и оптико-волоконные линии. Сооружение Трансконтинентальной магистрали могло бы дать «второе дыхание» Транссибу, подключив его к американскому фрагменту глобальной железнодорожной сети мира, а также способствовать интеграции России в мировое политико-экономическое пространство, укрепить ее позиции как на Западе, так и на Востоке.

В условиях формирования системы международной экономической интеграции (так называемой геоэкономической парадигмы) железнодорожный транспорт становится инструментом реализации национальных интересов российского государства. Продуманная интеграция в евроазиатскую транспортную систему способна стимулировать развитие международных экономических связей, транспортную подвижность населения, решение социальных проблем российского общества. Для этого государство в вопросах развития железнодорожного комплекса России должно в большей мере ориентироваться не на прибыль, а на суммарный социально-экономический эффект, дополненный геополитическими и геостратегическими преимуществами. Это возможно только при условии государственной поддержки и включения железнодорожных проектов в число приоритетных.

Литература

1. Балакин В.И. Перспективы российско-корейского сотрудничества в сфере железнодорожного транспорта // Бюллетень транспортной информации. – М., 2006. – № 7.

2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993.

3. Громыко Ю.В., Крупнов Ю.В. Транспортное цивилизационное продвижение – конкретный сценарий развития России. – М.: Институт мирового развития. – 2007.

4. Дунаев О.Н. Транспортная политика в условиях интеграции России в ВТО // Бюллетень транспортной информации. – М., 2006. – № 7.

5. Ильин В. Великий шелковый путь // Прямые инвестиции. – М., 2004. – № 4.

6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск, 2001.

7. Комаров К.Л., Кибалов Е.Б. Концепции устойчивого развития транспортного (коммуникационного) комплекса Сибири: Актуальные проблемы транспорта азиатской части России: Сб. трудов / Под ред. К.Л. Комарова, М.Х. Ахметзянова. – Новосибирск, 2001.

8. Кочетов Э.Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь // Безопасность Евразии. – М., 2002. – № 3.

9. Лапидус Б.М., Терешина Н.П., Кожевников Р.А, Межох З.П. Оценка влияния железнодорожного транспорта на обеспечение экономической безопасности России // Экономика железных дорог. – М., 2000. – № 5.

10. Леонтьев Р.Г. Исторический шанс – госкорпорация «Транссибирский экспресс Европа–Азия» // Бюллетень транспортной информации. – М., 2000. – № 2.

11. Леонтьев Р.Г. Проект повышения конкурентоспособности Транссиба – «точки роста» российской экономики // Власть и управление на Востоке России. – Хабаровск, 1999. – № 1 (6).

12. Миротин Л. Транспортная логистика // Безопасность Евразии. – М., 2001. – № 3.

13. Неклесса А.И. Глобализация: Новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001. – № 1.

14. Хмель В.А. Транзитный потенциал транспорта России. – М.: ВИНИТИ РАН. – 2005. – 492 с.

15. Щербанин Ю.А. Транспортные коридоры: еще модно? // Транспорт РФ. – М., 2006. – № 5.

16. Энергетический вектор восточной геополитики России: выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона / Якунин В.И., Порфирьев Б.Н., Арбатов А.А., Белова М.А., Сулакшин С.С., Фейгин В.И. – М., 2006.

17. Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. – М., 2006.

18. Якунин В.И. Природные ресурсы России – путь к богатству или бедности? // Труды центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. № 8. – М., 2007.

19. Якунин В.И. Формирование геостратегии России. Транспортная составляющая. – М., 2005.

20. Briginshaw D. Portrait of a changing landscape // International Railway Journal. – 2006. – N 10.

Н.Е. Болтенкова

НОВЫЕ ВИДЫ ЛИЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

**Болтенкова Наталья Евгеньевна –
аспирантка ИНИОН РАН.**

В последние годы в России все большее распространение получает финансовый лизинг – один из активно используемых в предпринимательской деятельности видов инвестиционных ресурсов. Экономическое содержание финансового лизинга заключается в том, что компания (нередко дочерняя фирма банка), специализирующаяся на сдаче в аренду машин, оборудования, транспортных средств и другой техники, осуществляет за свой счет, но по заказу пользователя и у определенного им поставщика, закупку необходимой техники и передает ее пользователю (лизингополучателю) в среднесрочную или долгосрочную аренду.

Для лизингодателя данная форма кредитования привлекательна тем, что помимо погашения собственно кредита он получает фиксированную либо выплачиваемую по другой схеме прибыль в виде арендной платы. Для лизингополучателя выгодность сделки заключается в возможности сохранить ликвидность (не нужно покупать технику), избежать образования значительной задолженности, ускорить процесс обновления производственных фондов, получить налоговые льготы. Как правило сделки лизинга осуществляются на трех стандартных условиях: 1) по истечении срока действия контракта арендованная техника возвращается лизингодателю; 2) по истечении срока контракта для того, чтобы техника перешла в собственность лизингополучателя, ему необходимо погасить оставшуюся задолженность; 3) по истечении срока действия контракта техника переходит к лизингополучателю, если последний в этом заинтересован. Таким образом, будучи гибкой формой кредитования, лизинг является привлекательным механизмом как для осуществляющих такого рода операции финансовых институтов, так и для компаний, занятых производством товаров или услуг.

Об успешном внедрении лизинга в нашей стране свидетельствуют следующие данные: если в 2001 г. доля лизинга в ВВП составляла 0,5% и 3% в инвестициях в основные фонды, то к 2005 г. эти показатели выросли в два с половиной раза – до 1,3 и 8,2% соответственно, а в 2008 г., прошедшем под знаком мирового финансового кризиса, доля лизинга в ВВП хотя и снизилась, но удержалась на отметке 1,4%, причем объем нового бизнеса, также сократившийся по сравнению с аналогичными показателями 2007 г., составил 26,65 млрд. долл. (2). Нельзя, однако, не отметить, что в развитых странах доля лизинга в ВВП и общем объеме инвестиций выше: в США она достигает 3% в ВВП и 22% – в инвестициях в машины и оборудование, тогда как в Европе последний показатель составляет порядка 17,4% (3). Это свидетельствует о том, что для дальнейшего развития лизинга в России имеются большие возможности.

Анализ показывает, что такие виды финансового лизинга как аренда автомобильной техники и спецавтотехники, промышленного и технологического оборудования, строительной техники, авиатехники, разнообразных видов железнодорожного транспорта уже вполне можно назвать традиционными на сложившемся в России рынке лизинговых услуг. Но они традиционны и в том смысле, что носят узкоотраслевой характер и по своему значению далеко уступают тому общеэкономическому, технологическому и инновационному эффекту, каким обладают такие новые для российской экономики виды услуг как лизинг информационных технологий и отчасти лизинг персонала.

Лизинг информационных технологий

Чаще всего под информационными технологиями понимают компьютерные технологии, предусматривающие использование компьютеров и программного обеспечения в целях хранения, преобразования, защиты, обработки, передачи и получения информации. Соответственно, компаниям, применяющим подобные технологии, требуются такие ИТ-оборудование и ИТ-решения, которые гарантировали бы необходимую модернизацию локальных вычислительных и телефонных сетей, единых сетей передачи данных и систем безопасности: контроля доступа, видеонаблюдения, учета рабочего времени и многого другого, что даже для крупных и процветающих компаний, не говоря уже о малом и среднем бизнесе, может стоить весьма дорого. К тому же современные ИТ настолько быстро совершенствуются, что для того, чтобы успешно функционировать, их приходится часто менять. На сегодняшний день срок эксплуатации компьютерной техники сократился с пяти-десяти до двух-трех лет, а это означает, что компаниям, которые хотят развиваться в соответствии с техническим прогрессом, необходимо

обновлять свое ИТ-оборудование именно с такой периодичностью. В подобной ситуации лизинг ИТ как раз и может стать наименее затратным решением проблемы, поскольку касается аренды мощных персональных компьютеров, ноутбуков и принтеров, серверов, а также дорогостоящего программного обеспечения.

Практика, однако, показывает, что в случае ИТ-оборудования лизингополучателю целесообразнее всего заключать сделку на условии возврата арендованной техники по истечении срока действия контракта, поскольку за этот отрезок времени вполне могут появиться другие, более мощные и совершенные технологии, и, соответственно, лизингополучателю невыгоден переход ИТ-оборудования в его собственность. Но вместе с тем лизингодателю невыгодно получать обратно устаревшую технику. Как показывает зарубежный опыт, разрешить это противоречие можно с помощью схем ускоренной амортизации, страхования рисков и другой диверсификации условий кредитования. В результате применения этих разнообразных инструментов лизинг ИТ исчисляется миллиардами долларов, что является впечатляющим результатом (4).

Главная проблема российского рынка ИТ-технологий и ИТ-оборудования заключается в существенной недоработке необходимой нормативной базы. Пока что можно говорить только о наметившемся сдвиге в отношении законодательства, касающегося программного обеспечения (ПО). Так, вступившая в силу с 1 января 2008 г. Четвертая часть Гражданского кодекса РФ, посвященная авторским и смежным правам, содержит определения отчуждения и передачи исключительных прав (например, на программы для ЭВМ или же на базу данных), а также регулирует порядок, механизм и особенности передачи в аренду объектов, являющихся результатом интеллектуальной деятельности. Однако в лизинговом законодательстве эти положения пока не прописаны, что остается серьезной проблемой и для лизингодателей, и для лизингополучателей, поскольку они опасаются, что сделка по ПО может быть в принципе признана недействительной. Кроме того, с точки зрения некоторых специалистов, отношения двух сторон осложняются техническими проблемами, так как в случае приобретения по лизингу программного обеспечения трудно определить, было ли оно передано лизингодателем и получено лизингополучателем, а с технической точки зрения его весьма сложно, если не невозможно, изъять. И по-прежнему неразработанной остается проблема инструментария для оформления сделок по ИТ-оборудованию. Несмотря на то, что задача перехода к «информационному обществу» поставлена в Российской Федерации на государственном уровне, нерешенность ключевых для лизинга ИТ вопросов ограничивает возможность поддержания компаниями информационных

технологий на должном уровне и ослабляет конкурентоспособность российской экономики.

Лизинг персонала (аутстаффинг)

Следует сразу оговориться, что в России отсутствует правовое признание данного вида лизинга. С точки зрения действующего законодательства лизинг персонала вообще не является лизингом как таковым. Более того, он не рассматривается даже как обычная аренда.

Тем не менее именно к лизингу персонала прибегают почти 27% российских компаний. Такой интерес к уже узаконенной в развитых странах форме реализации кадровой политики далеко не случаен. В Российской Федерации, испытывающей острую нехватку квалифицированных специалистов, широкое распространение получила практика переманивания фирмами персонала друг у друга, и возможность противостоять этому с помощью аренды персонала, за который отвечает специализированное со всеми юридическими правами агентство, в данном случае служит гарантией стабильности коллектива сотрудников компании.

Однако это далеко не самая главная из функций аутстаффинга, скорее просто импровизированное использование данной формы лизинга в специфических российских условиях. Как таковое, появление лизинга персонала стало реакцией на острую нехватку работников в условиях экономического подъема и быстрого расширения рынков, когда требуется срочно удовлетворить потребность в разноплановых специалистах с разными сроками занятости. Вместе с тем аутстаффинг оказался инструментом, обеспечивающим максимально возможную гибкость в управлении персоналом в случаях, когда поиск постоянных или даже временных квалифицированных и надежных работников может занять слишком много времени, когда по тем или иным причинам невозможно использовать классические формы найма.

Для кадрового лизинга в России в настоящее время наиболее характерны два вида услуг: предоставление во временное пользование отдельных специалистов и формирование штата организации. Спросом пользуется лизинг офисного и технического персонала, персонала департамента продаж и рабочих (6). Как правило, взяв персонал в лизинг, компании экономят и время, и силы, поскольку не занимаются расчетом зарплаты «арендованных» сотрудников, так как всю кадровую и прочую документацию берут на себя фирмы-«арендодатели». Иными словами, аутстаффинг снижает нагрузку на бухгалтерию и отдел кадров и ведет к определенной экономии средств.

Вместе с тем внедрение аутстаффинга в практику хозяйствования осложняется тем, что компании, пользующиеся такого рода услугами, нередко привлекают к себе повышенное внимание налоговых органов, у которых возникает подозрение, что за счет аутстаффинга они стремятся снизить налоговую нагрузку или же специально прибегают к лизингу персонала, чтобы снизить затраты на оплату труда. Наконец, возникают проблемы и при лизинге иностранного персонала, поскольку в этом случае договор аренды персонала приходится заключать за границей.

* * *

Подводя итог, можно сделать вывод, что в российской экономике утверждаются новые виды лизинга, и это положительно сказывается на развитии рынка, давая компаниям возможность оперативно решать сложные вопросы приобретения ИТ, решить которые, особенно мелкому и даже среднему бизнесу, невозможно при помощи средств только собственного бюджета. Однако развитие отмеченных видов лизинга пока что сдерживается такими факторами, как несовершенство законодательной базы и новизна самих продуктов для российского рынка лизинга. Потенциальные клиенты часто либо не осведомлены об их преимуществах, либо относятся с ним с изрядной долей подозрения. Выходом из данной ситуации могут стать не только совершенствование законодательства, грамотная реклама, тщательно проработанные и транспарентные лизинговые программы и предоставление клиентам исчерпывающей информации, но и внедрение, по аналогии с практикой ряда отраслей, мощных специализированных государственно-частных финансовых лизинговых компаний, способных предлагать схемы кредитования с привлечением бюджетных средств и налоговых льгот.

Однако серьезным препятствием на пути утверждения на российском рынке новых видов лизинга может стать мировой финансовый кризис, уже ставший причиной первого за последние восемь лет крупного спада в этой сфере. 2008 г., особенно его четвертый квартал, был отмечен негативными тенденциями на рынке лизинга: сумма новых сделок снизилась на 27,8% по сравнению с 2007 г. (а общее количество вновь создаваемых лизинговых компаний – на 24,7%), в то время как суммарный портфель лизинговых компаний составил 1390 млрд. рублей (1). Также существенно изменилась структура спроса: увеличился спрос на возвратный лизинг, резко сократился спрос на корпоративный автотранспорт, спецтехнику и новое имущество и, напротив, возрос интерес клиентов к заключению долгосрочных договоров. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что присутствовали и тенденции, которые в свете кризисных явлений можно назвать положительными. Так, в 2008 г. действовавшими лизинговыми компаниями был заключен 72 161

договор, что оказалось больше значений 2007 г. на 13,5%, количество лизингополучателей выросло на 13,3% и достигло 41 750 (6), а доля крупного бизнеса увеличилась на 0,5%, что свидетельствует о том, что структура сделок по субъектам бизнеса изменилась незначительно. Кроме того, в 2008 г. начался второй этап продвижения лизинга в регионы, характеризующийся значительно возросшим спросом на лизинговые услуги со стороны региональных предприятий.

Об общей перспективе развития и дальнейшего функционирования рынка лизинга вообще эксперты пока говорят осторожно и стараются не давать долгосрочных прогнозов. Однако по отдельным видам лизинга эти прогнозы более определенные. Так, по оценкам ведущих западных специалистов, российский ИТ-рынок будет оставаться крупнейшим рынком в Восточной Европе и не сильно пострадает от мировых финансовых проблем, а доходы российской ИТ сферы значительно превысят доходы в ИТ-сфере других европейских стран. Ожидается, также что доходы российского ИТ-рынка даже превысят доходы ИТ-рынков других европейских стран, хотя в ближайшие два года и будут ниже получаемых в нормальных условиях (5). Аналогичные позитивные прогнозы делаются и по ряду других видов лизинга.

Литература

1. Коммерсант: Business Guide № 110 от 23 июня 2009.
2. Обзор рынка лизинга 2008. Доступ: http://www.rosleasing.ru/docs/rating/rating2008.pdf
3. http://www.setcom.com.ua/leasing/facts.html
4. http://www.gazprombank.ru/media/papers/analysis/fed-doc/2006/bank-1-2006.pdf
5. http://gko.su/ИТ.aspx
6. http://www.tarusexpert.ru/leasing.html

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Р. Герра

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ. (Французская интеллигенция и русские писатели-эмигранты)

Рене Герра – французский историк и культуролог.

Волею судеб после революции русская культура Серебряного века оказалась выброшенной за пределы России, и с 1924 г. Париж стал столицей «второй русской культуры» (по меткому выражению Д.С. Лихачёва). Две великие культуры, русская и французская, стали сосуществовать, породив множество проблем, не получивших еще достаточного освещения и осмысления в исследовательской литературе. Главный, на мой взгляд, вопрос, требующий ответа: установился ли в новых исторических условиях между этими двумя культурами диалог «на равных», с учетом того, что они испокон веков имели так много общего? И если нет, то что могло помешать этому, такому естественному, казалось бы, диалогу? Ведь диалог, и это вряд ли оспоримо, вообще возможен лишь при условии равенства во влиянии и в силе. Диалог же культур предполагает, что между сторонами, которые в него вступают, существуют некие общие принципы, общие жизненные цели. Таковых вдруг не оказалось: с русской стороны участниками так и не состоявшегося диалога оказались изгнанники, вроде бы потерпевшие историческое поражение, т.е. для левацкой французской элиты (она в то время была именно левацкой) изгои и отщепенцы, не принявшие «великую Октябрьскую»...

Хотели ли те и другие этого диалога? Были ли готовы к нему? Подобный диалог был вполне естественным в XIX в., Тютчев и Тургенев – блестящие тому примеры. На самом деле, в межвоенный период 20–30-х годов настоящий диалог состояться не мог в контексте идеологических реалий той сложной эпохи, в первую очередь из-за отсутствия толерантности, по меньшей мере с французской стороны, а возможно и с русской тоже: ведь

русские эмигранты, в отличие от французских «левых», испытали на самих себе все прелести «великого Октября»…

О чем могла бы заявить зарубежная Россия в то время? Прежде всего, естественно, об опасности, грозящей западной цивилизации и всему цивилизованному миру. Но хотели ли это услышать тогда французские деятели культуры? Зинаида Гиппиус провидчески написала: «Мы не в изгнании, мы – в послании», в сжатой форме сформулировав изначальную миссию белой эмиграции: сохранение и приумножение русской культурной традиции.

Этому было посвящено собрание (16.02.1924) в Париже, на котором выступали А.В. Карташев, И.С. Шмелёв, Д.С. Мережковский, И.А. Бунин, который, в частности, сказал:

«Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. (...)Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков...»[1]

Сегодня мы понимаем главную причину конфликта культур, ибо белая эмиграция взяла на себя миссию русской национальной идеи и стала «де-факто» носительницей и хранительницей всего многовекового исторического и культурного наследия России. Легко догадаться, какие преграды были поставлены на пути такого диалога между культурами. Прежде всего – ослепление западного мира идеями революции и «великим просветом с Востока», о котором любил говорить Жюль Ромэн. Не один лишь этот писатель верил, что «солнце светлого будущего восходит на Востоке» и что «новый мир родится в СССР».

А сейчас дадим слово двум известным французским академикам. Вот что они писали в середине 90-х годов. Анри Труайя в 1995 г. во вступительной статье каталога к моей выставке в Сенате «Русское искусство в изгнании во Франции: 1920–1970 гг.» писал: «В моих глазах русские писатели-эмигранты “уцелевшие” после кораблекрушения: Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Шмелёв, Зайцев… были наглядной иллюстрацией трагедии творческой интеллигенции, оторванной от родной почвы. Испытания, выпавшие на долю этих российских изгнанников, еще более обострили их чувства, сделали их талант более зрелым, и ностальгия по исчезнувшим далям возвысила их душу. Они писали лучше, чем когда-либо. И однако, лишившись родины, они остались без читателей – свидетелей их литературных дебютов, – без надежды обрести других. Французские издатели

1. И.А. Бунин. «Публицистика. 1918–1953 гг». «Наследие», Москва, 1998. – С. 149.

не торопились с публикацией переводов их произведений, французская печать оставляла их без внимания… Покинув Россию, они так никуда и не приехали, довольствуясь тем, что существуют с грехом пополам в промежуточном абстрактном пространстве. То был ледяной ад апатридов…» А год спустя в своей передовице «Забвение» в газете «Фигаро литерэр» (от 7 ноября 1996 г.) Жан-Мари Руар словно вторил: «Эти изгнанники нашли столь мало сочувствия и понимания со стороны принявших их стран. Чудовищность положения русских эмигрантов заключалась в том, что к ним, сбежавшим от ада большевистской революции, относились с таким презрением, будто бы они были отребьем человечества или отбросами истории».

Уместно напомнить то, что писали два французских русиста. Отдадим должное Жоржу Нива, профессору-слависту, который и сам прошел через период тех же заблуждений. С мужественной прямотой он пишет во вступлении к своей книге «Россия – Европа, конец раскола» (Лозанна, 1993) о крушении чаяний французской интеллигенции, в обновление «старого мира» и рождение «нового человека». Зато Жерар Абенсур, его сокурсник в Эколь Нормаль Сюпериер (Высшая Нормальная Школа), в своей статье[2] «Николай Авдеевич Оцуп и его французские ученики» хвалится своим знакомством с Н.А. Оцупом, но чувствуется его снисходительно-пренебрежительное отношение к «белоэмигранту»: «Скромный человек, Николай Авдеевич никогда не рассказывал нам о созданном им русскоязычном парижском журнале “Числа”, редактором которого он был в начале 1930-х гг…. В материальном отношении ему жилось нелегко… Мы, французские интеллектуалы, находились во власти марксистских идей, испытывали безмерное восхищение перед Советским Союзом, который, надо признать, умел выставить себя в выгодном свете. Видимо по этой причине Н.А. придерживался безукоризненного нейтралитета… В те годы во французской среде существовала тенденция преуменьшать вклад русских эмигрантов в культуру и даже дискредитировать их, поэтому мы, аспиранты Эколь Нормаль, пребывали в полном неведении по отношению ко всему, что было написано во Франции на русском языке. Скорее всего именно поэтому Николай Оцуп сконцентрировал свое внимание на классике… По возвращении из Москвы, в 1957 г. я ему рассказал о своих впечатлениях, которые, кстати сказать, были весьма позитивными. Он слушал молча…». Молчание поэта-эмигранта красноречиво, комментарии излишни…

Отсюда понятно, что подобный диалог был не только труден, но и просто невозможен. Тем не менее контакты (или причины их отсутствия) – особая

2. «Берега», вып. 9, СПб., 2008. – С. 26–28.

тема, весьма актуальная, до недавнего времени почти не исследованная, хотя, несомненно, представляющая большой интерес как для историков литературы и искусства, так и для широких кругов общественности обеих стран.

Попытки подобного диалога, притом с обеих сторон, все-таки предпринимались. В 1928 г., по инициативе молодого русского литератора Всеволода Фохта, ежеквартальный журнал «Франция и мир» («France et Monde», éd. «Humanités contemporaines») начал печатать произведения русских писателей-эмигрантов Цветаевой, Тэффи, Зайцева, Кузнецовой и других, стремясь ознакомить с ними французскую читающую публику. Предполагалось даже издание антологии. Одновременно в целях сближения была создана «Франко-русская студия» (Studio Franco-Russe), проводившая поэтические вечера, встречи, литературные диспуты. Из французской элиты участвовали Поль Валери, Андре Мальро, Андре Моруа, Жорж Бернанос, Жак Маритэн, Габриэль Марсель, Станислав Фюме, Рене Лалу, Рене Гиль, а с русской стороны – Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Г. Федотов, П. Муратов, М. Цветаева, Б. Зайцев, М. Алданов, Г. Адамович, Г. Газданов, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Вейдле, и др.[3]

Темой первого публичного собрания, состоявшегося 29 октября 1929 г., было «Тревога в литературе», на втором, 26 ноября, обсуждалось влияние французской литературы на русских писателей с 1900 г. Третий вечер был посвящен «проблеме Достоевского». А четвертый, 28 января 1930 г., «духовной драме Л. Толстого». После чего, как ни прискорбно, «франко-русские встречи» приказали долго жить... Активный участник этих встреч, В.В. Вейдле в своих воспоминаниях констатирует не без горечи: «Французы особенно широкого и особенно горячего интереса к парижским русским писателям первой эмиграции не проявляли... Как далека была наша, хотя бы и парижская, литература от литературы французской! Мне мечталось порой об их сближении. Оно не состоялось. Хотя кое-что в этом направлении и было сделано»[4]

Исключения из этого общего правила все-таки были: Ремизов, Мережковский, Бердяев, Шестов и сам Вейдле, пишущий по-французски. Им активно помогали, их печатали Шарль дю Бос, Габриэль Марсель, Жак Маритэн, Марсель Арлан. Тем не менее участие русских писателей, критиков, философов в культурной жизни межвоенной Франции было более чем скромным. Альянс с французской культурой не случился. Канадский исследователь Леонид Ливак пытается доказать наличие более тесных

3. Le Studio franco-russe 1929–1931. Textes réunis et présentés par L. Livak, Toronto, 2005.

4. «Русский Альманах», Париж, 1981. – С. 397.

интеллектуальных контактов[5]. Но, увы, трудно согласиться с этим тезисом. Безусловно, эмиграция была изолирована, главным образом, из-за идеологической левизны французской элиты. О чем без прикрас и умолчаний свидетельствуют, кроме В. Вейдле, Г. Адамович, Н. Берберова, Г. Струве.

«Вокруг был Запад, в частности – Париж, блестящий и безразличный... а проникнуть во французские “круги”, даже если бы и было к тому желание, удавалось преимущественно тем, кто этого настойчиво, и не без заискивания, добивался. Приглашений никаких не бывало, а о каком-либо интересе, или хотя бы любопытстве, нечего и говорить», – писал Г. Адамович в конце 1954 г.[6]

О том же в своих мемуарах пишет и Нина Берберова: «Страшное, грозное время – двадцатые-тридцатые годы нашего века... В то время во всем западном мире не было ни одного видного писателя, который был бы “за нас”, то есть, который бы поднял бы голос против преследований интеллигенции в СССР, против репрессий, против советской цензуры, арестов, процессов, закрытия журналов, против железного закона социалистического реализма, за неповиновение которому шло уничтожение русских писателей. Старшее поколение – Уэллс, Шоу, Роллан, Манн – было целиком за “новую Россию”, за “любопытный опыт”, ликвидировавший “ужасы царизма”, за Сталина против Троцкого, как оно было за Ленина против других лидеров русских политических партий. Старшее поколение – с Теодором Драйзером, Синклером Льюисом, Эптоном Синклером, Андрэ Жидом (до 1936 г.), Стефаном Цвейгом, во всех вопросах было на стороне компартии против оппозиции...»[7]

В своей известной книге «Русская литература в изгнании» Г. Струве пишет: «На отношении иностранного читателя к писателям-эмигрантам сильно отражался и распространенный в европейской и американской интеллигенции “салонный большевизм”, склонность сочувствовать большевицкой революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам»[8].

О той же изоляции и равнодушии Запада безрадостно говорил со мной Б.К. Зайцев во время наших многочисленных встреч в конце 60-х годов. Тому блестящий пример – из всех книг, опубликованных в эмиграции, на французском при жизни вышло всего две его книги: «Анна» и «Золотой узор». Причем эта последняя еще в 1933 г., почти за 40 лет до его смерти в Париже. Третьей книгой стал мой перевод его шедевра «Голубая звезда»... в

5. «Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу 1920–1940». «Русский путь», Москва, 2007. – С. 200–214.

6. «Одиночество и свобода», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955. – С. 35.

7. «Курсив мой». Wilhelm Fink Verlag, München, 1972. – С. 265.

8. «Русская литература в изгнании», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1956. – С. 239.

2000 г. Могу в этой связи привести и случай Ивана Шмелёва: за почти 30 лет изгнания во Франции вышли на французском языке всего три его книги. А «Окаянные дни» И. Бунина появились на французском[9] только в конце «перестройки» – после их выхода в Москве!

Весьма показателен скандал, разразившийся в 1927 г., в связи с проникшим на Запад страшным анонимным письмом «Писателям мира» от лица «группы русских писателей из России»: «К вам, писатели мира, обращены наши слова. Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпохи и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удушение великой литературы? Или вы не знаете о коммунистической цензуре? (...) Писатели! – Ухо, глаз и совесть мира – откликнитесь! Единственное наше оружие – перо – выбито из наших рук, воздух, которым мы дышим, – литература – отнят от нас, мы сами в тюрьме. (...) Мы лично гибнем. Как из тюремного подполья, отправляем мы это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни переправят за границу. Не знаем, достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди вас, заклинаем вас: вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь!»[10]

Бальмонт, Бунин и Шмелёв пытались привлечь внимание Запада к этому документу. Бунин выступил первым и уже через неделю писал в газете «Возрождение»: «К писателям всего мира обращаюсь и я: да, вслушайтесь, вдумайтесь, отзовитесь на этот потрясающий вопль! Семь лет, прожитых мной
в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренно: да где же вы, “совесть мира, прозорливцы”, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с Вами в цивилизованной Европе, в христианском мире? Мы, писатели-изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир...»[11]

Бальмонт откликнулся также. В октябре 1927 г. он обращается с открытым письмом к Кнуту Гамсуну, затем к Ромэну Роллану. Несколько месяцев русские писатели-изгнанники пытались напечатать свои призывы во французской прессе. И только в январе им это удалось, их обращения появились наконец в маленьком периодическом издании «Авенир». Никто их не заме-

9. Ivan Bounine, «Jours maudits», «L'Age d'Homme», Lausanne, 1988.

10. «Последние новости», № 2300, Париж, 10 июля 1927 г.; «Возрождение», № 768, Париж, 10 июля 1927 г.

11. «Возрождение», № 775, Париж, 17 июля 1927 г.

тил – за одним исключением: Ромэн Роллан напечатал ответ в ежемесячнике «L'Europe», ссылаясь на свидетельства писателей Ж. Дюамеля и Л. Дюртена, насмотревшихся в Советском Союзе на потемкинские деревни сталинизма: «Бальмонт, Бунин, я все понимаю – ваш мир разрушен, вы – в печальном изгнании. Для вас гудит набат погибшего прошлого». Потом Р. Роллан обратился к Горькому с вопросом: «Правда ли, что писателей в Советском Союзе угнетают?» Ответ Горького был напечатан в мартовском номере той же «L'Europe». Там, разумеется, утверждалось, что в Советском Союзе писатели куда более счастливы, чем в зарубежных странах... Но Бальмонт не успокоился и в новом письме Р. Роллану написал: «Большевизм есть деспотизм, и в тысячу раз худший, неизмеримо более бесчеловечный, чем был деспотизм царизма».

Как вспоминает Н. Берберова, Ходасевич также хотел возразить Горькому во французской печати – сказать о бесследно пропавших поэтах и писателях в СССР, о самоубийствах, о пресловутой «политике партии», о цензуре, о страшных годах, которые настают для литераторов в России...

Поводом для новой полемики послужило юбилейное приветствие Роллана (4.12.1927) «величайшей годовщине в истории народов» – то бишь Октябрьской революции. Бунин вновь разразился открытым письмом: «Я бесконечно обязан "L'Avenir", позволившему мне присоединить эти несколько строк к сильному и благородному письму Бальмонта, к горьким упрекам, с которыми он обращается к знаменитому французскому писателю Ромэну Роллану, считающемуся одним из самых страстных поборников свободы и человеколюбия, а проявляющего себя другом банды разбойников и злодеев, которые вот уже десять лет как опустошают и истощают Россию и унижают человеческое достоинство как никогда со времен сотворения мира. Неужели он всерьез предполагает, что мы все, русские писатели-эмигранты, являемся просто-напросто тупыми реакционерами... Как он заблуждается!»[12]

Уместно напомнить, что кроме Р. Роллана, на стороне советской власти были так называемые «прогрессивные литераторы» – А. Барбюс, Л. Арагон, А. Бретон, Л. Дюртен, А. Мальро, Ж. Дюамель, Н. Саррот, А. Роб-Грийе и др. А Андрэ Жид годами доказывал достоинство режима «великого Сталина», пока, съездив в СССР, не прозрел...

К счастью, художникам-эмигрантам оказалось легче завязывать творческие связи, правда, не без усилий с их стороны. Они сумели не только включиться в художественную жизнь Запада, но и дать старт новым направлениям в живописи. Достаточно упомянуть В. Кандинского, О. Цадкина, Н. де Сталь, Соню Делонэ. Этому безусловно способствовало то,

12. И.А. Бунин. Публицистика. 1918–1953 гг. – Москва, 1998. – С. 264–265.

что многие приезжали в Париж еще задолго до революции и полноправно вписались в артистическое панно довоенного Парижа. В их числе были М. Шагал, С. Ястребцов (Фера), Л. Сюрваж, М. Васильева, С. Шаршун, Н. Гончарова, М. Ларионов. А «Парижская школа» немыслима без А. Ланского, С. Полякова, М. Андреенко, Л. Зака, К. Терешковича, Д. Бушена, М. Маревны, И. Пуни и др.

Стоило бы рассказать и о блистательных «Русских сезонах» С. Дягилева в Париже (1909–1929), но это уже другая история, и ее завершение было более счастливым, нежели развязка истории «любви без взаимности» между русским и французским литературным миром.

Можно лишь пожалеть, что и после крушения советского тоталитаризма ситуация на «французской стороне» больших изменений не претерпела, хотя вести диалог уже не с кем: одних уж нет, а те далече... Но потребность в объективном и честном осмыслении драматичного прошлого остается. Признать ошибку никогда не поздно. Воздать должное тем, кто, оказавшись «в послании» на французской земле, достойно нес свою миссию, не только можно, но и должно. Будем надеяться, что это все-таки произойдет.

А.В. Попов

БИБЛИОТЕКИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И США

Попов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ, руководитель Центра по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа.

История русских церковных библиотек за рубежом, неразрывно связанная с историей Русской православной церкви, имеет свои географические, хронологические и юрисдикционные особенности. Русская православная церковь имеет заграничную часть уже более трех веков. В Западной Европе русские храмы появились в XVII в. С этого времени их число непрерывно возрастало в связи с расширением дипломатических, династических, торговых и культурных связей России со странами Западной Европы[1]. С конца XVII в. начинается распространение православия в Китае. Начало православию в Америке положила Русская православная миссия на о. Кадьяк, начавшая свою деятельность в 1794 г. В 1847 г. была учреждена первая Русская духовная миссия в Иерусалиме. В 1869 г. была открыта духовная миссия в Японии, в 1900 г. – в Корее, в 1898 г. – в Урмии (Иран).

История православия и Русской духовной миссии в Китае начинается во времена правления императорской маньчжурской династии Цин и берет свое начало от так называемых албазинских пленников, взятых китайцами в плен при осаде крепости Албазин в 1685 г. и уведенных в Пекин. В 1715 г. по предложению митрополита Феофила Тобольского с согласия богдыхана в Пекин была отправлена первая Русская духовная миссия. Она состояла из десяти человек под начальством архимандрита Илариона (Лежайского)[2].

Библиотека Российской духовной миссии в Пекине стала первой русской церковной библиотекой за рубежом и крупнейшей в Китае. Начало библиотеке было положено при архимандрите Софронии (Грибовском), начальнике

8-й миссии (1796–1808)[3]. В проекте инструкции для Российской духовной миссии говорилось: «…по мере данных ей средств собирать для своей библиотеки книги по приложенному списку»[4]. Возможно, что при Миссии существовала не одна библиотека. Записи на книгах из собрания Пекинской духовной миссии, хранящихся в Иркутском государственном университете, свидетельствуют[5], что уже в конце XVIII в. существовало три библиотеки: «Российская и европейская», «Старая русская», «Казенная ученическая»[6]. Хотя вероятнее всего, что речь идет о разных отделениях одной библиотеки.

К концу XIX в. библиотека Российской духовной миссии насчитывала несколько тысяч томов. Она располагала изданиями не только на русском, но и на европейских и восточных языках. В полной мере были представлены богослужебные книги и научные труды членов миссии. Подлинными сокровищами являлись книги по китаеведению и географии[7]. Следует отметить, что Российская духовная миссия несмотря на более чем скромную миссионерскую работу сыграла исключительную роль в отношениях между Россией и Китаем. Научные труды ее членов не только заложили основы отечественной синологии, но и внесли большой вклад в европейскую науку, фактически открыв миру доселе почти неизвестный Китай. Всемирным достоянием
являются фундаментальные труды и переводы о. Иоакинфа (Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова) и многих других членов Российской духовной миссии в Китае[8]. В частности, о. Иоакинфу принадлежат такие фундаментальные труды как «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Записки о Монголии», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем его состоянии» и др.[9] Он является автором блистательных переводов с китайского языка «Описания Тибета в его нынешнем состоянии», «Описания Пекина» и многих других работ[10]. Члены миссии обогатили не только российскую и китайскую науку, но и европейскую научную мысль в целом. Они внесли свой вклад в филологию, изучение древних восточных языков и в другие области науки, особенно в медицину и астрономию[11].

Более сорока лет в библиотеке Российской духовной миссии хранились книги из богатого собрания католической миссии. В 1826 г. при императоре Дао-Гуане (1821–1856) все католики были выселены из Пекина. Эта участь миновала Российскую духовную миссию, так как она не вмешивалась в политические дела. Уезжая, члены католической миссии передали Российской духовной миссии на хранение обширную библиотеку миссии, где она хранилась до 60-х годов XIX в., после чего была возвращена французским миссионерам.

Переломным моментом в истории миссии и ее библиотеки было восстание ихэтуаней в 1900 г., имевшее антихристианскую направленность.

Русская миссия была сожжена, погибли ее архив и библиотека. Уцелело лишь немного книг, которые заранее удалось вывезти в посольский квартал[12]. Впоследствии библиотека была восстановлена, но уже не в прежнем объеме. В 1915 г. в ее составе было 3500 томов[13]. В. Вырыпаев вспоминал: «После восстания энергичный и преосвященнейший начальник Миссии, проживший в Пекине более 30 лет, считавшийся среди европейцев лучшим китаеведом, Митрополит Иннокентий, имея материальную возможность, в течение всей своей жизни энергично собирал и скупал редчайшие книги. К концу его жизни (1931) Миссия имела более 4 тыс. ценных книг. Для хранения их Митрополит построил специальное двухэтажное здание на территории Миссии. Нижний этаж здания предназначался для хранения бумаг. В верхнем этаже было четыре вместительных зала. Половину этажа занимал зал для публики; здесь же происходили торжественные заседания. В шкафах размещались книги по истории церкви и толкованию Священного писания на русском, славянском, греческом, китайском языках и книги по истории на русском и французском языках. В самых больших шкафах хранились книги личной библиотеки Митрополита Иннокентия, среди которых были уникумы на разных языках. Немало в библиотеке было и личных трудов самого Митрополита, главным образом переводов с греческого, китайского и других языков. Много книг Священного писания было переведено Митрополитом на китайский язык для миссионерской деятельности. В специальных шкафах были собраны книги по востоковедению… На длинных полках лежали кипы всевозможных журналов: исторические, духовные, географические, научные и другие»[14].

В Китае существовали и другие православные библиотеки – при православных церквях и приходах, но развития они не получили и существовали далеко не при всех храмах.

Революция 1917 г. и последующее поражение белых армий в Гражданской войне изменили ситуацию в Китае, породили новое явление, которое принято называть «Русским зарубежьем» (в данном случае – его дальневосточную ветвь). Профессор П.Е. Ковалевский отмечал: «Революция 1917 года явилась трагедией для русской культуры, так как она уничтожила в России все то, что накапливалось в течение веков – культурный класс и духовные и культурные ценности, – но она не осилила духа русского народа, который сохранил в глубине своего сознания православные устои. Революция вызвала добровольный отъезд из России значительной части русских культурных сил, которые, продолжая и развивая то дело, которое они вели на родине, разнесли русскую культуру по всему миру»[15]. В этот период в Китай хлынул поток русских беженцев, было нарушено церковное управление, так как связь с церковным центром в Москве прервалась на долгие годы. После окончания Гражданской войны значительно выросло русское население

Маньчжурии и Китая в целом. Русскую колонию в Китае, до революции состоявшую в основном из людей так или иначе связанных с КВЖД, пополнили многочисленные гражданские беженцы, а также солдаты и офицеры белогвардейских частей, вынужденных отступить в Китай[16]. Как докладывал в своем рапорте архиепископу Харбинскому и Маньчжурскому Мефодию главный священник Земской Рати, протоиерей Леонид Викторов, огромный поток беженцев из России в Китай объясняется «естественным тяготением к Харбину, как единственной Епархии, свободной от большевицкого засилья и растлевающего влияния "живой церкви"»[17].

На территории Китая были образованы две новые епархии: Пекинская и Китайская; Харбинская[18]. Появилось и новое крупное книжное церковное собрание – Харбинская епархиальная библиотека (библиотека Харбинской епархии). Среди документов Харбинской епархии, находящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), сохранился отчет о деятельности Харбинской епархиальной библиотеки[19]. В Пекинской и Китайской епархии библиотеки не было. Ее роль выполняла библиотека Пекинской духовной миссии.

Крупная библиотека существовала при Казанско-Богородицком мужском монастыре в Новом Модягоу (Харбин). При монастыре работали типография и переплетная мастерская[20]. Небольшая библиотека имелась также при женской обители во имя Владимирской Божьей матери в Харбине.

После прибытия новых беженцев строительство православных храмов и образование приходов в Китае возросло. Согласно документам Харбинской епархии только в ее ведении в 1928 г. находились 41 церковь и два монастыря[21]. По данным Н.П. Крадина, к 1944 г. в пределах только Харбинской епархии насчитывалось более 60 храмов, что говорит о более чем троекратном росте с момента окончания Гражданской войны[22]. В то же время число библиотек при храмах было незначительно. Наличие библиотеки являлось скорее исключением, чем правилом. В отчете Харбинского епархиального управления за 1932 г. упоминается о наличии библиотеки из 250 томов при Софийской церкви в Харбине, о библиотеке при приюте-школе «Русский дом» в Славянском городке (Харбин). Существовала также православная библиотека при Покровском храме и Братстве православной церкви в Тяньцзине, основанная иеромонахом Виктором (Святиным) в 1921 г.

В Китае не было высших учебных заведений Православной церкви. Существовал только Богословский факультет при Институте имени Св. Князя Владимира. Факультет был создан на базе существовавших с 1928 г. пастырско-богословских курсов и открыт в 1934 г. При факультете имелась библиотека, состав которой в полной мере соответствовал читаемым дисциплинам: 1) Священное писание Ветхого Завета; 2) Священное писание

Нового Завета; 3) Догматическое и нравственное богословие; 4) История западных исповеданий; 5) Патрология; 6) Пастырское богословие; 7) Основное богословие; 8) Церковная археология; 9) Логика, психология, философия; 10) Педагогика; 11) Церковно-славянский язык; 12) Церковная история, общая и русская; 13) Каноническое право; 14) История религий; 15) Литургика; 16) Библейская история, археология и греческий язык.

1945 год стал поворотным в судьбе русской диаспоры в Китае. Изгнание японцев из Маньчжурии советской армией, образование КНР привело к массовому отъезду русских из Китая. Часть из них уехала в Австралию и США, другая – в СССР. Покинули Китай и многие иерархи, священники. В 1956 г. все недвижимое имущество РПЦ в Китае безвозмездно передается властям КНР. Территория Российской духовной миссии в Пекине со всеми постройками передается советскому посольству. Первым делом новые хозяева разрушают Успенский храм. В 1957 г. была сожжена часть библиотеки миссии, а оставшиеся книги была включены в состав библиотеки посольства[23]. На такой печальной ноте закончилась почти 300-летняя история Русской православной церкви и православия в Китае. Прекратили свое существование и православные библиотеки.

Не менее печальная судьба ждала другую библиотеку – Библиотеку Российской духовной миссии в Японии. Православие смогло проникнуть в Японию только после подписания в июле 1858 г. договора об установлении дипломатических отношений между Россией и Японией. Первым консулом России в Японии стал И.А. Гошкевич, автор первого японско-русского словаря. По его инициативе и на его средства в 1859 г. была построена православная церковь Воскресения Христова при Российском консульстве в Хакодате на острове Хоккайдо. Первым священником Воскресенской церкви стал протоиерей Василий Махов. Он проводил службы для православных сотрудников консульства. В 1861 г. о. Василия, уехавшего в связи с болезнью на родину, сменил о. Николай (Касаткин), будущий архиепископ, прославленный РПЦ в 1970 г.[24]

Начало библиотеке миссии было положено покупкой о. Николаем всех книг из закрывшегося в Токио книжного магазина. В 1880 г. директор Румянцевского музея В.А. Дашков пожертвовал миссии по просьбе владыки Николая дубликаты книг из библиотеки музея. В 1882 г. владыка Николай составил каталог библиотеки, согласно которому в ней числилось 6380 книг, в том числе, по богословскому отделу – 2503, по научному – 2056, по иностранному отделу – 1821 книга. В 1899 г. для библиотеки было построено специальное трехэтажное здание. До этого библиотека располагалась в Воскресенском соборе в помещении под колокольней. О приоритетах в комплектовании библиотеки можно судить на основании письма владыки Николая протоиерею Николаю Благоразумову, в котором он сообщал: «Что

касается вопроса, какого рода книги желательны для здешней библиотеки, то, конечно, прежде всего по религиозным вопросам, начиная со Св. писания, св. отцов, догматики и далее, а затем по светским наукам, начиная с естественных религий, философии и далее и притом, если можно, не на одном русском, а и на других языках, особенно на английском»[25]. Владыка Николай уделял большое внимание библиотеке. Он лично заносил каждую новую книгу в каталог, часто сам делал переплет и в назначенное время сам же выдавал и принимал книги, делая отметки в регистрационном журнале о выдаче или приеме книг. Таким образом, при жизни архиепископа Николая библиотека содержалась в идеальном порядке. Такой же порядок поддерживался и после его смерти в 1912 г. Однако землетрясение 1923 г. не пощадило библиотеки: полностью сгорел весь третий этаж. При этом была уничтожена большая часть книг – 11 тыс. томов и весь архив миссии. В 1925 г. библиотека была отремонтирована. Ее собрание включало около 3 тыс. томов. В Японии церковные библиотеки имелись также при созданной в 1875 г. Духовной семинарии и двух женских духовных школах.

Вторая мировая война принесла много бед Японской православной церкви. Многие храмы были разрушены, связь с Московским патриархатом не поддерживалась в период войны. После принятия в 1939 г. «Закона о религиозных организациях» Японская церковь была зарегистрирована в 1941 г. в министерстве просвещения в качестве юридического лица как отдельная конфессия под названием «Религиозная организация Японская Православная Церковь Христова». Однако по новому закону иностранцам запрещалось стоять во главе религиозной общины. Поэтому преемник архиепископа Николая и глава Японской церкви митрополит Сергий (Тихомиров) был отстранен от руководства церковью[26]. В ноябре 1946 г. Московская патриархия направила в Японию двух епископов, однако штаб американских оккупационных войск отказался впустить их в Японию. Под нажимом оккупационных властей в Токио был созван Внеочередной Собор Японской православной церкви, на котором было принято решение о временном подчинении японских православных приходов Русской православной церкви в Америке (Американской митрополии). С этого времени в течение 25 лет во главе Японской православной церкви, сменяя друг друга, стояли американские архиереи. В эти же годы почти вся библиотека миссии была вывезена в Америку. В настоящее время в библиотеке от некогда очень богатого собрания осталось около 400 книг богословского содержания.

История православия на американском континенте ведет свое начало с Русской духовной миссии, прибывшей на остров Кадьяк в 1794 г. Русская духовная миссия сыграла огромную роль в распространении православия в Северной Америке. Однако судьба ее членов сложилась трагически. В 1796 г.

принял мученическую смерть от рук индейцев иеромонах Ювеналий. В 1799 г. погибли при кораблекрушении глава миссии архимандрит Иоасаф, возведенный в сан епископа, и иеромонахи Стефан, Макарий. На протяжении последующих 40 лет нового епископа не назначали. Миссионерская работа осуществлялась оставшимися монахами из числа тех, которые прибыли с архимандритом Иоасафом: иеромонахом Афанасием, иеродиаконом Нектарием и монахом Германом. Алеутские индейцы почитали Германа святым еще при его жизни. Отец Герман некоторое время был администратором миссии, пережил всех ее членов, отказался от священства, оставаясь простым монахом. Он закончил свою жизнь отшельником на острове Еловом возле Кадьяка, прозванном Новым Валаамом. В августе 1970 г. он был канонизирован как преподобный Герман Аляскинский и стал первым американским святым в православном календаре.

К 1850 г. в Русской Америке было девять православных церквей, 37 часовен, девять священников, два дьякона и до 15 000 человек паствы. Всего же в Камчатской, Курильской и Алеутской епархии, как указывалось в отчете владыки Иннокентия, насчитывалось 24 храма, 37 часовен и молитвенных домов, в которых служили 29 священников, пять диаконов[27]. После продажи Аляски Америке в 1867 г. РПЦ сохранила право продолжать свою деятельность, а также права на принадлежащие ей храмы и другие постройки. В договоре о продаже Аляски, в частности, говорилось: «…Согласно соглашению церкви, которые выстроены на уступаемой территории Русским Правительством, остаются собственностью тех членов Греко-Восточной Церкви, живущих на территории, которые могут совершать богослужения в них…» По решению Синода, Аляскинская епархия должна была ежегодно получать 1% от суммы, вырученной от продажи Аляски, т.е. 72 000 долл. Эти деньги стали финансовой базой существования РПЦ в Америке. После 1867 г. РПЦ в Америке находилась на территории другого государства, что во многом определило ее дальнейшую историю. Так заканчивается начальный период в истории Православной церкви в Америке. К 1918 г. в Америке находились 271 русская церковь и 61 часовня с 257 священниками[28]. В настоящее время Американская православная церковь включает 16 епархий, имеет более 500 приходов и насчитывает около 1 млн. человек паствы[29]. Православная церковь в Америке имеет монастыри, при которых имеются библиотеки: четыре мужских монастыря (Свято-Тихоновский, Святого мученика Евгения, Свято-Воскресенский, Свято-Вознесенский) и два женских монастыря (Свято-Успенский и Свято-Мариинский).

Свято-Тихоновская богословская семинария в Саут-Канаане была открыта 24 октября 1938 г., как пастырская школа, а в 1942 г. преобразована в семинарию. В 1967 г. семинария получила официальный статус богословской школы, а в 1975 г. была формально соединена с Merywood College

(г. Скрэнтон, штат Пенсильвания). С 1988 г. семинария имеет право присваивать степень магистра богословия (M. Div.).

Библиотека при семинарии была открыта в августе 1939 г. и ее основой стали книги подаренные митрополитом Феофилом (Пашковским), архиепископом Арсением (Чаговцом), епископом Леонтием (Туркевичем). Позднее библиотека пополнилась личными книжными собраниями епископа Иоанна, протоирея Владимира Боричевского и многих других. В дальнейшем библиотека значительно расширилась. Большую роль в ее становлении сыграл протоиерей Василий Мартисон, составивший первый каталог библиотеки на более чем 10 тыс. книг.

В настоящее время в составе библиотеки Свято-Тихоновской семинарии более 50 тыс. томов, из которых 36 тыс. – книги, остальные – собрание периодических изданий, включающее более 200 названий. Хронологические рамки книжного собрания начинаются с XVII столетия и заканчиваются сегодняшним днем. Книги на славянских языках представлены более чем 12 тыс. монографий. Основная тематика библиотеки – это литература по истории православной церкви и богословию с преобладанием работ на восточноевропейских и русском языках. Библиотека семинарии является действительным членом Американской теологической ассоциации библиотек. По мнению американских библиографов, собрание библиотеки является очень ценным ресурсом для исследователей всех академических уровней.

Среди библиотек Американской православной церкви хочется выделить как крупный библиотечный центр мирового значения в области богословия и истории церкви Свято-Владимирскую духовную семинарию в Крествуде (штат Нью-Йорк)[30]. Свято-Владимирская семинария была открыта в 1938 г. В семинарии преподавали выдающиеся ученые и богословы – Иоанн Мейендорф, Георгий Флоровский, Фома Хопко, Александр Шмеман, Николай Арсеньев, Георгий Федотов и др. В числе выпускников семинарии – 30 епископов и более 700 священников, а также большое число мирян, ярко проявивших себя в академической науке США и других стран. В 1970-е годы Свято-Владимирская семинария была официально признана высшим учебным заведением США, присваивающим своим выпускникам ученые степени кандидата и магистра богословия. Семинария располагает библиотекой, считающейся самой богатой библиотекой по истории православия на Северо-Американском континенте. В настоящее время в библиотеке семинарии хранится более 120 тыс. томов, в том числе более 350 названий периодических изданий из Европы, США, Южной Америки (особенно из Буэнос-Айреса и Сан-Пауло). В библиотеке находятся подаренные семинарии личные библиотеки Пауля Андерсона, Николая Арсеньева, прот. Иоанн Мейендорфа, прот. Александра Шмемана, прот.

Георгия Флоровского и др. Хронологические рамки книжного собрания охватывают период с конца XVI в. и до наших дней. Самое старое издание – Острожская библия 1581 г. В составе библиотеки более 25% изданий – на русском и других славянских языках, 25% изданий – на английском, 25% изданий – на немецком и французском языках, а также литература на испанском, итальянском и других языках[31]. Основная тематика библиотечного собрания – история православия и православной церкви в Восточной Европе и Америке, православное богословие. Современные приоритеты комплектования направлены на собирание литературы по истории православия, особенно на Американском континенте[32].

Одной из важных форм работы Американской православной церкви является создание православных библиотек при церквях. Как правило, библиотеки работают по воскресеньям. Комплектование библиотек осуществляется за счет средств прихода. Кроме книг в библиотеках хранятся видео- и аудиоматериалы по православной тематике. Собрания библиотек используются членами прихода и всеми интересующимися православием и его историей. Одной из задач библиотек является информационное обеспечение написания истории прихода и церкви. Большое внимание архив Американской православной церкви уделяет устной истории. Запись и хранение интервью поставлены на научную основу.

Книги из бывших церковных библиотек в Америке отложились не только в церковных библиотеках православной церкви. Значительная их часть разными путями попала в американские светские библиотеки. Среди таких библиотек выделяется Библиотека Конгресса США, куда в 1928 и 1940 гг. Американская православная церковь передала значительную часть своего архива, включающего и книжные собрания. «Эти книги и документы составляют подлинное научное сокровище. Жизнь Сибири, Аляски, Калифорнии, как в зеркале отражена в них»[33].

Еще одной крупной зарубежной частью некогда единой Русской православной церкви является Русская православная церковь за границей (РПЦЗ). Русская православная церковь за границей образовалась более 80 лет назад. Она задумывалась как временная церковная организация русских беженцев но, пережив крушение Советского Союза и коммунизма, существует до сих пор. Не признанная ни одной из православных церквей, долгое время находившаяся в расколе с Русской православной церковью, она тем не менее сыграла огромную роль в сохранении русского православия вне России.

Крупнейшим в США центром собирания и хранения российского культурного наследия, в том числе и книжного, является основанный в 1930 г. Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк) юрисдикции Русской православной церкви за границей[34]. С первых дней

основания при монастыре действовала библиотека. В 1948 г. при монастыре была учреждена Свято-Троицкая духовная семинария[35]. В 1966 г. семинария получила официальную государственную аккредитацию и право выдачи дипломов бакалавров богословия. При семинарии сразу же после ее открытия была организована библиотека. Таким образом, в Джорданвилле были созданы и существуют до сих пор две библиотеки – монастыря и семинарии.

Монастырская библиотека богата прежде всего дореволюционным собранием книг житийного жанра, богословской и исторической литературой дореволюционных издательств начиная с XVII в., также собранием редкой богословской и духовной периодики XIX в.[36]. До настоящего времени монастырская библиотека не имела научно-справочного аппарата и не была публичной, доступной для посторонних лиц. Книжное собрание библиотеки семинарии дополняет собрание монастырской библиотеки. Библиотека семинарии богата в первую очередь собранием редких эмигрантских книг и периодических изданий межвоенного периода. Комплектование обеих библиотек осуществляется главным образом путем пожертвований от частных лиц и эмигрантских организаций[37]. В библиотеку семинарии, как правило, безвозмездно передают свои личные библиотеки профессора и преподаватели. Первые крупные собрания в библиотеку семинарии поступили от Елены Александровой, жены первого декана семинарии, Н.Н. Александрова и от архиепископа Аверкия (Таушева), ректора семинарии в 1952–1976 гг. Помощь семинарской библиотеке в комплектовании изданий на английском языке оказывала государственная библиотека штата Нью-Йорк в Олбани.

К 1953 г. в библиотеке семинарии было уже более 7 тыс. книг, из них на русском языке – 4 тыс., на английском – 3 тыс. книг. В отчете о библиотеке, представленном в Музей русской культуры в Сан-Франциско в 1953 г., сообщалось: «Как среди русских, так и английских книг имеются антикварные уникумы, составляющие предмет интереса посетителей. Русский отдел имеет в своем составе в числе прочих других, следующие ценные книги: Энциклопедический Словарь Брокгауза, Полные собрания сочинений: св. Димитрия Ростовского, Хомякова, еп. Феофана (Затворника), св. Митрофана Воронежского, Добролюбие, еп. Игнатия (Брянчанинова), св. Иоанна Златоуста, Вл. Соловьёва, Четьи-Минеи и т.д. В последнее время в библиотеку начали поступать пожертвованные книги. Бесплатному пополнению английскими книгами много содействовала государственная библиотека штата Нью-Йорк в Олбани. Но покупать книги монастырь, к сожалению, не может, ввиду отсутствия у него денежных средств. По этой причине часто приходится упускать появляющиеся у книготорговцев ценные богословские и другие научные книги…»[38].

Русская эмиграция в Австралии была немногочисленной и не смогла создать крупных церковных библиотек. Церковные библиотеки в Австралии имели небольшие книжные собрания и существовали далеко не всегда при храмах и приходах. Первая церковная библиотека была организована группой русских беженцев из Китая, основавших первый русский православный приход в Австралии в городе Брисбен. В 1926 г. русская община Брисбена купила участок земли с небольшим домом, который был переоборудован под церковь, освященную во имя Святителя Николая. В одной из комнат была устроена церковь, а в помещениях рядом с нею – кухня, зал-столовая и библиотека[39]. Основой книжного собрания послужила личная библиотека прибывшего из Ханькоу священника Андрина Турчинского. В основном это были книги, вывезенные из Китая. Другим дарителем книг библиотеке Свято-Николаевской церкви был известный в русском зарубежье регент Алексей Алексеевич Михайлов[40]. В 1929 г. он переехал из Китая в Брисбен. Известно, что, еще находясь в Китае, он высылал в библиотеку ноты и книги[41]. К 1930 г. в библиотеке Свято-Николаевского храма насчитывалось около 400 книг. О внимании прихожан к библиотеке говорит следующий факт. Когда в 1929 г. встал вопрос о постройке постоянного каменного храма, в его проекте предусматривалось помещение для библиотеки на первом этаже. В журнале «Чужбина» в 1929 г. писалось: «..возник проект постройки нового здания с таким расчетом, чтобы первый этаж здания вмещал в себя зал и библиотеку»[42].

В журнале «Австралиада. Русская летопись» были опубликованы воспоминания основателя и заведующего библиотекой при Свято-Петропавловском соборе в Сиднее Юрия Михайловича Доманского[43]. Он пишет о том, что библиотека при соборе в Сиднее была организована в 1964 г., и первыми поступлениями книг были книги из его личной библиотеки. Следующим крупным поступлением была личная библиотека беженца из Харбина А.П. Ткаченко, приобретенная у его вдовы. Книги приобретались и за границей. Так, в Буэнос-Айресе была приобретена личная библиотека Роснянского. Ю.М. Доманский раскрывает принципы комплектования церковных библиотек: «Библиотека должна собирать материалы интересные не только читателю, ищущему развлечения в чтении, но и читателю, интересующемуся Россией, ее историей, языком, литературой, описанием страны, историей экономики страны, жителями государства Российского… Первые наши читатели и были как раз такие люди, которым нужна такая библиотека. Это были члены тогдашних русских общественных организаций, начавших свое существование еще в дореволюционной России, в Европе, Харбине и Шанхае». Свои воспоминания Ю.М. Доманский заканчивает следующими словами: «Церковь, как единственная организация, следящая за нуждами всех российских эмигрантов и уже создавшая библиотеки, должна

их развивать и увеличивать для всеобщей пользы»[44]. Церковные библиотеки существуют и при других русских храмах и приходах в Австралии. В настоящее время в Австралии и Новой Зеландии находятся 21 русская церковь, два мужских монастыря. Можно предположить, что при них также существуют библиотеки.

Представленные в настоящем обзоре библиотеки не исчерпывают всех зарубежных церковных библиотек, принадлежащих различным православным юрисдикциям. На были рассмотрены библиотеки Архиепископии приходов русской православной традиции в Западной Европе, русские собрания Польской, Финской, Эстонской и других православных церквей, отделившихся в разные годы и по разным причинам от некогда единой Русской православной церкви. Это тема для самостоятельного исследования.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть особую роль, которую играли церковные библиотеки за рубежом. Как и сама церковь они помогали сохранить связь с далекой, а для потомков эмигрантов и незнакомой Родиной, ее культурой и историей. Церковные библиотеки за рубежом эволюционировали от узконаправленных конфессиональных библиотек, недоступных для широкой публики и даже рядовых верующих церкви, к хранилищам, отдающим приоритет принципу публичности, общедоступности. В настоящее время большинство церковных библиотек предоставляют свои книжные фонды не только членам своей церкви, но и всем желающим лучше узнать историю православия и Русской церкви. Они являются полноценным и важным сегментом мирового информационного пространства. Особенно велика их роль в хранении и использовании ретроспективной информации по истории православной церкви и православия в мире. Можно с уверенностью сказать, что книжные сокровища церковных библиотек имеют большое историческое и культурное значение не только для России, но и для стран своего местонахождения.

Литература

1. Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. – М., 1958. – С. 144.

2. Русак В.С. История Российской церкви от основания до наших дней. – Джорданвиль, 1993. – С. 371.

3. Кузнецова Т.В. Русская книга в Китае (1917–1949). – Хабаровск, 2003. – С. 64; Об истории Русской православной церкви в Китае в XX в. см.: Священник Дионикий Поздняев. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир. – 2001, № 1. – С. 165–181.

4. Кармановская И.Л. О библиотеке Российской духовной миссии в Пекине // 21-я научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. Ч. 2. – М., 1990. – С. 132–133.

5. Книги из библиотеки Российской духовной миссии, хранящиеся сейчас в Иркутске, были подарены Иркутской духовной семинарии начальником 10-й Миссии, архимандритом Петром Каменским.

6. Книги и рукописи Китайских миссий в Научной библиотеке при Иркутском гос. университете им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1948. – С. 5–6. (Труды Научной библиотеки при Иркутском гос. университете им. А.А. Жданова. Вып. 9).

7. Кузнецова Т.В. Указ. соч. – С. 64.

8. Андреевская С.И. Описание хунну Н.Я. Бичуриным в работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время» // Научно-практическая конференция, посвященная 5-летию Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ, 2001. – С. 76–78.

9. Тихвинский С.Л., Пескова Г.Н. Выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Бичурин). К 220-летию со дня рождения // История Российской духовной миссии в Китае. Сб. ст. – М., 1997. – С. 165–196.

10. Андреевская С.И. К вопросу о деятельности Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) – на посту главы IX Российской духовной миссии (1807–1821 гг.) // Вест. Бурят. гос. ун-та. – Сер. 4. История. – Улан-Удэ, 2002. – С. 39–45.

11. Петров В.П. Российская духовная миссия в Китае. – Вашингтон, 1968. – С. 90.

12. Букреев А.И. Книга «восточной ветви» русской эмиграции: Вторая половина XX в. – Хабаровск, 2003. – С. 39–45.

13. Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1990–1997). – М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. – С. 42.

14. Вырыпаев В. Книгохранилище бывшей Русской Миссии в Пекине // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. – Сан-Франциско, 1966. – С. 63.

15. Ковалевский П.Е. Революция. Русское рассеяние и культурное завоевание мира // Общество «Икона в Париже». – М. – Т. 2, 2002. – С. 24.

16. Попов А.В. Из истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (Китае, Корее и Японии) // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. – Владивосток, 2000. – С. 151.

17. ГАРФ, Ф.-Р. 6343, Оп. 1, д. 235 лл. 1–10.

18. Попов А.В. Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. – М., 2005. – С.150–154.

19. ГАРФ, Ф.-Р 6343, Оп. 1, д. 236, лл. 48–50.

20. ГАРФ, Ф.-Р 6343, Оп. 1, д. 243, лл. 37.

21. ГАРФ, Ф.-Р 6343, Оп. 1, д. 236, лл. 41–46.

22. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск, 2001. – С. 88.

23. Букреев А.И. Указ. соч. – Л. 26.

24. Георгий (Тертышников), архимандрит. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая в Японии // Альфа и Омега. – М., 1998. – № 3(17). – С. 181–199.

25. Саблина Э.Б. 150 лет православия в Японии. История Японской православной церкви и ее основатель Святитель Николай. – М., СПб., 2006. – С. 72–73.

26. Поздняев Д., священник. Митрополит Токийский Сергий // Церковь и Время. – М., 1999. – № 1(8). – С.159–163.

27. Филяновский И., священник. Держись мира и сотвори любовь: Очерки из истории русского православного миссионерства XIX–XX веков. – М., 2002. – С. 48.

28. ГАРФ, Ф. 6991, Оп. 8, д. 66, л. 182.

29. ГАРФ, Ф. 6991, Оп. 6, д. 3565, л. 123.

30. Kazines E. Bibliographical Census: Russian Empire Theological and Philosophers in the Seminary Library Collection // St. Vladimir's Theological Quarterly. – 1972. – N 16. – P. 40–44.

31. Whittaker R/ Two New York Collections for the Study of Eastern Christianity // Ibid. – 1990. – N 34(2–3). – P. 222.

32. Fr. John Meyendorff. The Library // Ibid. – 1975. – N 19. – P. 139–140.

33. Августин (Никитин), архимандрит. Церковные архивы Русской Америки // Россия и США. Обзор церковных связей. – Миннеаполис, 1991. – Ч. 2. – С. 80.

34. Краткий исторический очерк строительства Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, шт. Нью-Йорк, Сев. Америка / Собрал, перепечатал и дополнил иллюстрациями архимандрит Пантелеймон. – Джорданвилль, 1978. – 96 с.

35. Сборник материалов по истории Свято-Троицкой семинарии. К пятидесятилетию Свято-Троицкой семинарии. 1948–2003 гг. / Под редакцией митрополита Лавра; Сост.: К.В. Глазков, В. Гомартели, В. Филипьев. – Джорданвилль, 2003. – С. 3.

36. Цуриков В., диакон. К вопросу об архивном наследии зарубежного православии. – Новый журнал-New Review. – Нью-Йорк, 2005. – № 241. – С. 312.

37. Попов А.В. Архивное наследие зарубежного православия // Там же. – 2005. – № 239. – С. 158–173.

38. Колесников А.М. Свято-Троицкий монастырь в США // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. – Сан-Франциско, 1966. – С. 57–58.

39. Дмитровский-Байков Н.И. Русские в Квинсленде. Первый православный храм в Австралии // Австралиада. Русская летопись. – Сидней 1996. – С. 57–58.

40. Косицын Г. Алексеевичи… // Австралиада. Русская летопись – 1997. – № 14. – С. 31–36.

41. Букреев А.И. Указ. соч. – С. 94.

42. Дмитровский-Байков Н.И. Русские в Квинсленде. Возведение нового храма в Брисбене // Австралиада. Русская Летопись. – Сидней, 2001. – № 29. – С. 1.

43. Доманский Ю.М. Библиотека при Св. Петро-Павловском соборе в Сиднее // Там же. – 1995. – № 5. – С. 13–14.

44. Там же. – С. 14.

У. Миллер

«РУССКИЕ КОРНИ» ИЗРАИЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК

Миллер Ури – профессор истории, Иерусалим.

Русская книга, несомненно, сыграла очень существенную роль в истории культуры Эрец Исраэль[1] и Государства Израиль. И это утверждение есть констатация вполне очевидного факта. Думается, нижеследующая информация явится его убедительным доказательством.

Первая публичная

В основу первой публичной библиотеки, возникшей в 1886 г. в Эрец Исраэль с началом первой алии[2] (и положившей начало ныне знаменитой на весь Израиль тель-авивской городской библиотеке «Шаар Цион[3]– Бейт Ариэла») яффской библиотеки им. Л.О. Леванды[4] легли книги, которые привезли с собой из России в 1880-х годы первые поселенцы.

Причина, по которой эта библиотека возникла в Яффе, проста. Все попытки открыть во второй половине XIX в. публичную библиотеку в Иерусалиме провалились из-за яростного сопротивления ортодоксально-религи-
озной общины города. Между тем древняя Яффа переживал бурный расцвет, связанный как с наличием здесь единственного в Эрец Исраэль морского порта, именовавшегося «Шаар Цион», так и с активизацией в этот период в городе торговой деятельности, основанной прежде всего на продаже товаров,

1. Эрец Исраэль («Земля Израиля», «Страна Израиля»); – традиционное название исторической родины еврейского народа.

2. Алия (на иврите «восхождение») – переселение евреев на постоянное жительство в Израиль.

3. Шаар Цион» – на иврите «Врата Сиона».

4. Леванда Лев Осипович (1835, Минск – 1888, Петербург) – русско-еврейский писатель и публицист. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/12346

привозимых из Российской империи, и резким ростом числа вновь прибывавших и оседавших в Яффе русскоязычных представителей «первой алии».

На призыв первого директора библиотеки (получившей то же название, что и древний порт) доктора Менахема Штерна откликнулись многие, и вновь созданная библиотека стала пополняться. Уже через пять лет ее фонд составлял около 2 тыс. томов, что не так уж и мало для примерно 5–6 тыс. проживавших к тому времени в Яффе евреев. Библиотека существовала за счет частных пожертвований, как финансовых, так и книжных. Первые годы ее существование не было избавлено от трудностей, но, несомненно, любовь читателей помогала их преодолевать.

Любопытные сведения приводит Е. Хисин, в дневниковой записи от 13 октября 1886 г.: «В последнее лето во всех слоях еврейского населения в Яффе и колониях (имеются в виду первые еврейские поселения в Эрец Исраэль. – *У.М.*) стала замечаться сильная заботливость об общественной жизни… В конце мая, благодаря энергии нескольких молодых людей в Яффе основалась “колониальная библиотека”. Многие охотно согласились, в виде дара или взаимообразно, отдать свои книги в общую библиотеку, и вскоре в ней имелось уже свыше 400 томов. В видах приобретения средств для выписывания разных периодических изданий и покупки новых книг каждый желающий получать книги для чтения и споспешествовать развитию этого благого дела вносит до поры до времени не менее 1,5 фр[анков][5] в месяц. Библиотека имеет много подписчиков, большинство которых колонисты»[6]. Примечательно, что уже пионеры возвращения евреев на историческую родину приезжали туда с значительным количеством книг, чаще всего на русском языке.

Библиотека постоянно переживала финансовые трудности и даже была вынуждена перемещаться с одного места в другое, вплоть до частных квартир, но тем не менее ее фонды постоянно росли.

В 1913 г. библиотека переехала из центра Яффы в Тель-Авив, возникший за четыре года до того подле древнего города, где также долго не могла обрести постоянное место, несмотря на то, что в 1922 г. официально стала центральной городской библиотекой Тель-Авива. Лишь в 1934 г. в ответ на обращение тогдашнего директора библиотеки проф. Генриха Эликума, содержавшее призыв к горожанам найти подходящее место для неуклонно

5. Примерно 40 коп. золотом по курсу того времени; для сравнения: проезд паломника в 3-м классе от Москвы до Яффы через Курск, Киев и Одессу и обратно в ту пору стоил 46 руб. 50 коп.

6. Хисин, Е. Из дневника палестинского эмигранта (1889). Цит. по переизданию: Хисин, Е. Дневник билуйца. – Иерусалим: 1973. – С. 136.

расширявшей свои фонды библиотеки, один из старожилов Тель-Авива, известный сионист и друг Ахад ха-Ама Зеев Глускин передал под библиотеку свой одноэтажный дом в самом центре города, который был надстроен до трехэтажного. С 1936 г. дом стал собственностью «Шаар Цион».

Лишь в 1977 г. библиотека переехала в специально построенное для нее красивое и просторное здание «Бейт Ариэла» в самом центре города возле Тель-Авивского музея на бульваре Шауль ха-Мелех[7], буквально в двух шагах от Тель-Авивского центра исполнительских искусств им. Голды Меир и получила официальное название «Шаар ха-Цион – Бейт Ариэла».

Сейчас в библиотеке, фонды которого составляют около полумиллиона единиц хранения, кроме стандартных для учреждений подобного рода отделов детского и взрослого абонемента, отдела периодики и справочно-библиографического отдела, функционируют такие специализированные отделы, как:

– газетный отдел, содержащий коллекцию газет на иврите с первого издания по сегодняшний день как на бумаге, так и на микроносителях;

– библиотека «Ахад ха-Ам»[8], в которой хранятся как мемориальный кабинет и библиотека Ахад ха-Ама, так и коллекции материалов по истории Эрец Исраэль до образования государства Израиль, еврейских общин в Израиле и Катастрофе европейского еврейства, а также архивы многих видных еврейских общественных деятелей;

– библиотека «РАМБАМ»[9], содержащая около 80 тыс. работ по иудаизму;

– коллекция визуальных материалов (картин, фотографий, открыток, репродукций, рисунков, карикатур, взятых из различных источников и систематизированных по темам);

– библиотека танца, в которой хранятся уникальное собрание книг, журналов и видеокассет по истории всех видов танца от классического балета до народного танца с начала XX в. до наших дней;

– юридическая библиотека, собирающая книги и журналы по юриспруденции и судопроизводству на иврите и иностранных языках;

– библиотека «Графотек», призванная знакомить широкую аудиторию с произведениями искусства.

---

7. Царя Саула (на иврите).

8. Ахад ха-Ам –псевдоним, в переводе с иврита означает «Один из народа»; настоящее имя и фамилия – Ушер Хирш Гинцберг (1856, г. Сквира, Украина –1927, Тель-Авив) – еврейский писатель, философ и публицист. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10335

9. РАМБАМ – сокращение, полного имени Маймонида, еврейского философа, раввина, врача и ученого (1135–1204) – Рабби Моше бен Маймон.

Помимо этого, библиотека «Шаар-Цион – Бейт Ариэла» является также центром самой разнообразной культурной деятельности и мероприятий: литературных кружков, представлений и выставок для детей; лекций по истории, литературе, культуре, искусству; кружков поэзии, прозы, литературного письма, музыки и танца; концертов, поэтических вечеров и выставок. Библиотека руководит деятельностью 25 филиалов, расположенных в самых разных уголках Тель-Авива – Яффе.

Как указывалось ранее, первооснову собрания «Шаар Цион» создали книги, привезенные в Эрец Исраэль в 1880-х годах первыми поселенцами. Естественно, они были в основном на русском языке. Это засвидетельствовал в своих воспоминанях Вениамин Бреннер, чья сестра начала в 1911 г. работать в библиотеке: «Большинство книг были на русском языке и я проводил там все свободное время... Я брал у Любы ключи от библиотеки и читал там все ночи напролет. Днем я жил в Эрец-Исраэль, а ночи проводил в мире русской литературы»[10]. Русскоязычные издания в библиотеке никогда не были «в загоне». Даже в те годы, когда СССР придерживался откровенно антиизраильской политики вплоть до разрыва дипломатических отношений с еврейским государством, библиотека «Шаар Цион» постоянно через страны Запада приобретала книги на русском языке, издававшиеся в Советском Союзе.

Национальная и университетская

История Иерусалимской национальной и университетской библиотеки начинается с 1872 г., когда воложинский раввин Йошуа Хешель Левин через иерусалимскую газету «Хавацелет» обратился с призывом создать хранилище, где «будут собраны все до одной книги нашего народа, а также рукописи, рассеянные по всем четырем концам света». В 1892 г. иерусалимская ложа «Бней Брит»[11] объявила о приуроченном к 400-летию изгнания евреев из Испании открытии библиотеки «Мидраш Абраванель»[12].

10. Ир вэсэфер: сифрият «Шаар Цион – Бейт Ариэла». Город и книга: Библиотека «Шаар Цион – Бейт Ариэла» . Сост. Ахимеир. Иерусалим, 1987. – С. 28 (на иврите). Цит. по: Мазовецкая. Э. Первая публичная библиотека в Эрец-Исраэль / Иерусалимский библиофил: альманах. Т. 2. Иерусалим, 2003. – Т. 2. – С. 71.

11. «Бней Брит» (на иврите – «сыны Завета»; термин, применяемый в еврейской традиции к лицам, исповедующим иудейскую религию) – самая старая (основана в 1843 г.) и одна из наиболее многочисленных еврейских общественных организаций, имеющая отделения (ложи) в 40 странах. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10671

12. Абраванель – фамильное имя еврейской семьи, первые представители которой жили в Испании в начале XIII в. Генеалогически Абраванели возводят себя к

Именно эта библиотека вкупе с влившимися в нее библиотекой им. Моше Монтефиоре[13] и «Библиотекой детей Израиля» (созданной по инициативе Элиэзера Бен-Иехуды[14] на основе его личного книжного собрания) стала ядром будущей национальной библиотеки еврейского народа.

Однако не будет преувеличением сказать, что библиотека так бы и не состоялась, если бы не титанические усилия сионистски настроенного доктора из Белостока члена движения «Ховевей Цион»[15] Иосифа Хазановича[16] (1844, г. Гродно, Белоруссия – 1919, г. Екатеринослав, ныне Днепропетровск, Украина), не только покупавшего на свои деньги книги по иудаике на самых разных языках и призывавшего через прессу последовать его примеру, но переславшего в «Мидраш Абраванель» около 63 тыс. купленных им или полученных от других дарителей книг и документов, из которых 20 тыс. были на иврите. Среди прочего здесь была и и библиотека поэта Иехуды Лейба Гордона[17].

С начала XX в. национальная библиотека начала получать помощь от различных сионистских организаций России и других стран. В 1903 г. видные еврейские ученые разных стран выступили с обращением к каждому еврейскому автору о пересылке в национальную библиотеку обязательного экземпляра своих трудов.

В этот период библиотека пополнилась многими ценными личными коллекциями. В 1917 г. русские сионисты приобрели для библиотеки

потомкам династии царя Давида, прибывшим на Иберийский полуостров после разрушения Иерусалима римлянами в 70 г. н.э. Семья Абраванель дала немало выдающихся деятелей в различных областях науки, искусства, политики и т.п.

13. Монтефиоре, Мозес (Моше), сэр (1784, г. Ливорно, Италия – 1885, г. Рамсгейт, Англия) – британский финансист, общественный деятель и филантроп; лидер британского еврейства, оказывал финансовую поддержку развитию Эрец Исраэль. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/12834

14. Бен-Иехуда, Элиэзер (Перельман, 1858, м. Лужки, Литва – 1922, Иерусалим, – пионер возрождения иврита как разговорного языка. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10508

15. «Ховевей Цион» (на иврите – «любящие Сион»; в русской традиции – «палестинофилы») – движение, основанное в 1884 г. из разрозненных кружков и групп и явившееся связующим звеном между абстрактной идеей возвращения к Сиону и началом активного политического сионизма. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/14536

16. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/14400

17. Гордон, Иехуда Лейб (Лев Осипович, 1830, Вильно, – 1892, Петербург) – поэт, прозаик, публицист; писал преимущественно на иврите, но также на русском языке и на идиш; был одним из самых страстных поборников просвещения в еврейской литературе России XIX в. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/11265

бесценную коллекцию древних рукописей барона Давида Гинцбурга[18], но до Иерусалима она, увы, так и не дошла: вмешались Первая мировая война и революция в России, после которой большевики запретили ее вывоз. Коллекция по сей день хранится в Российской государственной библиотеке, и Национальной библиотеке удалось только микрофильмировать эти материалы.

В 1920 г. библиотеку, которая стала именоваться «Еврейской национальной библиотекой» и насчитывала более 30 тыс. томов, взяла под свою эгиду Всемирная сионистская организация, а с открытием в Иерусалиме в 1925 г. Еврейского университета библиотека была передана ему и получила название, которое носит по сей день – «Еврейская национальная и университетская библиотека». Благодаря передаче библиотеки университету она стала получать регулярное финансирование из средств университетского бюджета, а, кроме того, в умах евреев диаспоры она стала ассоциироваться с Еврейским университетом, что привело к заметному росту пожертвований. Книжные фонды стремительно росли и в 1935 г. составляли уже 300 тыс. томов, посвященных не только иудаике, но и иным отраслям знаний.

В 1929 г. библиотека разместилась в новом здании кампуса Иерусалимского университета на горе Скопус, которое было возведено на средства, полученные по завещанию Давида Вольфсона[19]; с 1948 г. в ходе Войны за независимость кампус был отрезан от еврейских кварталов города и вновь стал доступен после Шестидневной войны 1967 г. После войны за независимость в Гиват-Раме, на территории Иерусалима, находившейся под израильским суверенитетом, был возведен новый кампус университета, в том числе и здание библиотеки, открытое в 1960 г. С победой Израиля в Шестидневной войне в июне 1967 г. и объединением Иерусалима возобновилась работа университетского кампуса на горе Скопус, где во вновь отстроенном здании разместилась библиотека по общественным и гуманитарным наукам.

Ныне библиотека в качестве главной библиотеки страны комплектует максимально полное собрание книг и других материалов об Израиле и его народе; собирает всю печатную продукцию Израиля[20], а также относящиеся к

18. Гинцбург, Давид Горациевич (1857, Каменец-Подольский, 1910, Петербург) – востоковед, писатель и общественный деятель. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/11190

19. Вольфсон, Давид (1856, м. Дорбяны, Литва – 1914, Хомбург, Германия) – соратник Т. Герцля и его преемник на посту президента Всемирной сионистской организации. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10970

20. Следует признать, что в полном соответствии с расхожей формулой существования в Израиле закона об обязательном экземпляре, увы, компенсируется необязательностью его исполнения, а потому в коллекции Национальной и

Израилю иностранные публикации; ведет библиографический учет всей печатной продукции Израиля; собирает книги, рукописи, периодические и другие издания, которые отражают историю и культуру еврейского народа как на земле Израиля, так и в диаспоре; комплектует литературу на всех языках, которыми пользовались евреи в различных странах и в разное время, а также книги еврейских авторов вне зависимости от места и языка публикации.

Постоянно расширяя свои богатые фонды (около 5 млн. экземпляров книг и периодических изданий, из которых около 125 тыс. – на русском языке; свыше 11 тыс. рукописей, 172 инкунабулы – книг, напечатанных до 1501 г. – на иврите и 140 инкунабул – на других языках, примерно 35 тыс. других редких книг, 11 тыс. карт, 100 тыс. нотных изданий, более 2 тыс. звукозаписей, около 9,5 тыс. микроформ), библиотека придает особое значение пополнению коллекций рукописей и редких книг. Она обладает одним из лучших в мире собраний по иудаистике и гебраистике и одним из самых крупных на Ближнем Востоке – по арабистике и исламу. К сокровищам библиотеки можно причислить коллекцию рукописей на пергаменте и бумаге, насчитывающую более 11 тыс. единиц хранения; одну из лучших в мире коллекцию старинных карт и атласов, подаренную библиотеке Эраном Лаором; коллекцию инкунабул, включающую значительную часть известных на сей день инкунабул на иврите; коллекцию брачных договоров (на иврите – «ктуббот»), насчитывающую около 1 тыс. документов; коллекцию более 400 личных архивов (в том числе Мартина Бубера, Шая Агнона[21], Стефана Цвейга и др.).; самостоятельный архив Альберта Эйнштейна, включающий самое большое в мире собрание рукописей великого физика, а также материалы о нем самом; коллекцию литературы о каббале (20 тыс. единиц хранения), собранную Г. Шолемом[22], и другие коллекции.

В библиотеке функционируют также (не говоря об общепринятых для библиотек такого ранга отделах – справочно-библиографическом, периодики и т.д.) музыкальный отдел с Национальным архивом звукозаписей, где хранятся около 2,5 тыс. записей вокальной и инструментальной музыки

университетской библиотеки имеются досадные лакуны, в том числе и в русскоязычном фонде.

21. Агнон, Шмуэль Иосеф (псевдоним; настоящая фамилия Чачкес; 1888, г. Бучач, Украина –1970, г. Гедера, Израиль) – израильский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10069

22. Шолем, Гершом (Герхард, 1897, Берлин, 1982, г. Иерусалим, Израиль) – ученый в области иудаики, основатель современной науки о каббале и еврейской мистике. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/14881

различных этнических групп Израиля; созданный по инициативе Д. Бен-Гуриона[23] в 1950 г. Институт микрофильмирования еврейских рукописей, в котором хранятся микрофильмы 46 тыс. кодексов и около 200 тыс. фрагментов из фондов национальных, университетских, монастырских, общедоступных и частных библиотек всего мира.

В 2007 г. Кнессет (парламент) Израиля принял Закон «О Национальной библиотеке», согласно которому Национальная библиотека должна быть отделена от Иерусалимской университетской библиотеки в самостоятельное (как организационно, так и физически) учреждение.

Русская библиотека в Иерусалиме

Приезд в конце 1980–1990-х годов почти 1 млн. репатриантов из стран бывшего СССР, для которых русский язык является либо родным, либо активно используемым вторым языком, не мог не сказаться на тенденциях культурного развития государства Израиль. Русский язык начал постоянно звучать в любой точке страны. Причина кроется в том, что уровень владения государственным языком (ивритом) значительнейшей массы новых репатриантов не может быть признан удовлетворительным. Эта ситуация контрастирует с данными исследований, проведенных среди репатриантов из СССР, приехавших в 1970-е годы, которые показали, что их языковая абсорбция прошла относительно быстро и успешно. Однако несмотря на успешность языковой абсорбции «алии семидесятых», большинство репатриантов и десятки лет спустя после прибытия в страну дома говорят по-русски, используя иврит преимущественно на работе и при чтении газет. Важно и иное: более гибкой стала базисная концепция культурного развития страны. Тотальная теория «плавильного котла» если не капитулировала, то потеряла свой абсолютный характер и постепенно начала приходить к признанию права на существование, изучение и развитие культурного наследия отдельных еврейских субэтносов и общин. Справедливо отмечено, что «несмотря на все приложенные усилия, идеология ивритского монолингвизма не выдержала испытания временем»[24]. Так, после практического остракизма и уничижения первых десятилетий существования

23. Бен-Гурион, Давид (Грин, Давид Йосеф, 1886, г. Плонск, Польша 1973, г. Тель-Авив) – лидер еврейского рабочего движения в подмандатной Эрец Исраэль, первый премьер-министр Государства Израиль. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10502

24. Хеймец Н., Эпштейн А. Языковая палитра современного Израиля // Евреи Евразии (Информационно-аналитическое издание Евроазиатского Еврейского Конгрес-
са). – 2003, № 3–4 (http://www.eajc.org/publish_print_r.php?id=43)

государства стал постепенно возрождаться интерес к идишу – родному языку восточноевропейского еврейства, внесшему свой значительный вклад в мировую культуру (достаточно вспомнить писавших на нем Шолом-Алейхема, Ш.Й. Агнона, И. Башевиса-Зингера[25], Менделе Мойхер-Сфорима[26]…) А приезд в течение весьма ограниченного промежутка времени столь значительного числа носителей русского языка привел к «общественной реанимации» важнейшей роли русского языка и русской культуры в истории Израиля. Это все чаще стало озвучиваться многими ведущими представителями израильской культуры, к примеру, Амосом Озом[27], Меиром Шалевом[28].

Именно в этих обстоятельствах в 1990 г. титаническими подвижническими усилиями в прошлом московского библиотекаря Клары Эльберт в Иерусалиме была основана русская библиотека, ядром которой стали личные книги ее основательницы. И по сей день фонды библиотеки, ныне составляющие более 100 тыс. единиц хранения (из которых около 3 тыс. хранятся в фонде редкой книги), пополняются в основном благодаря частным библиотекам и дарителям.

Начавшись в одной крохотной комнатушке, библиотека сменила несколько мест, но переезды не могли остановить ее развитие. Сейчас она в конце концов получила от иерусалимской мэрии просторное помещение в большом здании, расположенном на примыкающей к городскому рынку одной из самых оживленных и популярных улиц города.

---

25. Башевис-Зингер, Ицхак (1904, г. Леончин, Польша, – 1991, Майами, США) – еврейский писатель, критик и журналист, лауреат Нобелевской премии. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/10453

26. Мойхер Сфорим, Менделе (Мохер Сфорим, Менделе – псевдоним, настоящее имя: Шалом Яаков Бройде, по паспорту Абрамович, Соломон Моисеевич; (1835?, м. Копыль, Белоруссия – 1917,. Одесса) – писатель, основоположник новой еврейской классической литературы. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/12711

27. Амос Оз: «Мои корни покоятся в русской почве» (Интервью). // Книжное обозрение». – М., 2006. – 2 октября. Оз, Амос (1939, Иерусалим) – израильский писатель, неоднократный номинант на Нобелевскую премию. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/13051 Желающим убедиться, что утверждение писателя – не просто реверанс, и одновременно остро почувствовать атмосферу эпохи становления Государства Израиль настоятельно рекомендую прочесть его последнее сочинение – «Повесть о любви и тьме» (М.: 2006; пер. с иврита В. Радуцкого).

28. Меир Шалев: «Я вышел из гоголевской «Шинели»» (Интервью). // «Лехаим», 2007. – декабрь, № 12 (188) (Шалев, Меир (1948, Иерусалим, Израиль) – израильский писатель. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/14717

Ныне Иерусалимская русская городская библиотека, в фондах которой уже немало поистине уникальных изданий[29], включает в себя отделы художественной литературы, детской книги, периодики, редкой книги им. Иды Мильгром[30], правозащитный отдел им. академика Андрея Сахарова, созданный при участии Е.Г. Боннер и московского «Мемориала», отдел «Еврейское национальное движение в СССР» им. Юрия Штерна[31], физико-математический отдел им. профессора Исаака Яглома[32], библиотеку искусств им. Соломона Михоэлса, библиотеку истории и философии им. Ханы и Бориса Вассерманов[33].

Библиотека поддерживает книгообмен с такими крупнейшими книгохранилищами, как московские Российская государственная библиотека и Библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, петербургская Российская национальная библиотека, парижская Тургеневская библиотека и т.д. Кроме того, библиотека выполняет функции всеизраильского книжного коллектора, рассылая по библиотекам разных городов собранные книги. Фондами библиотеки пользуются около 3100 держателей семейных абонементов, а ежедневно ее посещает не менее 150–200 человек.

В библиотеке действуют литературный театр «Звучащая книга» и клуб библиофилов. Наконец, библиотека уже давно является местом экспозиции работ русскоязычных мастеров живописи, скульптуры и прикладного искусства, что добавляет еще один штрих к общей палитре ее вклада в израильскую культуру.

---

29. Пути истории поистине непостижимы: в библиотеке хранится экземпляр сборника еврейских законов о браке и семье со штампом… гитлеровской рейхсканцелярии.

30. Мильгром, Ида Петровна (1908, г. Балта, Украина – 2002, Иерусалим) – активистка еврейского национального движения в Советском Союзе, мать активиста ныне израильского общественного и политического деятеля, депутата Кнессета и члена нескольких израильских правительств Натана (Анатолия) Щаранского.

31. Штерн, Юрий (1949, Москва, 2007, Иерусалим) – активист еврейского национального движения в Советском Союзе, израильский общественный и политический деятель, депутат Кнессета.

32. Яглом, Исаак Моисеевич (1921, Харьков, 1988, Москва, Россия) – математик и педагог.

33. Вассерман, Борис Самойлович (1901, г. Рига, Латвия – 1993. Иерусалим,) – библиофил, передавший Иерусалимской русской библиотеке часть своего собрания и оказывавший ей материальную помощь; окончил гимназию в Петрограде и исторический факультет Фрайбургского университета, где защитил докторскую диссертацию; в 1934 г. после кратковременного заключения в нацистском концлагере сумел не только выехать в Эрец Исраэль, но и с угрозой для жизни вывезти свою прекрасную библиотеку; был одним из руководителей Банка Израиля.

А ныне, набрав силу и энергию роста, Иерусалимская русская библиотека полна новых планов, и, пожалуй, самый впечатляющий и важный из них – создание сводного каталога всех русскоязычных изданий, увидевших свет в Эрец Исраэль и Государстве Израиль. Трудно переоценить важность подобного проекта и трудоемкость и длительность процесса его реализации. С первыми результатами интересующиеся могут ознакомиться уже сейчас во Всемирной сети (см.: «Указатель книг, изданных на русском языке в Израиле», включающий около 5500 изданий. – http://www.isrusbook.com/), а нам остается лишь пожелать его создателям полного успеха и постоянных радостных открытий.

То, что волны алии из той или иной страны, достигавшие Земли Обетованной в разные периоды Новейшей истории, приносили с собой плоды культуры тех стран, где они доселе обитали, не только не удивительно, но и естественно. Любопытно иное. Если алия из Германии (в целом приехавшая в Эрец Исраэль хронологически компактной группой и составившая костяк «пятой алии») может по праву гордиться (помимо всего прочего) своим всемирно известным детищем – Технионом (Хайфским политехническим институтом)[34], то несколько волн «русской» алии на протяжении своей более чем 120-летней истории принесли сюда (наряду с другими достижениями) свои уникальные дары – две библиотеки: первую публичную и первую русскую; два театра: самый старый, заложивший основы национального профессионального театрального искусства – прославленную «Габиму»[35], и самый молодой, но уже снискавший широкое признание как в Израиле, так и во всем мире – «Гешер»[36]; и первую и по сей день крупнейшую в Израиле книготорговую сеть «Стеймацкий». Кто знает, быть может, в этих «вкладах в

34. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/14098

35. «Габима» (на иврите «сцена») – ивритоязычная театральная студия, созданная в 1917 г. в Москве Н. Цемахом и взращенная Е.Б. Вахтанговым; часть труппы которой после гастролей по Европе и США уехала в Эрец Исраэль, став ядром и основой национального театра Израиля. Подробнее см. : http://www.eleven.co.il/ article/10998; Иванов, В.В. Русские сезоны театра Габима. – М., 1999.

36. «Гешер» (на иврите «мост») – израильский театр, основанный в 1990 г. учеником Г.А. Товстоногова режиссером Е. Арье, в труппу которого вошли актеры — новые репатрианты из бывшего Советского Союза; начав свою деятельность как русскоязычный сценический коллектив, «Гешер» стал поистине израильским театром, в труппу которого влились выходцы из разных стран и коренные израильтяне и который с неизменным успехом гастролировал и участвовал в театральных фестивалях во многих странах. Подробнее см.: http://www.eleven.co.il/article/11156

общий котел» есть некая закономерность, отражающая определенные особенности менталитета каждого из «доноров»?

Литература

1. Бокман, Г. На полках отдела редких книг Русской библиотеки в Иерусалиме. В: Иерусалимский библиофил: альманах. Т. 1. Иерусалим, 1999. – С. 97–106. (Интернет-версию см.: http://62.0.35.69/il4u/almanach/1/3-f.html)

2. Золотова, Н.Ю. Еврейская национальная и университетская библиотека в Иерусалиме // *Библиотеки за рубежом*. Москва, 2001. С. 150–164.

3. Ильина, Е. История русского еврейства в автографах // *Иерусалимский библиофил: альманах*. Т. 3. – Иерусалим, 2006. С. 236–237.

4. Мазовецкая. Э. Первая публичная библиотека в Эрец Исраэль // *Иерусалимский библиофил: альманах*. Т. 2. – Иерусалим, 2003. – С. 65–77. (Интернет-версию см.: http://62.0.35.69/il4u/almanach/2/7.html)

5. Мельник И. Еврейская национальная библиотека в Иерусалиме. Звенигородка, 1901.

6. Улановская М. Еврейская национальная библиотека и ее еврейские корни: (Заметки библиотекаря) // Иерусалимский библиофил: альманах. Т. 1. – С. 6–94. (Интернет-версию см.: http://62.0.35.69/il4u/almanach/1/3-f.html)

7. Эльберт, К., Коган, И. Указатель изданий на русском языке, вышедших в Израиле: (Проект Иерусалимской русской библиотеки) // *Иерусалимский библиофил: альманах*. Т. 3. – С. 461–462.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Р.Н. Клейменова

МУЗЕЙ В.И. ДАЛЯ

Клейменова Раиса Николаевна – кандидат филологических наук, директор музея В.И. Даля, ученый секретарь Общества любителей российской словесности.

В Москве на Большой Грузинской, д. 4/6 находится музей В.И. Даля. Перед ним – огромное старое дерево, которое, говорят, сам Владимир Иванович Даль сажал. На установленной в 1992 г. мемориальной доске старого особняка с резными деревянными крылечками написано: «Памятник истории. В этом доме в 1859–1872 гг. жил и работал Владимир Иванович Даль, лексикограф, этнограф, писатель, создатель “Толкового словаря живого великорусского языка”. Охраняется государством».

В настоящее время хозяином Дома Даля, кроме музейных комнат, является издательско-торговый центр «Марка» Федерального управления почтовой связи при Министерстве связи российской Федерации, за счет средств которого Дом поддерживается в хорошем состоянии.

В.И. Даль по отцу – датчанин, по матери – немец и француз, но по образу мыслей и вкладу в русскую культуру – великий россиянин, русский человек. Сам он сказал так: «Ни призвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности… Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски». При этом владел немецким, французским, английским, украинским, белорусским, польским, говорил по-татарски, башкирски, казахски, читал по-болгарски и сербски, отлично знал латынь.

Дом на Б. Грузинской был счастливым для Владимира Ивановича. Здесь он подготовил к изданию первое полное собрание сочинений в восьми томах (1861), сборник «Пословицы русского народа» (1862), завершил труд всей своей жизни – «Толковый словарь живого великорусского языка».

Счастлива судьба и самого деревянного двухэтажного особняка, построенного в 1780 г. князем М.М. Щербатовым (автором семитомной «Истории Российской от древнейших времен» до начала XVII в.). Прожил в нем М.М. Щербатов до своей смерти в 1790 г. Деревянный особняк чудом сохранился во время пожара 1812 г. А в 1859 г. С.Т. Аксаков помог В.И. Далю приобрести его в собственность. В том же году Владимир Иванович выходит в отставку, переезжает из Нижнего

Новгорода в Москву и селится здесь с семьей.

В.И. Далю понравилась местность, где находился особняк. Стоял он на небольшом холме, откуда открывался прекрасный вид на Пресненские пруды и поле. Этот дом с колоннами, высокими окнами и террасой возвышался над всей местностью. За домом был разбит парк,
доходивший до нынешней Садово-Кудринской улицы. Вековые липы этого парка сохранились до наших дней.

Кабинета в доме Даля не было, он любил работать на людях, в гостиной. В большой комнате рядом с его столом – рабочий стол жены и тут же – обеденный. Ребята в гостиной, они громко разговаривают, смеются, шалят, но это ему не мешает. Сначала это были дети, потом – внуки (словарь делался почти полвека!) Ему легче работалось, когда за его же столом, напротив. сидели дети с тетрадками и делали уроки. «Весь словарь был написан под разговоры и игры», – вспоминает внучка Даля Ольга Платоновна Вейс.

Дом уцелел и в революционных событиях начала XX в. А во время Великой Отечественной войны рядом с домом упала фашистская фугаска, но не взорвалась. Когда саперы ее обезвредили, то оказалось, что она начинена вместо взрывчатки песком, и чья-то добрая, дружеская рука вложила туда чешско-русский словарь.

К 1960-м годам здание пришло в ветхое состояние, уже мало кто помнил, что это Дом Даля, над зданием нависла угроза сноса. Министерство геологии, так в то время называлось Министерство природных ресурсов, предложило построить на этом месте музей геологии. Но общественность сумела отстоять Дом Даля. Сейчас здание выглядит по-другому, при его реставрации использовали чертежи сына Даля – Льва Владимировича – архитектора, который обновил его еще в 70-е годы XIX в.

Убраны колонны, терраса, сохранены резные орнаменты на фронтоне здания, три входа с нарядными крылечками, оконные проемы, цоколь, узорчатые кронштейны, паркет из цветного дерева, печи, облицованные керамикой с живописными узорами. Дом очень привлекательно смотрится, перед ним газон, две красавицы-ели.

В 1971 г. реставрация была закончена.

И только в 1981 г. под давлением общественности в связи со 180-летием со дня рождения ученого было дано поручение Красно-пресненскому отделению МГО ВООПИиК при поддержке Института русского языка АН СССР и Государственного литературного музея в двух комнатах создать музей В.И. Даля. Благодаря «Культпросвету» появилась и бесплатная реклама музея.

Музейная экспозиция для посетителей была открыта 12 октября 1986 г. Она состоит из стендов, посвященных истории Дома; основным датам жизни и деятельности В.И. Даля; музею в Луганске, где он родился; местам,

где он работал; его достижениям в различных видах деятельности (моряк, врач, чиновник, один из организаторов Географического общества, издатель учебников, ученый). Есть стенды, где В.И. Даль представлен как лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», писатель, этнограф. Фотовоспроизведен портрет Владимира Ивановича художника В.Г. Перова. На портрете он носатый, с умными серыми глазами. А в жизни был – физически крепким, с умелыми руками мастерового: он и табурет сколотит, и книжку переплетет, и модель корабля соорудит, и борону починит, и тончайшее украшение из стекла изготовит.

В витринах помещен «Толковый словарь живого великорусского языка» (М., 1912–1914); сборник «Пословицы русского народа» (М., 1957); «Полное собрание сочинений» в десяти томах (СПб.; М., 1897); материалы, посвященные 200-летию празднования со дня рождения В.И. Даля; фольклорные сборники народов мира, подаренные А.Ф. Чистяковым. Особое внимание уделено витрине с книгой из библиотеки Далей («Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» с иллюстрациями А.П. Сапожникова. 1844) и с фотографиями из семейного альбома, подаренными правнучкой писателя – О.В. Станишевой. В открытом доступе представлены словари, сборники сочинений, Словарь 1955 г. издания, в запасниках имеется первое его издание. Выставлены три картины М.Л. Харитоненко, посвященные его трем встречам с А.С. Пушкиным, портрет Владимира Ивановича кисти Н. Генкиной.

Имеется в музее и копия иконы Космы и Дамиана. Лев Владимирович Даль участвовал в строительстве храма Космы и Дамиана в Нижнем Новгороде, для которого была написана эта икона с ликами Пушкина и Даля (Пушкин указывает на небеса, а Даль – на землю). В 30-е годы XX в. храм был снесен. Икона хранится в Петербурге в Музее истории религии.

О вероисповедальной стороне жизни Даля написано очень скупо. Известно, что он перевел Апокалипсис, занимался переложением первых книг Библии на простонародный язык. В преклонном возрасте на какое-то короткое время увлекся спиритизмом и продолжительное время – сведенборгианством (мистическим учением о контактах с потусторонним миром, ясновидением, духовидением). Следуя семейной традиции, Даль был лютеранином. Незадолго перед смертью принял православие.

Под стеклом, в отдельных рамках, – высказывания писателей и видных деятелей науки и культуры о словаре Даля, о русском языке. Представлены конверты и марки, выпущенные к юбилею ученого в 2001 г. издательско-торговым центром «Марка», буклет «Золотое звено Владимира Ивановича Даля», вышедший в свет в 1995 г.

При музее работает Научно-методический совет под руководством доктора филологических наук Г.А. Богатовой (Институт русского языка РАН), собирается актив из студенческой молодежи, в ее среде ведется работа по подготовке экскурсоводов. В музее можно посмотреть телевизионный фильм о В.И. Дале. В Учебно-педагогическом колледже № 5 в 1998 г. прошли первые Далевские чтения.

В настоящее время жизнь музея тесно переплетается с деятельностью Общества любителей российской словесности (ОЛРС), начавшего свою работу в 1992 г. ОЛРС пытается продолжить традиции Общества любителей российской словесности, существовавшего при Московском университете в 1811–1930 гг. и способствующего своему члену – В.И. Далю – в издании словаря.

Заседания Общества любителей российской словесности, посвященные проблемам языка, обычно проходят в нашем музее. Например, И.А. Ширшов представил «Толковый словообразовательный словарь русского языка», над которым он работал более 20 лет. Л.К. Чельцова познакомила с новым полным академическим справочником «Правила русской орфографии и пунктуации», подготовленным Орфографической комиссией Института русского языка РАН. Эти работы вызвали бурное обсуждение. Пришли к выводу, что справочник по орфографии нуждается в дальнейшей доработке. Хотелось бы, чтобы в музее читались лекции по проблемам языка, фольклора для учащихся и преподавателей с целью повышения их квалификации.

На заседаниях Научно-методического совета музея, куда приглашаются все желающие и прежде всего члены ОЛРС, мы обсуждаем текущие дела и устраиваем презентацию подаренных книг, часто сопровождающуюся выступлениями авторов и составителей. Так, Ю.М. Медведев представил «Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка», составленный по словарю В.И. Даля, ценность которого заключается в подборе иллюстраций к словам, уходящим из употребления. Писатель А. Смирнов познакомил со своей книгой «Дар Владимира Даля», признанной лучшей книгой для детей в 2006 г. Издательство «Флинта» подарило музею несколько книг, в том числе книгу В.Д. Бондалетова «В.И. Даль и тайные языки в России».

В музее, хотя и медленно, но проводится работа по обновлению экспозиции. Со временем обязательно будут отдельные стенды, посвященные Далю – моряку, врачу, чиновнику, члену Географического общества. Уже вывешена географическая карта царской России с указанием мест, где он бывал. Мы начали собирать материалы, посвященные лауреатам медали «В.И. Даль» – составителям словарей, исследователям его наследия и собирателям сказок,

пословиц, поговорок, загадок, народных примет.

Налажен контакт с музеями в Луганске и Евпатории, с Луганским землячеством в Москве, с Институтом Русского языка РАН.

Мы находимся в постоянном контакте с Луганским педагогическим университетом им. В.И. Даля. Его сотрудница – И.Л. Юган – защитила диссертацию по Далю, сейчас подготовила самую полную из имеющихся библиографию. В Луганске ежегодно проходят Далевские чтения. А в Москве в 2006 г. была проведена первая научная конференция. В 2008 г. на конференции «Сколько слов в русском языке?» рассматривались проблемы подготовки, издания и популяризации словарей. Тогда же было принято решение ходатайствовать о создании всероссийского праздника «Дня словарей и энциклопедий» 23 ноября в день рождения ученого. По этим двум конференциям подготовлен сборник «Владимир Даль на Пресне», куда вошли статьи о доме, о предках и потомках Даля, о значении словаря для подготовки современных словарей. Большая работа по изучению наследия ученого ведется в Оренбурге, Иванове и Петрозаводске. Петрозаводский университет проделал уникальную работу: в электронном виде подготовил полное собрание сочинений писателя в старом написании. И теперь появилась надежда, что собрание сочинений все-таки будет издано. В день смерти ученого 4 октября на Ваганьковском кладбище служится панихида, а в день рождения – проводятся заседания или конференции, посвященные проблемам словарей, русского языка и всем вопросам, связанным с именем Даля.

Одна из главных наших задач – это установка бюста Владимира Ивановича рядом с домом. Мы направили письма в Правительство Москвы и Мосгордуму. Было принято решение Мосгордумы о проведении конкурса на памятник и выделении 10 млн. руб. В отделе культуры правительства Москвы уточнили, что средств на проведение конкурса не будет до 2010 г. В настоящее время есть проект бюста, сделанный Ильей Мишаниным. На его установку потребуется около 300 тыс. руб. Так что дело за малым – найти эти средства и представить проект на утверждение Правительства Москвы.

Задачи для работы Музея часто ставят его посетители. Например, такой вопрос: В словаре Даля 200 тыс. слов, а на самом деле, сколько слов в русском языке? В явились утверждения, что й язык намного богаче русского, так как в нем 650 тыс. слов, в другой статье называлась цифра даже в 1 млн. Ответим на этот вопрос словами академика О.Н. Трубачева: «Русская лексикография идет своим путем, не повторяя западноевропейский опыт. В то время как там нередко история и этимология слов, как, впрочем, и лексика народных говоров, бывают слиты воедино с лексикой

современного литературного языка, у нас существует традиция трактовать все эти аспекты раздельно. Это я говорю единственно для того, чтобы нас морально не угнетала цифра 450 тысяч словарных статей оксфордского словаря английского языка. В сумме всех разновидностей (этимологические, исторические, диалектные, толковые словари) и русская лексикография наберет не меньше».

К сожалению, работа музея не финансируется в необходимых размерах, а потому его завтрашний день так и остается неясным.

Из бесед со школьниками, преподавателями, отдельными посетителями все больше убеждаемся, как важен наш музей, как он нужен. Слово В.И. Даля, собранные им пословицы, поговорки, песни, загадки позволяют гораздо легче объяснить смысл человеческой жизни, ее предназначение. Главное, посетители начинают лучше понимать (особенно, когда речь идет о детях), как важно чувствовать его противостоять мерзости «телеканализации».

В.В. Леонидов

ВОЗВРАЩЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А.П. БУДБЕРГА

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом библиотеки Российского фонда культуры.

В марте 2009 г. в Доме русского зарубежья в торжественной обстановке состоялась передача в дар России Библиотеки имени Алексея Петровича Будберга. Дар преподнесли Общество русских ветеранов Великой войны и Объединение кадет Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. Это событие широко освещалось в прессе и на телевидении. Библиотека насчитывает более 18 тыс. уникальных книг, журналов, изданий по русской истории, военному делу, томов художественной литературы. Значительная часть этих изданий появилась и в России. Русские эмигранты собирали эту библиотеку на протяжении 80 лет.

Общество Русских ветеранов Великой войны (так называли Первую мировую) возникло в Сан-Франциско в мае 1924 г. Создали его офицеры, лишившиеся Родины из-за Гражданской войны. Оказавшись за океаном они всеми силами пытались сохранить память о России для своих детей и внуков.

Общество выкупило дом на Лайон Стрит, где до сих пор по средам проходят встречи его членов.

Там отмечали праздники, устраивали благотворительные балы. Пожалуй, этот центр в Сан-Франциско стал одним из самых ярких очагов русской культуры в изгнании.

Через год возникла библиотека. Офицеры, члены их семей, многочисленные эмигранты из России, дарили ей свои книги. А спустя
20 лет библиотека стала носить имя первого и многолетнего председателя Общества генерала Алексея Петровича Будберга – человека, чье мужество, верность долгу и стремление поддерживать нуждающихся служило примером для окружающих. Именно таким вошел в историю барон Будберг фон Беннинхгаузен фрайхер фон Зеннен. Такова его полная фамилия.

Родился Алексей Петрович 21 мая 1869 г. в семье офицера – немца по национальности, обрусевшего представителя старинного дворянского рода. Сомнений в выборе жизненного пути у Алексея Будберга не было: Кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевская академия Генерального штаба. Дальше он сам выбрал службу на Дальнем Востоке при штабе Приамурского военного округа. В этих суровых краях Алексей Петрович провел 19 лет. Человек острого аналитического ума, он беспрерывно вступал в конфликты с руководством, не желавшим предпринимать какие-либо серьезные меры для совершенствования структуры вооруженных сил. Но его храбрость, железная выдержка и умение принимать решения в трудных условиях Китайского похода и Русско-японской войны не могли остаться незамеченными. В 1910 г. Будбергу наконец присваивают звание генерал-майора.

Первая мировая война не сразу принесла ему лавры. Будучи начальником штаба 10-й армии Алексей Петрович вступил в очередной конфликт с командующим армии генералом Сиверсом, и после разгрома их частей они оба лишись своих постов.

Затем последовали ранения, Георгиевское оружие за храбрость, звание генерал-лейтенанта, затем – развал армии и отставка.

Он уехал на Дальний Восток. Во время всеобщей смуты его вызвал к себе в Омск Колчак. Он высоко ценил деловые качества Алексея Петровича и назначил его военным министром. Однако ход событий уже был предрешен, и никто изменить его уже был не в силах.

Будберг сумел уцелеть, сначала попал в Японию, затем перебрался в США. Авторитет его в среде военной эмиграции был непререкаем, и о другой кандидатуре на пост председателя Общества не могло быть и речи.

Общество русских ветеранов Великой войны он возглавлял 20 лет, до самой кончины в 1945 г. Много писал, ездил по Америке с лекциями, участвовал в благотворительной деятельности. Издал несколько книг, брошюр, был бессменным редактором «Вестника Общества». Через полгода после победы над нацистской Германией Алексей Петрович ушел из жизни и

был похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Библиотеку, конечно, можно назвать его детищем. Первые 300 томов он подарил из своего личного собрания. Иногда в соответствии с уставом Общества редкие русские книги покупались на аукционах и в букинистических магазинах. Порой приобретали и советские издания. Это была настоящая народная библиотека, пример просветительства в полном смысле этого слова. Книги дарились, доставались. То, что с великом трудом было привезено из пылающей и голодной России, передавалось в библиотеку, при которой действовали кружки, работала школа. За тысячи километров от России возник подлинный русский духовный центр.

Среди особых раритетов библиотеки – роскошные издания в заказных кожаных переплетах из библиотек Зимнего, Павловского, Александровского дворцов. Множество и других уникальных книг, среди которых – знаменитый «Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века», сочинения Ключевского, Соловьёва, Костомарова. И, конечно, огромная и не имеющая себе равных коллекция трудов, посвященных военной истории и событиям Гражданской войны. Полные комплекты «Архива русской революции», «Белого архива», «Белого дела», собрание трудов корифеев русской военной мысли – генералов А.В. Геруа, Н.Н. Головина, П.Н. Богдановича, полная подборка всех книг генерала Деникина.

Естественно, огромное место занимал и раздел периодики. Причем значительное количество этих изданий на территории самой России никогда не существовало, например газеты «Суворовец», выходившей в Аргентине, или шанхайского «Журнала для женщин». В библиотеке были также собраны практически все русские военные газеты и журналы, выходившие за пределами Советской России, представлены издания из собрания Будберга: «Русский Инвалид», «Часовой», «Военный сборник», «Русский военный Вестник», журналы полковых союзов, кадетских объединений.

И вот настало время, когда немногие оставшиеся члены Общества русских ветеранов Великой войны и Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско приняли, без преувеличения, историческое решение. После долгих усилий и переговоров, которые вели директор Дома русского зарубежья Виктор Москвин и известный военный историк Игорь Домнин, Совет Общества проголосовал за передачу всей библиотеки России. Туда, где она будет более востребована. Потому что все собиралось именно с целью служить своей стране, сохранить наследие России и передать его новым поколениям.

И, конечно, совсем не случайно библиотека была передана именно в Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына. Сегодня это

действительно ведущий центр по изучению феномена русского рассеяния, судеб миллионов наших соотечественников, продолжающих жить на чужих берегах памятью о России. И теперь ей послужат тысячи книг, которые с такой любовью собирали наши соотечественники за океаном – книг Библиотеки имени генерал-лейтенанта А.П. Будберга.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

АЛТМАН Р.С. ВЕЛИКИЙ КРИЗИС, 2008: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕГРЕСС ДЛЯ ЗАПАДА.

ALTMAN R.C. The Great crash, 2008: A geopolitical setback for the West // Foreign affairs. ± N.Y., 2009. ± Vol. 88, N 1. ± P. 2±14.

Бывший заместитель министра финансов США считает финансовый и экономический кризис 2008 г. наихудшим за последние 75 лет. Кризис нанес серьезный удар по геополитическим позициям США и Европы.

В ближайшем будущем «они не будут иметь ни ресурсов, ни экономического доверия, чтобы играть в глобальных делах ту роль, к которой они привыкли; … усилятся тенденции, подрывающие роль США как мирового гегемона» (с. 2).

Нынешний кризис настолько глубок, что обычные используемые правительствами инструментами – монетарные и фискальные стимулы – будут относительно неэффективны. Более того, кризис поставил под сомнение американскую модель капитализма свободного рынка. Финансовая система находится в коллапсе; регуляционный механизм не смог предотвратить широко распространенные злоупотребления и коррупцию. В поисках стабильности правительства США и некоторых европейских стран национализируют свои финансовые сектора в таких масштабах, что это противоречит принципам современного капитализма. Мир вступает в эпоху, когда роль государства расширится, а роль частного сектора уменьшится.

Резкая рецессия в США и Европе неизбежно вызовет глубокий спад в мировой экономике. Международная финансовая система также подорвана. По оценке МВФ, потери глобальных финансовых институтов, могут составить 1,5 трлн. долл. (с. 7). Из-за нехватки средств выдача кредитов международных финансовых институтов заморожена. Исполнительный директор МВФ Д. Стросс-Кан говорит о надвигающейся «системной катастрофе».

В этих условиях Федеральная система США, Европейский центральный банк и другие центральные банки влили в кредитные рынки суммарно 2,5 трлн. долл. (с. 8). Эти вливания несколько поддержали кредитные рынки, однако возвращения к нормальной финансовой и экономической ситуации не просматривается даже в отдаленной перспективе. Бюджетный дефицит США в 2008 г. достиг 1 трлн. долл., или 7,5% ВВП и достиг уровня, который был только в период мировых войн (с. 9). Мировой кризис затронул все страны мира, но не в равной степени.

В гораздо меньшей мере страдают от кризиса Китай и Индия.

Конечно, Китай испытает определенные трудности со своим экспортом из-за сокращения мирового спроса. Однако его финансовую систему кризис почти не затронул: она не имеет «токсичных активов», которые обрушили банковские системы США и Европы. Бюджет Китая исполняется с профицитом, а внешнеторговый баланс имеет очень большой профицит. Валютный резерв Китая составляет 2 трлн. долл., сбережения китайских семей достигают поразительной цифры – 40% их доходов. Китай с учетом мирового кризиса разработал и осуществляет дополнительный план стимулирования своей экономики на сумму свыше 500 млрд. долл. Экономический рост Китая в 2009 г., по оценке МВФ, хотя и несколько замедлится, но тем не менее составит 8,5% (с. 11). В ближайшие десятилетия ВВП Китая превзойдет ВВП США.

Влияние Китая в мире будет возрастать. Китай и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии заключили соглашение по созданию крупнейшей в мире зоны свободной торговли. Пекин может принять дополнительные меры по укреплению взаимозависимости азиатских стран и своей лидирующей роли в этом регионе.

Индия, возможно, также переживет кризис относительно безболезненно. Она остается еще достаточно закрытой экономикой с точки зрения иностранных инвестиций, поэтому и экономика менее зависима от притока иностранного капитала. Однако Индия не обладает ресурсами и внутренней монолитностью Китая, чтобы укреплять свои геополитические позиции. Она сосредоточена на решении внутренних проблем.

Для остального мира последствия кризиса будут очень серьезными. Ослабевшие западные банки либо резко ограничивают или полностью прекращают кредитование финансовых и деловых структур развивающихся стран. В связи с этим валюты местные банковские системы и рынки стремительно слабеют.

В России падение цен на нефть и другие товары обрушило рубль и рынки акций. Правительство потратило 200 млрд. долл. на поддержку валюты, финансовой системы и крупнейших госпредприятий. Однако, имея 500 млрд. долл. валютных резервов, Россия остается еще достаточно сильной в финансовом отношении. Вместе с тем ей будет трудно в условиях кризиса реализовать свои обновленные геополитические амбиции.

Этот исторический кризис поднимает вопрос о том, нужен ли новый глобальный подход к контролированию валютных рынков, банковских и финансовых систем. Многие экономисты и политические лидеры выступают с такой инициативой.

Но создание полностью нового глобального финансового порядка было бы непродуктивно. Финансовые и валютные рынки слишком
велики и сильны, чтобы их можно

было контролировать. Глобальное финансовое регулирование создало бы, вероятно, больше проблем, чем способствовало бы их решению.

Было бы лучше сконцентрироваться на немногих ключевых мерах. Во-первых, усилить и реорганизовать МВФ. Необходимо увеличить его финансовые ресурсы. В условиях кризиса нужно, чтобы МВФ приостановил обусловленность своих займов (например, перестал требовать от стран-заемщиков сокращения бюджетных дефицитов). Кроме того, страны, обладающие большими валютными резервами – Китай, государства Персидского залива, должны стать более крупными акционерами МВФ.

Во-вторых, такой институт, как Большая восьмерка устаревает. Большая двадцатка – более репрезентативный институт, и его надо использовать на регулярной основе и чаще, чем Большую восьмерку, в которую необходимо включить Китай.

В-третьих, базельские соглашения о регулировании капитализации банков должны быть пересмотрены. В период процветания необходимо создавать резервы («подушки безопасности»), которые можно будет использовать в кризисные времена (с. 14).

В военном отношении США останутся на некоторые время сильнейшей державой мира. Однако глобальные экономические позиции США в ближайшие годы ослабеют, в то время как другие страны и особенно Китай получат шанс усилить свою мощь и роль в мире. Возникает, по выражению Р. Хааса, президента Американского совета по международным отношениям, новый «неполярный мир».

Ю.И. Комар

ЛАМБСДОРФ Й., БЕК Л.
КОРРУПЦИЯ КАК ТОРМОЗ РОСТА.

LAMBSDORF J., BECK L. Korruption als Wachstumsbremse // Aus Politik u. Zeitgeschichte. ± Bonn, 2009. ± N 3-4. ± S. 19±25.

В статье немецких авторов рассматривается воздействие коррупции на экономический рост.

Бытует мнение, что коррупция или злоупотребление властью в личных целях и экономический рост не обязательно исключают друг друга. По мнению некоторых специалистов, коррупция может способствовать росту экономики, поскольку она ускоряет реализацию инвестиций и проектов. Но это упрощенный подход, не учитывающий разностороннее воздействие коррупции на экономическое развитие.

Влияние коррупции на инвестиционные решения в течение длительного времени оценивалось лишь теоретически. До 1995 г. эмпирическая проверка этих результатов не проводилась, поскольку не существовало подходящего индекса. Для оценки феномена коррупции был предложен международный индекс восприятия коррупции (corruption perceptions index, CPI), разработанный организацией «Transparency International». Он показывает по десятибалльной шкале, насколько коррумпированной является та или иная страна (десять баллов – наименее коррумпированные страны, ноль баллов – особенно коррумпированные страны). При расчете страновых индексов учитываются данные различных международных источников, мнения экспертов и сотрудников предприятий о масштабах коррупции и т.д. Все эти оценки сводятся в единый индекс. Выбор источника и объединение данных осуществляется в Университете Пассау.

В 2008 г. CPI определялся для 180 стран. По результатам 2008 г. на первом месте оказалась Швеция с индексом 9,3, у Сингапура – 9,2, у Финляндии и Швейцарии – 9,0. Германия и Норвегия с индексом 7,9 оказались на 14-м месте (с. 19–20). В целом Германия оценивалась как сравнительно свободная от коррупции страна, хотя у нее еще есть резервы для улучшения ситуации.

Останавливаясь на проблеме *административной коррупции*, авторы отмечают, что она сводится к взяточничеству должностных лиц, исполнение которыми служебных обязанностей оплачивается экономическими субъектами. Такие отношения между государственными чиновниками и экономическими субъектами описываются моделью принципал–агент. Государственные служащие (агенты), обладающие большим объемом информации по

сравнению с их заказчиками (принципалами), используют это преимущество к личной выгоде, берут взятки от третьих лиц за передачу заказов, выдачу лицензий или разрешений. Такая коррупция ведет не только к потере веры населения в беспристрастность и надежность государственных чиновников, но и оказывает значительное воздействие на общеэкономическое развитие.

Раньше в теоретической литературе высказывалась мысль о том, что коррупция может оказаться полезной в условиях чрезмерной бюрократизации. Взятка, якобы, помогает обойти бюрократические препятствия. Но это слишком примитивная точка зрения: бюрократию нельзя одолеть взятками, более того, бюрократы создают питательную среду для избыточного регулирования, которое превращается в самоцель. Чем менее прозрачным представляется экономическим субъектам набор правил и законов, тем выше их готовность выполнять дополнительные требования чиновников, чтобы преодолеть существующие препятствия, т.е. давать взятки. Помимо этого, бюрократы принуждают их к дополнительным платежам, замедляя темпы работы. В результате менеджеры в странах с высоким уровнем коррупции тратят больше времени на переговоры с бюрократами, чем их коллеги в менее коррумпированных странах.

Коррупция искажает экономические решения, нанося тем самым вред экономике. Чиновники, принимающие решения, предпочитают инвестиционные проекты, от которых можно ожидать высоких взяток. Например, победа предприятия на инвестиционном конкурсе определяется не качеством проекта, а размером взяток или отношениями с заказчиками. Таким образом, коррупция ведет к реализации неэффективных проектов, которые неполностью удовлетворяют необходимые потребности.

При этом коррупция возрастает с увеличением количества и длительности транзакций, числа вовлеченных сторон. Поэтому капиталоемкие, технологически прогрессивные и сделанные по индивидуальному заказу продукты предпочтительнее независимо от степени их полезности для общества. В то же время трудоемкие проекты, например в области образования и здравоохранения, от которых труднее получить коррупционные доходы, чиновниками всячески игнорируются.

Принципал может ограничивать коррупцию своих агентов только с помощью стимулов и угроз штрафов. Однако поскольку реализация подобных мер требует определенных расходов, принципалы не предлагают контрактов агентам, поведение которых не соответствует правилам, что в конечном итоге может привести к потере необходимых инвестиций.

Наряду с административной, важной составляющей экономической коррупции является *политическая коррупция*. При этом

виде коррупции подкупается не агент, а принципал. Если при административной коррупции правила, определяемые принципалом, нарушает агент, то при политической коррупции злоупотребляет своим положением именно принципал, который, имея необходимую полноту власти, может устанавливать собственные правила, узаконивающие его коррупционные действия. Таким образом, злоупотребления не связываются с юридическими нарушениями, и такой образ действий не расценивается общественностью как нелегитимный или вредоносный. Определить ущерб, наносимый принципалом, трудно. Более или менее могущественные принципалы заинтересованы в минимизации ущерба от коррупции агентов, поскольку последние пользуются ресурсами, принадлежащими коррумпированному принципалу. Иногда правительства пытаются организовать коррупцию как оптимальную налоговую систему, распределяя коррупционную нагрузку в равной мере на все отрасли.

Некоторые специалисты полагают, что коррупционных искажений можно избежать при особенно сильном и коррумпированном режиме – клептократии. Клептократическое правительство может задействовать большие средства для подкупа, и, возможно, использовать свою власть в интересах общества. Например, в 1990 г. в Индонезии внук президента Сухарто попытался извлечь выгоду из нового налога на пиво, производимого его фирмой. В результате сократился поток туристов на курорт Бали, а рост цен на пиво привел к его дефициту. Это заставило Сухарто отменить налог. Пресса объясняла его решение тем, что другие родственники семейного клана были заняты в отельном бизнесе. Этот пример показывает, что сильный принципал, действующий во многих секторах, понимает, что неэффективные действия в одном секторе могут отрицательно воздействовать на другие
отрасли. Поэтому он попытается избегать подобных конфликтов.

Тем не менее обоснованность такой аргументации сомнительна. Даже особенно мощные клептократы вынуждены делить свои права с потенциальными соперниками, а это требует сложной координации действий и может привести к нежелательным последствиям. Кроме того, для принципала процветание экономики таит в себе определенную опасность, поэтому он препятствует получению ресурсов потенциальными соперниками, которые могут использовать их для подрыва его могущества.

Возможности инвесторов для защиты от организованного изъятия их инвестиционных доходов ограничены, поэтому им необходимо оценить степень доверия политическим обещаниям в отношении защиты их собственности. Однако подобные обещания заслуживают доверия лишь тогда, когда политики заинтересованы в их выполнении

или вынуждены это делать. Коррумпированный политик в первую очередь занят собственным обогащением и не упустит выгодную ситуацию из-за ранее данных обещаний. Проблема недоверия смягчается в случае относительно стабильной диктатуры или при стремлении клептократа создать себе репутацию надежного партнера.

Модель принципал–агент также показывает, что коррупция негативно влияет на производительность. Согласно эмпирическим исследованиям на макроэкономическом уровне производительность капитала соответствует соотношению ВНП и общеэкономического совокупного основного капитала. Регрессивный анализ, применявшийся для определения зависимости между коррупцией и производительностью, выявил, что отсутствие коррупции позитивно воздействует на соотношение ВНП и основного капитала и повышает производительность.

Теоретический анализ свидетельствует о том, что инвесторы предпочитают свободные от коррупции страны и не доверяют коррупционным режимам. Коррупция препятствует росту. Распространенное мнение, что она устраняет препятствия для инвестиций, не подтверждается исследованиями, проведенными в рамках модельно-теоретического анализа на основе двух стилизованных моделей коррупции с коррумпированными агентами и коррумпированными принципалами. Особенно сильно коррупция воздействует на импорт капитала из-за отсутствия правовых государственных традиций, подрывая их возможностью купить приговоры суда при том, что правительство не ограничено четкими законами. Этот вид коррупции в первую очередь затрагивает принципала. Кроме того, эмпирически доказано, что коррупции, особенно административной, сопутствует низкая производительность.

Реформы, направленные на искоренение коррупции, должны ориентироваться либо на повышение производительности страны, либо на привлечение иностранного капитала. При этом для реализации первой цели реформированию подвергается общественный сектор, а для осуществления второй – основное внимание уделяется выстраиванию правового государства.

В.И. Шабаева

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2009 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.Н. Бабенко. Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? ..... № 4, с. 44
В.В. Борисенко, А.М. Кулькин. О дилеммах государственного управления в России ..... № 3, с. 19
В.Т. Веденеева. Мигранты на российском рынке труда ..... № 3, с. 45
Е.Я. Виттенберг. От социальной безответственности к социальной ответственности? (Трудный путь российского бизнеса) ..... № 1, с. 81
О.Д. Волкогонова, С.О. Белоусов. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России ..... № 1, с. 46
И.И. Глебова. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в постсоветской России ..... № 1, с. 5
И.И. Глебова. Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен ..... № 4, с. 23
М.К. Горшков. Российская повседневность в условиях кризиса: Социологическое измерение (Десять тезисов) ..... № 4, с. 5
Б.А. Докторович. Развитие социального и человеческого потенциала как ключевая проблема России в XXI веке ..... № 1, с. 71
Д.Б. Дондурей. Кризис и ТВ как фабрика смыслов ..... № 4, с. 89
Л.П. Емельянова. Адаптация соотечественников – переселенцев из-за рубежа (на примере Калининградской области) ..... № 3, с. 73
Д.В. Ефременко. Дуумвират и формирование российской политической повестки ..... № 3, с. 5
Д.А. Мисюров. Символы российских перемен: Варианты имперско-советско-президентской символической модели ..... № 1, с. 59

А.А. Нелюбин. Наркотизация населения России – угроза ее национальной безопасности ..... № 4, с. 77
А.Г. Осипов. Этническая дискриминация: Профили и практика (Пример Ставропольского края) ..... № 4, с. 62
Я.Р. Стрельцова. Трудовая миграция из стран СНГ: Что изменилось? ..... № 3, с. 62
Б.А. Хейфец. Российские ТНК в условиях финансового кризиса ..... № 1, с. 26
В.В. Черникова. Стратегии развития городов – региональных центров условиях демографического кризиса ..... № 3, с. 36

РЕГИОНЫ РОССИИ

М.Е. Николаев. Инновационная Россия на дальневосточном направлении ..... № 1, с. 100
Д.Б. Тев. Власть и недвижимость в Калининграде: Взаимосвязь и политическая выгода ..... № 1, с. 108
Н.В. Шинковская. Опыт и судьба местного самоуправления в Приморской области (конец XIX – начало XX в.) ..... № 1, с. 121

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

А.В. Алексеев. Инновационный процесс и налоговая система России: Кто кого? ..... № 4, с. 169
О.Т. Богомолов. Уроки глобального финансового кризиса ..... № 2, с. 5
Л.Б. Вардомский. Россия и постсоветская регионализация ..... № 3, с. 83
А.Б. Волынчук. Россия в Северо-Восточной Азии: Вектор геополитических интересов ..... № 3, с. 120
О.А. Вусатюк. Современный массовый человек и история (на примере Украины) ..... № 2, с. 73
А.А. Зыков, М.Ю. Шинковский. Россия в системе трансграничного сотрудничества АТР: Поиск пути ..... № 4, с. 98
Т.В. Леженина. Антикризисные программы в странах Восточной Азии ..... № 3, с. 147
Е.Б. Ленчук. Россия в условиях глобальных технологических вызовов ..... № 4, с. 111
Н.К. Меден. Нефть и газ из России: Трактовки энергобезопасности в Германии ..... № 2, с. 34

С.Ю. Никуличев. Россия и страны Африки: Экономические отношения в начале XXI века ..... № 3, с. 135
Л.В. Скворцов. Человек в парадигме цивилизационной истины ..... № 2, с. 50
Е.П. Смирнов. Инновации: На пути к стратегической политике ..... № 4, с. 157
Н.В. Смородинская. Развитый мир против мира офшоров: Кто сильнее? ..... № 2, с. 16
А.Б. Чикалов. Инновационное развитие России, стран «большой семерки» и Китая ..... № 4, с. 147
Н.В. Шелюбская. Создание единого европейского исследовательского пространства и развитие инновационных сетей ..... № 3, с. 108
В.П. Шуйский. Экспертный потенциал интеллектуальных секторов российской экономики ..... № 4, с. 127

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ

Т.Г. Биткова. Постсоветская Россия глазами румынского исследователя ..... № 2, с. 123
Л.М. Светлорусова. Болгарская периодика о России в новом веке ..... № 2, с. 115
Л.Н. Шаншиева. Образ России в учебниках истории стран Балтии. ..... № 2, с. 90
Ю.А. Щербакова. Восприятие России в современной Чехии ..... № 2, с. 101

ЭЛИТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А.В. Дука. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность ..... № 1, с. 136
А.Е. Чирикова. Региональные элиты в современной России: Концептуальные дискуссии и политическая практика ..... № 1, с. 154

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Гордон. Культура партийности и советский опыт историознания ..... № 3, с. 160
Н.Г. Кедров. Коллективизация в северной деревне: К социокультурному осмыслению ..... № 1, с. 232

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.В. Бакустин. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке ..... № 2, с. 175
А.Н. Барковский. СЭВ: Исторический опыт интеграции плановых экономик ..... № 3, с. 181
И.Л. Беленький. О контекстах проекта сборника «Русская наука» ..... № 2, с. 151
С.В. Беспалов. П.Б. Струве о капиталистическом развитии России на рубеже XIX–XX веков ..... № 4, с. 179
Н.Е. Болтенкова. Новые виды лизинга в российской экономике ..... № 4, с. 226
А.В. Буянов. Выборы народных депутатов 1989 г. ..... № 3, с. 187
Н.Д. Ерофеев. Динамика вкладов в сберегательных кассах как показатель политических настроений в России в 1905–1907 гг. ..... № 1, с. 210
В.А. Захаров, А.Г. Арешев. Правовые аспекты грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов ..... № 1, с. 173
М.З. Магомедова. Толерантность и диалог культур в полиэтническом дагестанском обществе ..... № 1, с. 225
А.А. Назукина. Торговля спиртными напитками во время введения казенной винной монополии (Москва и Московский уезд, 1894 г.) ..... № 1, с. 204
Н.Н. Платошкин. Берлин в августе 1961 г.: Установление пограничного режима ..... № 2, с. 162
Л.И. Розенберг. Принцип национального самоопределения и образование независимых государств в Прибалтике (Эстония и Латвия, 1918–1920 гг.) ..... № 4, с. 192
А.А. Сальникова. «Великая», «святая», «далекая»… Первая мировая война в восприятии детей-современников ..... № 2, с. 134
Д.С. Секиринский. «Говорливая революция»: Первый съезд народных депутатов СССР 1989 г. глазами зарубежных современников ..... № 3, с. 195
В.З. Тарантул. Генно-клеточные биотехнологии XXI века и человек ..... № 1, с. 188
Ю.А. Харламова. Российский железнодорожный комплекс: геостратегическое измерение ..... № 4, с. 217

Д.Г. Шкаев. Менталитет молодежи и проблемы социальной траектории в условиях рынка труда ..... № 4, с. 205
Е.В. Якубовская. Отречение Николая II от престола (советская и эмигрантская историография 1920–1930-х годов) ..... № 3, с. 201

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Р. Герра. Несостоявшийся диалог ..... № 4, с. 232
И.В. Корнилова. Василий Филиппович Кудрявцев: Этнограф и просветитель ..... № 2, с. 212
У. Миллер. «Русские корни» израильских библиотек ..... № 4, с. 254
Л.П. Муромцева. Реликвии российской эмиграции в Северной Америке ..... № 3, с. 213
А.В. Попов. Библиотеки Православной Церкви в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и США ..... № 4, с. 240
В.А. Росов. Юрий Рерих: Возвращение в «новую страну» (на материалах Архива внешней политики РФ) ..... № 3, с. 229
В.М. Шевырин. Павел Павлович Рябушинский ..... № 2, с. 205

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И. Покровский. Этические основы политики (Предисловие И.Л. Беленького) ..... № 1, с. 247

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Р.Н. Клейменова. Музей В.И. Даля ..... № 4, с. 266
П.М. Лавринец. Двадцать лет русского культурного центра в Литве ..... № 2, с. 222
В.В. Леонидов. Возвращение Библиотеки им. А.П. Будберга ..... № 4, с. 271
А.Я. Разумов. Центр «Возвращенные имена» ..... № 3, с. 254
Э.В. Соколова. Дом-музей Ф.И. Шаляпина ..... № 2, с. 232
В.Г. Тыминский. Академия наук им. Лейбница (Берлин) ..... № 1, с. 269
П.М. Шульгин. Музей-заповедник «Куликово поле» ..... № 1, с. 260
О.В. Шульгина. Национальный атлас России – визитная карточка страны ..... № 3, с. 248
А.С. Шуринов. Центр по изучению семейно-родовой культуры: Страницы истории и современность ..... № 2, с. 226

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

А.А. Алиев. Ислам и национализм (Исламская парадигма в концепциях современной мусульманской государственности) ..... № 2, с. 187
Алтман Р.С. Великий кризис, 2008: Геополитический регресс для Запада ..... № 4, с. 274
Бефа Ж.-Л., Рагo К. Конец либерально-финансовой модели ..... № 3, с. 256
Ламбсдорф Й., Бек Л. Коррупция как тормоз роста ..... № 4, с. 277

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

№ 2 ..... с. 240
№ 3 ..... с. 262
№ 4 ..... с. 281

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.
Плата за публикацию не взимается

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 3-2009 (64)

Дизайн обложки Г . И . К о з у б о в

Верстка Н . Ю . К о п ы л о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 03.06.2009 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 21,8 Уч.-изд. л. 15,2
Тираж 900 экз. Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9